САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

XXVIII ОТКРЫТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

14–19 апреля 2025 года

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2026
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Полина Игоревна Кондратенко, председатель, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии СПбГУ

Анастасия Алексеевна Бабушкина, сопредседатель, магистрант 1-го курса

Ксения Андреевна Пересыпкина, секретарь, студент 4-го курса

Артем Викторович Андреев, выпускник кафедры математической лингвистики СПбГУ, ООО «ОКТЕТ Лабз» (по согласованию)

Ирина Юрьевна Ганус, первый заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга (по согласованию)

Сергей Александрович Белов, канд. юрид. наук, проф. кафедры конституционного права СПбГУ

Любовь Дмитриевна Бугаева, д-р филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы СПбГУ, куратор направления «Кино|Театр|Текст»

Сергей Александрович Жилюк, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии СПбГУ, куратор направления «Романо-германская филология»

Максим Львович Кисилиер, канд. филол. наук, доц. кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой СПбГУ, куратор направления «От классической филологии до неоэллинистики»

Юлия Юрьевна Мариничева, канд. филол. наук, ст. преп. кафедры истории русской литературы, куратор направления «Литература и фольклор»

Ольга Владимировна Митренина, канд. филол. наук, доц. кафедры математической лингвистики СПбГУ, куратор направления «Общее языкознание»

Александра Витальевна Тоичкина, канд. филол. наук, доц. кафедры славянской филологии СПбГУ, куратор направления «Славистика»

Дмитрий Наилевич Чердаков, ст. преп. кафедры русского языка СПбГУ, куратор направления «Русский язык»

Редакторы:

А. А. Бабушкина, П. И. Кондратенко, К. А. Пересыпкина

(3,8 Мб) **XXVIII Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ, 14–19 апреля 2025 г., Санкт-Петербург:** сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов, прозвучавших на XXVIII Открытой конференции студентов-филологов, которая прошла в апреле 2025 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Тезисы объединены в восемь направлений: «Русский язык», «Литература и фольклор», «Общее языкознание», «Славянская филология», «Романо-германская филология», «От классической филологии до неоэллинистики», «Кино|Театр|Текст» и «Будетляне». Сборник адресован прежде всего студентам и аспирантам (филологам, лингвистам, фольклористам, антропологам, культурологам, киноведам и педагогам), а также широкому кругу читателей.

Языки тезисов: русский, английский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

XXVIII Open Conference for Philology Students at St. Petersburg State University, April 14–19, 2025: The Book of Abstracts.

This book contains abstracts of papers presented at the Open Conference for Philology Students, which was held in April 2025 at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. The abstracts are organized under eight general thematic categories: “Russian language”, “Literature and folklore”, “General linguistics”, “Slavonic philology”, “Romanic-Germanic philology”, “From Classical philology to Neo-hellenistics”, “Cinema|Theatre|Text”, “Budetliane”. The collection is addressed primarily to undergraduate and graduate students (philologists, linguists, folklorists, anthropologists, cultural studies scholars, film scholars, and educators), as well as to a wide range of readers.

Languages of abstracts: Russian, English.

Abstracts are presented in the author’s edition.

Подписано к использованию 16.07.2026
Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22
E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

ИСТОРИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Хайдукова Надежда Владимировна

Проявления мордовского субстрата в русских говорах сел Николаевского района Ульяновской области 28

Величко Ульяна Андреевна

Функционирование форм глаголов прошедшего времени в Стишной редакции Жития Димитрия Прилуцкого (на материале списка РНБ Q.I.1447 конца XVI — начала XVII в.) 29

Мехоношина Мария Михайловна

Формирование словарного состава русского говора с. Лойма Республики Коми (на материале названий женского наряда) 30

Косилова Ольга Александровна

Семантический объем лексемы «нож» в русском языке 31

Моисеева Олеся Алексеевна

Закономерности употребления указательного местоимения «тъ» в качестве личного в Житии Феодосия Печерского 32

Боева Екатерина Андреевна

Потамоним и ойконим «Тим» в курской топонимике 33

Рязанова Алиса Евгеньевна

Морфологическая характеристика имени в Приходной книге г. Томска 1630-х гг. 34

Фесенко Анастасия Павловна

Конструкция типа «суета сует» в русском языке XVIII в. по корпусным данным 35

Якимовская Анна Ивановна

История фразеологических единиц с компонентом-колоративом «красный» 36

Левченко Екатерина Валерьевна

Названия женских причесок в севернорусских говорах (этнолингвистический аспект) 37

Зикеева Алина Алексеевна

О происхождении названия «Пристень» (материалы для «Этимологического словаря Посемья») 38

АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА

Дудина Надежда Владимировна
Школьные сочинения как объект социолингвистического описания 39

Филатова Ксения Романовна
Язык защитных речей Ф. Н. Плевако: стратегия оправдания 40

Ершова Лия Константиновна
Эвфемизация в текстах интернет-сообществ, посвященных психическим расстройствам: табу, цензура и идентичность..... 41

Коврегина Галина Валерьевна
Речевой портрет В. Хлебникова (на материале писем)..... 43

Лимаренко Мария Руслановна
Способы номинации местночтимых святых в устных легендах Русского Севера (на материале архива СДК)..... 44

Сизых Ульяна Александровна
Особенности фоносемантики А. Е. Крученых..... 45

Мизитова Кристина Сергеевна
Лексика тактильных ощущений в рассказах В. В. Набокова «Удар крыла», «Месть» 46

Вырлан Мария Сергеевна
Концептуально-семантическая структура русских обращений..... 47

Волкова Аделина Наилевна
Языковая игра в тексте болельщицкого баннера: трансформация прецедентного текста 48

Медведева Анна Дмитриевна
Внутренняя форма топонима как хранитель «наивного» знания о местности (на материале топонимических легенд Русского Севера)..... 49

Михайлова Дарья Михайловна
Речевая характеристика персонажей повести В. М. Шукшина «Энергичные люди» 50

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Шубин Кирилл Александрович
Трансформация поэтики Д. Кнута 1930-х гг.: формальный и функциональный тезаурусы 51

Бурьян Дарья Александровна
Концепт «лес» в творчестве А. П. Чехова 53

Саватьева Светлана Владимировна
Номинации женщин и мужчин в контексте межличностных отношений в интернет-дискурсе..... 54

Сахоненко Анастасия Александровна
Продавать кота в мешке: об одном виде антонимизирующих трансформаций фразеологизмов 55

Филиппова Мария Алексеевна
К вопросу о динамике развития группы фразеологизмов положительной и отрицательной оценки с частицей «не» в современном русском языке 56

Анисимова Дарья Сергеевна
Семантика белого цвета в поэтическом сборнике «Белая стая» А. А. Ахматовой 57

Тимофеева Ольга Дмитриевна
Виды и функции диминутивов в романе Ю. В. Мамлеева «Другой» 58

Мельникова Полина Юрьевна
Обзор выставки в периодике начала XX в. как речевой жанр (на материале журнала «Мир искусства») 59

Инкина Мария Александровна
Речевые стратегии и тактики в манипулятивном предвыборном тексте (на материале газеты «Не дай Бог!» 1996 г.) 60

Камишкерова Екатерина Владимировна
Роль локативов в рассказе Л. Н. Андреева «Кусака» 61

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Скогарева Анастасия Дмитриевна
Окказиональные формы имен существительных в детской речи (на материале родительского дневника А. И. Рыко) 62

Сайк Ольга Юрьевна
Экспликация внутрисловного отрицания как фактор влияния на модель управления (на примере возвратных глаголов с внутрисловным отрицанием) 64

Андреев Никита Дмитриевич
Корпусное исследование русского послелога: язык поэзии 65

Чистоклетова Анна Валериевна
Аббревиатурная парадигма «агросельхоз» 66

Кириченко Татьяна Андреевна
Сложносокращенные онимы: типология препозитивных абброконструктов 67

Агаркова Мария Денисовна
Эквивалентность адъективных аббревиатур 68

Ларина Алина Андреевна
Методика лексикографического описания семантики абброконструкта 69

Шнуркова Дарья Романовна
Парцелляция в эпоху клипового мышления 70

Алтухова Анастасия Андреевна
Инициальные аббревиатуры с вариативной структурой 71

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Каменская Александра Сергеевна
Языковой клуб как форма преподавания русского языка как иностранного 72

Крыжановская Анастасия
Стереотипное представление о зиме в русской паремике (лингвокультурологический аспект) 73

Платицина Вероника Олеговна
Лексико-семантическая группа существительных «наименования общественных пространств Петербурга» (функционально-семантический аспект) 74

Чэнь Сыжу
Языковые средства выражения образа Китая в социальных сетях 75

Го Ифань
Исследование оптимизации методов преподавания русского языка как иностранного китайским студентам на основе различий в доминировании полушарий мозга 76

Шрейдер Елена Сергеевна
Специфика письменной речи детей-билингвов и детей-монолингвов 77

Шэнь Цзеи
Синтагматический анализ атрибутивных групп с сочетанием «железная дорога» в русском языке 78

Фэн Тяньсы, Чжан Ятэн
Сравнительный анализ организации образовательного процесса в китайском и российском вузах при изучении иностранного языка 79

Го Вэйпэн, Го Вэйхэ
Интерференция в полилингвальной среде при обучении китайских студентов русскому как первому иностранному языку 81

Субиинуэр
Физические и физиологические особенности человека сквозь призму русских устойчивых сравнений с компонентом «духовые музыкальные инструменты» 82

Карбанович Маргарита Александровна
Особенности речевого портрета современного политика 83

Омонбоева Шодиена Эркин кизи
Лексико-семантическая подгруппа «безалкогольные напитки» в рассказах А. П. Чехова 84

Сюлань Чжао

Выражение начальной фазы действия конструкцией «начинать/начать + инфинитив НСВ» в сопоставлении с китайским языком 85

Бай Жу

Метрики лексического разнообразия в оценке сложности текстов РКИ для китайских студентов 86

КОЛЛОКВИАЛИСТИКА (АНАЛИЗ УСТНОЙ РЕЧИ)

Требухина Татьяна Сергеевна

«Кичка» — спереди, сзади или поверх? 88

Козырева Полина Тимофеевна

Монологи-описания в речи студентов и пожилых людей: сопоставительный анализ устного дискурса 89

Иголкина Алена Евгеньевна

Где заканчивается конструкция: анализ особенностей одного класса устойчивых неоднословных единиц 90

Масленикова Александра Сергеевна

Автоматический поиск и разметка речевых и дискурсивных формул в интернет-коммуникации: пилотный проект 91

Реут Ксения Александровна

«Знаешь там» как потенциальный прагматический маркер русской повседневной речи 92

Юсупова Амалия Рауфовна

Глагольные конструкции в ОРД: поиск инвариантов 93

Шварева Екатерина Ильинична

Одна ошибка — и ты ошибся? Восприятие ошибок в речи учителей 94

Мишина Валерия Игоревна

Вздох как паралингвистический элемент повседневной речи: особые случаи употребления 95

Магарамова Диана Агавердиевна

Форма «того» как компонент речевых коннекторов в разговорном дискурсе 96

Пересыпкина Ксения Андреевна

Комическое паспарту или конструкция? В поисках границ феномена 97

Таирова Ирина Андреевна

Особенности функционирования выражения «спасательный круг» в русской повседневной речи 98

Загребельная Арина Сергеевна

«Всё» в русском повседневном дискурсе: речевой акт директива 99

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРИЯ, ПОЭТИКА

Борина Екатерина Александровна
Чужое слово в сознании главного героя повести «Дуэль» А. П. Чехова 101

Генералова Екатерина Дмитриевна
Образ матери в психологической драме А. Н. Афиногенова 102

Цветков Савелий Алексеевич
Принципы нарративной организации в романе В. О. Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» 103

Шабордина Дарья Алексеевна
Фольклорные мотивы в эпилоге романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (история Тани Безочередевой) 104

Пахомова Лилия Сергеевна
Черновики и неучтенные тексты сборника «Компромисс» С. Довлатова 105

Герина Арина Романовна
Поэтика современного автофикционального романа 106

Криворучко Альбина Сергеевна
Проблема категорий «автор» и «нарратор» в рассказе Ф. М. Достоевского «Кроткая» 107

Буковей Егор Евгеньевич
Постромантическая рефлексивность «Выстрела» 108

Барышникова Любовь Александровна
Мотивно-тематические комплексы и сюжетные варианты и инварианты в поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924) 109

Шанцев Кирилл Михайлович
Мотив отделения тела от сознания в малой прозе Л. Андреева 110

Малиновский Ярослав Сергеевич
Ф. М. Достоевский и В. Гюго: «бедные и отверженные» в романах «Бедные люди» и «Отверженные» 111

Шашкова Полина Максимовна
Mise-en-abyme в рассказе В. Набокова «Весна в Фиальте» 112

Беляев Кирилл Игоревич
О соотношении понятий «смысл» и «ценность» художественного произведения (на примере повести Л. Н. Толстого «Дьявол») 113

Чжэн Ино
Поворот к неомодернизму в «Метели» В. Сорокина 114

Агальцова Юлия Михайловна
Телесность в лирике Мандельштама: от застенчивой тайны к чувственной буре 115

Авдиюк Полина Евгеньевна
Нарратологический и семиологический подходы в изучении метапрозы:
на материале тетралогии А. Битова «Империя в четырех измерениях» 116

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ

Зайцева Софья Сергеевна
«И звезд нерожденных блуждали погибшие тени»: А. Морев в самиздате 117

Журавлева Полина Сергеевна
Некоторые аспекты иронии в «Пестрых сказках» В. Ф. Одоевского 118

Давыдова Светлана Андреевна
«Наши пространства не ваши; все течет там в обратном порядке»:
к вопросу о прототипе персиянина Шишнарфнэ из романа А. Белого «Петербург» ... 119

Емекеев Антон Павлович
А. Хоминский — между символизмом и авангардом.
К вопросу о рецептивных стратегиях в повести «Уют Дженкини» 120

Корабельников Иван Андреевич
Проблема ремифологизации в рассказе В. А. Пьецуха «Прометейщина» 121

Бражникова Дарья Евгеньевна
«Везувий зев открыл»: картина К. П. Брюллова «Последний день Помпеи»
в восприятии русских писателей первой трети XIX в. 122

Виноградов Павел Андреевич
Русское сектантство в восприятии Д. С. Мережковского до 1917 г. 123

Прокофьев Максим Владимирович
Деконструкция пропаганды в романах «Дар» В. Набокова и «Прощай, Берлин»
К. Ишервуда 124

Стародумова Ярославна Викторовна
Подносные сочинения К. Истомина как светская хроника
конца XVII — начала XVIII в. 125

Титкова Маргарита Эдуардовна
Гимн Мариам в книге «Исход» Палеи Толковой:
смеховой компонент и анализ художественных приемов 126

Ветрова Екатерина Сергеевна
«Обручение Даши» В. Я. Брюсова: историко-литературный комментарий 127

Матвиенко Анастасия Игоревна
Ранние заметки О. Д. Форш к роману «Ворон» 128

Морозикова Ярослава Сергеевна
«Уж не пародия ли он?»: об особенностях древнерусской «Сказки о некоем молодце, коне и сабле» 129

Киргизов Егор Игоревич
«Художественная энантиосемия» в сборнике В. А. Сосноры «Всадники» (1969) 130

Андронова Лидия Ивановна
Драматургия В. Ф. Одоевского для детей 131

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Судаков Григорий Владимирович
Проблема интерпретации чувственного знака у М. Пруста 132

Фомич Василиса Александровна
Готические элементы в криминальном романе Т. Френч «Сходство» («The Likeness») 133

Зеленева Александра Владимировна
Художественное своеобразие сборника «Какаду» П. Уайта 134

Алликас Анастасия Дмитриевна
Поэтика УЛИПО и патафизическая эстетика в романах Э. Ле Теллье 135

Эртман Злата Александровна
Историческое и мифологическое прошлое в поэзии немецкого экспрессионизма ... 136

Дацкевич Анастасия Сергеевна
«Враг народа» Г. Ибсена и Ж. Салват-Папассейта: к проблеме межжанрового взаимодействия в литературе конца XIX — начала XX в. 137

Бойцова Марина Андреевна
Символика числа три в романе М. Н'Дьяй «Три сильные женщины» 138

Сивоченко Дарья Александровна
Специфика приема «потока сознания» в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» 139

Либит Алена Денисовна
Образ мавра в «Повести о Сегри и Абенсеррахах» Х. Переса де Иты и комедии «Зависть к знати» Лопе де Веги: к проблеме репрезентации культурного Другого 140

Ханукаева Александра Вадимовна
«Espadas como labios» («Шпаги словно губы») В. Алейсандре: уровни смысла и проблемы перевода 141

Левитина Алиса Михайловна
Образ воды в драмах Х. Ибсена 142

Кузьмина Лана Александровна

Функция экфрасиса в романах «Девушка с жемчужной сережкой» Т. Шевалье и «Девушка в нежно-голубом» С. Вриланд 143

Кобызева Анастасия Юрьевна

Семантика «красного» в романе Г. Д'Аннунцио «Огонь» 144

Журавлев Максим Андреевич

Нарративная интрига в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» 145

Pantazi Aleksandra Savvovna

Consideration of "The Man of Law's Tale" through the Lens of V. Propp's Narratological Framework 146

Ключко Екатерина Михайловна

Компаративный анализ переводов стихотворения «Рузвельту» («A Roosevelt») Р. Дарио на русский и английский языки 147

Бицкая Софья Константиновна

Образ антагониста в сказочно-философской повести Дж. Крюса «Timm Thaler oder Das verkaufte Lachen» 148

Алексиевич Кирилл Михайлович

К проблеме интерсубъективности в травелоге Дж. Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки» 149

ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ

Замятина Софья Дмитриевна

Повторный брак: к вопросу о ритуале (на материале современных деревенских нарративов) 150

Швецова Ирина Павловна

Образ старухи Лоухи и Бабы Яги: сопоставительный анализ 151

Ашихмина Мария Денисовна

Свадебный обряд в сказочной реальности 152

Сметанина Мария Михайловна

Причитание «Про свою жизнь»: влияние условий записи на текст причета при первичном и повторном исполнении 153

Исаева Валерия Денисовна

Праздник в деревне и советская власть 154

Громова Ева Евгеньевна

Мотив наказания и его связь с социальными статусами в былине «Добрыня и Маринка» 155

Мельникова Ксения Олеговна
«Горе заберет, так заплачешь»: горе как ритуальный агент в разговорах о причитаниях 156

Козлова Мария Ильинична
Частушка во время застолья: темы и коммуникативная ситуация 157

Соболева Екатерина Алексеевна
Вербализация стыда в биографических нарративах и рассказах о порче 158

Карпюк Варвара Данииловна
Русские и французские сказки о животных: сюжеты и персонажи 159

Кузьмина Ирина Николаевна
«Такая бабушка была хорошая»: к вопросу о выборе магического специалиста (на материалах фольклорной экспедиции СПбГУ в село Долгощелье Мезенского района Архангельской области) 160

Работинская Влада Дмитриевна
Крестный как персонаж в севернорусских волшебных сказках 161

Марголина Виктория Алексеевна
Локус зеркала в современной севернорусской традиции 162

Галимова Алина Мусаевна
Функция домового при переходе в новый дом (на примере севернорусских нарративов) 163

Джалилова Камила Муродалиевна
Тема гулянья в плясовых и хороводных песнях 164

Кулюкин Лев Александрович
Мотивный анализ современного анекдота: обоснование подхода 165

Цховребова Диана Эдуардовна
Реконструкция образа идеальной женщины в нартском эпосе осетин под влиянием внешних социальных тенденций 166

ЛИТЕРАТУРА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Юсупова Мария Альбертовна
Попытка анализа категории жуткого («das Unheimliche») в творчестве Э. Т. А. Гофмана (на материале новелл из сборника «Серапионовы братья») 167

Свешникова Антонина Сергеевна
Контаминация сюжетов и зрелищность в лубочной литературе 168

Ракович Алина Викторовна
«Кадавры» А. Поляринова как интермедиальный роман 169

Ivanova Maria Vitalevna
The Portrayal of the Middle Class in G. Orwell's "Keep the Aspidistra Flying" 170

Лашина Анита Юрьевна
А. Блок в нарративах советской периодической печати 1980-х гг. 171

Новинская Полина Олеговна
Г. В. Адамович о советской литературе: критерии оценки текстов на основе частотного анализа слов 172

Жатин Федор Сергеевич
Феномен «русского квеста» в контексте отечественного анекдота 173

Стригина Алина Александровна
Мотив одиночества в рассказах Р. Брэдбери (на материале сборника рассказов «Золотые яблоки солнца») 174

Терновская Татьяна Романовна
Специфика развития реализма и натурализма в литературе Японии 175

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РУССКОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СТИХА

Мовчан Людмила Андреевна
К проблеме описания стиха В. Т. Шаламова: метрика стихотворений «Колымских тетрадей» 176

Долтмурзиева Мария Дмитриевна
Пластмассовые слова: синестетическая метафора в творчестве поэта и рок-музыканта Э. М. Шклярского 177

Щелконогова Евгения Александровна
Сквозные образы в поэтике концептуального альбома «Символ солнца» рок-группы «Мельница» 178

Зайчик Михаил Леонидович
Традиция в английской рифме XIV–XVI вв. 179

СЛАВИСТИКА

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Чуванова Ульяна Андреевна, Безродная Дарья Сергеевна, Балутина Варвара Сергеевна
Либретто чешской классической оперы в аспекте чешско-российских межкультурных контактов (на материале творчества Б. Сметаны, Й. Ферстера и Л. Яначека) 181

Куимов Иван Ильич
Gwara Warszawska: особенности и реализация варшавского урбанолекта в истории и современности 182

Лонкин Степан Андреевич

Проблемы и особенности работы с материалом русинского языка при составлении словаря библеизмов 183

Столярова Екатерина Сергеевна

Пословицы из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» как этнокультурные стереотипы и их отражение в словацком художественном переводе пьесы 184

Есими Саэ

Перевод японских реалий на русский и польский языки (на примере романа «Повесть о Гэндзи») 185

Горева Надежда Александровна

Каламбуры в переводах романа В. Гомбровича «Фердидурка» на русский язык 186

Касаткина Юлия Валериевна

Особенности использования средств художественной выразительности в составе пословиц с компонентами-орнитонимами в чешском и русском языках 187

Фостик Анастасия Ивановна

Чешские переводчики произведений для детей К. И. Чуковского в XX в. 188

Пушкова Анастасия Сергеевна

Динамика типов трансфера при переходе от порогового к продвинутому уровню владения чешским языком 189

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Левченко София Ивановна

Погребальная фразеология украинского и немецкого языков 190

Шишканова Нина Константиновна

Топонимика Гданьска/Данцига в произведениях польских и немецких авторов 191

Кудинова Алиса Анатольевна

Иноязычные заимствования в силезском диалекте польского языка 192

Демина Елизавета Федоровна

История рецепции творчества Ф. Гельдерлина в Чехии в XX в. 193

Бойко Ульяна Андреевна

Русская и английская фразеология о большом количестве денег 194

Хазанова Кира Владимировна

Польские солдатские народные песни на фоне русского и немецкого военного фольклора 195

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Спесивцева Анна Алексеевна

Ключевые слова космического дискурса в немецкоязычных СМИ: лексический анализ и прагматические функции 197

Шачина Мария Святославовна

Дистрибутивная и контекстная обусловленность коннотативных изменений в немецких словах «klug», «schlau» и «listig» 199

Аплеснина Вероника Алексеевна

Употребление прецедентных нарицательных имен в публицистических текстах (на материале французских СМИ) 200

Никифорова Наталья Андреевна

Словообразовательные особенности неологизмов в немецкой прессе начала 2020-х гг. 201

Романовская Ревекка Иосифовна

Функционирование заимствованной лексики в Интернет-текстах о традиционной культуре на примере статей с сайта «Jüdische Allgemeine» 202

Потрахова Анастасия Евгеньевна

Особенности функционирования эвфемизмов в англоязычных медиатекстах США 203

Chertkova Iuliia Leonidovna

The Idiom "Elephant in the Room" in Texts: A Figurative Phrase with Shifting Boundaries 204

Чеботарева Юлия Владимировна

Функции гиперболической полимодальной метафоры в англоязычных креолизованных интернет-мемах 205

Шитикова Анна Олеговна

Лексико-семантическое поле «ландшафтный дизайн»: немецко-русские соответствия 206

Новицкая Евгения Александровна

Грань между пранком и фейком: семантическая эволюция выражений «media fake» и «media prank» в цифровом пространстве 207

ГРАММАТИКА

Алышева Рианна Александровна

Сравнительный анализ грамматики «Kolonial Deutsch» («Немецкий для колоний») Э. Шверера и «Leichte Sprache» («Простой немецкий») 208

Гаврилюк Мария Александровна

Либретто тетралогии «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера: грамматико-стилистический аспект 209

Ершова Элина Антоновна

Особенности и проблематика перевода глагольного вида в английском и норвежском языках 210

Богданова Елизавета Михайловна

Диахронический анализ структуры немецкого предложения в частной переписке XVI–XVIII вв.: на материале рукописных собраний РНБ 211

Андреева Анна Сергеевна, Исаева Юлиана Александровна

Прагмастилистические особенности парономазов в рекламных слоганах товаров и услуг (на примере слоганов британских, американских и российских компаний) 212

Санина Елена Владимировна

Синтаксические характеристики неполных предложений в немецких научно-популярных текстах 213

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Ермилова Аполлинария Андреевна

Особенности перевода медицинской лексики в кинодискурсе (на материале американских медицинских телесериалов) 214

Чувикина Юлия Александровна

Особенности перевода советских реалий в переводах поэмы В. Ерофеева «Москва — Петушки» на немецкий язык 215

Аллик Степан, Тарнаева Лариса Петровна

Перевод фразеологизмов с итальянского на русский: пути преодоления трудностей 216

Подласова Александра Ивановна

Способы выражения извинения в датском языке на материале молодежного сериала «Klassen» 218

Трофимцева Анастасия Сергеевна

Полимодальный аспект перевода текстов музыкальных произведений (на материале мюзикла «The Phantom of the Opera») 219

Корлыханов Дмитрий Игоревич

Средства передачи грамматических черт научного стиля дневника экспедиции Д. Г. Мессершмидта в переводе на русский язык 220

Крылов Захар Николаевич

Эмоционально-оценочные прилагательные как средство воздействия в британском политическом дискурсе: переводоведческий аспект 221

Ganicheva Anastasia Sergeevna
Representation of Homogeneous and Heterogeneous Semantic Shifts in Russian Translation of "The Forsyte Saga" by J. Galsworthy 222

Поляков Глеб
Некоторые особенности перевода квазиреалий компьютерных игр 223

Мишустина Мария Игоревна
Проблема передачи ономастических единиц в книгах Дж. Роулинг 224

Аладышкин Василий Алексеевич
Сравнительный анализ переводов романа Е. И. Замятина «Мы» 225

Filimonova Nadezhda Aleksandrovna
Audiovisual Translation of Puns in Animated Films (A Case of "Miraculous: Tales of Ladybug and Cat Noir" Animated Series and Its Translations into Russian and Spanish) 226

Николаева Анна
Вербальные средства выражения угрозы в немецком и русском языках (на материале сериала «Вавилон-Берлин») 227

Анденко Юлия Павловна
Особенности перевода фразеологических единиц с компонентами-наименованиями цвета в английском, японском и русском языках 228

Разумова Мария Игоревна
Проблема передачи окказионализмов в серии книг «Warhammer 40 000» 229

Горюнова Ульяна Михайловна
Влияние фактора коммуникативной дистанции на выбор средств адресации (на материале романа Д. Глаттауэра «Gut gegen Nordwind» и его перевода на русский язык) 230

Михайлов Евгений Ильич
Передача категории автора при переводе художественного текста 231

Смирнова Дарья Алексеевна
Особенности перевода терминов лексико-семантического поля «ремесло» в немецкоязычных статьях о культуре (на материале журнала «deutschland.de») 232

Которова Анна Владимировна
Опосредованная переводческая рецепция древнеисландской литературы на русском языке в XIX в.: проблемы исследования 233

ДИСКУРС И ТЕКСТ

Овчинникова Арина Андреевна
Категория интеррогативности в сборнике «Девять рассказов» Дж. Д. Сэлинджера 234

Мышко Алексей Евгеньевич
Образ США в инаугурационной речи Д. Трампа 2025 г. 235

Тихонова Мария Игоревна
Интенциональные смыслы согласия и несогласия в датском речевом общении 236

Керимова Екатерина Тофик кызы
Специфика функционирования интертекстуальных включений в англоязычных мультфильмах 237

Комарова Лидия Романовна
Типы и функции интертекстуальности в текстах песен немецких рэп-исполнителей 238

Лебедева Екатерина Сергеевна
Стратегии создания персонажей в итальянском постмодернистском романе рубежа XX–XXI вв. 239

Chertkova Iuliia Leonidovna, Malneva Alisa Vyacheslavovna
The Narrative Patterns in a Pitch: The Art of Persuasion 240

Минаева Мария Вячеславовна
Социокультурная специфика выражения речевого акта «поздравление» на английском языке 241

Дроздова Мария Сергеевна
Продвижение национального брендинга Швейцарии (лингвистический аспект) 242

Kozhevnikova Galina Evgenevna
Peculiarities of English-Language Art Historical Discourse 243

Волошенкова Екатерина Дмитриевна
Лексико-стилистические, типографические и прагматические особенности советского газетного дискурса (на материале газет «Алтайская правда» и «Arbeit») 244

Болдина Екатерина Сергеевна
Внутреннее и внешнее время в поэтике романа В. Вулф «Волны» (1931) 245

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Гедимина Серафима Михайловна
Коннотация лексемы καρτερία в диалоге Клеарха из Сол «О сне» 247

Мотовичева Полина Константиновна
Сладость вина в гомеровских поэмах 248

Золотарева Варвара Алексеевна
Антифонт и Еврипид о браке ... 249

Яковлева Анна Александровна
О рекомендательном письме Квинту Цицерону младшему (Cic. Att. XVI, 5.2) ... 250

Новикова Виктория Вячеславовна
Понятие предательства в «Истории» Геродота ... 251

Трошичев Максим Викторович
О пароде в «Киклопе» Еврипида (стт. 41–81) ... 252

Смагина Валерия Владиславовна
Принципы расположения прилагательных в латинской эпистолярной прозе ... 253

Саадани Джулия Махмудовна
τί τὸ σοφόν; мудрость Хора в «Вакханках» Еврипида ... 254

БИБЛЕИСТИКА

Головатский Анатолий Константинович
Библейские основы религии И. В. Гёте ... 255

Головатская Софья Витальевна
Формирование образа Аристотеля в сочинении Евсевия Кесарийского Praeparatio Evangelica ... 256

Киреева Маргарита Владимировна
Лексема käläb ‘собака’ в текстах Ветхого Завета ... 257

Ахманова Влада Юрьевна
Тетраграмматон в греческих магических папирусах ... 258

Соколова Александра Федоровна
Конструкции ввода прямой речи в книге Бытия ... 259

БАЛКАНИСТИКА. ВИЗАНТИНИСТИКА. НЕОЭЛЛИНИСТИКА

Тумаева Мария Алексеевна
Особенности композиции «Монодии на несчастный Константинополь» Андроника Каллиста ... 260

Мелькаева Полина Александровна
Механизм автоматического письма в сборнике «Доменная печь» А. Эмбирикоса ... 261

Пиксендеева Анастасия Геннадьевна
Язык и стиль двух произведений Константина Манасси, относящихся к смерти Феодоры Контостефанины ... 262

Лонкин Данил Андреевич

Понтийская литература и литературный понтийский.
На материале книг, изданных в Ростове-на-Дону в 1930-е гг. 263

Севрюгова Анна Юрьевна

Переводы А. С. Пушкина на греческий язык: сравнение подходов А. Харамиса
и Х. Вулодимоса в контексте греческого языкового вопроса 264

Титкова Маргарита Эдуардовна

Истоки драматургии Ангелоса Сикелианоса:
античный жанр диалога в трагедии «Дифирамб Розы» 265

Бехарский Илья Сергеевич

«Не смеши меня»: категория смешного в сборнике рассказов «Шутка» Я. Палавоса... 266

Унагаев Роман Олегович

Трактат Марка Эфесского «Τῶ κῦρ Διονυσίω περὶ τοῦ δεσποτικοῦ καὶ θείου αἵματος»:
структура произведения и источники идей 267

Соловьева Вероника Андреевна

Переосмысление традиционных женских образов в «Одиссее» Н. Казандзакиса..... 268

Пахачев Глеб Владимирович

Композиционное своеобразие «Надгробной речи
сестре Горгонии» Григория Назианзина 269

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Хлыстов Иван Игоревич

Понятие «семейного сходства» Л. Витгенштейна и его связь
с «теорией прототипов» Э. Рош 271

Анохина Александра Андреевна

Влияние экстралингвистических факторов
на варьирование терминов-неологизмов
(на материале терминологии живописи персидского языка) 272

Петровская Мария Александровна

Влияние сферы деятельности на использование жестов в речи говорящих
(на материале интервью, подкастов, видеоуроков)..... 273

Романова Нина Гунтеровна

О причинах несовпадений в кодировании актантов когнатных предикатов 274

Хмелинина Иоланта Сергеевна

Выражение предельности в конструкциях с легким глаголом в итальянском языке ... 275

Карабутова Анастасия Николаевна
Ваш товар — наш купец: концепт «ярмарка невест» из китайской лингвокультуры... 276

Коляда Дарья Станиславовна
Сравнительный анализ способов маркирования согласования в русском и американском жестовых языках ... 277

Филюрина Ксения Антоновна
Классификация нижненемецких заимствований XVI–XVII вв. в эстонском языке. На материале «Наблюдений по грамматике эстонского языка» Й. Гуцлаффа ... 278

Вакулина Полина Евгеньевна
Финско-английское переключение кодов в финском видеоблоге повседневной тематики ... 279

Андреева Алена Дмитриевна
Соотношение стандартных и региональных форм английского языка в обучении ... 280

Базаржапова Алтана Доржиевна
Совместное употребление утвердительных частиц «ха», «юм», «даа» в бурятской письменной речи ... 281

ФОНЕТИКА

Petrova Varvara Dmitrievna
Spectral properties of voiceless affricates in Hunza Burushaski ... 282

Николаева Елена Вячеславовна
Сравнительный анализ методов диагностики афазии при болезни Альцгеймера в США, Германии и России. Перспективы развития диагностических методов для материала на русском языке ... 283

Радионова Евгения Алексеевна
Прагматические маркеры в русской устной речи: просодия и жесты ... 284

Ананьева Анастасия Денисовна
Векторное представление звуков русского языка с использованием HuBERT ... 286

Титова Рената Руслановна
Просодические характеристики академического дискурса и их восприятие ... 287

Гусев Иван Владимирович
Просодические характеристики шуток в русском языке ... 288

Киселева Ксения Олеговна
Об особенностях интонации карельского языка ... 289

Пахомова Марина Алексеевна
Взаимодействие консонантных систем неродственных языков (на примере корейско-русской интерференции) ... 290

Грибанова Елизавета Александровна

Вербальные и невербальные особенности поведения человека при чтении заведомо ложной информации 291

Бондарчук Виталий Сергеевич

Перцептивно-акустические характеристики эмотивно-оценочной модальности (на материале английского и русского языков) 292

Голованов Егор Олегович

Разработка инструмента для автоматизации перевода фоносемантических элементов текста 294

Максимова Мария Романовна

Проявления когнитивной нагрузки в речи и мимике 295

Володина Елизавета Алексеевна

Субъективная оценка интонационного акцента (на материале английской речи носителей русского языка) 296

Ранцан Анастасия Юрьевна

Природа и функции внутрисинтагменных просодических швов 297

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Хайбуллаева Лада Игоревна

Психолингвистические особенности восприятия основных методов обучения чтению на иностранном языке 298

Захарина Елизавета Васильевна

Digits and Numbers: выбор языковой системы при субвокализации числительных на иностранном языке 300

Еремеева Ксения Алексеевна

Концепт «искусство» в языковом сознании филологов и полицейских: сравнительное исследование 301

Березина Полина Сергеевна

Образ доктора в обыденном языковом сознании носителей русского и английского языка: общее и специфическое 302

Оболашвили Алиса Левановна

Куда течет время? Пространственно-временная метафора в условиях вербальной и невербальной коммуникации 303

Кравцова Дарья Максимовна

Когнитивная обработка пространственной семантики направления однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения у носителей русского языка 304

Павлова Ольга Александровна

Щас спою: редуцируют ли школьные учителя? 305

Шистерова Алина Андреевна
Структура лексико-семантического поля «человек» в актуальном лексиконе русско-англо-китайского трилингва 306

КОМПЬЮТЕРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Урих Алиса Евгеньевна
Создание биографического датасета русских прозаиков 1930–2000 гг. с помощью ChatGPT 307

Берлин Алена Евгеньевна
Проблема автоматической детекции адъективной неопределенности в русских юридических текстах 308

Корнилова Александра Андреевна
Религиозный текст в аспекте векторного моделирования 309

Клеванова Алина Олеговна
Создание автоматической рекомендательной системы в сфере дегустации 310

Кадочникова Елизавета Сергеевна
Анализ ошибок RAG-систем при поиске и извлечении релевантной информации 311

Мурашкина Анна Владимировна
Разработка и оценка системы автоматического распознавания и транслитерации текстов на классическом тибетском языке 312

Зоркальцев Антон Валерьевич
Теория риторических структур для сопоставления русскоязычной и англоязычной песенной поэзии 313

Закирова Алия Ильгамовна
Метаязыковые высказывания о сложности: данные веб-корпуса 314

ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Молчанова Софья Андреевна
Лексика детского обихода в венгерском языке 315

Ильиных Елена Васильевна
Лингвокультурологическая специфика финноязычного юмора 316

Мельников Федор Дмитриевич
Особенности отражения исторических событий в финских фразеологизмах с компонентом — бытовой реалией 317

Брингуль Софья
Значения и оценочность лексемы ръ̈ъ̈ в пословицах и поговорках финского и русского языков 318

Звездина Нина Константиновна
Языковая репрезентация образа Швеции в финских интернет-травелогах 319

Бакина Кира Александровна
Talo и koti у финнов: что это такое и при чем здесь концепт? 320

Нельга Анна Александровна
Художественное своеобразие современного финского романа 321

Коваль Игорь Андреевич
Использование корпусных технологий для изучения средств невербальной коммуникации в финском видеодискурсе 322

Карпова Евгения Михайловна
Сравнительный анализ англицизмов языка Finglish первого поколения мигрантов и языка современных мигрантов 323

КИНО | ТЕАТР | ТЕКСТ

КИНО | ТЕКСТ

Кузьмина Александра Сергеевна
«Стиляги» vs «Бриолин»: «пограничные» герои в дуалистической системе мюзикла ... 325

Федоренко Иванна Андреевна
Гоголь в XXI в.: постмодернизм и коммерциализация классики (на материале кинотрилогии Е. Баранова «Гоголь» и одноименного сериала) 326

Земляная Полина Антоновна
Вызов драматургии массового кинематографа: поэтизация обыденности в фильмографии Дж. Джармуша 327

Снятков Дмитрий Валерьевич
Ностальгизм и футуризм метамодернизма в рамках современного кино на примере работ У. Андерсона и Д. Вильнева 328

Трофимова Анастасия Константиновна
Семиотика черного цвета в кинематографе И. Бергмана: специфика и особенности киноязыка 329

Авдошина Елизавета Сергеевна
Утрата идентичности в фильме А. Рорвахер «Химера» (2023) через призму мифа о Беллерофонте 330

ТЕАТР

Никитина Полина Сергеевна
Театр в системе ГУЛАГ как пространство художественного: разнообразие на сцене 331

Липилина Светлана Алексеевна

Мюзикл «Растратчики» (2012): опыт интерпретации одноименной повести В. Катаева 332

Уланова Александра Вячеславовна

Анималистические образы в пьесе И. Г. Грегори «Иудифь» XVII в. 333

Хорькова Анна Анатольевна

Приемы создания визуальности в пьесе Л. А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» 334

Лень Софья Сергеевна

«Песня о любви, которой не было»: музыка как отражение внутреннего мира героев в саундраме «Чайка» Е. Павловой по мотивам пьесы А. П. Чехова 335

БУДЕТЛЯНЕ

Фильцова Надежда Романовна

Отражение поэзии М. Цветаевой в творчестве современных рок-исполнительниц 337

Верстуков Константин Викторович

Универсалии в создании вымышленных языков 338

Кулешова Полина Сергеевна, Маркин Кирилл Станиславович, Зверева Анна Вячеславовна

Феномен тру-крайма: лексические особенности нарратива о «настоящем преступлении» 339

Малышева Дарья Максимовна

Современные русские детские тайные языки: актуальная классификация и дизайн социолингвистического опроса 340

Khasyanova Liliya Alievna, Klimova Anna Olegovna

Reconsideration of G. Chaucer's "The Manciple's Tale" through the psychoanalytic approach 341

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТ В БЛОКАДНОЙ ПОЭЗИИ»

Федюкина Алена Евгеньевна

«Портрет блокады»: поэтический триптих Елены Шварц 343

Шашкова Полина Максимовна

Кричу «Живой!», но мне не верят: о (не)реальном в поэзии Г. Гора 344

Катович Аглая Артемовна, Катович Михаил Сергеевич

Стратегии разговора о Блокаде со старшими школьниками 345

РУССКИЙ ЯЗЫК

Хайдукова Надежда Владимировна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЯВЛЕНИЯ МОРДОВСКОГО СУБСТРАТА В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕЛ НИКОЛАЕВСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вопрос о влиянии финно-угорских языков на русские диалекты до сих пор остается малоисследованным. Наиболее обширно рассмотрено влияние прибалтийско-финских языков на говоры Северо-Запада России, влияние же других финно-угорских языков на диалекты русского языка изучено в меньшей степени.

Русский язык находится в тесном контакте с мордовскими языками (эрзянским и мокшанским), по этой причине некоторые диалекты русского языка, в частности диалекты Поволжья, подвергаются достаточно сильному влиянию. На территории Николаевского района Ульяновской области нередкими являются случаи русско-мордовского билингвизма диалектоносителей, широко распространены субстратные явления на разных уровнях языка. Изучением взаимодействия русского и мордовского языка активно занимаются исследователи из МГУ им. Н. П. Огарева, однако подавляющее большинство их работ основано на материале говоров республики Мордовия, где мордовские языки являются коренными, что приводит к практически полному равноправию русского и мордовского. Данное исследование основывается на материале говоров Ульяновской области, где превалирует русский язык, а мордовские языки выступают в качестве доноров субстратных черт. Цель исследования — выявить и охарактеризовать мордовский субстрат в говорах Ульяновской области.

Материалом исследования являются данные полевой практики, проходившей в Николаевском районе Ульяновской области в 2024 г. При работе использовались записи речи диалектоносителей. Интервью с информантами проводились при помощи программы-опросника «Лексического атласа русских народных говоров» по теме «Человек». Именно в лексике по этой теме в значительной мере проявляется субстратное влияние мордовских языков, преимущественно эрзя. В докладе рассмотрены субстратные элементы на лексическом (*ава́й* ‘мать’) и морфемно-словообразовательном (*баня-веду́н* ‘дух бани’) уровнях. Наиболее подверженными влиянию оказались группы лексики, обозначающие родственные связи, части тела, прозвища, и демонологическая лексика. В то же время лексика, связанная с трудовой деятельностью, оказалась менее проницаемой для мордовского влияния. В ходе работы были установлены мордовские словообразовательные явления, наиболее продуктивные в русских говорах. Так, при образовании диалектной лексики часто используется сложение основ, характерное для мордовских языков.

Подводя итоги, мы можем заключить, что мордовские языки оказали достаточно сильное влияние на формирование диалекта Николаевского района Ульяновской области, став донорами лексики и активизировав использование сращения основ как словообразовательной стратегии.

Величко Ульяна Андреевна

студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СТИШНОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ ДИМИТРИЯ ПРИЛУЦКОГО (на материале списка РНБ Q.I.1447 конца XVI — начала XVII в.)

Житие Димитрия Прилуцкого — памятник старорусской литературы, архетип которого был создан «во второй четверти XV века» [Преподобный..., 2018: 65]. В раннем периоде бытования жития исследователи выделяют четыре редакции: Стишную, Немакарьевскую, Макарьевскую и Минейную. В качестве материала нами был выбран список (РНБ, Q.I.1447, л. 124—155 об.) конца XVI — начала XVII в. Стишной редакции, опубликованный в монографии С. А. Семячко и Ф. В. Панченко «Преподобный Димитрий Прилуцкий. Житие и служба». Эта редакция была признана наиболее близкой к архетипу и до настоящего времени не привлекала внимания исследователей.

Глагол, формы которого являются одними из доминирующих в нарративе, являлся вершиной предложения в древнерусском языке. Как отметил В. М. Живов, «для восточнославянского нарратива характерен не порядок SV, не порядок VS, а порядок V» [Живов, 2008: 7]. В памятниках глагол реализовывался в одном из грамматических времен. Этот термин А. В. Исаченко определил как «предикативную глагольную форму, выражающую локализацию процесса на временной оси по отношению к моменту речи» [Исаченко, 2003: 419]. Для памятников книжности наиболее характерными грамматическими временами являются претериты: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект, анализ которых в лексико-семантическом, структурно-грамматическом и контекстном аспекте является целью настоящего доклада.

В выбранном списке представлены 265 форм прошедшего времени. Наиболее частым претеритом в Житии является аорист (211 форм) — основное нарративное время как древнерусских, так и старорусских памятников. В анализируемом списке аорист обладает наибольшим семантическим диапазоном: помимо инвариантного для него целостного действия глаголы в этом времени имеют значение делимитативности, предшествующего действия, итеративности, результата и др. В тексте выбранного списка отмечены аномалии в употреблении аориста, напр., употребление формы первого лица сингуляриса вместо третьего.

Имперфект занимает второе место по количеству употреблений (46 форм). Инвариантным значением имперфекта является длительность, которая представлена в абсолютном большинстве примеров. В выбранном списке имперфект также маркирует фоновое или многократное действие и используется в значении предшествующего действия.

Аналитические формы претеритов представлены в исследуемом тексте слабо: отмечены две формы книжного перфекта, для которых характерно статальное значение и, предположительно, одна форма северо-западного перфекта с акциональной семантикой. Книжный плюсквамперфект представлен единственной формой, являющейся контаминацией аориста в форме третьего лица плюралиса и аориста глагола *быти* от основы инфинитива в той же форме. Кроме того, в тексте анализируемого списка отмечены четыре бессвязочных «эловых» причастия в значении антирезультатива, статальности, предшествующего действия.

Литература

Живов В. М. Референтная структура и порядок слов: Дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 5–56.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: морфология. Т. 2. Братислава, 1960.

Преподобный Димитрий Прилуцкий / изд. подгот. С. А. Семячко и Ф. В. Панченко. Вологда, 2018.

Мехоношина Мария Михайловна

студент 4-го курса
Сыктывкарский государственный университет им. П. А. Сорокина

ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ГОВОРА С. ЛОЙМА РЕСПУБЛИКИ КОМИ (на материале названий женского наряда)

В докладе рассматривается говор села Лойма Прилузского района Республики Коми, относящийся по своим фонетическим, грамматическим, лексическим и историко-культурным признакам к севернорусскому типу наречия. Отмечается активное влияние Вологодско-Вятской, Архангело-Поморской групп говоров на формирование лоемского словарного состава. Помимо этого, в лоемском говоре наблюдаются «вкрапления» среднерусских и даже южнорусских лексических элементов, что позволяет говорить о говоре Лоймы как о языковом объединении позднего заселения, когда по экономическим и политическим обстоятельствам на территории северных народов начали переселяться выходцы из других русских регионов, приносящие с собой разнообразные предметы и реалии, а следовательно, и их названия и значения.

Стоит упомянуть и о том, что село Лойма территориально включено в состав Республики Коми и находится в окружении поселений, говорящих не только на русском, но и на коми языке. Однако говорить о сильном влиянии коми лексики на формирование лоемского словарного состава не приходится, т. к. количество коми заимствований в лоемском говоре относительно невелико.

Представим выдвинутое предположение на примере лексики, характеризующей предметный мир женщины, в частности, лексико-семантической группы «наряд женщины», куда вошли не только названия одежды, но и наименования обуви, украшений, видов причесок и др. В данной группе наблюдается большое количество лексем, бытующих преимущественно на Русском Севере. Это и названия украшений: *басá* (арханг., волог., перм., яросл. говоры, говоры Низ. Печ. и Ср. Ур.), *басýлька* (арханг., волог. говоры, говоры Низ. Печ. и Ср. Ур.), *úсерьги* (волог., перм. говоры) и др.; наименования одежды и ее частей: *лáстовка* (арханг. и волог. говоры), *воротóк* (арханг. и волог. говоры), *тúтешник* (перм. и свердл. говоры) и др.; виды обуви: *вы́ступки* (арханг., волог., новгор, олонец. говоры и говоры Низ. Печ.), *чáрки* (волог., перм., олонец. говоры Ср. Ур. и др.); названия причесок: *кýколь* (волог. говоры), *крáсота* (волог., перм., яросл. и др. говоры) и др.

Часть лоемских лексем, характеризующих наряд женщины, распространена более широко: не только на Русском Севере, но и в среднерусских говорах и говорах Зауралья и Сибири: *гребенка* / *гребелка* (арханг., иркут., том., свердл., перм., урал., яросл., волог., иссык-кульск., кокчет., тобол, том., кемер., вост.-сиб., сиб., амур., якут. говоры, говоры Кузбасса, Ср. Ур. и Заур.); *дубáс* (перм., моск., вят., новосиб., талиц. говоры, говоры Ср. Повол. и Ср. Ур.) и др.

Небольшая группа лексем лоемского словарного состава встречается на южных территориях: *гуня́* (ряз., орл., курск., тул., пенз., сарат., самар., свердл., том и др. говоры), *поня́ва* (смолен., ряз., сарат., свердл. и др. говоры) и др.

Нельзя не упомянуть уникальные лексемы, встречающиеся только в лоемском говоре: *кучóк*, *пóлбешник*, *размахрýченька*, *чáпчик* и др.

Таким образом, на формирование лоемского словарного состава в разной степени повлияли говоры всех видов наречий, а также различные исторические, культурные и экономические особенности села Лойма.

Косилова Ольга Александровна
студент 4-го курса
Государственный университет просвещения

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ ЛЕКСЕМЫ «НОЖ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предмет исследования — семантема лексемы *нож* в диахронии и синхронии. Актуальность исследования обусловлена полисемантичностью слова *нож* и необходимостью выявления причин семантических изменений. Цель доклада — установить семантические изменения слова *нож* путем компонентного анализа его семантемы в диахронно-синхронном аспекте.

В синхронии *нож* является производящим словом, исторически же оно входит в этимологическое гнездо с корнем **nьz-*, образуется от глагола *нозити* путем редеривации, ввиду чего исследуемое имя имеет конкретно-предметную семантику.

В Словаре русского языка XI—XVII вв. слово *ножь* имеет два значения: первое выступает обобщенным, а второе — детализированным, относящимся к сфере православной культуры и указывающим на разновидность ножа. Исходная семема слова *ножь* представлена двумя основными компонентами: этимоном ‘втыкать’, семой ‘предмет для осуществления действия’. Этимон ‘втыкать’ содержит комплекс функциональных сем, способных при семантической деривации актуализироваться, изменять степень своей выраженности или утрачиваться.

Во второй семеме выделяется ряд дифференциальных сем, при этом одна сема порождает другую: сема-дублет ‘заостренный конец’, возникшая в результате раздвоения аналогичной семы, входящей в состав производящего значения; сема, раскрывающая функциональное назначение данного вида ножа; функционально-социальная сема, указывающая на конкретную область применения предмета.

Характерный для исходной семемы слова *ножь* спектр функциональных сем в условиях производного значения подвергается сужению до семы ‘вырезать’, при актуализации которой сема-функция ‘создание какого-либо объекта’ закрепляется в сфере ближней периферии.

В Словаре И. И. Срезневского отмечается третья семема ‘распря, война’, возникшая ввиду метафоризации первого значения. Целевая сема уничтожения является одной из ядерных, раскрывает результат действия, выраженного в этимоне корня, ввиду чего наполнение слова осложняется коннотацией ‘причинение боли’, на которой базируется семантика многих фразеологизмов типа *как нож в сердце*.

По данным Словаря Академии Российской, в XVIII в. сохраняется только первое значение, имеющее расширенную структуру за счет добавления описательной семы ‘два заостренных конца’ и уточнения главной функции предмета — резания.

В современном русском языке сема резания становится центральной, смещая этимон ‘втыкать’ на периферию, на базе чего формируется производное значение, обозначающее режущую часть каких-либо объектов. Производная семема демонстрирует сужение главного значения, переход от целого к части посредством синекдохи. Исторически переносное значение, не вошедшее в современную семантему слова *нож*, репродуцируется в некоторых фразеологизмах типа *быть на ножах*.

Таким образом, полисемант *нож* имеет семантему радиального типа в диахронии и синхронии русского языка, первичная семема является ведущей на разных этапах развития языка. При деривации наблюдается и сужение, и расширение семантического объема слова, так как в структуре производных семем этимон ‘втыкать’ способствует актуализации зависимых от него функциональных сем, на основе которых могут образоваться другие семы.

Моисеева Олеся Алексеевна

студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ «ТЪ» В КАЧЕСТВЕ ЛИЧНОГО В ЖИТИИ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Указательное местоимение *тъ*, изначально входившее в тернарную систему с противопоставлением по степени пространственной или временной дальности, в древнерусском языке уже употребляется как семантически нейтральное, т. е. используется для обозначения и дальних, и ближних объектов. Кроме дейктической функции, местоимение *тъ* часто выполняло функцию анафорическую, причем возможна замена не только однословных компонентов, но и целых предложений. Нас интересуют не столь распространенные в памятниках древнерусского периода случаи анафоры одушевленного антецедента, когда субстантивное указательное местоимение употребляется как личное местоимение третьего лица. При этом оказывается не совсем ясным: почему в некоторых предложениях писцом используется анафорическое местоимение *и*, *я*, *е*, которое более привычно видеть в этой функции (*увидел его*), а в других — *тъ* (*увидел того*). Скорее всего, скопление таких примеров характеризует тексты определенного жанра и региона, что, однако, требует проверки на более обширном материале.

При заметном интересе к изучению указательных местоимений в старославянском и древнерусском языках до сих пор не были определены критерии использования того или иного местоимения, указывалось лишь на их семантическую неразличимость. Представляется, что все-таки можно выявить некоторые закономерности употребления *тъ-того* и *и-его*. Таким образом, научная новизна исследования определяется неизученностью конкретных различий между интересующими нас местоимениями в текстах древнерусского периода.

Цель работы — охарактеризовать обнаруженные закономерности употребления местоимений *тъ* и *и* в Житии Феодосия Печерского. Источником стал текст Жития, опубликованный О. В. Твороговым в первом томе «Библиотеки литературы Древней Руси» по списку в составе Успенского сборника XII–XIII вв. Работа проводилась с помощью статистического метода на базе сплошной выборки примеров.

Классификация примеров использования местоимений основана на таких критериях, как, напр., отнесенность к определенному антецеденту и дальность его расположения относительно субституирующего местоимения, семантика глагола, от которого зависит дополнение (прямое или косвенное) и позиция местоимения по отношению к этому глаголу, синтаксическая конструкция, в составе которой находится демонстратив (дательный самостоятельный, дательный с инфинитивом и т. д.).

Представляем некоторые результаты, полученные в ходе исследования. Общее количество употреблений *и-его* (более 500 примеров) больше количества употреблений *тъ-того* (около 150 случаев). При этом в им. пад. ед. ч. практически всегда используется *тъ* (17 примеров) за исключением одного случая. Интересным кажется заметное увеличение употребления *тъ к* концу текста, что, возможно, связано с иной региональной принадлежностью писца. Анализ референтной структуры текста показал, что четкой зависимости между антецедентом и используемым местоимением нет: встречаются случаи употребления разных демонстративов, отсылающих к одному объекту, и одного местоимения, относящегося к разным антецедентам. В составе дательного с инфинитивом чаще используются местоимения *и-его*, то же можно сказать и об употреблении дательного самостоятельного. В тексте встречаются глаголы, с которыми используется определенное местоимение, напр., при *поминать* используется только *тъ*, а с глаголом *гневаться* — только *и.*

Боева Екатерина Андреевна
студент 3-го курса
Курский государственный университет

ПОТАМОНИМ И ОЙКОНИМ «ТИМ» В КУРСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Топонимика Курской области изучена недостаточно, многие названия остаются неохарактеризованными. Нами впервые был проведен этимологический анализ гидронима и ойконима *Тим*, в чем заключается научная новизна работы. Цель исследования — установить, какие признаки положены в основу номинации потамонима *Тим* и совпадающего с ним ойконима.

Тим — река, правый приток Сосны, общепризнанной этимологии название не имеет. Обратимся к описанию ландшафта, где протекает река. Г. В. Козлова пишет: «В пределах Восточного (Тимско-Олымского) природно-территориального комплекса древние кристаллические метаморфические породы фундамента залегают в среднем на глубине 200 м. … У подножия гряды берут начало реки Тим, Кшень и Олым с притоками, которые несут свои воды в р. Сосну (Быструю Сосну), впадающую в Дон. … Пойма рек, в основном, двухсторонняя, заболоченная» [Козлова]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера зафиксирован фонетический вариант лексемы *тиме́ние в* значении ‘болото’: «Первонач., вероятно, относительное прилаг. **тимьнъ* от **тимы*, род. п. **тимене*», «далее связано с *ти́на* или *та́ять* (ср. англос. *đínan* ‘намокать’)» [Фасмер, 1987, т. 4: 58]. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных лексема *ти́на* трактуется как «густое скопление в стоячей или слабо проточной воде (в природных условиях) разного рода водорослей, которые, оседая, образуют вместе с илом тонкое, слизистое и вязкое дно». Общеславянская форма — **tina*, индоевропейский корень **ti* ‘мягкая масса’ [Черных, 2009, т. 2: 244]. Таким образом, этимологическая мотивация потамонима Тим заключается в схожести реки с болотом либо же наличием в ней болотистого дна, водорослей, ила.

Тим, поселок городского типа, является административным центром Тимского района Курской области. Получил свое название от реки Тим, протекающей рядом, что кажется нам убедительным, так как в обоих случаях наблюдается схожесть ландшафта (см. описание Тимско-Олымского природно-территориального комплекса, приведенное выше).

Таким образом, в гидрониме *Тим* отражены географические характеристики водного объекта: река окружена лесистой местностью, грязными берегами. В центре и по сторонам Тима расположены небольшие «островки» с болотной травой и илом. Поселок городского типа Тим именуется по аналогии с рекой, впоследствии давшей название всему району.

Литература

Козлова Г. В. Восточный (Тимско-Олымский) природный комплекс Курской области // Информационный портал «Я — курянин». URL: https://ikur46.ru/themplane/3-vostochnyj-timsko-olymskij-prirodnyj-kompleks-kurskoj-oblasti/ (дата обращения: 10.02.2025).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2009.

Рязанова Алиса Евгеньевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕНИ В ПРИХОДНОЙ КНИГЕ г. ТОМСКА 1630-х гг.

Приходо-расходные книги создавались для фиксации доходов и расходов монастырей, архиерейских домов, гостиных дворов, целых городов. Такие документы интересны с исторической точки зрения, поскольку предоставляют информацию о социально-экономическом положении, торговле, занятиях населения. В то же время приходо-расходные книги являются памятниками деловой письменности, отражающими языковые процессы соответствующего периода, этапы формирования общенациональной языковой нормы, а также локальные особенности письменной речи.

Мы обратились к Приходной книге Томского города за 1631–1632 гг. [Томск в XVII в., 2005: 11–44] с целью описания морфологических особенностей существительных и прилагательных (при цитировании приведены страницы по указанному изданию). В тексте отражается процесс изменения системы именного склонения, для которого было характерно использование как архаичных, так и новых флексий. Кроме того, предположительно на язык рукописи отчасти повлияла отдаленность Томска от городов европейской части: расположение на периферии оказывало воздействие на характер и скорость языковых изменений.

Кратко обозначим некоторые результаты проведенного исследования. Формы род. пад. ед. ч. существительных м. рода старого *ŏ-склонения достаточно часто имеют окончание *-у*, восходящее к старому *ŭ-склонению: *товару*, *збору*, *откупу*, *острогу*, *сроку* и др. Обычно это окончание представлено у собирательных или отвлеченных существительных. Формы местн. пад. ед. ч. существительных м. рода старого *jŏ-склонения употребляются с новым окончанием *-е*: *при* ***князе***, *при Семене* ***Ивановиче*** (с. 11). Новое окончание представлено и у существительных ж. рода старого *ja-склонения в форме род. пад. ед. ч.: с *торговые* ***бани*** (с. 24). Существительные м. рода, оканчивающиеся на согласный, независимо от твердости или мягкости основы, в форме род. пад. мн. ч. употребляются с окончанием, восходящим к старому *ŭ-склонению: *у* ***целовалников*** (с. 42), *сорок* ***рублев*** (с. 43) (исключением является слово *алтын*). Окончание *-ам* дат. пад. мн. ч. у существительных м. рода еще не вошло в употребление, в тексте представлено исконное окончание: *Приход … денежным* ***доходом*** (с. 42), *роздана томским* ***татаром*** *в долг* (с. 36). В то же время новое окончание отмечено у существительных старого *ĭ-склонения: *по двум* ***росписям*** (с. 13). В форме тв. пад. мн. ч. существительные м. рода имеют старое окончание: *князя Ивана Федоровича Татева с* ***товарыщи*** (с. 28), *с томскими ж* ***казаки*** (с. 43). Отметим вариативность морфологического оформления антропонимов: имена лиц мужского пола с суффиксом *-к-* выступают и как существительные ж. морфологического рода (*Терешка*, *Юрка*, *Пашка* и др.), и как существительные ср. морфологического рода (*Ивашко*, *Климко*, *Агафонко* и др.).

Для прилагательных в форме им. и вин. пад. ед. ч. м. рода характерны русские окончания *-ой*, *-ей*: *на* ***прошлой*** *на 139-й год* (с. 42), *отпущен* ***пешей*** *казак* (с. 19). Напротив, прилагательные в форме род. пад. ед. ч. ж. рода последовательно употребляются с книжно-славянскими окончаниями: *з государевы с* ***верхние*** *мелницы* (с. 31), *с* ***мяхкие*** *рухледи … четыре денги взято* (с. 13).

Литература

Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. / сост. В. А. Есипова. Томск, 2005.

Фесенко Анастасия Павловна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНСТРУКЦИЯ ТИПА «СУЕТА СУЕТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ

Предметом исследования является конструкция типа *суета сует*, которая представляет собой словосочетание, состоящее из двух одинаковых существительных, первое из которых управляет вторым в форме род. пад. мн. ч. Функционирование этой конструкции в русском языке, как и ее лексический состав, не описывались ранее. Конструкция восходит к языку Ветхого Завета: в древнееврейском языке она обозначала «наиболее выдающийся из класса объектов, именуемых данным существительным» [Берков, 2011: 35]. В. П. Берков рассматривает такую конструкцию как одно из средств выражения суперлативного значения.

Доклад посвящен рассмотрению данной конструкции в переломный момент ее употребления в русском языке. До XVIII в. конструкция употреблялась преимущественно в церковнославянском языке — библейских переводах и сочинениях, содержащих ветхозаветные цитаты, — и тем самым была ограничена набором выражений, встречающихся в Священном Писании (*святая святых, суета сует* и др.). В XVIII в. она начала постепенно проникать в нецерковный язык. Материалом исследования послужили прозаические и стихотворные тексты XVIII столетия из коллекций основного подкорпуса, подкорпуса русской классики и поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Корпусные данные показали, что в XVIII в. фиксируется активное употребление библейских сочетаний в нецерковных текстах, а на основе библейской модели возникают окказиональные образования, напр.: *Сенат — действительная рука монаршая; Сенат — орудий орудие и правительство правительств* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго (1725), НКРЯ]. Примечательно, что еще в начале столетия конструкция чаще встречалась в словах, проповедях — жанрах, принадлежащих церковно-богословской сфере функционирования, однако уже во второй половине века отмечено ее присутствие в других типах текстов. Так, случаи употребления фиксируются в философских трактатах: *Воля Божия есть то верх и* ***закон законов****; не ходи далее* [Григорий Сковорода. Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира (1760–1775), НКРЯ]. Конструкция встречается и в письмах: *Вышел недавно увраж 4-й и в (нрзб) тома «Путешествие юного Анахарсиса по древней Греции». Говорят, что это* ***книга книг*** [Н. А. Львов. Письмо В. В. Капнисту (1789–1797), НКРЯ]. Она также появляется в художественной литературе: *Я бы удалился от смрадных наемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, ненарушил бы союза родства, моею плотскою несытостию; девственность была бы для меня* ***святая святых****, и ея коснутися недерзнул бы* [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779–1790), НКРЯ].

Таким образом, XVIII в., согласно корпусным данным, можно считать временем проникновения конструкции типа *сует сует* в русский литературный язык и начальным этапом расширения ее лексического состава.

Источник

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 10.02.2025).

Литература

Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб., 2011.

Якимовская Анна Ивановна
студент 4-го курса
Государственный университет просвещения

ИСТОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-КОЛОРАТИВОМ «КРАСНЫЙ»

В докладе представлено исследование переносных значений колоратива *красный* в составе фразеологических единиц. Предмет исследования — лексическое значение структурного компонента фразеологических единиц. Цель исследования — проанализировать функционирующие в современном русском языке фразеологические единицы с компонентом *красный* для выявления исходных лексических значений колоратива.

С точки зрения этимологии прилагательное *красный* — «древнее общеславянское» [Бахилина, 1975: 162], оно восходит к слову *краса*, в древнерусском языке имевшему значения ‘красота’, ‘украшение’, ‘радость’. Отсюда и первоначальная семантика анализируемого прилагательного — ‘красивый, прекрасный’, которая имеется «во всех современных славянских языках, кроме русского, где сохранились лишь некоторые следы старого употребления» [Бахилина, 1975: 162]. В связи с этим современные толковые словари русского языка указывают значение цвета как основное, старые значения даются как устаревшие, поэтические и народно-поэтические.

Исходное значение ‘красивый, прекрасный’ сохраняется во фразеологизме *красная девица* ‘красавица’ как элемент фольклорной традиции.

Первоначальное употребление лексемы *красный* как цветообозначения фиксируется в памятниках письменности делового языка, для которого не характерны качественно-оценочные, экспрессивные эпитеты. Однако возможность соприкосновения и семантического совмещения цвета и качества ‘ценный’ можно отметить во фразеологизмах типа *красный товар* ‘товар высшего качества’ или *красная рыба* ‘высший сорт съедобных рыб’. Таким образом, в этих сочетаниях в слове *красный* обнаруживается значение ‘высшее качество’, ‘ценный’, ‘лучший’.

Колоратив *красный* реализует значение ‘почетный, главный, самый чистый, лучший’ во фразеологизмах, пришедших из крестьянского быта. Например, *красная лавка* предназначалась для почетных гостей дома. Значение ‘нарядный, украшенный’ отражено во фразеологизме *с красной строки*.

В советский период образуется целый ряд новых терминологических сочетаний со словом *красный* в значении ‘революционный, советский’, которое впоследствии осложняется и приобретает сопутствующее более древнее значение ‘лучший’: «*красная доска* — почетная доска лучших производственников» [Иссерлин, 1951: 89].

Таким образом, семантика лексемы *красный* во фразеологических единицах отражает разные этапы развития колоратива в истории языка и сложную картину формирования русского национального языка. Исконное значение ‘красивый, прекрасный’, как и значения положительного качества, являются устаревшими для современного русского языка, однако они вновь актуализируются в советскую эпоху, что позволяет говорить об архетипичности и продуктивности семантики слова *красный* как части языковой картины мира.

Литература

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в современном русском языке. М., 1975.
Иссерлин Е. М. История слова *красный* // Русский язык в школе. 1951. № 3. С. 85–89.

Левченко Екатерина Валерьевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

НАЗВАНИЯ ЖЕНСКИХ ПРИЧЕСОК В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ (этнолингвистический аспект)

Лексико-семантическая группа названий женских причесок редко рассматривается самостоятельно — в большинстве исследований названия причесок косвенно упоминаются при описании свадебного обряда или женского народного костюма. В литературе также описана ритуальная семантика волос и народные верования, связанные с ними. Женским прическам как самостоятельной тематической и лексико-семантической группе уделено недостаточно внимания, несмотря на то что названия причесок являются распространенными соматизмами и имеют связь с традиционной культурой. По мысли Т. И. Вендиной, «в слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится и передается из поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память» [Вендина, 1998: 6]. Исследование диалектных названий женских причесок именно с точки зрения языковой картины мира интересно тем, что, помимо бытующих в литературном языке и просторечии лексем *косица*, *дуля*, в говорах встречаются названия, происхождение и значение которых остается неясным для носителя литературного языка, напр., *куфелка*, *гладыш*, *кукирка*.

Целью исследования является описание лексико-семантической группы названий женских причесок в этнолингвистическом аспекте и выявление значения выбранных лексем для языковой картины мира носителей русских говоров.

Материалом для доклада стал свод диалектных словарей северных говоров, в который вошли Архангельский областной словарь, Словарь вологодских говоров, Словарь русских говоров Карелии, Областной словарь вятских говоров, Новгородский областной словарь, Словарь пермских говоров, Ярославский областной словарь и др. В круг исследования было включено более ста наименований женских причесок, особое внимание было уделено названиям причесок, маркированных как «девичьи» или «бабьи», поскольку они непосредственно связаны со свадебной традицией и народными взглядами на общественный статус женщины.

Результатом исследования стало описание лексико-семантической группы названий женских причесок с точки зрения этнолингвистики и выводы о месте выбранной лексики в диалектной картине мира. Так, исследование показало, что маркирование прически как «девичьей» или «бабьей» является нерегулярным, несмотря на сохраняющуюся в картине мира диалектоносителей связь прически со статусом женщины.

Литература

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Зикеева Алина Алексеевна
студент 3-го курса
Курский государственный университет

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «ПРИСТЕНЬ» (материалы для «Этимологического словаря Посемья»)

Целью исследования является изучение языковых особенностей гидронимов и ойконимов Курского региона, а также доказательство формирования концептуальной модели пространства этноса в зависимости от окружающей его среды. Впервые проводятся этимологический и этнолингвистический анализ потамонима и ойконима *Пристень*. Используются описательный, сопоставительный методы, этимологический анализ и этнолингвистический комментарий.

Наличие в топонимической системе Курской области одинаковых названий рек и населенных пунктов, находящихся в разных районах, объясняется специфическими особенностями, которые повторяются в процессе формирования географических названий. Для выяснения особенностей номинаций ручья *Пристень*, протекающего по территории Рыльского района, расположенного на западе Курской области, и поселка *Пристень,* расположенного на юге области, рассмотрим их происхождение с целью установить первоначальную морфологическую членимость, выделить исторический корень, определить исходное значение корневой части и пути развития первоначального значения.

При́стень (ранее *Патасевка*) — «ручей, левый приток Обесты; начало берет в овраге Пристень Рыльского района и на территории того же района впадает» [Ященко, 1974: 97].

В «Словаре местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых зафиксированы лексемы *пристéн* — ‘крутой берег реки, береговые обрывы’ [Мурзаев, Мурзаева, 1959: 182]; *стинки* — ‘береговой обрыв у реки’. В сербохорватском языке слово *стена* значит ‘скала’ [Мурзаевы, 1959: 210].

В «Словаре русских народных говоров» лексема *стена* имеет следующие значения: ‘отвесная вышина’, ‘берег озера, реки’ [СРНГ, 2007: 128]. Здесь же *стенка* — ‘склон холма, оврага, берега’ [СРНГ, 2007: 131].

Проанализировав этимологию прежнего название ручья *Пристень — Патасевка*, мы выявили, что оно имеет значение ‘возвышенность, гора’. *Тас* — ‘возвышенность или невысокая гора’ [Мурзаев, 1984: 389].

Рассмотрев происхождение ойконима *Пристень* и установив его связь с названием села *Пристенное*, мы пришли к выводу, что ойконим и потамоним имеют одинаковую этимологию.

Таким образом, было выявлено, что потамоним *Пристень* и ойконим *Пристень* отражают специфику географического ландшафта региона и восходят к значению ‘крутой берег реки, береговые обрывы, отвесный склон горы’.

Источник

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 41. СПб., 2007.

Литература

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
Ященко А. И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. Вологда, 1974.

Дудина Надежда Владимировна
студент 3-го курса
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

ШКОЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Корпус школьных сочинений как объект социолингвистического описания изучен, на наш взгляд, недостаточно, что обусловливает новизну данного исследования. Было проанализировано двадцать итоговых сочинений одиннадцатиклассников и экспертные рецензии к ним. В рамках проводимого исследования освещается вопрос о принадлежности текстов школьных сочинений к особому типу дискурса.

Дискурс понимается нами как письменный или устный вербальный продукт коммуникативного действия и рассматривается как социолингвистическое явление (в соответствии с пониманием В. И. Карасика [Карасик, 2016]). Вопрос о том, можно ли считать тексты школьных сочинений дискурсом, представляется дискуссионным. С одной стороны, этот объект обладает основными признаками дискурса, выделенными Карасиком. К этим признакам относятся: наличие участников коммуникации, имеющиеся у них частные цели и способы их достижения (стратегии и тактики), выделяемые лингвокультурологические концепты, а также уникальные коммуникативные формулы. С другой стороны, задача школьного сочинения — продемонстрировать умение создавать письменный текст, формулируя собственную позицию в отношении актуальных нравственных вопросов, в то время как, по мнению ряда исследователей (напр., Э. Бенвениста), важнейшим признаком дискурса является возможность с помощью языка управлять поведением адресата.

В ходе исследования были выделены основные элементы текстов школьных сочинений, позволяющие признать эти тексты объектом социолингвистического описания, — дискурсом.

Были также подтверждены выводы, сделанные в работе Л. О. Бутаковой [Бутакова, 2016]:

1) в школьных сочинениях представлены стереотипные когнитивные, коммуникативные, семантические стратегии;
2) прослеживается влияние интернет-дискурса на тексты школьных сочинений, свидетельствующее о приближении письменной речи школьника к разговорной.

Литература

Бутакова Л. О. Языковая способность и речевая компетенция школьников: анализ сформированности когнитивных механизмов // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 40–52.

Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 56–77.

Филатова Ксения Романовна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫК ЗАЩИТНЫХ РЕЧЕЙ Ф. Н. ПЛЕВАКО: СТРАТЕГИЯ ОПРАВДАНИЯ

Защитительные речи выдающегося адвоката XIX в. Ф. Н. Плевако представляют собой уникальный материал для изучения стратегий оправдания в рамках судебного процесса. В качестве материала для доклада взят яркий образец русского судебного красноречия — речь Плевако в защиту князя Г. И. Грузинского, обвинявшегося в уголовном преступлении, а именно — в убийстве бывшего гувернера своих детей.

Цель исследования — выявить характерные для Плевако речевые тактики оправдания, показать влияние используемых им языковых средств и коммуникативных стратегий на мнение присяжных, на вынесение ими оправдательного вердикта.

В работе рассматриваются структурно-семантические компоненты «оправдания» в защитительной речи в рамках процесса речевого воздействия на аудиторию. Новизна работы заключается в лингвистическом взгляде на древнейший уголовно-процессуальный институт оправдания. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения практики судебного красноречия, его эволюции для развития современной юридической лингвистики и риторики, а также своей отнесенностью к одному из перспективных направлений современной науки — прагмалингвистике.

Материал рассмотрен с помощью метода лексического анализа. Например, князь Грузинский в речи Плевако именуется *светлейшим потомком царственного грузинского дома* [Судебные речи, 1958: 492], что призвано акцентировать внимание публики на происхождении князя, его социальном статусе, подразумевающих (исторически) высокие моральные качества человека, а также ассоциативно — невозможность совершить несправедливый поступок. Первоначальная цель оратора — создать «высокий» образ обвиняемого в глазах присяжных.

В работе используется коммуникативно-прагматический анализ, рассматривается коммуникативно-риторическая структура высказываний. Для выявления и описания речевых тактик и стратегий речь анализируется с точки зрения использованной лексики, синтаксической структуры, риторических приемов и т. п. К примеру, оратор начинает речь в защиту князя Грузинского с эмотивной конструкции неожиданности, разочарования в речи оппонента-прокурора: *Я такого содержания речи не ожидал* [Судебные речи, 1958: 492]. Это ломает намеченную ранее защитительную речь адвоката и побуждает его к спонтанному слову, на которое *наталкивает сердце* [Судебные речи, 1958: 492]. Этот прием используется для того, чтобы расположить к себе публику, заставить ее восхититься мастерством оратора-защитника, осознать несправедливость и возмутительность аргументов оппонента. Контекстуальный анализ показывает, что в одном логическом высказывании оратор объединяет «низкие» доводы прокурора (нелюбовь князя к жене, презрение к людям, низшим по статусу и др.) и положительную характеристику князя, т. е. выстраивает контрастное высказывание, тем самым стремясь вызвать недоумение слушателей, заставить их усомниться в сказанном ранее и посмотреть на дело с другой стороны.

В результате выявляются такие характерные признаки защитительной речи Плевако, как выстраивание контекстуальных речевых контрастов, вкрапление лирических отступлений на злободневные общественные темы, использование синонимичных повторяющихся конструкций и др.

Литература

Судебные речи известных русских юристов / сост. Е. М. Ворожейкин; отв. ред. М. М. Выдря. М., 1958.

Ершова Лия Константиновна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭВФЕМИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВАМ: ТАБУ, ЦЕНЗУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Цель данной работы — выделить стратегии эвфемизации, распространенные в русскоязычном интернет-дискурсе о психических расстройствах. Материалами исследования стали форумы и сообщества, посвященные теме ментальных заболеваний (такие как «Шизофрения и Я», «Форум аутичных людей»).

В русскоязычном дискурсе о психических расстройствах выделяются следующие стратегии эвфемизации:

1) аббревиатуры и акронимы: *ПНД* (психоневрологический диспансер), *АД* (антидепрессанты);
2) метафоры: *тараканы в голове*, *едет кукуха*;
3) заимствования и кальки с английского: *менталка* (‘ментальное здоровье’), *селфхарм* (‘самоповреждение’);
4) перефразирование и генерализация: *данное заведение* (о ПНД), *больна этим* (о диагнозе);
5) сленговая модификация: *пограничник* (‘человек с пограничным расстройством’), *барщица* (‘девушка с биполярным расстройством’);
6) замена на символы: *с***цидальное поведение*, *мысли о* [эмодзи череп] (о смерти);
7) коды в МКБ: *двадцатка*, *F20* (шизофрения), *эфочка* (психиатрический диагноз).

Поскольку функция табу — запрещать употребление выражений, «подрывающих благо сообщества» [Allan, Burridge, 2006], нередко табуированная лексика становится предметом внешней цензуры. Это приводит к появлению разнообразных стратегий избегания ограничений:

1) *…а ей втирал, что делает это из-за страха того, что я* [цензура: суицидальное действие];
2) *Думаю о селфхарме и ркн, но пока держусь.*

РКН (сокращение от «Роскомнадзор» — организации, отвечающей за такого рода запреты) — крайне распространенный эвфемизм для суицида, демонстрирующий случай добавочной эвфемизации, часто возникающей, когда употреблять просто эвфемизм опасно. Встречаются и случаи отказа от эвфемизации — как правило, они касаются менее стигматизированных тем. Интересны также случаи употребления дисфемизмов (*шиза, психушка*).

Для каждого из рассмотренных интернет-сообществ характерен определенный набор коммуникативных стратегий: так, в сообществах с более молодыми пользователями употребляются подчеркнуто политкорректные заимствования и термины из психиатрического дискурса. Особого внимания заслуживает стратегия trigger warning — в ряде интернет-сообществ принято предупреждать других пользователей о потенциально опасном содержании текста.

Практика использования эвфемизмов в онлайн-сообществах людей с психическими расстройствами подтверждает высказанное К. Барридж предположение о том, что функция эвфемизма не ограничивается избеганием табуированного выражения и соблюдением принципов вежливости [Burridge, 2012]. В таких сообществах эвфемизмы позволяют пользователям подчеркивать свою принадлежность к конкретному онлайн-сообществу, обходить внешнюю цензуру и демонстрировать свое отношение к ней, а также играют важную роль в конструировании идентичности людей с ментальными расстройствами в целом.

Литература

Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Cambridge, 2006.
Burridge K. Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages // Lexis. 2012. Vol. 7. P. 65–92.

Коврегина Галина Валерьевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ В. ХЛЕБНИКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ)

Изучение языковой личности (далее — ЯЛ) представляет большой интерес для исследователей в связи с актуализацией антрополингвистического направления в науке. Ю. Н. Караулов пишет: «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись… <…> …к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987: 7]. Этот тезис подчеркивает важность и актуальность исследования ЯЛ отдельно взятого человека.

В докладе представлена попытка изучения ЯЛ В. Хлебникова с опорой на модель Караулова, утверждавшего, что ЯЛ состоит из трех уровней:

1) вербально-семантического: отдельные слова и грамматические конструкции;
2) лингвокогнитивного: область знаний о мире языковой личности;
3) мотивационного: прагматикон языковой личности.

Материалом исследования послужили 17 писем Хлебникова, написанные с 1908 по 1909 г. членам его семьи. Выбор адресатов обусловлен тем, что в письмах к своей семье Хлебников говорит о бытовых проблемах, благодаря чему можно рассмотреть проявления ЯЛ в приближенной к повседневному общению ситуации. Временные границы были выбраны в связи с фактами биографии поэта: в 1908 г. он приезжает в Санкт-Петербург и знакомится со знаковыми фигурами литературы того времени.

Выявление особенностей ЯЛ велось методом описания писем Хлебникова. Частотные темы, затрагиваемые автором в 1908–1909 гг. (литературная деятельность, быт) выявлялись методом контентного анализа. Цель исследования — выявление характерных особенностей ЯЛ Хлебникова, явленных в т. н. эго-документах. Новизна работы заключается в том, что ЯЛ Хлебникова, проявляющаяся в текстах личностного характера, находящихся за рамками его творчества, не была предметом исследования лингвистов.

В качестве примера приведены некоторые наблюдения над лингвокогнитивным уровнем ЯЛ Хлебникова.

Так, важнейшими темами для ЯЛ поэта являются темы семьи и литературной деятельности, знакомство и взаимодействие с творцами того времени. В письмах Хлебников очень часто интересуется успехами своих брата и сестры: *Шура продолжает ли занятия естествоведением?* (Е. Н. Хлебниковой, Петербург, 28 ноября 1908 г. — в Одессу) [Хлебников, 2020: 408]; *Как Верина живопись?* (В. А. Хлебникову, Петербург, 13 ноября 1909 г. — в Дубны, Полтавской губ.) [Хлебников, 2020: 419].

В контексте значимости места литературной деятельности в системе ценностей Хлебникова наиболее интересным представляется следующий отрывок: *Я пишу о себе: вчера имел счастье видеть свое произведение «Искушение грешника» в печати в «Весне»* (В. В. Хлебниковой, Петербург, 23 октября 1908 г. — в Туапсе) [Хлебников, 2020: 407]. Для ЯЛ Хлебникова характерна ассоциация «я — мое творчество»: между этими элементами может быть поставлен знак равенства.

В свою очередь активное, свободное обращение к фразеологии, создание метафор на ее основе говорит о высоком уровне языковой компетенции Хлебникова: *Я на всех парусах стремлюсь очутиться в январе месяце через скучные праздники* (В. В. Хлебниковой, Петербург, 28 декабря 1909 г. — в Москву) [Хлебников, 2020: 419].

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
Хлебников В. В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 2020.

Лимаренко Мария Руслановна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ В УСТНЫХ ЛЕГЕНДАХ РУССКОГО СЕВЕРА (на материале архива СДК)

Этнолингвистика — молодая дисциплина, которая рассматривает язык в его отношениях к этнокультуре и культуре в целом, изучает этнокультурные и этнопсихологические факторы его функционирования (в том числе в конкретном регионе). В 1984 г. проф. ЛГУ О. А. Черепанова создала научную экспедиционную программу «Духовная культура Русского Севера в народной словесности», материалы этих экспедиций составили архив «Севернорусская духовная культура» (СДК). Одно из направлений программы — сбор и изучение материала по теме народного православия (термин А. А. Панченко) [Панченко, 1998], в частности, фиксация спонтанных рассказов носителей русской традиции о почитаемых ими святых. Именно такие записи устных агиографических легенд (под легендой понимается текст повествовательного характера и мифопоэтического содержания [Мороз, 2009: 17]), сделанные в Борисоглебском, Тутаевском и Любимском районах Ярославской области, стали материалом для настоящего исследования.

Различные способы речевой репрезентации местночтимых святых отражают как традиционную картину мира в общем, так и конкретные представления, которые сформировались у носителей традиции в результате распространения народной агиографии. Изучая их, можно реконструировать составляющие духовной культуры Русского Севера, причем не только прошлого, но и настоящего времени. Предметом нашего исследования пока что стали только способы номинации общепочитаемых, местночтимых канонизированных и неканонизированных святых. Цель исследования — описать и проанализировать агионимы, употребляемые в представленных в СДК агиографических легендах, по различным собственно лингвистическим параметрам (способы номинации, структура номинации, содержание номинации и др.).

Новизна такого исследования заключается в том, что, во-первых, лингвистическая сторона народного православия, в том числе способов именования святых, до сих пор остается малоизученной. Во-вторых, изучаемый материал еще не становился объектом лингвистического исследования. При помощи описательного метода, методов контекстуального и структурно-семантического анализа были проанализированы номинации 18 местночтимых святых. Общий вывод анализа состоит в том, что употребляемые в легендах агионимы имеют высокую смысловую нагрузку, что не характерно для антропонимов в обыденной речи. Мотивация выбора номинации, по предварительным выводам, обусловлена народными представлениями о герое повествования. Например, в легендах о том, как Николай Чудотворец кому-то помог, наиболее предпочтительной оказывается форма *Никола / Николай Угодник* (в православном каноне: *Угодник* — ‘угоден Богу’; в народном православии: *Угодник* — ‘угождает людям’).

Кроме того, анализ показал, что номинации святых способны формировать традиционную картину мира и развертываться в новые тексты. Так, поскольку один и тот же святой именуется по-разному, возникает представление, что Иоанн Креститель и Иоанн Предтеча — это два разных персонажа.

Литература

Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Сизых Ульяна Александровна
студент 3-го курса
Государственный университет просвещения

ОСОБЕННОСТИ ФОНОСЕМАНТИКИ А. Е. КРУЧЕНЫХ

Попытки создания авангардистами универсального поэтического языка характеризовались обращением к истокам глоттогенеза, демонстрирующим мотивированность знака и отрицающим его произвольность. Результатом принятия данных установок стало обращение А. Е. Крученых к явлению звукоизобразительности, т. е. наличию устойчивой не-произвольной связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата [Воронин, 2006: 166]. Данное исследование посвящено описанию указанного принципа в поэзии автора. Исследование проведено на материале стихотворений разных лет. Для рассмотрения явления звукоизобразительности был применен метод фоносемантического анализа, предполагающий анализ функций отдельных фонем, звукокомплексов и их положения в структуре поэтического текста.

Звукоизобразительные слова в поэзии Крученых могут быть разделены на несколько типов.

Один из способов звукоизобразительности заключается в воспроизведении акустического денотата: примером может послужить окказиональное существительное *пискленок* из стихотворения «Катька бумажный ранет» (1928), образованное от лексемы *писк*.

Другой способ представляет собой установление звукосимволической артикуляционной связи между денотатом и фонемным составом слова, передающей внутреннее телесное состояние посредством артикуляции. Например, краткое прилагательное мужского рода *хрипяч* из стихотворения «Жарночь в Москве» (1928) мотивировано существительным *хрип*, образованным, в свою очередь, от звукоподражательного элемента *хри*.

Наконец, неоднократно встречаются звукоизобразительные слова, создающие образы внешних предметов через артикуляцию. К данному типу принадлежит окказиональное существительное *хлюстра (*«Хлюстра упала хилому графу на лысину…» (1920)), возникшее на базе словосочетания *хлипкая люстра,* имеющего семантику шаткости.

Следует отметить, что единичное использование автором звукоизобразительных слов встречается довольно редко: чаще всего они образуют звукосмысловой ряд, обнаруживающийся в «различных дискурсных и структурных единицах и частях поэтического текста» [Казарин, 2000: 95] и содержащий определенную фоносмысловую интерпретанту. Например, в стихотворении «Мароженица богов» (1923) содержится типовой звукокомплекс [х], [р], [л], [т], [ч], [ц] с ведущей текстофонемой — интерпретантой [х], реализующийся в лексической парадигме: *Христос, хрипеть, хрупики, трухлявый* и др.

Кроме того, при изучении заумного речетворчества Крученых важно учитывать ориентацию автора на активное использование заумных квазислов, представляющих собой языковые единицы, оформленные в виде определенного звукокомплекса. В творчестве Крученых также нередки случаи их группировки в комплекс лексоидов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что стремление содержания и формы к взаимосоответствию стимулировало развитие звукоизобразительности как наиболее удачного способа реализации всего функционала языка. Фоносемантический анализ поэтических текстов Крученых позволяет интерпретировать заумное творчество автора и выявлять общие тенденции к использованию отдельных звукоизобразительных слов и звукосмысловых полей.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006.

Казарин Ю. В. Анаграмма как способ смысловыражения в поэтическом тексте // Известия Уральского университета. 2000. № 17. С. 92–99.

Мизитова Кристина Сергеевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКА ТАКТИЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ В РАССКАЗАХ В. В. НАБОКОВА «УДАР КРЫЛА», «МЕСТЬ»

Семантическое членение лексики как системы всегда вызывало споры и неоднозначные решения, одним из общепризнанных подходов оказался метод выделения тематических групп (ТГ). Лексика тактильного восприятия, выражающая осязательные ощущения человека (прикосновения, ощущение тепла, холода, боли и др.), может быть представлена в виде ТГ, объединяющей слова разных частей речи. В качестве рабочей взята классификация общих и частных форм тактильности, предложенная А. Р. Лурия [Лурия, 2012: 99].

На материале двух рассказов, принадлежащих к русскому периоду творчества В. В. Набокова, рассматривается использование языка прикосновений, имеющего для художественной ткани рассказов важное содержательное значение — создание особого «вещественного» мира, данного в психофизической рефлексии человека (персонажа). Выбор произведений обусловлен наличием в них обилия лексем со значением тактильности, а также самим содержанием рассказов.

Новизна проводимого исследования определяется отсутствием обобщающих работ, анализирующих художественный язык Набокова в рассказах его русского периода «Месть» и «Удар крыла», а также отсутствием исследований, посвященных тематическим группам лексики в этих произведениях.

Итогом исследования стали следующие выводы:

1) тактильная лексика представлена группами глагольной (*скользнуть, поцеловать* и др.) и именной лексики (*мягкий, холодный, шерстяной* и др.);
2) лексику тактильности можно поделить на несколько групп по признаку сюжетного действия: касание человека человеком (*Сказал студент, легко пожав большую холодную руку, поданную ему* [Набоков, 2004: 55]), касание человеком предмета (*Керн прошел по скользившим волнам ковра, плечом толкнул стеклянную падавшую дверь* [Набоков, 2004: 48]), воздействие внешних / внутренних факторов на человека (*Свинцовая усталость сжимала ему виски* [Набоков, 2004: 43]) и др.;
3) тактильная лексика является составной частью тематического плана текстов, она реализует авторский замысел в отношении сюжетостроения и является существенным стилистическим маркером произведений Набокова.

Вещественность составляет смысловой центр произведений Набокова, организуя их структуру, что отмечают многие исследователи его творчества. Рассмотрение авторского репертуара лексики тактильности, как кажется, может раскрыть специфику выражения этой вещественности.

Литература

Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. М., 2012.
Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб., 2004.

Вырлан Мария Сергеевна
студент 4-го курса
Сыктывкарский государственный университет им. П. А. Сорокина

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУССКИХ ОБРАЩЕНИЙ

Целью исследования является выявление концептуальных свойств русских интимных обращений. Новизна исследования заключается в недостаточной научной разработке явления интимных обращений в современном языкознании, тогда как исследование концептуальных свойств этой группы слов может способствовать выявлению языкового образа психологической или социальной близости между людьми.

Источниками исследования послужили полевой материал, собираемый с мая 2022 г., «наивный» словарь интимных обращений интернет-портала «Караван» и данные форумов Woman.ru и Babyblog. Кроме того, в качестве дополнительного источника материала привлекался Национальный корпус русского языка.

В ходе анализа слов-обращений — их морфологической структуры, лексического значения и стилистических свойств — был выявлен набор лингвокультурно значимых семантических компонентов (концептуальных сем), которые формируют образ близости в русской языковой картине мира. Среди них можно выделить сему ‘детское’, которая проявляется в вокативах на различных уровнях.

На фонетическом уровне концептуальная сема ‘детское’ проявляется в том, что в интимных обращениях доминантными являются губные звуки (*бубочка*), что придает речи «сюсюкающий» характер. Кроме того, подобная артикуляция ассоциируется с невинным детским поцелуем как выражением ласки ребенка.

На морфологическом уровне концептуальная сема ‘детское’ проявляется в использовании морфем со значением ‘детеныш’ в составе слов-обращений. Последние встречаются как в исходной форме (*котенок, медвежонок*), так и в форме диминутива (*бобреночек, ягненочек*), которая усиливает ласкательную модальность. Основанием для употребления таких обращений может быть ассоциация номинатора: детеныш животного воспринимается как безобидное существо, вызывающее желание защитить и приласкать. Отмечается также употребление «супердиминутивных» форм (*кисусятинка*), содержащих несколько диминутивных формантов, позволяющих передать соответствующий эмоциональный заряд.

На лексическом уровне концептуальная сема ‘детское’ в интимных обращениях эксплицируется номинациями ребенка (*малышка, детка*; при этом данные обращения зачастую не соотносятся с реальным возрастом номинанта и адресуются взрослым людям), а также словами, номинирующими мир ребенка: это именования игрушек (*куколка, пупсик*) и имена персонажей мультипликационных фильмов для детей (*Умка, Чебурашка*).

На функциональном уровне концептуальная сема ‘детское’ проявляется употреблением в дискурсивных условиях близкого общения обращений типа *дядя, мамочка*, адресованных людям, не связанных с номинатором соответствующими родственными связями. Такие вокативы интерпретируются как слова, в которых функционально отражается позиция ребенка (ср. *дядя* в детской речи — ‘незнакомый мужчина’).

Апелляция к миру детства в русских интимных обращениях позволяет говорить о концептуальной важности семы ‘детское’ для обозначения близости между людьми в языковом сознании носителей русского языка. ‘Детское’ как воплощение милого, безобидного, нуждающегося в защите и поддержке является частью представления о близости между людьми в русской картине мира и потому служит эффективным инструментом вербального обозначения близких отношений между коммуникантами.

Волкова Аделина Наилевна

студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТЕ БОЛЕЛЬЩИЦКОГО БАННЕРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА

В качестве теоретической основы доклада выступают научные исследования, посвященные типам речевых культур, языковой игре и типологии речевых жанров [Бахтин, 1996].

Согласно О. Б. Сиротининой, выделяются восемь типов речевых культур, для нашего исследования интерес представляет внелитературный арготический тип, который «формируется в определенных социальных группах ради "шифрования", сокрытия информации от посторонних и в парольной функции» [Сиротинина, 2014]. Очевидно, что арготическая речевая культура включает в себя жаргонную речь определенной субкультуры, в нашем случае — фанатской. Одной из форм проявления этой субкультуры является баннеро-плакатное творчество спортивных болельщиков [Строганов, Боровик, 2014].

Рассмотрение языковой игры, часто составляющей основной тип словесного творчества в текстах баннеров (плакатов), вписывается в тематику работ, имеющих антрополингвистическую направленность, что во многом составляет актуальность и новизну настоящей работы.

Языковая игра — «результат оригинального … варьирования языковых и речевых норм на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [Шаховский, 2008: 367]. Одним из наиболее распространенных инструментов языковой игры можно назвать обращение к общеизвестным и культурно важным, иначе говоря — прецедентным, текстам, которые используются в несколько трансформированном виде. Так, нередки примеры плакатов, содержащих слоганы с аллюзией на популярные песни, фильмы, мультфильмы, сказки и даже рекламу. Механизмы языковой игры при трансформации прецедентных текстов вполне ожидаемы: замена компонентов прецедентного текста; переосмысление одного из компонентов текста в контексте болельщицкой культуры; композиционная трансформация исходного текста с сохранением его основных компонентов и др. Напр.: *ВпереД Динамо* / *«ВыйДем в поле сегодня с конем» (*так болельщики минского «Динамо» обыграли матч с ЦСКА, который в среде болельщиков имеет прозвище «кони»); *Любовь это когДа играет любимая командДа* (плакат стилизован под популярную в 2000-х гг. жвачку «Love is…»); *Мы свое призвание не забудем за Динамо фанатеть мы будем* (обращение болельщиков минского «Динамо» к песне из мультфильма «Бременские музыканты»).

Таким образом, подобная апелляция к прецедентным текстам, их трансформация согласно актуальной коммуникативной ситуации свидетельствует о безусловной творческой составляющей той части болельщицкой среды, которая занимается подготовкой этих текстов, а также об идентификационной и одновременно кумулятивной функции текстов — прецедент и его восприятие возможны только в среде людей, имеющих единый культурный фон.

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М., 1996. С. 181–182.

Сиротинина О. Б. Типы речевой культуры // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Красноярск, 2014. С. 685–687.

Строганов М. В., Боровик Р. А. Футбольные кричалки и речевки как жанры городского фольклора // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 196.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Медведева Анна Дмитриевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ТОПОНИМА КАК ХРАНИТЕЛЬ «НАИВНОГО» ЗНАНИЯ О МЕСТНОСТИ (на материале топонимических легенд Русского Севера)

Доклад посвящен топонимическим легендам как способу раскрытия этнокультурной информации, хранящейся во внутренней форме топонима. Целью исследования является выявление языковых стимулов, на которые реагирует носитель традиции при порождении легенды, и обобщение значимых фрагментов знания о местности. Та или иная информация оказывается маркирована и осознается как значимая до такой степени, что с ее помощью через топономикон организуется пространство. Новизна исследования обеспечивается материалом и ракурсом работы, нацеленным не только на мифологическую семантику («чистые» и «нечистые» места), но и на другие представления о пространстве и их отражение в языковых стимулах.

В качестве материала выбраны топонимические легенды Архангельской области в записях Архива духовной культуры Русского Севера СПбГУ и архива Пропповского центра СПбГУ. Эта территория известна не только как «архаичная зона», но и как место взаимовлияния славянской и финно-угорской традиционных и языковых культур, что позволяет анализировать объяснения субстратных топонимов, мотивация которых недоступна для русского наивного языкового сознания. Использованы такие методы, как сплошная выборка для отбора материала, метод ассоциативных полей для анализа стимулов [Березович, 1999] и семантический анализ.

Результатом работы стал анализ языковых сигналов, ведущих к созданию легенды и рассмотрение видов этнокультурного знания, эксплицируемого в толковании топонима в фольклорном тексте. Например, субстратный топоним *Лампожня* интерпретируется через два элемента-стимула: *Лам* и *пожня*. Можно предположить полукалькирование, русская часть которого понятна и реализует свою семантику ‘луг’, а иноязычная требует переосмысления в соответствии с представлением носителя традиции о семантических моделях называния пространства. Так, в легенде топоним предстает как хранитель знания не только о ландшафте и плодородности почвы, но и о легендарном первопоселенце: *И там, единственное, что все луга заливные! Трава большая! Он там скота, лошадей разводил! Ну как бы основатель-то Лам был, Лам его звали*. *Пожня*, вероятно, первичный стимул, который запускает процесс текстопорождения, а *Лам* как личность возникает и из необходимости обозначить, кому принадлежит луг (локальные традиции называть пахотные наделы по именам работников: *Махонькина Чищенка* и др.), и по причине высокой оценки роли первопоселенца в истории края.

Литература

Березович Е. Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 3–30.

Михайлова Дарья Михайловна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТИ В. М. ШУКШИНА «ЭНЕРГИЧНЫЕ ЛЮДИ»

В докладе анализируются языковые способы выражения «пьяной речи» персонажей сатирической повести В. М. Шукшина «Энергичные люди» (1974). Актуальностью исследования можно считать его встроенность в относительно новое направление современной русистики — лингвистическое изучение измененных состояний сознания (ЛИСС) человека, а также — в традиционную для отечественной лингвистики проблему изучения языка художественного текста. Привлечение в качестве материала для исследования в выбранном аспекте повести Шукшина, самобытного писателя, сценариста, режиссера, актера, — составляет новизну работы.

В качестве теоретической базы доклада выступают научные работы, посвященные теории ЛИСС [Спивак, 1986; Носенко, 1974], а также исследования, посвященные идиостилю Шукшина. Объектом исследования выступает язык повести Шукшина «Энергичные люди» как система речевых средств, создающих уникальный авторский идиостиль, а предметом — языковые способы выражения аномальной речи («пьяной речи») ряда персонажей повести. В ходе разноуровневого лингвистического анализа текста выявлен ряд средств, служащих для отображения такой речи. Среди них обращает на себя внимание, напр., пунктуационное оформление текста (обилие восклицательных знаков, многоточий, призванных продемонстрировать интонацию возбуждения, присущую «пьяной речи»). На уровне лексики отмечается большое количество клишированных выражений, экспрессивной, оценочной, в том числе бранной лексики; на уровне морфологии — использование множества частиц и междометий, замечено преобладание глаголов над именами. Показательными для «пьяной речи» оказываются и ее синтаксические характеристики, а именно — редуцирование и упрощение синтаксических конструкций, парцелляция, значительное количество сегментированных предложений.

Отмеченные языковые признаки создают гротескные речевые образы основных персонажей этой сатирической повести, что отвечает замыслу Шукшина — «вывести на сцену людей, “ожиревших душой”» [Горн, 1981: 74]. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей работе над изучением идиостиля Шукшина, а также могут быть применены при исследовании других художественных текстов в аспекте ЛИСС. В докладе подчеркивается, что художественные тексты, тем более созданные выдающимися писателями, наиболее цельно и системно отражают речевую культуру конкретной эпохи, содержат наиболее показательные примеры того или иного типа речевого поведения, в том числе — в части выражения аномальной речи человека.

Литература

Горн В. Ф. Характеры Василия Шукшина. Барнаул, 1981.
Носенко Э. Л. Эмоциональное состояние и речь. Киев, 1974.
Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986.

Шубин Кирилл Александрович

магистрант 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЭТИКИ Д. КНУТА 1930-х гг.: ФОРМАЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУСЫ

В докладе рассматривается позднее творчество Д. Кнута (1900–1955), а именно поэтические сборники «Парижские ночи» (1932), «Насущная любовь» (1938) и цикл стихотворений «Прародина». В 1930-е гг. к сборникам Кнута относились неоднозначно: критики, одобрив «Парижские ночи», холодно отозвались на «Насущную любовь». Разная реакция критики предполагает изменение стиля, который мог изменяться, не выходя за рамки неоклассической эмигрантской поэзии 1930-х гг. Чтобы исследовать трансформацию поэтики Кнута, сосредоточимся на его лексике. Новизна исследования обусловлена малоизученностью языка поэзии первой волны эмиграции и тем, что творчество поэта нуждается в переосмыслении: последние монографии о нем появились 20 лет назад.

Нами были составлены формальный и функциональный тезаурусы, в которые включены все полнозначные слова из текстов Кнута 1930-х гг. Тезаурусы позволяют выявить систему художественного мира автора, а сопоставив их, можно продемонстрировать ее развитие. В докладе мы опираемся на исследование М. Л. Гаспарова [Гаспаров, 1995].

В формальном тезаурусе, следуя классификации ученого, выделяем следующие разряды: «общие понятия», «неживая природа», «живая природа», «человек телесный», «человек духовный», «человек общественный», «человек деятельный», «вещи». В функциональном тезаурусе к предложенным Гаспаровым разрядам «общие понятия», «я», «ты», «мы», «окружение» был добавлен разряд «природа». В результате подсчетов выяснилось, что в формальном тезаурусе «Парижских ночей» чаще всего встречаются слова из «общих понятий» и «человека духовного» (каждый из разрядов содержит 21–22 % от общего числа слов), за которыми следует «человек деятельный» (15 %). В «Насущной любви» разница между разрядами возрастает: лексика «человека духовного» (32 %) встречается гораздо чаще слов из «общих понятий» и «человека деятельного» (17–18 % каждый).

В функциональной классификации слова́ из разрядов «окружение» и «природа» почти исчезают: они используются исключительно для изображения субъекта и адресата, раскрывая их чувства. В «Прародине» ситуация меняется: чаще всего встречаются разряды формального тезауруса «общие понятия», «неживая природа» и «человек духовный» (18–19 %). В функциональном тезаурусе сильно возрастает процентная доля лексики из «окружения» и «природы» за счет олицетворений, реализованных словами из формальных разрядов «человек деятельный» и «человек духовный». В стихотворном цикле главное внимание уделяется природе как отражению законов мира. Лексика «Парижских ночей», как нам представляется, наиболее вариативна и оригинальна. Слова формальных разрядов «общие понятия» (22 %) и «вещи» (13 %) встречаются чаще, чем слова остальных групп. С помощью этой лексики передаются, с одной стороны, воспоминания поэтического субъекта, наполненные конкретными предметами, а с другой — его меланхоличные размышления на фоне французского города.

Таким образом, во всех сборниках прослеживаются доминирующие разряды в формальном тезаурусе: «общие понятия» и «человек духовный», — но они обладают функциональной вариативностью, не исключающей при этом системность художественного мира Кнута.

Литература

Гаспаров М. Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Избранные статьи. М., 1995. С. 275–285.

Бурьян Дарья Александровна
студент 3-го курса
Государственный университет просвещения

КОНЦЕПТ «ЛЕС» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

Цель исследования — проанализировать семантические характеристики лексем, входящих в лексико-семантическое поле концепта «лес» в пьесах А. П. Чехова «Леший» и «Дядя Ваня». Новизна исследования обусловлена тем, что ранее в научной литературе произведения «Леший» и «Дядя Ваня» не были проанализированы в избранном нами аспекте.

Материалом исследования служат найденные в произведениях лексемы *лес*, *лесничество*, *лесничий*, *леший*. В работе были использованы методы сплошной нацеленной выборки, лингвистического наблюдения, контекстуального анализа. В текстах отмечаются употребления слов в значениях, соответствующих дефинициям, зафиксированным в «Большом толковом словаре русского языка» [БТС]. Напр.: *Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже прислали бронзовую медаль и диплом* («Дядя Ваня»), где слово *лес* употреблено в словарном значении ‘множество дикорастущих деревьев’. В то же время отмечены употребления слов в индивидуально-авторских значениях, не совпадающих со словарными. Напр.: *Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот…* («Дядя Ваня»), где слово *лес* приобретает дополнительный оттенок значения ‘лес как пастбище’. При анализе произведений выявлена группа высказываний, в которой была реализована семантическая многомерность и диффузность семантических характеристик исследуемых слов. В данном случае можно говорить о синкретизме значений. Напр.: *Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга* («Дядя Ваня»).

Таким образом, можно полагать, что в пьесах «Леший» и «Дядя Ваня» концепт «лес» раскрывается не только через призму общей русской языковой картины мира, но и через личную языковую картину мира Чехова. Писатель создает собственные, но вполне простые для понимания смыслы в лексико-семантическом поле вышеупомянутого концепта.

Источник

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

Саватьева Светлана Владимировна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

НОМИНАЦИИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В КОНТЕКСТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Целью исследования является анализ лексико-семантических и словообразовательных особенностей лексических единиц, номинирующих мужчин и женщин по типу или роли в межличностных отношениях, в современном русском интернет-дискурсе. Источником материала послужили крупные форумы Рунета, на их основе была отобрана база исследования, которую составили более 100 сообщений, включающих соответствующие номинации.

Несмотря на то что концепты ‘женщина’ и ‘мужчина’ получили достаточно широкое описание в различных исследованиях, в том числе на материале русскоязычных форумов (см., напр., [Гайфуллина, 2008; Гайфуллина, 2010]), нам не встретилось трудов, посвященных лексической парадигме, отображающей межличностные отношения мужчины и женщины, что и составляет новизну работы. Анализ дискурса онлайн-форумов, посвященных отношениям между мужчинами и женщинами, выявляет высокую степень оценочности лексики, употребляемой пользователями при номинации лиц разного пола. Оценочный компонент этих лексем служит индикатором характера взаимоотношений, описывая различный статус участников и потенциальное влияние третьих лиц на динамику отношений пары. Сложность и многогранность этих отношений находят отражение в номинативных стратегиях, применяемых для обозначения лиц обоих полов. В результате проведенного исследования выявлена значимая асимметрия положительной и отрицательной зон оценки у группы слов, используемых для описания мужчин и женщин в контексте межличностных отношений. Наблюдается существенный перевес лексических единиц, обладающих негативной коннотацией, по сравнению с единицами, имеющими положительную оценочную окраску.

При достаточно большом количестве лексических коррелятов мужского и женского рода характерной чертой исследуемого материала является наличие лакунарных единиц [Байрамова, 2011: 22], а также единиц, гендерная специфика которых эксплицитно выражена только в контексте (*РСП, неликвид* и др.).

В современном русском языке существительные мужского рода занимают главенствующую позицию и часто становятся производной основой для образования существительных женского рода, что наблюдается и в исследуемом материале. Вместе с тем возможно выделить группы феминитивов и маскулинитивов, образованных, вероятно, в качестве оценочных наименований лиц обоих полов. Среди активных способов словообразования можно назвать: аффиксальный, безаффиксный, сложение, аббревиацию, универбальный, а также лексико-семантический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический. Заимствования подвергаются словообразовательной адаптации, однако некоторые передаются при помощи транслитерации.

При создании лексем наблюдается и игровая эрратография. Несмотря на то что пик активности в использовании орфографических девиаций наблюдался 15–20 лет назад, практика имитации орфографических ошибок все еще встречается в интернет-дискурсе (*аленяка, алениха*).

Литература

Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 25. Вып. 58. С. 22–27.

Гайфуллина А. Н. Концепт МУЖЧИНА в мужских форумах // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. научных трудов с международным участием. Киров, 2008. С. 98–104.

Гайфуллина А. Н. Образ женщины в виртуальном мире // Современные проблемы русистики и лингвометодики: материалы Республ. научно-практич. конф. Казань, 2010. С. 149–154.

Сахоненко Анастасия Александровна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОДАВАТЬ КОТА В МЕШКЕ: ОБ ОДНОМ ВИДЕ АНТОНИМИЗИРУЮЩИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В речи носителей русского языка фразеологизмы могут претерпевать разного рода трансформации, в том числе такие, которые меняют значение фразеологизма на противоположное (*давать зеленый свет — давать красный свет* или *не давать зеленый свет*). Данные трансформации классифицируются нами как антонимизирующие. В настоящем исследовании подробно рассматривается один из типов антонимизирующих трансформаций, а именно трансформации с заменой одного из ядерных элементов фразеологизма на оппозит. Под оппозитами понимаются лексемы, интуитивно противопоставляемые носителями языка, даже если данные пары лексем не будут являться антонимами в строгом понимании (напр., конверсивы).

В качестве материала исследования использовались примеры из словаря «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [ФРР, 2001] и данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Для уточнения речевых потенций фразеологизмов, а также в иллюстративных целях привлекались примеры из сети Интернет.

Трансформации с заменой на оппозит занимают второе место среди всех типов антонимизирующих трансформаций (14,15 % от примеров из [ФРР, 2001] и 5,5 % от примеров из [НКРЯ]). Наш материал показывает, что, помимо стандартных пар оппозитов (напр., ***холодная*** *война —* ***горячая*** *война,* ***покупать*** *кота в мешке —* ***продавать*** *кота в мешке*), антонимизирующие трансформации могут создаваться с использованием контекстных антонимов, причем выбор контекстного антонима, по всей видимости, обусловлен особенностями заменяемой лексемы, напр., принадлежностью к определенному семантическому полю (*львиный — комариный, воробьиный)*: *К сожалению, служба быта делает пока лишь малую часть домашних дел, а большинство мужей, отдавая женам* ***львиную долю*** *нагрузок, оставляют себе* ***воробьиную*** [ФРР, 2001: 209].

Для выделяемых в [Киселева, 2011] фразеологизмов, которые выстроены как антонимы к некоторому исходному выражению, не высказанному напрямую (напр., *третий Рим*), с помощью трансформаций данного типа эти исходные формы могут восстанавливаться в окказиональных употреблениях: *Но если* ***первый Рим*** *быстро приходил в упадок, то* ***второй*** *так же стремительно рос: вскоре он оказался так перенаселен, что специальным указом запретили строить дома выше 10 этажей* [НКРЯ].

Результаты исследования позволяют строить обоснованные предположения относительно функционирования фразеологических единиц русского языка в общем и указывают на некоторые принципы создания пар контекстных антонимов.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 07.02.2025).
ФРР — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь. М., 2001.

Литература

Киселева К. Л. Антонимия во фразеологии: формальное сходство как условие противоположности значений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции, Бекасово, 25–29 мая 2011 года. Вып. 10. М., 2011. С. 305–314.

Филиппова Мария Алексеевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ С ЧАСТИЦЕЙ «НЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе приведены результаты анализа динамики развития группы фразеологических единиц (ФЕ) со значением положительной и отрицательной оценки, имеющих в своем составе частицу «не». Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования комплексного подхода к интерпретации ФЕ в аспекте аксиологической оценки и их прагматической функции, а также малой изученностью динамики формирования фразеологического фонда языка и, в частности, группы аксиологических ФЕ.

Материалом исследования послужил фразеографический корпус, сформированный путем сплошной выборки с опорой на словари фразеологических неологизмов (В. М. Мокиенко, М. Добровой), словари современной русской идиоматики (А. В. Жукова, А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского) и разговорной речи (Л. П. Крысина, В. В. Химика) с обращением к контекстам Национального корпуса русского языка и открытых интернет-ресурсов для уточнения функционирования единиц и сбора материала, ранее не зафиксированного в словарях. В состав корпуса вошли 96 ФЕ, отвечающих заданным критериям.

Диахронический анализ ФЕ оценки, проведенный на материале НКРЯ, позволил определить периоды наиболее активного пополнения исследуемой группы. Согласно проведенному анализу, в каждом из рассматриваемых исторических периодов доминируют ФЕ с семантикой оценивания объекта с точки зрения его соответствия представлениям о высоком качестве, способности вызвать реакцию одобрения (напр., ФЕ *смотреть не на что* (фиксируется с XIX в.), *не ах* (с XX в.) и *не вау* (с XXI в.)). Продуктивными этапами образования фразеологических единиц оценки в результате изучения времени языковой и словарной фиксации единиц признаны вторая половина XIX в. (в этот период в состав языка входят единицы *не ахти, не выдерживает критики, не в лучшем виде* и др.) и вторая половина XX в. (см. *не хухры-мухры, не в лучшей форме*). Исследование изменений во фразеологическом составе на материале ФЕ оценки ярко иллюстрирует тенденцию к жаргонизации языка на рубеже XX и XXI вв.: см. такие новации этого времени как *не в мазу, не в авторитете, не айс.*

В ходе анализа материала также выделена группа неологизмов — устойчивых сочетаний, возникших и употребляющихся в русском языке в период с 1950-х гг. по 2020-е гг. Основными моделями современных ФЕ с семантикой отрицательной оценки по результатам анализа являются: *«не + по + N3»* (*не по фэншую, не по кайфу*) и *«не + N1»* (*не айс, не вау*). Не менее продуктивна грамматическая модель — *«не + в + N4»* (*не в тему, не в жилу*) с семантикой ‘говорящий утверждает уместность X, существование X в рамках социальной нормы’.

Проведенное исследование позволяет определить основные периоды фиксации в языке ФЕ аксиологической оценки с частицей «не», а также дать характеристику группы фразеологических неологизмов рассматриваемой семантики и выявить основные тенденции пополнения фразеологического фонда языка единицами аксиологической оценки.

Анисимова Дарья Сергеевна
студент 4-го курса
Государственный университет просвещения

СЕМАНТИКА БЕЛОГО ЦВЕТА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ «БЕЛАЯ СТАЯ» А. А. АХМАТОВОЙ

Целью исследования является анализ лексических единиц с семантикой белого цвета в сборнике «Белая стая» А. А. Ахматовой. Основной цветовой лексемой в сборнике является *белый*. Для обозначения оттенков белого цвета Ахматова использует слова *белесый, снежный, светлый, матовый*. Кроме имен прилагательных, поэт использует форму компаратива *белей / белее* и глагол *белеет*.

Лексема *белый* содержит следующие семантические компоненты (цитаты приводятся по изданию: [Ахматова, 2000: 77–142]).

1. Святость, чистота, духовное совершенство. В религиозном мировоззрении белый цвет олицетворяет Святой Дух: ***Белый, белый*** *Духов день.* В индивидуально-авторском восприятии белый цвет представляет собой божественный свет, небесную защиту людей: *Да смотреть на* ***белую Божию сирень****; Богородица* ***белый*** *расстелет / Над скорбями великими.*
2. Творчество, вдохновение. Часто в лирике Ахматовой встречается образ белой птицы / стаи, который отождествляется не только с душой и творческим восприятием действительности, с сакральностью поэзии, но и содержит в себе поэтическое напряжение, боль, переживание, хрупкость, страсть: *Он* ***белую птицу*** *мою убил; Я* ***голубку*** *ей дать хотела, / Ту, что всех в голубятне* ***белей****; И стихов моих* ***белая стая****.*
3. Смерть. Белый цвет здесь символизирует переход в другое состояние, освобождение: *Я гощу у* ***смерти белой*** */ По дороге в тьму / Зла, мой ласковый, не делай / В мире никому.*
4. Любовь. Белый цвет ассоциируется с любимым человеком, семейной жизнью, тишиной, спокойствием, которые могут быть навсегда утрачены: *Твой* ***белый дом*** *и тихий сад оставлю / Да будет жизнь пустынна и* ***светла****.*
5. Мука, страдания. В поэтическом мире Ахматовой белый цвет также символизирует любовные переживания, невыносимую горечь расставания: *А тайная боль разлуки / Застонала* ***белою чайкой***; невозможность быть рядом с любимым человеком: *Ты видел царицын сад, / Затейливый* ***белый дворец***; тяжелое воспоминание об отношениях: *Как* ***белый камень*** *в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье.*
6. Родина, дом. Для Ахматовой *белый дом* является родным и значимым местом, который утрачивается навсегда. Поэт обращает внимание на важность воспоминаний, сохранение памяти о родном и любимом сердцу месте: *Здесь* ***дом*** *был почти что* ***белый****, / Стеклянное крыльцо; И, видно, никто не знает, / Что* ***белого дома*** *нет.*

Таким образом, белый цвет отражает особые глубинные чувства и эмоциональные переживания лирической героини. В лексеме *белый* содержатся различные пласты значений, которые способствуют раскрытию индивидуально-авторского стиля Ахматовой.

Литература

Ахматова А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Книги стихов. М., 2000.

Тимофеева Ольга Дмитриевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВИДЫ И ФУНКЦИИ ДИМИНУТИВОВ В РОМАНЕ Ю. В. МАМЛЕЕВА «ДРУГОЙ»

Диминутивность определяется как сложная семантическая категория, которая характеризует предметы, явления, действия: маркирует маленький (меньше нормы) размер, слабую степень проявления признака, ослабленную интенсивность действия, малое (частичное) количество. Диминутив — способ выражения этой категории, дериватив с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Основной функцией диминутива является эмоционально-оценочная [Воейкова, 2020: 39].

Ю. Мамлеев считается родоначальником жанра метафизического реализма, основное место в его текстах занимает вопрос сохранения единства субъекта. Диминутив является значимой единицей в языке автора и частотен в употреблении: в романе «Другой» обнаруживаются не только диминутивные формы существительных, но и формы прилагательных и наречий, чем и объясняется выбор данного текста в качестве материала.

Тема исследования представляется новой: существуют литературоведческие работы, посвященные анализу структуры текстов Мамлеева [Богданова, 2023; Скрябина, 2023], однако работ о языке автора, а в особенности о диминутивных формах, обнаружено не было. В ходе исследования была составлена картотека, созданная по результатам ручной выборки диминутивных форм из текста романа, формы были классифицированы: напр., в тексте романа встречаются не только «классические» диминутивы, в которых аффикс *-к-* маркирует сему малого размера (формы типа *змейка*, *собачка*), но и формы с десемантизированным суффиксом (формы типа *бутылка*, *девочка*). Были проанализированы и другие формы с диминутивными суффиксами, напр., гипокористические наименования героев (*Аленушка, Вадимушка*).

В качестве основных функций диминутива в романе Мамлеева можно выделить, во-первых, выражение уменьшительности, указание на небольшой размер объекта (*собачка, тайничок*), во-вторых, положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету или собеседнику (*тетушка, девчонка*), в-третьих, интимизация речи, которой способствуют не только гипокористические наименования, но и формы существительных, употребляющиеся в диалоге (*Хочешь коньячку для бодрости?* [Мамлеев, 2022: 94]), в-четвертых, коннотативная функция, выходящая на первый план, когда важным оказывается не указание на небольшой размер объекта, а подчеркивание его свойств. Так, в тексте в двух соседних предложениях встречаются слова *бутыль* и *бутылка*, что указывает на возможность изменения размера и искажения окружающего пространства: диминутив оказывается важной частью реализации авторского замысла.

На основе анализа текста романа и особенностей употребления диминутива можно сделать вывод о том, что диминутивный аффикс обладает значениями, подчеркивающими свойства денотата.

Литература

Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX—XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 200–219.

Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56.

Мамлеев Ю. Другой. М., 2022.

Скрябина Т. Л. Московский круг в романе «Другой»: символико-метафизический аспект поздней прозы Ю. Мамлеева // Вестник культурологии. 2023. № 2. С. 156–168.

Мельникова Полина Юрьевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБЗОР ВЫСТАВКИ В ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА XX в. КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР (на материале журнала «Мир искусства»)

В последние десятилетия активно разрабатывается теория речевых жанров, основы которой заложил М. М. Бахтин [Бахтин, 1979]. В докладе в аспекте названной теории проведен анализ одного из жанров искусствоведческого текста — обзора художественной выставки. Этот вид текстов в отечественном языкознании мало изучен. Журнал «Мир искусства» (1898–1904), статьи из которого послужили материалом для анализа, также не был предметом лингвистического изучения, что обусловливает новизну проведенного исследования.

Цель работы — выявить жанрообразующие, а именно композиционные, лексико-стилистические и прагматические, признаки обзора выставки, характерные для русской журналистики конца XIX — начала XX в. В докладе рассмотрены описания зарубежных выставок. Был использован метод составления «анкеты речевого жанра», предложенный Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1997]. В результате выявлены следующие речежанровые особенности: 1) по коммуникативной цели тексты информативные и оценочные; 2) субъект речевого жанра — известный русский художник или критик; 3) адресат текста — человек, знакомый с современной художественной жизнью, интересующийся искусством; 4) несмотря на то что тексты представляют собой разновидность рецензии, с точки зрения образа прошлого жанр инициальный, так как «реагирует» на невербальные объекты; 5) образ будущего не является ключевым для исследуемых текстов: зарубежные выставки, в отличие от отечественных, обычно не вызывают полемики на страницах журнала; 6) диктумное содержание жанра включает в себя ожидания публики и рецензента от выставки, общий безоценочный обзор выставки, описание наиболее удачных и неудачных с точки зрения автора работ и другие, факультативные элементы; 7) к языковым чертам жанра относятся обилие оценочной лексики (оппозиции «плохо — хорошо», «интересный — скучный», «удачный — неудачный», «оригинальный — заурядный», «сильный — слабый») и экспрессивно окрашенных выражений (*возмутительный хлам, отвратительнейшая вещь*), наличие искусствоведческих терминов (*квази-ренесанский стиль, барочно-берлинская архитектура*), большое количество имен собственных, а также иноязычных вкраплений (*Secession, Glaspalast, Art Nouveau*), использование автором тропов, в частности метафор, и риторических фигур (антитез, перифраз), усложненность синтаксиса (в частности обилие однородных членов) и др.

Таким образом, речевой жанр «обзор выставки» обладает чертами публицистического функционального стиля, к которым следует отнести воздействующе-информационную функцию, открытую оценочность, эмоционально-экспрессивную окрашенность языковых средств. Вместе с тем жанр имеет ряд особенностей. Он ориентирован на образованного читателя, о чем говорит как книжный характер использованных языковых единиц, так и наличие имен собственных из искусствоведческой тематической области и специальных терминов. Кроме того, статьи из выбранного для анализа журнала предполагают не только описание и оценку выставки, но и указание на траекторию дальнейшего развития русского искусства, что соотносится с прагматической функцией издания.

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.

Инкина Мария Александровна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В МАНИПУЛЯТИВНОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ТЕКСТЕ (на материале газеты «Не дай Бог!» 1996 г.)

Коммуникативное планирование в предвыборной агитации предполагает реализацию определенных речевых стратегий и тактик. Специфика их репрезентации в предвыборном агитационном тексте обусловлена их манипулятивным потенциалом и плотностью употребления соответствующих языковых единиц.

Для анализа была выбрана общероссийская газета «Не дай Бог!», агитационной задачей которой было недопущение победы Г. А. Зюганова на президентских выборах 1996 г. Несмотря на яркость данного языкового материала, он не был описан. Теоретической базой исследования послужили классификации речевых стратегий и тактик [Иссерс, 2017; Паршина, 2005], прагматико-семантические характеристики пропаганды [Баранов, Паршин, 2017], понятие сверхтекста [Купина, Битенская, 2004].

В ходе анализа установлено, что наиболее распространенной речевой стратегией в газете является стратегия дискредитации, которая реализуется с помощью номинаций с отрицательной оценкой (*коммунистическая угроза*), манипулирования информацией (*Чечня* [чеченская война] — *это не Ельцин придумал*), оценочных эпитетов (*маразматическое событие*), языковой игры (*комсомольцы хотят по-большому*) и паралогических приемов (напр., приема ложной дихотомии: *Именно это происходит сейчас в России, которая готовится сделать выбор между коммунизмом и демократией*). Отдельного внимания заслуживает прием отождествления с негативно оцениваемой социальной группой: коммунистическая партия приравнивается к НСДАП путем сопоставления реплик руководителей нацистской Германии с предвыборными обещаниями Зюганова, составленными из политических клише. Частотностью отличается и тактика дистанцирования, представленная оппозицией «свои/чужие» (*Что они с нами сделают, если победят на выборах*), при этом образ «чужих» дегуманизируется как на лексическом уровне (лексические единицы с семой безумия), так и на уровне макроструктур (одна из статей построена как медицинский анализ, где комсомольцы в качестве «пациентов» приобретают зооморфные черты). Параграфемные средства также обладают манипулятивным потенциалом, что особенно заметно в опубликованных интервью: в отдельные блоки выносятся наиболее яркие антикоммунистические фразы (*Русский народ заслуживает лучшей доли, чем возврат коммунизма*), не всегда совпадающие с общим содержанием интервью, а заголовки за счет близкого расположения создают новое высказывание (*Я встречался с Зюгановым*, *Никому этого не пожелаю*). В текстах обнаруживаются свойства пропагандистского жанра, в том числе признаки «серой пропаганды». На уровне сверхтекста выделяется набор идеологем («демократия», «свобода», «коммунизм»), мифологем («коммунисты — сторонники фашизма», «демократы — залог свободы») и императивность («Голосуй за демократов!»).

Литература

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 2. С. 53–66.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2017.

Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 2004.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2005.

Камишкерова Екатерина Владимировна
студент 3-го курса
Государственный университет просвещения

РОЛЬ ЛОКАТИВОВ В РАССКАЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА «КУСАКА»

Цель исследования — проанализировать структуру, семантику и функционирование предложно-падежных форм имен существительных со значением места в рассказе Л. Н. Андреева «Кусака». Новизна исследования обусловлена тем, что ранее в научной литературе «Кусака» не была рассмотрена в избранном нами аспекте. Объектом анализа служат найденные в произведении локативные синтаксемы, понимаемые Г. А. Золотовой как словоформы, наделенные определенной семантико-синтаксической функцией [Золотова, 2006: 4], отвечающие на вопрос «Где?», а также обстоятельства места, распространенные и нераспространенные, причем при анализе распространенных обстоятельств уделяется особое внимание прилагательным, входящим в их состав. В работе были использованы методы лингвистического наблюдения, контекстуального и валентностного анализа и сплошной выборки.

Результаты анализа таковы. Во-первых, при организации пространства автор отдает предпочтение не наречиям, которые встречаются редко, а формам имен существительных с предлогами в и *на*. Примеры: *…когда, гонимая голодом или инстинктивною потребностью в общении, она показывалась* ***на улице****…*; *…она мчалась на край поселка и пряталась в* ***глубине большого сада****, в одном ей известном месте.* Во-вторых, распространенных обстоятельств места значительно больше, чем нераспространенных; в качестве распространенных выступают в основном субстантивно-адъективные словосочетания. Напр.: *А тревожных звуков было много в* ***чуткой весенней ночи****: в* ***траве*** *шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка* ***под заснувшей птицей****, и* ***на близком шоссе*** *грохотала телега и скрипели нагруженные возы.* В-третьих, локативы, занимая в предложениях интер- и постпозиции, не являются ситуантами [Шведова, 1964]. В-четвертых, они выступают актантами предикатов, которые чаще выражены транслокальными, а не интралокальными (обозначающими движение субъекта, когда он не выходит за пределы определенного пространства) глаголами, что обусловлено динамичностью повествования в произведении [Теньер, 1988: 324]. Пример: *…****рванула*** *и так же беззвучно* ***скрылась*** *в густых кустах крыжовника и смородины.*

Литература

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77–93.

Скогарева Анастасия Дмитриевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ (на материале родительского дневника А. И. Рыко)

С конца XIX — начала XX в. многие ученые-лингвисты исследуют детскую речь, и интерес к ней только возрастает. Детская речь отличается от «взрослой» тем, что ребенок только начинает осваивать язык, неосознанно формировать систему. Дети не сразу узнают все падежные формы одной лексемы, поэтому, напр., часто конструируют слова, отличные от нормативных. В исследовании рассматриваются именно такие случаи. Их можно назвать морфологическими инновациями. Более точно их можно охарактеризовать как языковой факт, зафиксированный в речи ребенка на грамматическом уровне и отсутствующий в общем употреблении. Основным материалом исследования является родительский дневник «Детство Хомы: дневник научных наблюдений» авторства А. И. Рыко. Примечательно в родительском дневнике то, что он содержит не только фиксации отдельных форм, но и их лингвистическое комментирование, расшифровки записей спонтанной речи, хронологические таблицы. Этот родительский дневник еще не был материалом исследований, что определяет новизну нашей работы. Особенный интерес представляют различные акты детской лингвокреативности на грамматическом уровне, в первую очередь в области морфологии имени существительного, потому что эта часть речи усваивается детьми раньше всего и чаще остальных употребляется в силу необходимости в назывании предметов. Исходя из этого, объектом исследования являются окказиональные формы имен существительных в речи ребенка. Целью работы является анализ окказиональных форм имен существительных с точки зрения способа их образования. Для этого при проведении исследования был использован метод морфологического анализа. Частично также применялся сопоставительный метод при сравнении образованных ребенком и нормативных словоформ.

В результате были сделаны следующие предварительные выводы:

1) до «морфологического взрыва» в качестве исходной, базовой формы имен существительных выступает чаще всего форма им. пад., используемая вместо всех косвенных пад.;
2) морфологические инновации, образованные меной пад., появляются в детской речи из-за сложности системы склонения русского языка и наличия трех родов; напр., Тимофей говорит *шампанской*, изменяя это существительное ср. рода как слово ж. рода (в этом же предложении он употребляет и словоформу *шампанская*), потому что в речи маленьких детей представлена двуродовая система (мужской — женский) [Рыко, 2018: 187];
3) установив закономерность, в соответствии с которой в словоформах существительных с суффиксом *-ок-* есть беглый гласный, ребенок распространяет ее на сочетания типа *много тапка* [Рыко, 2018: 201];
4) часто морфологические инновации появляются в количественно-именных сочетаниях, где маркирование количества грамматическими способами менее важно и где в нормативной речи возможны как формы ед. ч., так и мн. ч.; напр., сочетания *пять дом* [Рыко, 2018: 194] и *много кирпичика* [Рыко, 2018: 214];
5) одним из способов образования инноваций такого типа является изменение акцентологической характеристики парадигмы, которое происходит в словах с подвижным ударением; так, Тимофей употребляет сочетание *ушла ли́са* (такое смещение ударения возможно из-за наличия в лексиконе ребенка слова м. рода *лис*) [Рыко, 2018: 120].

Литература

Рыко А. И. Детство Хомы: дневник научных наблюдений. СПб., 2018.

Сайк Ольга Юрьевна

магистрант 2-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ЭКСПЛИКАЦИЯ ВНУТРИСЛОВНОГО ОТРИЦАНИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ (на примере возвратных глаголов с внутрисловным отрицанием)

В докладе предпринимается попытка рассмотреть специфику актантной структуры глаголов с внутрисловным отрицанием. Проблема внутрисловного отрицания была разработана в фундаментальном труде Е. В. Падучевой [Падучева, 2013], однако вопрос вариативности в выражении имплицитного оператора *не* и сопутствующего этому изменения модели управления еще не был детально освещен, что обусловливает новизну и актуальность настоящей работы. Целью исследования стало изучение взаимодействия внутрисловного отрицания с актантной структурой глаголов в случаях его экспликации.

Было выявлено, что данная особенность характерна в первую очередь для возвратных глаголов (*отказываться, отнекиваться, зарекаться*). Исследование было проведено с опорой на материалы НКРЯ, а также с учетом данных, полученных в ходе анкетирования студентов МГУ им. М. В. Ломоносова и сотрудников Института славяноведения РАН. Теоретическую базу исследования составили труды Падучевой, а также разработки Л. Л. Иомдина и И. М. Богуславского в области теории управления и смещения отрицания.

Как отмечается в докладе, тип выражения отрицания (имплицитное или эксплицитное) представляет собой зону вариативности уже в ближайшей диахронии, при этом вариативность может наблюдаться в рамках одного идиолекта, что подтверждают данные НКРЯ: *Он клялся и зарекался не носить контрабанды*; *Он зарекался входить в спор* (Ф. М. Достоевский). Отмечается также, что экспликация внутрисловного отрицания снимает ограничения на подчинение придаточных изъяснительных, оформляющих сентенциальные актанты: *Привалов отказался наотрез, что больше не будет пить вина* (Д. Мамин-Сибиряк); *Она от тебя откажется, что не твой* (Л. Петрушевская); *Он не откажется, что вчера пил с вами водку?* (Б. Можаев). Была произведена типология контекстов, в которых допускается экспликация внутрисловного отрицания. Показано, как левый контекст (в частности, фактор наличия однородных сказуемых класса verba dicendi) влияет на выбор оформления отрицания и на изменение глаголом таксономического класса (по Падучевой). Отмечается также появление глаголов, допускающих экспликацию внутрисловного отрицания, в контексте иллокутивных употреблений. Кроме того, в докладе анализируется двойственность интерпретации предложений, возникающая при экспликации отрицания. Так, согласно данным опроса, для предложения вида *Я зарекаюсь не выступать завтра с докладом* 44,6 % анкетируемых отметили в качестве верного толкование «я решил не выступать», что противоречит лексическому значению глагола *зарекаться*. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть учтены в лексикографической практике, а также в дальнейшем исследовании отрицания.

Литература

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Андреев Никита Дмитриевич
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО ПОСЛЕЛОГА: ЯЗЫК ПОЭЗИИ

Постпозиция русского адлога мало описана в научной литературе, в частности, не упоминается в последней академической грамматике русского языка [Русская грамматика, 1980]. Можно считать, что до недавнего времени [Крылов, Муравенко, 2007] адлог вообще не рассматривался в русском языке с позиционной точки зрения и имел исключительно функциональное определение. Настоящее исследование отходит от этой традиции.

Цель исследования — рассмотреть постпозицию предлога как явление в русском поэтическом тексте. Теоретическая значимость исследования выражается возможностью расширить наши представления о грамматике русского адлога. Используемый метод — корпусный анализ. В качестве материала выбран поэтический подкорпус НКРЯ как самый репрезентативный корпус русской поэзии.

Поэзия — языковой материал, менее строго следующий языковым нормам и открытый для языковых экспериментов, а следовательно, и лучше отражающий редкие языковые явления. Кроме того, требования стихотворной формы иногда вынуждают авторов поэтического текста использовать нестандартный порядок слов. Это порождает дополнительный набор постпозиций, продиктованных метрикой стиха.

Для изучения конкуренции выбраны адлоги *для*, *ради* и *вопреки*. Это продиктовано их относительной частотностью в русской речи, а также существованием многих устойчивых конструкций с их участием, в том числе в известнейших фрагментах русской классики («Рассудку вопреки, наперекор стихиям…», А. С. Грибоедов). Проанализировано 96 примеров постпозиции, отобранных в случайном порядке и поровну распределенных между тремя вышеупомянутыми адлогами.

В исследовании выдвигается гипотеза о большей распространенности постпозиции в поэтическом тексте по сравнению с прочими формами русского языка; случаи постпозиции классифицируются с разделением на «стилистические», созданные в целях художественной выразительности, и «метрические», имеющие целью изменить фразу для попадания в стихотворный размер или рифму.

Литература

Крылов С. А., Муравенко Е. В. Послелоги в русском языке // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2007 г.). М., 2007. С. 278–279.

Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Чистоклетова Анна Валериевна
студент 3-го курса
Донецкий государственный университет

АББРЕВИАТУРНАЯ ПАРАДИГМА «АГРОСЕЛЬХОЗ»

Цель исследования — описание аббревиатурной парадигмы (далее — АП) «агросельхоз». АП — «совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [Теркулов, 2023: 91]. Объект исследования — АП «агросельхоз», объединяющая аббревиатурные группы (далее — АГ) «агро» и «сельхоз», и входящие в нее сложносокращенные слова (далее — ССС), предмет исследования — отношения синонимии между всеми ее компонентами. Материал исследования — 260 частично сокращенных и слоговых аббревиатур (629 аббревиатурных пар). Новизна работы определяется тем, что в ней впервые дано описание АП как объединения ССС, связанных между собой отношениями синонимии.

АГ «агро» («аграрный») и «сельхоз» («сельскохозяйственный») объединяют ССС с синонимичными АК, выражающими принадлежность понятия к сфере сельского хозяйства. Они входят в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле (далее — АОП) — объединение ССС, базисные компоненты которых относятся к одной лексико-семантической группе (далее — ЛСГ) — «сельское хозяйство». ЛСГ — «группа слов, объединяемых общностью категориально-родовой семы (архисемы) и общностью частеречной отнесенности» [Рублева, 2004: 78]. АОП «сельское хозяйство» включает 13 ЛСГ. Самые частотные из них: «названия объединений людей» — 67 ССС, «объект» и «действие» — по 54 ССС.

ЛСГ подразделяются на ономасиологические классы (далее — ОК). ОК — это «такая совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом» [Блюмина, 2010: 55]. В структуре АП «агросельхоз» нами было выделено 29 ОК. Самые частотные из них: «объединение объектов» — 31 ССС, «деятельность» — 26 ССС, «учреждение» — 23 ССС.

В рассматриваемых АГ отмечается большое количество пар слов, имеющих одинаковый базис (та часть ССС, которая не соответствует АК). Наличие в этих словах АК, входящих в одно АОП, дает основание предположить их синонимичность, что делает возможной их тождественную трактовку. Например, в паре «агроинструмент» — «сельхозинструмент» (базис — «инструмент») оба ССС имеют одно и то же значение — ‘ручное орудие, предназначенное для выполнения сельскохозяйственных работ’. Всего нами были выделены 74 такие пары, что составляет примерно 23 % от общего числа входящих в каждую АГ ССС. Это позволяет нам утверждать, что синонимия входящих в АП ССС является одной из ключевых ее характеристик. Таким образом, АП представляет собой объединение ССС с синонимичными АК. Синонимию АК отражает их вхождение в одно АОП, которое является объединением ЛСГ ССС, подразделяющихся на ОК. ССС, входящие в одну АП и имеющие одинаковый базис, могут трактоваться как абсолютные синонимы. В ходе работы была определена принадлежность АП «агросельхоз» к АОП «сельское хозяйство», выделены входящие в нее ЛСГ и ОК.

Литература

Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. … канд. филол. наук. Горловка, 2010.

Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка. Владивосток, 2004.

Теркулов В. И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений // Русистика. 2023. Т. 21, № 1. С. 79–96.

Кириченко Татьяна Андреевна
магистрант 2-го курса
Донецкий государственный университет

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ ОНИМЫ: ТИПОЛОГИЯ ПРЕПОЗИТИВНЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ

Объектом исследования являются сложносокращенные онимы (далее — ССО) — слоговые (иногда смешанные) аббревиатуры, которые связаны мотивационными отношениями со словосочетаниями-эргонимами и используются для обозначения единичных объектов, включая в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является абброконструктом (далее — АК), напр.: *Томскэнерго*, *Госпотребинспекция* и т. д. Актуальность исследования определяется тем, что сегодня смысловая неоднозначность сокращенных эквивалентов официальных наименований вызывает множество интерпретаций в процессе их декодирования реципиентами, поскольку в сознании носителей языка сложился стереотип: если в состав слова входит АК, то этому слову соответствует словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент данного АК. Это привело к тому, что в речи носителей языка все чаще стали употребляться псевдоэквиваленты типа *Российский образовательный надзор*, *Министерство цифры* и др.

Определение типов мотивационных (синхронных) отношений между ССО и текстовыми синтаксическими эквивалентами помогло нам установить, что семантика препозитивных АК ССО бывает двух типов: общая и локативная. Общую семантику передают те препозитивные АК, которые называют статус учреждения или организационно-правовую форму делового объединения: *Гос-, Союз-* и т. д. (напр., *Госкомзем, Союзмаш* и т. д.). Данные препозитивные АК могут использоваться в аббревиатурах деловых объединений разных стран, иногда встречаются и идентичные ССО, однако с отличающимися официальными эквивалентами: ср. *Госкомзем (России) — Государственный комитет Российской Федерации по земельной политике* и *Госкомзем (Украины) — Государственное агентство земельных ресурсов Украины*. Локативную семантику передают те препозитивные АК, которые называют месторасположение делового объединения или его отнесенность к определенному городу, району или стране: *Питер-*, *Донецк-*, *Мос-* и т. д. (напр., *Питергорпроект, Донецкуголь* и др.).

Выявление типов препозитивных АК ССО дало нам возможность предположить наличие аббревиатурных гнезд — объединений ССО с тождественным базисным компонентом. При этом препозитивные АК, которые присоединяются к базисным компонентам ССО, часто относятся к локативному типу. Например, базисный компонент *-нефть* отмечается у ряда ССО, которые и формируют абброгнездо: *Краснодарнефть (Объединение нефтяной промышленности Краснодарского края), Туймазнефть (Туймазинский трест нефтяной промышленности)* и т. п. У ССО одного абброгнезда часто отмечаются структурно одинаковые эквиваленты, но иногда встречаются и структурно разные эквиваленты, в которых отмечается не только локативная, но и статусная характеристика. Например, абброгнездо с базисным компонентом *-нефть* включает в себя и такие эквиваленты, как *Главконефть (Главный нефтяной комитет), Техрацнефть (Комиссия по рационализации нефтяной промышленности)* и др. Таким образом, у ССО с одним абброгнездом могут отмечаться препозитивные АК как локативного типа, так и общего. Однако вне зависимости от типа препозитивного АК образование ССО реализуется по принципу конструирования полного официального наименования путем выборки его ключевых компонентов, в результате чего происходит затемнение внутренней формы наименования, что обусловливает процесс псевдоунивербализации, т. е. ситуации, когда на базе сложносокращенного слова разворачивается вторичное словосочетание.

Агаркова Мария Денисовна
магистрант 1-го курса
Донецкий государственный университет

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ АДЪЕКТИВНЫХ АББРЕВИАТУР

Исследование посвящено сложносокращенным прилагательным (далее — ССП) и их типам эквивалентности. Цель работы — описание эквивалентности ССП. Задачи: дать определение адъективной аббревиатуре (далее — АА), выявить ее структурные типы эквивалентности.

Новизна работы определяется тем, что ССП ранее не рассматривались учеными как аббревиатуры. «Аббревиатуры — это существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное им словосочетание» [Краткая русская грамматика, 1989: 86]. Наше исследование призвано расширить научные представления о словообразовательной базе языка. Материалом исследования послужило 231 прилагательное, отобранное из картотеки создаваемого в ДонГУ Толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка. В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, квантитативного и компонентного анализа.

ССП могут выделяться как в диахронии, так и в синхронии. В диахронии мы понимаем под ССП прилагательные, возникшие на базе словосочетаний: *вибрационная шлифовальная > виброшлифовальная*. На синхронном — прилагательные, включающие в свой состав аббраконструкт и получившие в результате псевдоунивербализации в текстах дескриптивные эквиваленты (*велогоночный > велосипедный гоночный*).

Гнездо эквивалентности (ГЭ) — «совокупность словосочетаний, связанных отношениями формально-семантической эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [Теркулов, 2017: 76]. ГЭ ССП предполагает адъективную трактовку, при которой компоненты эквивалентного словосочетания обычно выражаются прилагательными (*армвоенный > армейский военный*).

Синхронному состоянию соответствуют аббревиатуры с актуальными синтаксическими эквивалентами. Нами выявлены структурные типы эквивалентных трактовок: словесная дискретная эквивалентность (согласованные неоднородные определения: *авиахимический > авиационный химический*; согласованные однородные определения: *автомотоциклетный > автомобильный и мотоциклетный*) и композитная эквивалентность (*агитпропагандистская > агитационно-пропагандистская*). По количеству текстовых эквивалентов АА можно разделить на две группы:

- имеющие один текстовый эквивалент: *общеполитический > общественно-политический*;
- имеющие два текстовых эквивалента: *агропромышленный > аграрно-промышленный*, *аграрный промышленный*.

Таким образом, нами обнаружено два типа синтаксических эквивалентов АА и две группы ССП, выделенные по количеству текстовых эквивалентов. В ходе работы было дано определение ССП, ГЭ, а также представлено описание эквивалентности ССП.

Литература

Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др. М., 1989.

Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73–97.

Ларина Алина Андреевна
студент 2-го курса
Донецкий государственный университет

МЕТОДИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ АББРОКОНСТРУКТА

Цель исследования — определение методов систематизации значений релятивов и презентативных дешифровальных стимулов. Объектом исследования являются сложносокращенные апеллятивы. Предмет исследования составляет взаимосвязь презентативных и релятивных дешифровальных стимулов сложносокращенных слов на семантико-словообразовательном уровне.

Центральным понятием в исследовании является дешифровальный стимул (ДС) — сочетание слов или одно слово, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентных словосочетаниях. В нашем исследовании различаются две разновидности дешифровальных стимулов — презентативные и интерпретативные.

Презентатив является простым прилагательным, чаще всего относительным, т. е. обладает обобщенным значением и может быть использован в качестве абсолютного эквивалента, напр.: *оборонкомплекс — оборонительный комплекс*, *пневмобаллон — пневматический баллон*. Выделяются две разновидности интерпретативных ДС: релятивы и модификативы.

Релятивы могут реализовываться в актантном и актантно-числовом значении эквивалентов, напр.: *нефтесмесь — смесь из нефти* (*получаемая из нефти* — фабрикатив); *промпредприятие — предприятие промышленности* (*производящее продукцию промышленности* — агентив эргативный). Наиболее активной эквивалентностной трактовкой абброконструкта является презентативная трактовка, поэтому можно предположить, что именно семантика презентатива и является абсолютным эквивалентом семантики абброконструкта.

Так как презентативные дешифровальные стимулы обозначают признак объекта посредством обозначения его отношения к другому объекту, возможно использование релятива для трактовки значения презентативного дешифровального стимула. При помощи данной методики возможно определить значения всех абброконструктов, подтверждаемые значениями релятивных конструкций, напр.:

1) *бронегруппа — бронетанковая группа*, *группа из бронетранспортеров — состоящая* ***из бронетранспортеров***;
2) *военгородок — военный городок*, *городок для военнослужащих — служащий жильем* ***для военнослужащих***;
3) *госналог — государственный налог*, *налог в государстве — устанавливаемый в* ***государстве***;
4) *пневмопатрон — пневматический патрон*, *патрон для пневматики — предназначенный* ***для пневматики***;
5) *мотоавария — мотоциклетная авария* (презентатив), *авария на мотоциклах* (релятив) — *произошедшая* ***на мотоциклах***.

Таким образом, семантика абброконструкта и прилагательного определяется через семантику эквивалентных интерпретативных конструкций. Это позволяет использовать эквивалентностные отношения «абброконструкт — презентатив — интерпретатив» для уточнения системы значений абброконструкта и презентатива.

Шнуркова Дарья Романовна
студент 4-го курса
Курский государственный университет

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ЭПОХУ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Ускорение темпа жизни и клиповое восприятие действительности способствуют распространению в современном языке парцелляции — разбиения сложных предложений на короткие, интонационно самостоятельные части. Этот прием, ранее характерный для художественной речи, активно используется в СМИ, социальных сетях и политической риторике.

Цель исследования — анализ синтаксической природы парцелляции и ее функционирования в современных текстах. Научная новизна заключается в сравнительном исследовании парцеллированных конструкций в художественных произведениях разных периодов, СМИ и социальных сетях.

Методы исследования:

- синтаксический анализ — изучение структуры и функций парцеллированных конструкций;
- контекстный анализ — исследование роли парцелляции в СМИ, социальных сетях и литературе;
- сравнительный метод — сопоставление использования парцелляции у классиков (А. П. Чехов) и современных авторов (В. О. Пелевин, С. С. Минаев).

Результаты исследования показали, что парцелляция нарушает традиционные нормы связности, но делает текст динамичным и удобным для восприятия.

1. В СМИ парцелляция акцентирует внимание на ключевых моментах: *Работаете без выходных? Срочно остановитесь. Это опасно*. В сложном предложении этот текст воспринимался бы труднее.
2. В социальных сетях парцелляция усиливает экспрессию и убедительность: *Запад играет в опасные игры. Думают, что победят? Ошибаются. Время покажет*. В классическом варианте выражение теряет ритм. В некоторых публикациях парцелляция помогает структурировать информацию: *Экстренные новости. Важное заявление президента. Подробности — в нашем материале*. Это создает эффект живого общения.
3. В художественной литературе парцелляция передает психологическое состояние персонажей: *Он молчал. Долго. Смотрел в окно* (Чехов). Современные авторы используют ее для стилизации под устную речь: *Пятница. Бар. Коктейли. Девушки. Все как всегда* (Минаев). Этот стиль напоминает сообщения в мессенджерах, создавая эффект фрагментарного восприятия жизни. Сравнительный анализ показывает, что в классической литературе (Чехов) парцелляция использовалась редко и служила для передачи психологического состояния героя. В современной прозе (Пелевин, Минаев) этот прием применяется активно, в том числе для имитации ритма цифрового дискурса.

Парцелляция становится важной частью цифровой коммуникации. Ее активное использование в СМИ, социальных сетях и литературе отражает изменение когнитивных процессов восприятия информации. В условиях клипового мышления короткие, ритмично структурированные фразы легче воспринимаются и усваиваются.

Алтухова Анастасия Андреевна
студент 2-го курса
Донецкий государственный университет

ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ С ВАРИАТИВНОЙ СТРУКТУРОЙ

Цель работы — описать инициальные аббревиатуры (далее — ИА) с вариативной структурой, которые представляют собой особый тип аббревиатур, имеющих один денотат и коррелятивные дешифровки. В качестве материала выступают 743 аббревиатуры и их дешифровки. Источник материала — картотека создаваемого прескриптивного словаря. Для осуществления исследования использовались сопоставительный, описательный методы, метод компонентного анализа.

На синхронном срезе языка ИА могут иметь несколько эквивалентов — мотивационно связанных словосочетаний (*АТБ — авиационная техническая база*, *авиатехбаза*, *авиационно-техническая база*, *база авиационной техники* и т. д.). В связи с особенностями процесса сокращения зависимость от эквивалентного словосочетания у ИА выражена сильнее, чем у других типов аббревиатур. Одновременно с этим в ИА не всегда последовательно отражаются все составляющие эквивалента, структура ИА вне зависимости от эквивалентного словосочетания может быть как неизменной, так и вариативной. Вариативность выражается в трактовке одного референта несколькими аббревиатурами с формально различными структурами — данные сокращения и их дешифровки используются в качестве абсолютных синонимов.

Вариативность структуры ИА обнаруживается в двух случаях. В первом случае существование дублетов связано с наличием или отсутствием в структуре ИА инициального конструкта, соответствующего слову, входящему в дешифровку аббревиатуры (*ЕСЭД*, *ЕСЭДО — единая система электронного документооборота*). Во втором — аббревиатуры с вариативной структурой представляют собой комбинации инициальных конструктов, эквивалентные компоненты которых идентичны или мотивационно связаны (*БПП*, *ППБ — батальонный продовольственный пункт*, *продовольственный пункт батальона*). Такая вариативность обусловлена множественной эквивалентностью как следствием различной трактовки аббревиатуры дешифровальными стимулами — реализациями сокращенного компонента аббревиатуры: *ГН — генератор нейтронов* (релятивный), *НГ — нейтронный генератор* (презентативный), а также зависимостью от позиции эквивалента конструкта ИА в эквивалентном словосочетании: *АПС*, *ПСА — автомобили пожарно-спасательные*, *пожарно-спасательные автомобили*.

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Каменская Александра Сергеевна

студент 4-го курса
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ЯЗЫКОВОЙ КЛУБ КАК ФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Одной из наиболее продуктивных форм проведения занятия в рамках учебного процесса является языковой клуб. Подобный вид коммуникации обеспечивает погружение иностранных студентов не только в языковую среду, но и в культурный контекст страны. В докладе представлены материалы нескольких занятий в форме языкового клуба с иностранными студентами из Китая, собранные в ходе прохождения автором преподавательской практики на базе СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Занятие представляет собой демонстрацию презентации по выбранной теме, в ходе которой происходит обсуждение особенностей культуры нашей страны, проводится обязательное сопоставление с реалиями Китая. После презентации иностранные студенты выполняют задания на усвоение новой информации, полученной в рамках языкового клуба, и закрепляют изученное на занятиях по русскому языку.

Наблюдения позволяют сделать следующие выводы:

1. К преимуществам подобного выстраивания занятия можно причислить неограниченное количество участников со стороны студентов, так как языковой клуб — форма живого обсуждения, беседа с заданиями. Если мы говорим о числе проводящих занятие педагогов, то здесь будет разумным включить в состав не более трех человек, так как, несмотря на свободную форму проведения, процесс требует сосредоточенности со стороны студентов и способности к правильному распределению задач со стороны преподавателей.

2. Эффективным приемом для живого обсуждения со студентами становится повторение материала. Языковой клуб, темой для которого стали «Российские праздники», проводился после занятия, посвященного традиционным блюдам русской кухни. Благодаря такой последовательности китайские студенты сразу рассказали о том, что готовят на Новый год как в России, так и в Китае. Варианты активности в рамках языкового клуба обусловливались тем, что перед нами всегда стояла задача предложить студентам игровой формат, чтобы им было в первую очередь интересно общаться на заданные темы. На встрече клуба, посвященной интересным местам г. Саратова, мы предложили студентам представить себя в роли экскурсовода. Каждому предлагалось изображение с каким-то памятником / экспонатом музея, и студент должен был не только описать, что он видит на слайде, но и предположить, к какому из мест Саратова этот объект может относиться. Это задание студенты восприняли очень живо, старались назвать назначение даже незнакомого предмета.

3. Педагог, модерирующий обсуждение, должен быть готов в любой момент объяснить материал, не подготовленный заранее, различными способами. Например, когда на «виртуальной экскурсии» речь шла о цирке им. братьев Никитиных, практически все студенты сказали, что видели это здание, но что такое цирк, они не понимают. После длительного общения с иностранными студентами становится заметно, что нередко природа возникающих коммуникативных проблем обусловлена не отсутствием знания, но неспособностью его корректно вербализировать. Использование различных объяснительных моделей (жесты, пластика, аналогии с персонажами кинематографа) продемонстрировало свою эффективность.

Крыжановская Анастасия
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЗИМЕ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ (лингвокультурологический аспект)

Изучение стереотипных представлений о зиме в русских пословицах является значимым аспектом лингвокультурологии, поскольку паремии служат уникальным инструментом для фиксации культурных стереотипов, социальных норм и ценностных ориентаций народа. Язык фиксирует и передает в своей структуре национальные и культурные особенности. Паремии о зиме включают устойчивые образы, закрепляющие социально-исторические установки, отражающие этнический менталитет и многовековой опыт народа. Язык выступает основой для хранения и передачи культурных ценностей, норм и мировоззрения.

Анализ языковых единиц важен для выявления коннотаций, ассоциаций и культурных оттенков. Стереотипные представления о зиме часто ассоциируются с такими понятиями, как холод, трудолюбие, выносливость и сила. Вслед за В. А. Масловой, мы определяем стереотипы как устойчивые представления о явлениях, которые передаются через язык и культуру и формируют восприятие мира. Для нашей работы ключевым является утверждение В. М. Мокиенко о том, что пословицы — это концентрированное выражение народного опыта, где культурные стереотипы заключены в компактной и емкой форме. Эти стереотипы, закрепленные в коллективной памяти народа, отражают не только климатические реалии, но и моральные-эстетические установки, влияющие на характерные поведенческие особенности и уклад жизни народа. Национально-специфический аспект является важным для нашего исследования, поскольку русская паремиология служит одним из основных инструментов для отображения особенностей национального мировоззрения. Русские пословицы о зиме, отражающие традиционные представления о стойкости, выносливости человека, о значимости коллективного труда, несут в себе национально-исторический опыт, формируя упрощенную, но емкую картину зимы, включающую как материально-бытовые, так и мировоззренческие категории. Пословицы строятся по определенным синтаксическим моделям, что позволяет классифицировать и анализировать их с точки зрения лингвистических факторов. Лингвокультурология рассматривает эти единицы как способ фиксации и передачи народных знаний и культурных стереотипов. Исследование паремий о зиме в русском языке демонстрирует, что язык служит средством консервации народного опыта, культурных ценностей, а также влияет на восприятие мира и формирует поведенческие модели.

Исходя из приведенных и сформулированных установок, в докладе проанализированы конкретные примеры стереотипных представлений о зиме, отраженные в пословицах русского языка.

Платицина Вероника Олеговна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ «НАИМЕНОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ПЕТЕРБУРГА» (функционально-семантический аспект)

В последние годы наблюдается рост интереса к изучению городской ономастики. Появление новых общественных пространств в Санкт-Петербурге приводит к образованию новых эргонимов. Впервые исследованию подвергаются названия коворкингов Санкт-Петербурга при использовании полиаспектного подхода к анализу единиц (семантика, словообразование, этимология). Материалом исследования служат топонимы, обозначающие общественные пространств Петербурга, а именно коворкинги, собранные с помощью информационной системы «Яндекс Карты». Обращение именно к наименованиям коворкингов обусловлено, во-первых, их недавним появлением в мире и России и популярностью в больших городах. Во-вторых, данные общественные пространства находятся в отношениях конкуренции, что приводит к возникновению новых и оригинальных эргонимов. В ходе работы были использованы следующие методы и приемы исследования: описательный метод, метод словообразовательного анализа, метод семантического анализа, прием направленной выборки материала.

В рамках исследования был проведен анализ единиц, входящих в ЛСГ «наименования общественных пространств Петербурга», в результате которого наименования были разделены на две группы, согласно их структурным особенностям: однокомпонентные и многокомпонентные. Далее единицы были классифицированы по способам образования эргонимов, выделенных Н. В. Подольской [Подольская, 1990]. Особенности семантики наименований отражают концепцию объекта, его сферу деятельности или уникальные черты, создавая определенные ассоциации у посетителей. При анализе учитывалась этимологическая специфика некоторых эргонимов. Эти названия содержат информацию о месте расположения («Морерядом») или владельце коворкинга, его узкой специализации («Аннагуаша»). Мы также учитывали графические особенности наименований («МуриУм»). Они позволяют, с одной стороны, выразить определенные идеи, связанные со сферой деятельности объекта, с другой стороны, усилить прагматическую функцию. При распределении эргонимов по группам с функциональной точки зрения за основу была взята классификация А. В. Кондратовой [Кондратова, 2018]. Ведущими функциями наименований считаются информативная и прагматическая. Названия, отражающие концепцию или специализацию именуемого объекта, имеют больший потенциал привлечения клиентов («Свое пространство», «Кабинет Фрейда»). Отсутствие информативного компонента, напротив, дает основание для того, чтобы считать наименование непривлекательным, так как оно непонятно для носителей языка («Смарт», «ИнсолитА», «Дпорф»). Исследование позволяет лучше понять, как образуются и функционируют современные эргонимы. Его результаты могут быть использованы на уроках русского языка как иностранного для знакомства иностранных студентов с общественными местами Санкт-Петербурга и в учебных материалах по лексикографии.

Литература

Кондратова А. В. Функции эргонимов в аспекте их классифицирующей характеристики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 1. С. 105–108.

Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.

Чэнь Сыжу

магистрант 1-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В эпоху новых медиа социальные сети становятся ключевым инструментом формирования общественного мнения и национального имиджа. Российская социальная сеть «ВКонтакте» оказывает значительное влияние на восприятие Китая среди российских пользователей. Настоящее исследование направлено на изучение языковых средств, формирующих образ Китая в сети «ВКонтакте», с позиций лингвокультурологии. В ходе исследования анализируется лексика, используемая российскими пользователями при обсуждении Китая с особым вниманием к метафорам, экспрессивной лексике и культурным стереотипам. В качестве основного материала выбраны посты и комментарии из тематических сообществ ВКонтакте, опубликованные в октябре — ноябре 2024 г. Кроме того, фокус исследования сосредоточен на семантических структурах слов и их роли в формировании образа Китая в русскоязычной картине мира. Методологическая база исследования включает традиционные методы наблюдения, контекстуального анализа, а также лингвокультурологический подход. Применяется метод поиска по ключевым словам, позволяющий выявить частотные языковые единицы, используемые в отношении Китая. Для анализа семантики и прагматики данных единиц используются методы описательного и когнитивного анализа.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе формирования образа Китая в российском медиапространстве с позиций лингвокультурологии. В отличие от предыдущих исследований, посвященных официальному дискурсу или СМИ, наше внимание сосредоточено на пользовательском контенте в социальной сети, что позволяет выявить современные тенденции восприятия Китая в русскоязычной среде.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что образ Китая в российской социальной сети ВКонтакте формируется под влиянием как традиционных стереотипов, так и новых представлений, связанных с экономическим развитием и изменениями в социальной среде Китая. Исследование демонстрирует, что, с одной стороны, российские пользователи в целом позитивно оценивают Китай, с другой стороны, их лексика отражает определенные неточности в понимании культурных реалий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в сфере межкультурной коммуникации, преподавания русского языка как иностранного, а также для дальнейшего изучения взаимодействия языка и культуры в социальных медиа.

Го Ифань

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПТИМИЗАЦИИ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ НА ОСНОВЕ РАЗЛИЧИЙ В ДОМИНИРОВАНИИ ПОЛУШАРИЙ МОЗГА

В настоящее время большое количество студентов из КНР поступают в российские вузы и изучают русский язык, в связи с чем проблема эффективного обучения русскому языку как иностранному приобретает особую актуальность. В последние годы все больше исследователей обращают внимание на то, как особенности индивидуального мышления, в частности доминирование полушарий мозга, могут влиять на процесс изучения иностранных языков.

Левое полушарие обычно отвечает за логические и языковые функции, в то время как правое полушарие связано с интуицией и общим восприятием. При изучении иностранного языка учащиеся с более развитым правым полушарием мозга больше полагаются на интуицию и общее восприятие, а не на логический анализ.

Как показали исследования китайских ученых, студенты с разными типами мышления проявляют значительные различия в использовании когнитивных и метакогнитивных стратегий. У большинства китайских студентов доминирует правое полушарие (более 55 %). Такие учащиеся склонны к общему восприятию и ассоциативному запоминанию при обработке и понимании информации, более чувствительны к обучению с участием нескольких органов чувств. Поскольку такие студенты имеют высокую потребность в эмоциональной поддержке и стимулировании, такие аспекты, как положительная обратная связь, эмоциональное содержание и методы снятия стресса, являются чрезвычайно важными для поддержания их активного учебного состояния. Китайские учащиеся с доминированием левого полушария, согласно исследованию, составили 39 % [Lin et al., 2017].

Представляется необходимым при обучении студентов из КНР русскому языку использовать такие стратегии, которые не зависят от преобладающего полушария мозга обучаемых, а именно: преподаватели могут использовать три вида стратегий — стратегии запоминания, компенсации, а также социальные стратегии. В качестве инструментов, стимулирующих более эффективное усвоение знания, преподаватели могут использовать повторяющиеся тренировочные упражнения (напр., чтение вслух и заучивание), а также ассоциативные методы запоминания, которые, связывая новые слова и фразы с яркими изображениями или историями, могут помочь студентам более эффективно запоминать лексику. Создание карточек со словами и их регулярное повторение, использование рифм и ритма для запоминания слов также являются эффективными методами улучшения запоминания. Компенсационные стратегии — использование жестов и мимики для дополнительного объяснения или замена незнакомых слов известными. Студенты могут также догадываться о значениях слов или фраз по контексту и выражать сложные мысли простым языком. Социальные стратегии повышают языковые навыки студентов через взаимодействие и общение с другими. Преподаватели могут организовывать групповые обсуждения, поощрять студентов делиться своим мнением и опытом, тем самым укрепляя языковые навыки. Организация устных упражнений для общения со сверстниками, а также поощрение обращения за помощью и обратной связью при возникновении трудностей являются эффективными способами развития языковых навыков студентов. Кроме того, участие в языковых клубах или мероприятиях также предоставляет больше возможностей для языковой практики.

Литература

Lin J., Xing H., Xv Y. The impact of left-right brain thinking tendencies on learning strategies of English majors in independent colleges // Ming Ri Feng Shang. 2017. Vol. 12. P. 144–145.

Шрейдер Елена Сергеевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ И ДЕТЕЙ-МОНОЛИНГВОВ

Изучением речи детей-билингвов интересуются исследователи разных областей наук (методики, психолингвистики, нейролингводидактики, дефектологии и др.). Вопросами онтобилингвологии занимаются такие специалисты, как С. Н. Цейтлин, Г. Н. Чиршева, Т. В. Кузьмина, Т. А. Круглякова, Н. А. Маркина, И. А. Бучилова и др.

Актуальность нашего обращения к данной теме обусловлена тем, что до сих пор однозначно не решен вопрос, нуждаются ли билингвы с родным нерусским языком, обучающиеся в полиэтническом классе, в особой системе обучения русскому языку и в какой именно. Между тем эффективное развитие детского двуязычия нуждается в особо продуманной методике, базирующейся на лингвистических данных.

Нами проводилось исследование с позиции психолингвистического подхода с целью выявления специфики письменной речи билингвов и монолингвов путем выявления общих и специфических ненормативных написаний. Материалом для изучения являются тексты диктантов, полученные в результате эксперимента, проведенного в трех полиэтнических классах школ Санкт-Петербурга и Перми. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе материала. Полученный материал рассмотрен в трех аспектах: освоение алфавита, графики (в том числе пунктуации и идеографики) и орфографии. Сопутствующая цель исследования — оценить влияние общеобразовательной школьной программы обучения русскому языку на процесс освоения письменной речи детьми-билингвами и эффективность обучения детей-билингвов в полиэтническом классе.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что дети-билингвы, обучающиеся с первого класса в русской школе, относительно правил написания букв, правил их соединения и правил употребления идеографических знаков за три года освоили письменную форму речи в целом на том же уровне, что и дети-монолингвы. Специфических написаний, обусловленных языковой интерференцией, в этих областях у билингвов не выявлено. И русскоязычные дети, и билингвы к четвертому году обучения в школе вполне осваивают русскую графику. Слоговой принцип, отраженный в системе обозначений мягкости согласного и обозначения j, русскоязычными детьми усваивается гораздо прочнее, хотя и у них встречаются ненормативные написания в этой области. Написаний, нарушающих правила слогового принципа, в работах билингвов в три раза больше. Но не только слоговой принцип русской графики служит причиной неверных написаний у детей. В работах обеих групп написание букв в их основном значении в одинаковой мере спровоцировало появление ошибок, причины которых у билингвов и монолингвов могут быть весьма различными. Отметим, что значительное количество написаний букв не в их основном значении, характерное как для билингвов, так и монолингвов, опровергло гипотезу исследования о преобладании не количественных, а качественных показателей специфических нарушений письма билингвов. Кроме того, получены интересные данные об освоении орфографических правил русского языка, изученных детьми за первые три года обучения в школе.

Шэнь Цзеи

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АТРИБУТИВНЫХ ГРУПП С СОЧЕТАНИЕМ «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе представлены результаты синтагматического анализа устойчивых сочетаний «*имя прилагательное + "железная дорога"*», в результате проведения которого были выявлены ключевые особенности структуры и функционирования подобных сочетаний в русском языке, а также их семантические особенности и значения атрибутивных групп. Материалом наблюдения и анализа послужили данные НКРЯ.

В. В. Виноградов предложил классификацию прилагательных, разделив их на три основные категории: качественные, относительные и притяжательные [Виноградов, 1986: 251]. Этот подход позволяет изучить семантические функции прилагательных и их роль в структуре языка.

Нами было установлено, что в состав атрибутивных групп с сочетанием *железная дорога* входят топонимические прилагательные и прилагательные, семантика которых связана с известными историческими личностями и событиями. Топонимические прилагательные обозначают географическую локализацию объектов и подчеркивают их привязку к конкретным регионам. Согласно Е. В. Арутюновой, прилагательные, используемые в составе топонимов, выполняют функцию различения одноименных населенных пунктов, что делает данный способ образования топонимических наименований продуктивным в современной практике номинации [Арутюнова, 2023]. Напр.: *Московская железная дорога, Царскосельская железная дорога, Николаевская железная дорога, Октябрьская железная дорога.*

В докладе представлены результаты семантического, синтаксического, стилистического и диахронического анализа исследуемых устойчивых сочетаний в различных контекстах. Функционирование устойчивого сочетания *железная дорога* в русском языке связано не только с ключевыми аспектами лексической семантики, но и с фразеологией. Всесторонний анализ устойчивых сочетаний «*имя прилагательное + "железная дорога"*» способствует формированию более глубокого понимания особенностей их функционирования в русском языке.

Знание и использование устойчивых сочетаний *железная дорога* с различными атрибутами поможет иностранным студентам не только расширить лексический запас, но и глубже понять русскую историю, а также расширить знания в области русской топонимики. Включение этих сочетаний в учебный процесс будет способствовать более активному освоению фразеологии, сделает обучение интересным и насыщенным.

Литература

Арутюнова Е. В. К проблеме раздельного и дефисного написания топонимов с постпозитивным прилагательным, или Почему *Струги Красные* // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 200–221.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.

Фэн Тяньсы

студент 3-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Чжан Ятэн

студент 3-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КИТАЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ВУЗАХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В условиях глобализации и укрепления международных связей русский язык приобретает все большую значимость как средство межкультурной коммуникации. Особый интерес представляет изучение методов преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) в различных странах, особенно в России и Китае. Доклад посвящен сравнительному анализу организации образовательного процесса в педагогических ВУЗах этих двух стран, выявлению их особенностей, сходств и различий.

«Методика обучения РКИ в Китае развивалась под влиянием российских и западных лингводидактических идей. Такие методы, как грамматико-переводный, сознательно-сопоставительный и сознательно-практический, доминировали в истории преподавания русского языка в Китая» [Ло, 2015: 19]. В России современные подходы к обучению РКИ основаны на интеграции коммуникативного и когнитивного методов [Исакова, 2024]. Современные образовательные технологии, такие как сетевое и виртуальное обучение, формируют новый образовательный процесс, обеспечивая межкультурное взаимодействие и обратную связь в реальном времени. Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс способствует персонализированному обучению, позволяет учитывать его социокультурные особенности.

Целью исследования является сравнительный анализ методов преподавания РКИ, организации учебного процесса и социокультурных особенностей образовательной среды в Китае и России.

Нами анализируются сходства и различия в учебных программах вузов и методах преподавания РКИ между Китаем (в иноязычной среде) и Россией (в русской языковой среде) в первую очередь с точки зрения самих обучающихся. Нами составлена обширная сводная таблица, в которой представлены дисциплины, предлагаемые для изучения в вузах Китая и России. Мы сравниваем виды самостоятельной деятельности, предлагаемой студентам, обучающимся в вузах Китая и России, а также количество часов, которые предоставляются для аудиторной и для самостоятельной работы в данных вузах. Основой для сбора информации стали данные РГПУ им. А. И. Герцена и Харбинского коммерческого университета.

В рамках анализа социокультурных особенностей образовательного процесса в вузах Китая и России рассмотрены способы взаимодействия студентов и преподавателей в учебное и внеучебное время. Данные по этому вопросу отражены в таблице; с их помощью было сделано несколько значимых выводов о зависимости успешности взаимодействия преподавателей и студентов от выбранной ими стратегии общения и количества заданий и академических часов, выделенных на самостоятельную работу для студентов.

Сравнительный анализ позволил выявить сильные и слабые стороны образовательного процесса в Китае и России, что может быть полезно для индивидуальной корректировки преподавательских практик. Особенно это актуально для преподавателей, работающих с китайскими студентами. Понимание различий в образовательных концепциях способствует оптимизации методов обучения и организации учебного процесса.

Литература

Исакова К. В. Методика обучения русскому языку как иностранному // Молодой ученый. 2024. № 47 (546). С. 397–404.

Ло С. Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2015. № 2 (8). С. 18–22.

Го Вэйпэн

студент 3-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Го Вэйхэ

студент 3-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ КАК ПЕРВОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Сегодня для китайских студентов знания только одного иностранного языка уже недостаточно, возникает необходимость освоения второго и третьего иностранных языков. Английский язык остается востребованным, но для китайских студентов в России приоритетным является русский как первый иностранный, а английский — как второй. При изучении этих языков возникает языковая интерференция, особенно в межкультурной коммуникации [Vorontsova, 2023].

Русский и английский относятся к разным группам индоевропейской семьи, имеют схожие алфавитные системы, но значительные различия в произношении и грамматике. Опыт изучения английского языка может как помогать, так и мешать освоению русского, особенно на начальном этапе. Актуален вопрос трехсторонней интерференции и методов ее преодоления. В докладе рассматриваются межъязыковая и внутриязыковая интерференция при изучении русского и английского китайскими студентами. Теоретическую базу исследования составляют труды таких ученых, как У. Вайнрайх, Э. Хауген, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. Л. Бим, Е. И. Пассов и др.

Интерференция — это воздействие родного языка на изучаемый, выражающееся в отклонениях от норм второго языка [Азимов, Щукин, 2009: 87]. Она бывает межъязыковой (из-за различий в языковых системах) и внутриязыковой (из-за взаимодействия усвоенных и новых навыков).

В преподавании иностранного языка ключевым является понятие «отклонение от нормы», которое затрудняет обучение грамматике, лексике и фонетике. В связи с этим были составлены сравнительные таблицы интерференции русского, китайского и английского языков. Первая таблица отражает сложности в произношении и восприятии звуков русского и английского языков китайскими студентами. Вторая — лексическую интерференцию и ее влияние на развитие речи. В третьей таблице рассматривается влияние китайской письменности на освоение алфавитных систем русского и английского языков, при котором возможны ошибки в чтении и письме.

В докладе анализируются причины возникновения интерференции в каждом виде речевой деятельности. Итоговые таблицы предоставляют студентам и преподавателям инструменты для выявления типичных ошибок и разработки стратегий их устранения при изучении русского и английского языков.

Литература

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009.

Vorontsova Yu. A. Linguistic and cultural interference and its expression in English and Russian // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 33. Вып. 4. С. 775–781.

Субиинуэр
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЗИЧЕСКИЕ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ДУХОВЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ»

Духовные ценности и нравственные эталоны народа воплощаются в национальном языке, сохраняются в его образной структуре и выражаются с помощью образно-оценочных языковых средств, одним из которых являются устойчивые сравнения (УС). Как утверждает М. Н. Крылова, «устойчивые сравнения представляют собой сгусток культурной информации, позволяют сказать многое, экономя языковые средства и в тоже время глубоко, точно, ярко, национально специфично» [Крылова, 2014: 58].

В докладе нами рассматриваются УС с компонентом «духовые музыкальные инструменты» с точки зрения передачи ими национально-культурной информации, семантики, создаваемого образа. В качестве фактического материала мы использовали УС, представленные в тематическом словаре «Устойчивые сравнения русского языка» Л. А. Лебедевой [Лебедева, 2020] и в «Словаре сравнений русского языка» В. М. Мокиенко [Мокиенко, 2003]. Подобные УС могут выражать признак: *худой как флейта, голос как иерихонская труба*; создавать образ с помощью глагола: *сипеть как фагот, хрипеть как фагот, звучать / зазвучать (звенеть / зазвенеть, петь / запеть, свистеть / засвистеть, высвистывать, перекликаться) как флейта*.

Анализ материала показывает, что основанием для сравнения может служить внешний вид музыкального инструмента: «худой (тощ) как флейта. *Редко. Ирон.* Об очень худом и длинном человеке»; особенности звучания музыкального инструмента: «сипеть как фагот, хрипеть как фагот. *Устар. Ирон.* О чьем-л. сиплом (от старости, прокуренности или простуды) голосе»; «звучать/зазвучать (звенеть/зазвенеть, петь/запеть, свистеть/засвистеть, высвистывать, перекликаться) как флейта. О каких-л. очень тонких, жалобных, свистящих звуках, пении, мелодиях»; «голос как [иерихонская] труба. *Книжн. Неодобр.* или *шутл.* О чьем-л. оглушительно громком, глубоком, трудном или раскатистом голосе».

Проведенное исследование УС с компонентом «духовые музыкальные инструменты» показывает, что они составляют группу лингвокультурологических единиц, характеризующихся семантическим и функциональным своеобразием. Они передают национальные культурные смыслы, а именно внешние черты или звучание человеческого голоса или другого объекта действительности, образно воспринимаемые носителями языка.

Источники

Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка. Тематический словарь. М., 2020.
Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.

Литература

Крылова М. Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ. Саратов, 2014.

Карбанович Маргарита Александровна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА

В конце XX — начале XXI в. принцип антропоцентризма стал ведущим в описании языкового материала, что объяснялось стремлением рассматривать язык в тесной связи с человеком. В настоящее время в лингвистике ключевыми являются понятия языковой личности и речевого портрета. Доклад посвящен особенностям речевого портрета В. И. Матвиенко. Вслед за И. М. Лейко и В. А. Масловой мы понимаем речевой портрет как воплощенную в речи языковую личность [Лейко, Маслова, 2012: 415] и исходим из концепции языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов, 2010].

Анализ политических речей Председателя СФ, относящихся к императивным и оценочным жанрам, проведенный на трех уровнях языковой личности (вербально-семантическом, лингвокогнитивном, прагматическом), позволил сделать следующие выводы:

1) на вербально-семантическом уровне в императивных жанрах речи Матвиенко призыв передается за счет частиц *вот* и *именно*, местоимения *такой* и наречия *очень*, усиливающих значение следующих за ними слов, а также за счет модальных слов (*надо проявлять, хочу поблагодарить*), указывающих на необходимость или желание предпринять определенные действия;
2) в речах оценочных жанров оценка передается с помощью качественных прилагательных (*надежная страна, колоссальный опыт*), модальных слов (*можем гордиться, должна развиваться* и др.), местоимений *тот* и *такой*, выполняющих усилительную функцию, вводных слов и конструкций, выражающих степень уверенности говорящего (*конечно же, безусловно*), его чувства и эмоции (к *сожалению*) и др.;
3) на лингвокогнитивном уровне в речах Матвиенко императивных и оценочных жанров выделяются концепты «Россия — родная земля», «Свой» — «Чужой» и концепт «Помощь», которые раскрываются с помощью слов в переносных значениях (*атака на русский язык*), устойчивых выражений (*квасной патриотизм*), разговорных слов (*расхожее мнение*) и возвышенной лексики (*державная церемония*);
4) на прагматическом уровне во всех проанализированных речах политика императивных жанров макроинтенцией выступает призыв, выраженный эксплицитно, в то время как в речах, относящихся к оценочным жанрам, мы выявили цели-мотивы, связанные как с призывом, выраженным имплицитно, так и с убеждением;
5) в речах императивных жанров основными стратегиями являются стратегии убеждения, а именно аргументативная и агитационная, в речах оценочных жанров Председатель СФ прибегает к аргументативной стратегии и стратегии формирования эмоционального настроя адресата.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Лейко И. М., Маслова В. А. Параметры описания речевого портрета языковой личности // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 414–420.

Омонбоева Шодиена Эркин кизи
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «БЕЗАЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ» В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

Настоящее исследование направлено на анализ лексико-семантической подгруппы «безалкогольные напитки» в произведениях А. П. Чехова с акцентом на ее функциональных особенностях в контексте творчества писателя. Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе, который охватывает не только лексическую сторону, но и культурные и социолингвистические аспекты, связанные с употреблением безалкогольных напитков в российском обществе конца XIX — начала XX в.

В качестве основного материала исследования были отобраны рассказы Чехова, написанные в период с 1880 по 1904 г. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе осуществлялся отбор текстов, содержащих лексемы, относящиеся к категории безалкогольных напитков (таких как *чай, кофе, вода, квас* и др.), устанавливалось лексическое значение слов с помощью словарей. На втором этапе проводился анализ контекстов употребления выделенных слов и их связи с социальными и бытовыми реалиями того времени.

В процессе анализа было выявлено, что лексико-семантическая подгруппа «безалкогольные напитки» в рассказах Чехова выполняет несколько значимых функций. Во-первых, она помогает создать атмосферу повседневной жизни героев, отражая их социальный статус и привычки. Например, употребление чая или кофе может ассоциироваться с определенными социальными кругами и ритуалами общения. Во-вторых, безалкогольные напитки в произведениях Чехова часто символизируют культурную идентичность и национальные традиции. В рассказе «Крыжовник» образ чая становится не просто элементом быта, но и символом уюта и домашнего тепла. В-третьих, исследование показало, что наименования безалкогольных напитков служат средством для создания контраста между персонажами и их жизненными ситуациями, подчеркивая различия в восприятии мира.

Таким образом, анализ лексико-семантической подгруппы «безалкогольные напитки» в рассказах Чехова способствует углублению понимания как языковых особенностей произведений писателя, так и их культурных аспектов, что подчеркивает значимость данной темы для будущих исследований.

Сюлань Чжао

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЫРАЖЕНИЕ НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЫ ДЕЙСТВИЯ КОНСТРУКЦИЕЙ «НАЧИНАТЬ/НАЧАТЬ + ИНФИНИТИВ НСВ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ

В докладе рассматривается конструкция «*начинать / начать + инфинитив НСВ*», которая в русском языке является основным средством выражения начала действия. Анализируется объем словарных значений русских глаголов *начинать / начать* и их китайских аналогов, проведено сравнение соответствующих конструкций в двух языках.

В русском языке основным средством выражения начальной фазы действия служат глаголы *начинать / начать*, что следует из их толкований (напр., [БТС, 1998: 609]). Конструкции с глаголами *начинать / начать* выражают возникновение действия без указания на какие-либо другие значения или их оттенки и сочетаются с инфинитивом любых глаголов, которые обозначают длительное действие: *Он всегда начинал работать в 9 часов утра* (повторяемость); *Дождь начинал капать*; *Уже начинает рассветать* (постепенное начало действия).

Кроме инфинитива, в сочетании с *начинать / начать* могут употребляться отглагольные имена существительные, потому что они сохраняют семантику процесса: *Он начал работу*.

Как и в русском языке, в китайском основным глагольным средством выражения начальной фазы действия служит многозначное слово **开**始. Напр.: **当**天下午**两**点，演出正式**开**始 (‘В два часа дня спектакль официально начался’). Объем его значений более узок и не совпадает с объемом значений русских глаголов. Основное его значение — это ‘начинать с самого начала’, ‘начинать и продолжать’. Кроме этого, это слово обозначает начало действия с определенного момента. Эквивалентом китайского слова может являться существительное *начало*, потому что для глагола и существительного в китайском языке используются одни и те же иероглифы — **开**始.

Изучение глагольной лексики вызывает трудности у иностранцев. Так, глаголы *начинать / начать* могут сочетаться только с инфинитивом глаголов, которые обозначают ограниченные во времени действия, выраженные НСВ (т. е. не сочетаются с глаголами, которые обозначают статические явления и постоянные свойства и отношения). Но иностранные студенты не всегда понимают, какие действия ограничены во времени, а какие — нет. Результаты нашего анализа помогут китайским студентам упростить усвоение правил корректного использования русских глаголов *начинать / начать*.

Источник

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

Бай Жу

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТРИКИ ЛЕКСИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ОЦЕНКЕ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТОВ РКИ ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Адекватные (доступные, но не слишком простые) учебники оказывают положительное влияние на эффективность обучения.

Самая распространенная мера лексического разнообразия TTR рассчитывается как отношение количества уникальных слов текста к количеству всех слов текста [Лапошина, Лебедева, 2021]. При оценках сложности текста предлагается учитывать лексическое разнообразие [Лапошина, Лебедева, 2021]. Чем выше лексическое разнообразие, тем более сложен текст для носителя языка как иностранного.

Материалом исследования является выборка текстов из восьми учебников «Восток: Русский язык», используемых в китайских высших учебных заведениях. Общий объем выборки составил 49 текстов для чтения и упражнений общим объемом 32 806 слов. Была проведена систематизация текстов, а именно распределение по уровням в соответствии с компетенцией носителей по шкале CEFR с A1 по C2, а также распределение упражнений по типу в соответствии с отрабатываемыми навыками.

В качестве инструмента измерения лексического разнообразия был выбран пакет R [Benoit et al., 2018]. Рассчитаны значения **метрик лексического разнообразия** K (Yule's K), D (Simpson's D), TTR (Type-Token Ratio), CTTR (Cumulative Type-Token Ratio), C (Herdan's C), R (Guiraud's Root TTR). Переменными во всех формулах являются количество типов (V), количество токенов (N), а также fv (i,N), т. е. количество типов, встречающихся i раз в выборке длиной N [Benoit et al., 2018].

На этапе предобработки были удалены стоп-слова. С помощью пакета мы получили значения 6 показателей лексического разнообразия, оценили их средние значения (медиану и среднее арифметическое) для каждого из уровней по шкале CEFR.

Значения индексов K, D демонстрируют общее снижение. Значения индексов CTTR, C, R демонстрируют общий рост. В целом интерпретация данных довольно сложна, поскольку значения разных мер несколько противоречивы. Основываясь на результатах [Tweedie, Baayen, 1998; Blinova et al., 2020], мы выбрали индекс K в качестве метрики лексического разнообразия, относительно более надежной и независимой от длины текста. Результаты следующие:

A1 (8 текстов) — K (медиана) = 125.22
A2 (6 текстов) — K (медиана) = 63.31
B1 (17 текстов) — K (медиана) = 53.60
B2 (6 текстов) — K (медиана) = 56.66
C1 (4 текста) — K (медиана) = 47.35
C2 (8 текстов) — K (медиана) = 51.90

Значения индексов K демонстрирует общее снижение, существуют исключения (значения B2, C2). Значение медианы индекса K колеблется в диапазоне от 125.22 до 47.35. В целом можно сказать, что значение K уменьшается от A1 к C2. Таким образом, тексты становятся сложнее.

Наша гипотеза увеличения лексической сложности в целом подтвердилась. Для дальнейшей оценки сложности текста необходимо будет учитывать такие параметры, как семантика (абстрактность / конкретность) и частотность лексем.

Литература

Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текст по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 331–345.

Benoit K., Watanabe K., Wang H., Nulty P., Obeng A., Muller S., Matsuo A. Quanteda. An R package for the quantitative analysis of textual data // Journal of Open Source Software. 2018. Vol. 30, no. 3. P. 774.

Blinova O. V., Belov S. A., Revazov M. A. Decisions of Russian Constitutional Court: Lexical Complexity Analysis in Shallow Diachrony // CEUR Workshop Proceedings. 2021. Vol. 2813. P. 61–74.

Tweedie F. J., Baayen R. H. How Variable May a Constant Be? Measures of Lexical Richness in Perspective. Computers and the Humanities. New York, 1998. P. 323–352.

Требухина Татьяна Сергеевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«КИЧКА» — СПЕРЕДИ, СЗАДИ ИЛИ ПОВЕРХ?

Целью исследования стало выявление значения слова *кичка* в устной разговорной речи, в связи с чем были поставлены следующие задачи: (1) опросить носителей языка; (2) узнать, знакомо ли им это слово и кто его употребляет; (3) сформулировать значение слова на основе ответов респондентов.

Обычно слово *кичка* используется в устной живой речи людьми, чья жизнь связана с определенной профессиональной сферой, напр., оно часто звучит в среде танцовщиц, балерин и гимнасток. На первый взгляд, это слово узкоспециализированное, но, оказывается, это не совсем так.

Слово *кичка* происходит от старославянского слова *кыка* или *кика*, означавшего ‘волосы’. Постепенно такое значение ушло из речи, и *кичкой* начали называть либо головной национальный убор, либо прическу. Значение ‘нос, передняя часть судна’ считается устаревшим и имеет другое происхождение, поэтому и не рассматривается в настоящей работе.

В проведенном опросе приняли участие 200 человек в возрасте от 10 лет до 91 года (123 респондента — женщины, 77 респондентов — мужчины). Опрос позволил выявить, что слово *кичка* в значении ‘женская прическа’ известно большинству респондентов, т. е. не вышло из употребления. Оно известно как молодому, так и старшему поколению. Среди женщин оно распространено больше, чем среди мужчин, которые, как правило, знают это слово из речи женщин. Слово *кичка* тесно связано с определенной сферой деятельности, а именно — занятиями танцами, балетом, гимнастикой. *Кичка* имеет не один синоним (*пучок, узел, шишка, гулька, улитка*), но обладает специфическими характеристиками, которые и отражены в исследовании.

На основе проведенного опроса автор формулирует известное большинству опрашиваемых значение слова — ‘женская прическа’, которое, в отличие от значения ‘головной убор’, довольно активно используется в речи носителей русского языка. Анализ определений слова, предложенных опрашиваемыми, позволяет сделать выводы о том, какая бывает кичка, как она выглядит, чем отличается от других причесок и чем похожа на них, кому из респондентов это слово известно в таком значении.

Козырева Полина Тимофеевна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МОНОЛОГИ-ОПИСАНИЯ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТНОГО ДИСКУРСА

В докладе излагаются результаты исследования особенностей структуры устного дискурса на основе монологов-описаний. Цель исследования — проанализировать особенности монологов-описаний студентов и сопоставить сделанные выводы с результатами анализа подобного корпуса речи пожилых людей.

Для достижения цели исследования был собран корпус студенческой речи. В роли респондентов выступили студенты разных специальностей. Возраст информантов составляет от 18 до 23 лет. Всего было собрано 13 монологов-описаний. В качестве материала (стимула) был выбран комикс Х. Бидструпа «Скамейка». Длительность монологов варьируется от 40 секунд до 5 минут (04:48). Три самых объемных монолога принадлежат юношам, в то время как три самых коротких — девушкам. При этом влияние специальности респондентов на объем монолога отмечено не было.

Особое внимание в работе уделялось описанию хезитаций и прагматических маркеров в речи разных возрастных групп. В корпусе студенческой речи во всех монологах были замечены вербальные хезитативы (*а-а, э-э, м-м*). В речи некоторых информантов в роли пауз хезитации выступал кашель или смех. Самый частотный прагматический маркер — *вот*, он встречается у большинства респондентов. Необходимо подчеркнуть, что у тех респондентов, которые этот маркер не использовали, высок процент хезитаций, заполненных звуками.

Если обратиться к корпусу речи пожилых людей, то можно заметить, что самым частотным типом заполненных хезитаций вне зависимости от гендера и социальных характеристик респондента оказались хезитации, заполненные дискурсивами. Среди них самой частотной является частица *ну*. При этом она регулярно используется в паре с незаполненными хезитациями или сопровождается удлинением звука. Кроме того, оказалось, что невербальные хезитации чаще употребляют в своей речи пожилые люди без высшего образования и с низким уровнем социальной активности.

Таким образом, описание хезитаций и прагматических маркеров с учетом возрастных факторов позволит сделать вывод об особенностях устного дискурса, сопоставить речь студентов и пожилых людей, обозначив особенности, характерные для современной коммуникативной ситуации.

Иголкина Алена Евгеньевна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КОНСТРУКЦИЯ: АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ОДНОГО КЛАССА УСТОЙЧИВЫХ НЕОДНОСЛОВНЫХ ЕДИНИЦ

Доклад посвящен описанию языковых единиц, которые были охарактеризованы как конструкции в процессе разметки подкорпуса «Один речевой день» (ОРД) объемом 1 млн словоупотреблений. Для анализа также были использованы материалы Национального корпуса русского языка и Конструктикона — бесплатного электронного ресурса открытого доступа, который предлагает доступную для поиска базу данных конструкций.

При первом знакомстве с материалом, т. е. при анализе уже размеченных конструкций корпуса ОРД и составлении собственной классификации, было проанализировано 408 конструкций. В ходе анализа была осуществлена сборка вариантов конструкций по группам с выделением инвариантов. Затем определялись инварианты, имеющие наибольшее количество вариантов. В исследовании рассматривались критерии, которые служат основанием для выделения различий между отдельной конструкцией и вариантом конструкции. Помимо этого, были замечены интересные особенности некоторых конструкций. Так, в конструкциях по типу *<ни X себе>* переменная может быть выражена только грубой или обсценной лексикой. Кроме того, сами переменные обычно выступают актантами предложения, поэтому являются существительными или местоимениями, что подтвердила частеречная разметка.

В ходе исследования были обнаружены некоторые проблемы. Так, многие из устойчивых неоднословных единиц (УНЕ) обладают признаками сразу нескольких классов. К примеру, встретившиеся в корпусе конструкции *хватит с меня*, *слов нет*, *тьфу ты черт* могут также быть интерпретированы как фразеологизированные конструкции (коллокации), реализующие переносное значение. Кроме того, многие из конструкций, представленных в материале, напр., *кто тебя знает*, *что за бред*, имеют признаки речевых формул — единиц, которые могут быть определены как ответные реплики, реакции.

Другая интересная особенность, обнаруженная в ходе исследования, заключается в том, что некоторые конструкции имеют ограниченное количество вариантов, которые могут выступать в роли переменного компонента: *создается впечатление, что*; *создается ощущение, что*. Это заставляет задуматься о правомерности отнесения приведенных единиц к конструкциям, а также о необходимом количестве вариантов переменной для конструкции в целом. Такие проблемы анализа единиц в полученном классе УНЕ требуют формулировки четких признаков конструкции, согласно которым ту или иную УНЕ можно было бы отнести к этому классу.

Масленикова Александра Сергеевна

студент 3-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПОИСК И РАЗМЕТКА РЕЧЕВЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ

Доклад представляет собой исследование, посвященное анализу функционирования речевых формул (РФ) и дискурсивных формул (ДФ) в интернет-коммуникации, а также разработке метода их автоматического обнаружения и разметки. Дискурсивные формулы — неоднословные реплики, содержащие реакцию на предшествующий дискурс и составляющие особый подкласс неизменяемых конструкций-предложений. Список дискурсивных формул, представленных в проекте Прагматикон, был собран на основе драматических произведений и детской литературы. Список речевых формул, которые являются схожим функциональным классом, составлялся на материале корпуса устной речи «Один речевой день».

В работе предложен программный код, который с помощью библиотеки Telethon API собирает, анализирует и фильтрует комментарии из Telegram-каналов. Основная задача разработки — выявление РФ и ДФ в текстах комментариев с учетом морфологической целостности слов. Алгоритм работы состоит из следующих этапов: подключение к Telegram API с использованием уникальных учетных данных; сбор сообщений и комментариев из выбранного канала; фильтрация комментариев на основе заранее подготовленного списка РФ/ДФ, загруженного из внешнего файла; разметка обнаруженных формул путем выделения их полужирным шрифтом в тексте комментария и автоматического тегирования функций; сохранение обработанных данных в табличном формате (CSV), включающем исходный комментарий с выделенными ключевыми выражениями, список найденных формул, функции, приписываемые формулам.

В качестве материала для исследования использовались данные из Telegram-канала «Фонтанка SPB Онлайн». В рамках пилотного проекта были собраны комментарии из 70 публикаций, содержащие ДФ. В результате был сформирован подкорпус из 197 комментариев (5068 слов), в которых потенциально могли содержаться ДФ. Анализ показал, что исследуемые формулы встречаются только в 28 комментариях. Было отмечено также, что некоторые из потенциальных ДФ находятся в нетипичных позициях (не в начале реплики), что делает вопрос об их самостоятельности и функциональной нагрузке дискуссионным. Например, выражение *не дай бог* всегда выполняет функцию реакции, независимо от своей позиции в тексте, в то время как другие ДФ могут менять свое значение в зависимости от контекста. Среди функций ДФ встретились подтверждение, отрицание, оценка, безразличие, вопрос. Наиболее частотными оказались подтверждение и отрицание: по 10 комментариев соответственно.

Далее было принято решение составить три словника: совпавшие ДФ и РФ, т. е. формулы, которые встречаются в обоих списках (68 формул); уникальные ДФ (523 формулы); уникальные РФ (477 формулы). Таким образом выявляются отличия в функционировании формул (РФ и ДФ), собранных на разном материале. Следующий этап работы предполагает анализ словников.

Исследование подтверждает, что интернет-коммуникация представляет собой продуктивную среду для изучения ДФ, так как отражает особенности повседневной неформальной письменной речи. Уточнение актуальности словников, содержащих данные относительно устной повседневной речи, способствует отражению реального состояния языка.

Реут Ксения Александровна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«ЗНАЕШЬ ТАМ» КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Изучение прагматических маркеров (ПМ) как функциональных единиц повседневного дискурса в последнее время активизировалось, появился даже специальный словарь ПМ [ПМ, 2021], однако в силу относительной новизны коллоквиалистики как лингвистической дисциплины, изучающей устный дискурс, многие подобные единицы описаны все еще недостаточно. Малоисследованным является потенциальный прагматический маркер *знаешь там*, которому и посвящена настоящая работа.

В докладе описываются особенности функционирования данной единицы в разных типах повседневного дискурса. Актуальность такого исследования объясняется отсутствием соответствующих описаний (первый подобный опыт: [Реут, 2024]) — при заметной частотности употребления этого выражения в повседневной речи. С этим связана и научная новизна работы.

В пользовательский подкорпус (ПП) вошли контексты из разных подкорпусов НКРЯ, включающих устную (устный и мультимедийный подкорпусы), устно-письменную (подкорпус «Социальные сети»), а также письменную (основной и газетный подкорпусы) формы речи. Последняя разновидность представляет собой имитацию устной речи в художественном или журналистском тексте, поэтому также стала объектом наблюдений и выводов.

Были проанализированы и систематизированы по типу речи 192 контекста. Весь материал удалось разбить на две группы: (1) единицы *знаешь* и *там* образуют цельную единицу и являются потенциальным ПМ (14 % от объема ПП, 77 % которых — контексты устной речи), (2) одна из единиц (или обе) не является маркером, цельной единицы их сочетание не образует (72 %). Проведенный анализ подтвердил стопроцентную полифункциональность выражения в контекстах из группы (1), а наиболее частотной функцией потенциального ПМ оказалась метакоммуникативная, свойственная изолированному *знаешь*: *Только я ему там пишу такие вопросы короче он знаешь там отвечает типа / да… нет… думаю / да ну нафиг тебя.* В данном контексте исследуемое выражение реализует одновременно функции метакоммуникатива и хезитатива.

Обнаружилось при этом, что значительную часть контекстов (14 %) нельзя однозначно отнести ни к одной из этих двух групп, так как трудно определить, выступает ли *там* в качестве ПМ или наречия; эти контексты были отнесены в группу (3). В контекстах из групп (1) и (3) частотна пауза между единицами *знаешь* и *там*; во многих случаях обе единицы являются ПМ, при этом *там* выполняет функцию ритмообразующего маркера, а *знаешь* или оба ПМ — *знаешь* и *там* — являются хезитативами: *Такие / знаешь / там / Тима его бывает раз так не очень / тактично там / раз / рукой по лицу…* Можно предположить, что выражение в таких контекстах также является цельной единицей, а пауза является хезитационной.

В контекстах из групп (1) и (3) частотны структурные варианты выражения, такие как *ну знаешь там*, *ты знаешь там* или *вот знаешь там*. Полученные данные позволят создать словарную статью на маркер *знаешь там* в новой версии словаря ПМ.

Источник

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.

Литература

Реут К. А. Особенности функционирования выражения «знаешь там» в русской устной речи // XXVII Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ. 22–27 апреля 2024 г., Санкт-Петербург: сб. тез. СПб., 2024. С. 85.

Юсупова Амалия Рауфовна
студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ОРД: ПОИСК ИНВАРИАНТОВ

Исследование посвящено конструкциям в звуковом корпусе «Один речевой день» (ОРД). В работе проблематизируются такие теоретические аспекты составления инвариантов, как включение в состав конструкции факультативных элементов (напр., распространенных частиц) и обозначение единиц, обладающих слабой вариативностью, в виде переменных.

Практическая сторона работы включает в себя проверку и анализ 97 глагольных конструкций, найденных экспертами в результате ручной разметки устойчивых неоднословных единиц в корпусе объемом 1 млн словоупотреблений. На этом этапе предполагается уточнение статуса конструкций: некоторые из единиц, обозначенных в ОРД как конструкции, не соответствуют даже формальным критериям выделения конструкций (напр., не содержат переменных), а часть устойчивых неоднословных единиц обозначена как конструкции только по второму классу, — для таких единиц в корпусе указана основная функция (напр., «прецедентный текст»). Такие случаи анализировались наравне с другими.

Далее для обозначения границ вариативности найденные конструкции сверялись с данными Национального корпуса русского языка, а сами инварианты анализировались при помощи Constructicon-а и Pragmaticon-а. Constructicon содержит информацию о структуре конструкции, однако недостаток этого корпуса в том, что зачастую одна и та же конструкция с возможностью заполнения какой-либо переменной словами разных частей речи (напр., *черт знает как* и *черт знает сколько*) обозначается не как одна конструкция, а как несколько разных. Чтобы избежать такой неточности, рассматриваемые конструкции анализировались не только с точки зрения формальной структуры, но и с точки зрения семантики, и окончательное решение о выделении одного общего инварианта или разграничении двух инвариантов принималось исходя из семантики выражений.

Pragmaticon — это корпус, в котором собраны русские дискурсивные формулы. В корпусе тоже обозначается структура конструкции, однако она содержит информацию не о грамматических характеристиках переменных внутри конструкции, а о «дискурсивной структуре»: напр., выражение *черт его знает* обозначено как двухчастное, так как представляет собой ответную реплику со значением ‘не знаю’ и реализуется в диалоге. Помимо этого в Pragmaticon-е указываются прагматическая функция единицы, жесты, которыми она сопровождается, и ее интонационная структура.

Обращение к приведенным корпусам, таким образом, позволило уточнить инвариантную структуру обнаруженных глагольных конструкций и проанализировать несоответствия между выведенными в работе инвариантами и инвариантами, представленными в корпусах.

Итогом работы стала база размеченных глагольных конструкций устной речи. Выведенные инварианты — это только первый этап анализа конструкций в ОРД. Методика, разработанная в настоящем исследовании, в дальнейшем позволит уточнить инварианты для всех остальных типов конструкций и автоматизировать их разметку в Корпусе устной речи молодежи.

Шварева Екатерина Ильинична

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОДНА ОШИБКА — И ТЫ ОШИБСЯ? ВОСПРИЯТИЕ ОШИБОК В РЕЧИ УЧИТЕЛЕЙ

Важный аспект исследования педагогического дискурса — описание речи учителя, которая является главным инструментом взаимодействия с учениками. Одним из значимых параметров внешнего оформления высказывания учителя является чистота (или же правильность) речи [Риехакайнен и др., 2024: 261].

Цель данного исследования — выявить, влияет ли наличие фонетических, грамматических или лексических ошибок в речи учителей на восприятие учениками информации, которую сообщает учитель.

Для проведения эксперимента были подготовлены четыре текста с биографиями Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: два текста были написаны с ориентацией на нормы русского языка, а два других включали в себя различные речевые ошибки. Например,, фонетические (*обв… обвучение*), ошибки на согласование подлежащего и сказуемого (*судьба <…> уникален)*, лексические ошибки (*занесли известность*) и др. Ошибки классифицировались вслед за Л. О. Бутаковой [Бутакова, 1998]. Тексты содержали сопоставимое количество ошибок разных типов, были сбалансированы по количеству слов (около 100) и по индексу читабельности (понятности) (SMOG 9,43; аудитория: 7–9 классы).

В ходе эксперимента применялись методики шкалирования и лакунарных текстов. Участникам было предложено прослушать две аудиозаписи, которые содержали тексты, прочитанные диктором-женщиной — носителем русского языка. После прослушивания каждого текста школьники должны были письменно заполнить лакуны в тексте, который они только что прослушали, и оценить прослушанные фрагменты по нескольким критериям. Каждому участнику предъявлялся один из текстов без ошибок, а другой — с ошибками. Было составлено несколько протоколов с разным порядком следования текстов.

Участниками эксперимента стали 38 учеников 7-го класса общеобразовательной школы, являющиеся носителями русского языка (20 мужского пола и 18 — женского). В результате эксперимента было обнаружено, что количество правильных ответов при заполнении лакунарных текстов оказалось приблизительно одинаковым вне зависимости от того, какой это был текст — с ошибками или без ошибок (для сравнения использовался критерий хи-квадрат). Это может свидетельствовать о том, что наличие ошибок, связанных с внешним оформлением речи (фонетических, грамматических и лексических), не влияет на успешность усвоения учениками информации, которую сообщает учитель.

Литература

Бутакова Л. О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2. С. 72–75.

Риехакайнен Е. И., Браташ В. С., Зубов В. И., Сергоманов П. А. Методика аннотирования корпуса устной речи учителей // Вопросы образования. 2024. Вып. 2. С. 251–285.

Мишина Валерия Игоревна

студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ВЗДОХ КАК ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ОСОБЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Большое внимание лингвистов в последнее время привлекают различные паралингвистические элементы (ПЭ) — как невербальные компоненты высказывания, не только отражающие физиологическое состояние говорящего, но и выполняющие в устном дискурсе определенные функции [Крейдлин, 2002]. Внимание в настоящей работе сосредоточено на вздохе (*В) как одном из ПЭ устной речи, «сбое» в процессе речепорождения, мешающем непрерывному воспроизведению мысли и затормаживающем высказывание [Bogdanova-Beglarian, Baeva, 2018], и его прагматических значениях. Прагматика этого ПЭ достаточно хорошо описана в научной литературе. Например, Н. В. Богданова-Бегларян выделяет три прагматических значения *В: хезитация, навигация и рефлексия [Богданова-Бегларян, 2023]. Однако анализ корпусного материала позволяет выявить новые, пока не описанные особенности функционирования этой неречевой единицы. В докладе рассматривается ряд особых речевых ситуаций, побуждающих говорящего «вздыхать», что и обусловливает научную новизну исследования. Источником материала для анализа стал корпус русской повседневной речи «Один речевой день». Проведенный анализ позволил выявить два наиболее частотных направления разговора, которым свойствен *В: высказывания монологического типа, обозначенные как разговоры о «сложном», и «ситуации восстановления событий». В монологах такого типа *В выступает в функции либо хезитатива, либо навигатора по тексту: *капнул Фрейд$ / ка()пнул Карл_Юнг$ / Шарко$ / все психоаналитики / капнули *В подсознание.*

В этом контексте из разговора о «сложном» (рассуждения преподавателя театрального вуза о психологии), исследуемый ПЭ выполняет функцию хезитатива, отражающего затруднения информанта при попытке вспомнить термин «подсознание». В ситуации восстановления событий *В часто соседствует с различными прагматическими маркерами-ксенопоказателями, вводящими в повествование чужую речь (в широком ее понимании), и зачастую совмещает эту функцию с хезитацией и навигацией по тексту: *я говорит хочу купить два билета в театр //типа купи мне два билета вот короче / *П час немедленно / все / горю //*В я говорю у меня(:).*

Результаты настоящего исследования позволяют расширить наши представления о прагматике невербального в устном дискурсе.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. Вздох глубокий… (о функциях вздоха в спонтанном монологе) // «…Вперед и вверх по лестнице звучащей». Сборник статей к 80-летию О. Ф. Кривновой / ред. Л. М. Захаров и др. М., 2023. С. 271–280.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: An Attempt at Categorization // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) Co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018) / eds A. Elizarov, N. Loukachevitch, N. I. Lobachevsky. Kazan, 2018. Vol. 2303. P. 3–13.

Магарамова Диана Агавердиевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМА «ТОГО» КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВЫХ КОННЕКТОРОВ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование посвящено функционированию в современной русской разговорной речи формы *того* в составе речевых коннекторов (РК) (*после того как*, *кроме того (что)*, в *плане того (что)*, *идея того (что)* и т. п.). Под речевым коннектором в лингвистике понимают единицу, способную связывать большие фрагменты текста. К РК относятся союзы, вводные слова, некоторые частицы и другие дискурсивные единицы [Инькова, 2021; Кобозева и др., 2023]. В устном дискурсе нет четких границ между частями речи. Разные варианты одной конструкции могут функционировать как разные дискурсивные единицы: *кроме того* — вводная конструкция, *кроме того что* — составной союз, *не говоря о* — предлог, *не говоря о том что* — составной союз. Понятие дискурсивных единиц (дискурсивных слов, дискурсивных маркеров) охватывает более широкий спектр явлений, чем понятие частей речи. В отличие от частей речи, которые обладают как лексическим, так и грамматическим значением, дискурсивные единицы дополнительно включают и прагматическое значение. Их отличает высокая частота использования, общая распространенность в различных формах коммуникации среди всех участников речевого общения, а также активное участие в формировании и структурировании дискурса. Вводные слова, как правило, относятся к классу дискурсивных слов, хотя они не выступают в роли самостоятельной части речи. Тем не менее их роль в структурировании дискурса позволяет классифицировать их наряду с частицами, союзами и предлогами.

В разговорной речи единицы часто подвергаются процессу грамматикализации, когда из сочетания слов, не имеющих единого грамматического значения, возникают новые функциональные единицы [Богданова-Бегларян, 2021: 19]. Разновидность грамматикализации, связанную с возникновением новых РК, называют коннекторизацией [Баженова, 2022].

Источником материала для настоящего исследования послужили два корпуса: корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) и устный подкорпус НКРЯ. Анализ 1500 контекстов с формой *того* показал, что наиболее типичными РК с данным компонентом являются (а) кодифицированные подчинительные союзы времени, цели, причины (около 40 % пользовательского подкорпуса) и (б) местоименно-соотносительные конструкции типа <…*того, что*…> и <…*того X, что*…> (около 20 %). Сочетания с формой *того* стали результатом процесса коннекторизации: РК возникают, как правило, на базе местоименно-соотносительных конструкций.

Литература

Баженова А. Г. Пути развития речевых коннекторов: методика веерного шкалирования // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. № 10. С. 52–58.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021. С. 5–52.

Инькова О. Ю. О понятии «текстовая скрепа» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию / отв. ред. Е. С. Шереметьева и др. Владивосток, 2021. С. 13–20.

Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9, № 4 (36). С. 36–47.

Пересыпкина Ксения Андреевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КОМИЧЕСКОЕ ПАСПАРТУ ИЛИ КОНСТРУКЦИЯ? В ПОИСКАХ ГРАНИЦ ФЕНОМЕНА

Исследуемый лингвокультурный феномен, обозначенный составным термином «комические паспарту», синтезирует характеристики, присущие ряду гетерогенных явлений, и иллюстрирует «диалектику взаимодействия системного (соответствующего языковому стандарту) и неконвенционального (нарушения стандарта)» [Сниховская, 2004: 49].

Фундаментальные диффузность и мозаичность феномена комических паспарту делают определение его границ проблемной, но необходимой задачей, а принятое решение — потенциально дискуссионным.

Очевиден прецедентный генезис явления, развитие которого стадиально: бытование прецедентного текста (*А мне амэриканские бургеры дороже родины)* => бытование соотносимых модифицированных прецедентных текстов (*А мне чувашская хуплу дороже родины; А мне доступные запчасти дороже родины; А мне показ рыбов дороже денег; А мне лукошко с грибами важнее возможности заражения энцефалитной инфекцией и похищения гномами*) <=> формирование комического паспарту (<*А (кому) (что) дороже (чего)*>) <=> бытование комического паспарту — вариативно и инвариативно.

Специфика комических паспарту заключается в свойственной им усложненности соположения характеристик «стабильности» и «нестабильности», которая связана с условностью «якорных» и «переменных» компонентов — принципиальной содержательной разнообразностью (<*А (кому) (что угодно) дороже (чего угодно)*>) и возможной формальной разнообразностью (*А мне* ***переписка*** *дороже* ***сна*** VS *А мне* ***сохранить ментальное здоровье*** *дороже, чем* ***ответить на 248 непрочитанных сообщений***).

В докладе для достижения поставленной цели содержание термина «комическое паспарту» последовательно сопоставляется с понятиями: «прецедентный текст», «модифицированный прецедентный текст», «конструкция», «коллокация», «идиома», «антиидиома», «фразеосхема», «речевая формула», также упоминается термин «синтаксический фразеоид», обозначающий если не идентичное рассматриваемому феномену явление, то наиболее близкое к нему («конструкции, в которых ряд компонентов являются устойчивыми, регулярно воспроизводимыми, а другие заменяются, своеобразные конструкции-колодки, в которые подставляется значимый элемент» [Коган, 2018: 44]).

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект №22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи».

Литература

Коган Е. С. О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 42–51.

Сниховская И. Э. Механизмы, средства и приемы языковой игры в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Житомир, 2004.

Таирова Ирина Андреевна
студент 1-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ «СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ» В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Явление многозначности — типичное свойство речевого лексикона, которым занимается, в частности, коллоквиалистика как теория разговорной речи. Один из примеров полисемии — семантика выражения *спасательный круг*, которому посвящено настоящее исследование.

Гипотеза исследования состоит в том, что данная речевая единица наиболее употребительна в речи говорящих средней возрастной группы, в значении: (1) ‘жировые отложения в области живота’. Это значение характеризует физическое состояние человека: типичная проблема у женщин среднего возраста — метаболический жир, который расположен посередине живота, как и обычный спасательный круг у тонущего.

Единственное упоминание исследуемой единицы удалось найти в «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной — в более общем значении: (2) ‘о чем-л., служащем средством спасения, помогающем избавиться от трудностей, болезней, неприятностей’ [Мокиенко, Никитина, 2003: 49]. Никаких других значений в словарях не зафиксировано, поэтому показалось необходимым провести опрос на платформе Google Forms.

В опросе приняло участие свыше 150 человек в возрасте от 18 до 65 лет. Выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась: большинство респондентов (57 %), которые используют в устной речи выражение *спасательный круг* в значении (1), — это люди 38–57 лет. Информацию о значимости экстралингвистического фактора, связанного с определенным физическим состоянием человека, подтвердили респонденты, которые отметили, что первое значение наиболее употребительно именно по отношению к женщинам.

Респонденты в возрасте 18–27 лет не только используют выражение в упомянутых значениях, но и предлагают значение (3) ‘неприкосновенная сумма денег, отложенная на случай трудного финансового положения’: *Мой спасательный круг лежит в копилке, эти деньги на черный день!* Несмотря на то что это значение связано со вышеуказанным словарным значением (‘отложенная сумма денег как средство спасения’), оно должно рассматриваться отдельно. Такой подход позволит определить корреляцию возрастных факторов и семантической специфики выражения. В будущем представляется возможным провести экспериментальное исследование в области психолингвистики.

Анализ интернет-ресурсов показал также, что исследуемое выражение используется как термин, который выступает в качестве манипулятивного приема, когда манипулятор, с помощью большого количества информации, сбивает человека с толку и предлагает альтернативный (выгодный ему самому) выход из сложившейся ситуации (речевое манипулирование может пониматься как «управляемое омассовление» [Шишков, 2006: 703]). Это можно расценить как значение (4) рассматриваемого выражения: *Он много говорил, используя термины и сложные обороты, от непонимания я согласилась на его условия — стала жертвой спасательного круга* (из ответов респондентов). Значения (1) и (4) частотны в устной речи психологов и врачей, что позволяет отнести их к профессиональным жаргонизмам.

В целом представляется, что полученные в ходе исследования данные могут быть полезны и для коллоквиалистики, и для лексикографии, и для многих прикладных лингвистических дисциплин.

Источник

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2003.

Литература

Шишков Г. М. Управляемое омассовление. М., 2006.

Загребельная Арина Сергеевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ВСЁ» В РУССКОМ ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ: РЕЧЕВОЙ АКТ ДИРЕКТИВА

Объектом анализа в настоящей работе стали употребления слова *всё* в функции речевого акта (РА) директива в русской повседневной речи. Исследование выполнено на материале устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка и корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД). В корпусном материале были выявлены 40 контекстов со словом *всё* в рассматриваемой функции: 30 — в ОРД и 10 — в УП (ниже примеры из этого подкорпуса специально атрибутированы).

Речевой акт — это акт коммуникации, при котором произносятся определенные высказывания с целью передачи информации, установления контакта или воздействия на слушателя. Дж. Серль выделяет пять групп РА [Серль, 1986: 180–188]: репрезентативы (representatives), директивы (directives), комиссивы (commissives), экспрессивы (expressives) и декларации (declaratives).

Директив употребляется говорящим с целью повлиять на слушающего, заставить его совершить какое-то действие, т. е. выражает приказ, призыв, просьбу, наставление, угрозу [Серль, 1986: 182]. Употребление директива часто порождается такими факторами, как раздражение или дискомфорт, которые испытывает говорящий.

Анализ корпусного материала позволил выявить некоторые особенности употреблений *всё*-директива:

1) дублирование (порой — многократное повторение) слова *всё* (22,5 %): *так,* ***всё ! всё****, кончено ! кончен бал, кончен бал, кончен бал*; ***всё****(:) мама !* ***всё*** *мама !* ***всё*** *мама !* ***всё, всё, всё*** *мама !*; *так, собаки, тихо!* ***всё, всё****, я пришел (*видно, что и другие компоненты соответствующих фрагментов тоже часто дублируются);
2) употребление с глагольными императивами (20 %): ***всё****, стой ! просто стой !*; ***всё****, послушай меня…*; ***всё****, иди !*; *Это, как знаешь, ты провинился, те мамка такая: "****Всё****, обрубай компуктор,* ***всё****, иди"*» (УП) (видно, что далеко не всегда императив выражает то же требование, что и *всё*-директив, чаще это просьба сделать что-то после прекращения того действия, которое раздражает говорящего);
3) употребление в ряду других маркеров, реализующих тот же РА (17,5 %): ***всё*** *! хватит ! закрыли эту тему*; ***всё*** *! хорош !*; *Так.* ***Всё****. Цыц мне!* (УП);
4) употребление с обращением (17,5 %): ***всё****, Кать, я устала !*; ***всё*** *! Элеонора ! сбила с толку !*; ***всё*** *ребята кончили !*;
5) часто употребление *всё*-директива сопровождается пояснением причины такого требования: ***всё, всё****, я пришел*; ***всё****, Кать, я устала !*; ***всё*** *! Элеонора ! сбила с толку ! Всё*-директив употребляется как при формальном (32,5 %: ***всё*** *! ***всё****, сдачи не дают ! забудьте*), так и при неформальном общении (67,5 %: ***всё*** *! не будем ! я съезжаю во что-то негативное… и не хочу в это съезжать*), с явным преобладанием последнего. В 65 % случаев *всё*-директив встретился в речи женщин, что пока не позволяет делать каких-то серьезных социолингвистических выводов. Однако и сделанные наблюдения представляются важными в аспекте культуры речи, в лексикографии, в практике перевода и преподавания РКИ.

Литература

Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 170–194.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Борина Екатерина Александровна
магистрант 1-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЧУЖОЕ СЛОВО В СОЗНАНИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ «ДУЭЛЬ» А. П. ЧЕХОВА

Нередко в рассказах, повестях и пьесах А. П. Чехов различными способами вступает в диалог со своими предшественниками, будь то пародия, стилизация или развернутая реминисценция. Такая форма взаимодействия может быть также выражена в качестве способа самосознания героев, при котором они ориентируются на художественное произведение, выстраивая события жизни. Повесть Чехова содержит ситуацию, при которой герой самостоятельно соотносит себя с персонажами различных произведений, подражает им определенным образом, надевает литературную маску.

Научная новизна состоит в отсутствии комплексного исследования данной темы в повести «Дуэль». Целью нашей работы стало изучение мотивировок, способов проникновения литературных моделей в сознание героя Чехова и последующее влияние их на характер, поведение героя и построение его дальнейшей истории в сюжетных рамках. Материалом исследования стала повесть «Дуэль» Чехова. Основными методами исследования стали методы медленного чтения и рецептивной эстетики. Влияние произведения на читателя напрямую связано с читательскими ожиданиями, с их «“предпониманием” жанра, формы и тематики произведения на фоне предшествующей литературной традиции» [Зинченко и др., 2011]. Опорными работами для нашего исследования стала монография Н. В. Капустина «“Чужое слово” в прозе Чехова: жанровые трансформации», сосредоточенная на изучении включения разнообразных жанровых моделей русской литературы в произведения Чехова. Исследователь выявляет, каким образом эти жанры входят в поле зрения Чехова и трансформируются в его творчестве в соответствии с основными принципами его поэтики. Некоторые положения работы были сформулированы на основе монографий А. П. Чудакова «Поэтика Чехова», «Мир Чехова: Возникновение и утверждение», в которых рассматривается эволюция повествования у Чехова. Чудаков соотносит эту систему со степенью включенности персонажа в изображаемые события.

Результаты исследования приводят к выводу о том, что в повести «Дуэль» создается тип героя, выстраивающего свою жизнь в соответствии с литературной моделью. Подражание образцам оказывается невозможным в реальности. Сталкиваясь с разрушением привычных жизненных установок, Лаевский разочаровывается, «погибает», но на этом его жизнь не обрывается. Он оказывается способным к перерождению, внутреннему изменению. Важным в этом процессе становится умение оценить свои поступки со стороны, оглянуться и переосмыслить жизнь, найти в себе силы и желание начать все заново, переменить привычные черты поведения. Лаевский в финале повести кардинально отличается от Лаевского, которого мы видим в начале. Его голос становится кротким, сам он немногословен, жалок. Его прежние установки не выдерживают столкновения с правдой и честностью в лице фон Корена, однако сам Лаевский из этой дуэли выходит победителем.

Литература

Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. М., 2011.

Генералова Екатерина Дмитриевна
аспирант
Литературный институт им. А. М. Горького

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЕ А. Н. АФИНОГЕНОВА

Исследование образа матери в психологической драме А. Н. Афиногенова требует рассмотрения не только художественных особенностей произведений автора, но и социокультурных и философских аспектов, определяющих женские образы в русской драматургии 20–30-х гг. XX в. Отметим, что исследователи выделяют два основных женских типа в драматургии того периода: «Женщина, реализующаяся в общественном деянии, которое составляет главный пафос и цель ее жизни, а социальная история содержательно наполняет ее жизнь» и «женщина-соблазнительница» [Дашевская, 2009: 103–104]; при этом выделяя роли женщины-матери: «Женщина берет на себя в драме либо функцию соблазнительницы, отдаляющей культурного героя, мужчину-деятеля от творения нового космоса, либо миссию демиурга, преобразуя неистинный "мужской мир", защищая материнское право и создавая новый мир, где будут осуществлены права жизни создавать и оберегать жизнь детей» [Дашевская, 2009: 104]. Целью исследования является анализ образа матери в пьесах Афиногенова, выявление ее роли как в рамках традиционных семейных ценностей, так и в контексте изменений, вызванных социальными и историческими трансформациями, а также исследование образа матери через призму феноменологии материнства. Применение феноменологической оптики открывает новые горизонты для понимания замыслов автора, который по-своему интерпретирует эту сакральную роль, подчеркивая не только положительные аспекты, но и трагические последствия материнской любви и самоотверженности.

Исследование основано на таких пьесах Афиногенова, как «Мать своих детей», «Салют, Испания!», «Машенька», «Далекое» и «Портрет», каждая из которых по-своему раскрывает тему материнства в социальных и историко-культурных аспектах. Пьеса «Мать своих детей» выступает в качестве особого примера отображения женской роли как постаревшей матери, наблюдающей за материнством своей повзрослевшей дочери. Сюжет, связанный с материнской фигурой в пьесе, рассматривается как пример анализа своей собственной жизни и принципов, вложенных в жизнь своих детей (дочери с внуком, и еще бездетных взрослых детей).

Данное исследование может открыть новые грани для разработки проблематики материнства в драматургии XX в. и возможной преемственности в драматургии XXI в. Основным результатом является создание как психологического, так и социо-культурного портрета матери в пьесах Афиногенова, выделение различных архетипов персонажей пьесы.

Литература

Дашевская А. О. Типология женских образов в драматургии 1930-х годов и становление психологической драмы // Поэтика драмы XX века. Вып. 10. Томск, 2009. С. 102–125.

Цветков Савелий Алексеевич
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИНЦИПЫ НАРРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РОМАНЕ В. О. ПЕЛЕВИНА «ШЛЕМ УЖАСА: КРЕАТИФФ О ТЕСЕЕ И МИНОТАВРЕ»

В романе «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» В. О. Пелевин обращается к древнегреческому мифу о Тесее и Минотавре, переосмысляя его в контексте современности. Пелевин не просто пересказывает известный сюжет, а разрушает его логику, создавая новый «неестественный» нарратив [Richardson, 2013], в котором мифологические фигуры становятся участниками виртуального чата. Каждый персонаж представляет свою версию происходящего, что усиливает неопределенность повествования. В результате роман становится лабиринтом смыслов, где истина остается недостижимой. Читатель оказывается в роли активного интерпретатора, который вынужден самостоятельно искать связи между репликами персонажей, создавать гипотезы о происходящем и интерпретировать смысл повествования.

Рассматриваемая в работе нарративная проблематика романа неразрывно связана с его спецификой: роман построен в формате интернет-чата, это создает эффект «живого» повествования, в котором персонажи взаимодействуют без посредника-нарратора. Организация текста по типу «имя персонажа — реплика» в сознании читателя соотносится с пьесами, при этом авторское жанровое определение относит его к роману, а сам текст не направлен на сценическую постановку, хотя и имеет большой сценический потенциал. Подобная «гибридность» создает определенные проблемы при попытке определения статуса нарратора и анализа повествовательной структуры.

Для преодоления возникающих при анализе подобных текстов проблем предлагается комбинировать два основных подхода современной нарратологии: трансмедиальный и когнитивный. Рассмотреть текст, с одной стороны, на пересечении жанровых форм, найти нарративные эквиваленты в повествовании, которые могли бы стать опорными точками для последующего анализа, с другой стороны, подойти к интерпретации текста в рамках перформативного уровня, концепцию которого предложила М. Флундрик, в рамках которой ключевым элементом при анализе повествовательных стратегий становится ситуация «исполнитель-аудитория», которые «берут на себя» роли нарратора и адресата [Fludernik, 2008: 365].

Литература

Fludernik M. Narrative and Drama // Theorizing Narrativity / eds J. Pier, J. Á. García Landa. Berlin, 2008. P. 365.
Richardson B. A poetics of unnatural narratives / eds J. Alber, H. S. Nielsen. Ohio, 2013.

Шабордина Дарья Алексеевна
студент 3-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ЭПИЛОГЕ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» (история Тани Безочередевой)

Фольклорная составляющая романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» неоднократно привлекала к себе внимание исследователей (И. П. Смирнов, К. М. Поливанов, С. Г. Буров и др.). Однако история бельевщицы Тани Безочередевой, дочери Юрия Живаго и Лары Антиповой, взятая в этом аспекте, насколько нам известно, не попадала в поле зрения литературоведов. Между тем именно эта история, рассказанная от первого лица, оказывается максимально близкой к различным жанрам фольклора, прежде всего, к волшебной сказке (далее мы приводим ее черты, опираясь на работы Е. М. Мелетинского и В. Я. Проппа [Пропп, 1969] — с работами последнего Пастернак был знаком [Смирнов, 1996: 55]).

Прежде всего, повествование Тани Безочередевой отделяется сказочным зачином с характерными для него особыми формулами (*А мне правда есть что порассказать. Будто не из простых я, сказывали* [Пастернак, 2004: 504]). Образ Тани Безочередевой (*я девушка неученая, без папи, без мами росла сиротой* [Пастернак, 2004]) соотносится с архетипом сироты в волшебных сказках, образ сторожихи Марфуши — с архетипом мачехи, наделенной «чертами ведьмы, колдуньи, даже людоедки» [Мелетинский, 2005: 155]. Сказочный генезис имеет и образ пришедшего к ним разбойника-людоеда (*загрыз ведь он его на смерть, окаянный* [Пастернак, 2004: 508]).

Сходство с волшебной сказкой прослеживается и на фабульном уровне: отлучка родителей (Комаровский не знает о существовании девочки), обман вредителем жертвы (*Думается маменьку обманули, не то сказали* [Пастернак, 2004: 505]), преследование (столкновение с разбойником-людоедом), чудесное спасение (причем в роли спасителя оказывается паровоз), наказание вредителя (*руки ноги к рельсам привязали и по живому поезд провели — самосуд* [Пастернак, 2004: 509]). Наиболее важный момент — узнавание, которое происходит во время встречи Тани с генерал-майором Живаго, ее дядей (*произведение в генеральские племянницы* [Пастернак, 2004: 503]).

Подобная сказочная вставка в эпилоге может быть рассмотрена в нескольких аспектах. С одной стороны, она указывает на извечное архаическое начало, которое на архетипическом уровне способно противиться злу. С другой стороны, судьба Тани наглядно демонстрирует масштаб произошедшей с Россией катастрофы (*все переносное стало буквальным, и дети — дети, и страхи страшны* [Пастернак, 2004: 510]).

Литература

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.; СПб.; 2005.
Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с вложениями: в 11 т. Т. IV. М., 2004.
Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.
Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996.

Пахомова Лилия Сергеевна

студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЧЕРНОВИКИ И НЕУЧТЕННЫЕ ТЕКСТЫ СБОРНИКА «КОМПРОМИСС» С. ДОВЛАТОВА

Данный доклад посвящен истории создания «Компромисса десятого» — одной из новелл сборника С. Д. Довлатова «Компромисс», а также текстам, опубликованным автором в дополнение к сборнику.

В структуре «Компромисса» появление именно десятой главы уникально — в отличие от остальных новелл, у нее долгая судьба, складывающаяся из нескольких этапов создания, ранее не рассматривавшихся подробно.

В докладе рассмотрены сюжетные элементы и композиционные черты, свойственные первой версии — рассказу «Капитан, улыбнитесь!», описано развитие сюжета и приращение смысла в последующих вариантах текста.

Особенно отмечено появление и изменение в рассказах «Лишний» и «Компромиссе десятом» таких рамочных элементов, как посвящение и преамбула.

Кроме того, объектами текстологического сопоставления становятся портретные черты, жизненные обстоятельства и конкретные ситуации, раскрывающие характер главного героя — нетипичного для творчества Довлатова персонажа, смещающего с первого плана фигуру автора.

В отношении «Дополнений к Компромиссу» в докладе рассмотрена в первую очередь связь представленных трех текстов с опубликованным несколькими годами ранее сборником «Компромисс»; проанализированы структурные сходства и различия сборника с данными рассказами, сопоставлена поэтика публикаций.

Значительное внимание в докладе уделено дальнейшей судьбе представленных в рассказах сюжетов — как самостоятельных, так и переработанных впоследствии — и их полной или частичной реализации в других произведениях Довлатова. Осмыслена роль подобных публикаций в периодических изданиях в контексте творчества автора в целом.

Настоящая работа носит новаторский характер: в ней впервые предпринята попытка многоаспектного осмысления «монтажной» структуры сборника «Компромисс» как характерного приема для творчества Довлатова.

Герина Арина Романовна
студент 3-го курса
Южный федеральный университет

ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОГО АВТОФИКЦИОНАЛЬНОГО РОМАНА

Автофикшен как разновидность художественной биографии в ее вариациях с каждым годом набирает популярность в современном литературном процессе. Принято считать, что этот неологизм впервые употребил С. Дубровский в 1977 г., характеризуя жанровую модель своего романа «Сын»: «Перед вами — вымысел абсолютно достоверных событий и фактов; если угодно, автофикшн, доверивший язык авантюры авантюре языка, за пределами синтаксиса романа, будь то традиционного или нового. Столкновения, нити слов, аллитерации, ассонансы, диссонансы, письмо до или после литературы, конкретное, как сказали бы о музыке» [Мызникова, 2019].

Этот жанр, сочетающий в себе несочетаемое — автобиографию и роман — представляет собой сложный для изучения материал. А. Д. Белогорцев выделяет некоторые особенности автофикциональных текстов: автобиография как основа текста, размытие границ между реальностью и вымыслом; видоизменение привычной структуры повествования; стилеобразующая роль рассказчика, сближение литературного языка с разговорным [Белогорцев, 2023]. В связи с этим, нам представляется важным выяснить, какие конкретные средства позволяют автору изменять привычную жанровую модель романа, выделить и систематизировать их.

В отечественной литературе последних лет автофикшен лишь становится популярнее среди писателей и читателей. Исследователи отмечают, что «широкая популярность автофикшена в современной литературе связывается с тенденцией “новой искренности” в литературе метамодернизма» [Китова, 2024]. Роман Е. Джаббаровой «Дуа за неверного», вышедший в 2024 г., является примером автофикционального текста, характеризующегося стремлением к нивелированию онтологических границ между художественным и реальным мирами. Целью работы является исследование актуальных подходов к литературоведческому анализу автофикшена на примере вышеуказанного произведения. Результат работы предполагает выявление ключевых характеристик жанра, анализ имеющихся подходов к прочтению автофикшена, выделение особенностей поэтики романа Джаббаровой «Дуа за неверного», а также выработку целостного метода для дальнейших исследований.

Литература

Белогорцев А. Д. Автофикшн, или Псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. С. 23–33.

Китова А. Н. Своеобразие презентации автофикшна в романе О. Васякиной «Рана» // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Вып. 7. Екатеринбург, 2024. С. 129–132.

Мызникова Д. А. Вымысел фактов: автофикшн. Приемы и особенности // Научно-популярный журнал «ИКСТАТИ». 2019. URL: https://spb.hse.ru/ixtati/news/327726305.html (дата обращения: 15.02.2025).

Криворучко Альбина Сергеевна
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЙ «АВТОР» И «НАРРАТОР» В РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ»

Рассказ Ф. М. Достоевского «Кроткая» представляет уникальный материал для нарратологического анализа: его «фантастичность», по определению автора, связана не с сюжетом, а с формой — диалогизированным монологом героя-нарратора, имитирующим спонтанную речь. Цель предлагаемого доклада — выявить, как взаимодействие автора и нарратора в тексте отражает ключевые противоречия литературоведческих теорий XX в. (от формализма до постструктурализма) и формирует полифоническую структуру, выходящую за рамки классических моделей. Новизна исследования заключается в междисциплинарном сопоставлении методологий (М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, Б. О. Корман, Р. Барт) на материале одного текста, что позволяет продемонстрировать их ограничения и потенциал в анализе сложных нарративных систем.

В рассказе нарратор ведет исповедь-монолог, обращенную к воображаемому собеседнику, погибшей жене и абстрактному читателю. Так, анализ диалогизированного монолога ростовщика опирается на следующие теории и подходы:

1. Историко-литературный подход — анализ предисловия Достоевского, где автор дистанцируется от нарратора, подчеркивая «стенографичность» формы;

2. Концепция Бахтина — разграничение первичного (реальный автор) и вторичного автора (нарратор), а также идея диалогизма. В монологе героя выделены три уровня диалога: с воображаемым судьей (*Что мне теперь ваши законы?*), с собой (*Я хочу себя судить*) и с текстом как нарративным актом;

3. Теория Виноградова — образ автора как «сверхструктуры», организующей речевые стратегии. В «Кроткой» эта функция делегирована нарратору, чья речь эволюционирует от хаотичной «болтовни» к структурированному повествованию, что отражает кризис его сознания;

4. Структуралистский анализ (Я. Мукаржовский, М. Червенка) — категория «абстрактного автора», проявляющегося в системе персонажей (молчание жены как смысловой антипод речи нарратора) и хронотопе (замкнутое пространство ломбарда);

5. Постструктуралистская парадигма (Барт, Ю. Кристева) — интерпретация текста как самодостаточной системы, где автор «умирает», а нарратив строится на интертекстуальности (отсылки к библейским мотивам, юридическому дискурсу).

По результатам исследования были выявлены следующие тенденции в тексте Достоевского: диалогизм как основа формы, где монолог ростовщика оказывается полифоничным и обретает форму беседы с третьими лицами; расщепление авторских инстанций, когда нарратор выступает в роли вторичного автора, отражающего в речи позицию первичного автора; выведение нарратива за границы реальности, благодаря чему текст становится самопорождающей системой, тем самым стимулируя рефлексию о природе авторства с постструктуралистской точки зрения.

Проведенный анализ демонстрирует, что «Кроткая» представляет собой нарратологический эксперимент, где форма диалогизированного монолога становится полем столкновения литературных теорий. Текст Достоевского не укладывается в рамки одной методологии, требуя синтеза подходов: диалогизм Бахтина объясняет структуру организации речи персонажей, структурализм — организацию образов, постструктурализм — открытость к интерпретациям. Это подтверждает тезис о «фантастичности» рассказа как эстетическом приеме, трансформирующем отношения между автором, нарратором и читателем.

Буковей Егор Евгеньевич
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОСТРОМАНТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ «ВЫСТРЕЛА»

Долгое время интерес исследователей «Выстрела» был прикован к повествовательной организации текста [Виноградов, 1941; Шмид, 2013], проблемам философской и этической оценки героев, поиску литературных параллелей [Шмид, 2013]. Между тем «Выстрел» представляет важное звено «деромантизирующей» традиции, которая ярче всего проявилась в «Евгении Онегине». В настоящем докладе «Выстрел» рассматривается в культурно-семиотическом измерении: столкновение двух противоположных культурных кодов приводит к коммуникативному провалу, составляющему, на наш взгляд, главную сюжетную коллизию повести.

Установка на «императив неправдоподобия» [Лямина, Осповат, 2019] позволяет метанарратору, моделирующему в первой части типично романтического героя, перебрать богатейший набор литературных клише. В ход идут уже не раз отмеченные исследователями аллюзии на «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера, «Эрнани» В. Гюго, автобиографию Д. Давыдова, а также синкретический и нарочито обобщенный образ байронического героя [Шмид, 2013], который впервые возникает в эпиграфах к повести.

Эпиграфы в «Выстреле» играют двоякую роль. С одной стороны, взятые из типично романтических произведений, они воссоздают определенный литературный дискурс, подсвечивая мотивы, редуцированные в повести (эпиграф из «Бала» Е. Баратынского проявляет ослабленную любовную коллизию; исторический фон «Вечера на Бивуаке» восполняет контекст наполеоновских войн, выведенный в «Выстреле» в подтекст). С другой стороны, эпиграфы и литературная традиция, к которой они принадлежат, оказываются предметом рефлексии автора — «Выстрел» выявляет схематизм двух типажей, двух протосюжетов, от которых отталкивается автор.

Во второй части повести напускной романтический облик Сильвио дезавуирован темой пьянства. Деромантизирующие мотивы в образе графа усилены: он счастлив в браке, живет в поместье и давно не берет в руки оружие.

Хотя проблема коммуникативного слома прослеживается в тексте всего произведения, а связь с этой темой обнаруживаются и в предисловии издателя (проблема с датировкой письма ненарадовского помещика, бессодержательность словесного портрета Белкина), и в эпиграфе ко всему сборнику (использование слова *история в* разных смыслах в одном контексте), именно последняя встреча графа и Сильвио лучше всего демонстрирует провал коммуникации. Сильвио, рассвеченный романтическими реминисценциями, заявляет, что он *доволен* [Пушкин, 1994: 120], поскольку видел *…<графа> смятение, <…> …робость…* [Пушкин, 1994: 120]. В сущности, он может сослаться только на страх, внушенный графу и прежде всего его жене. Повесть оканчивается полной дезинтеграцией: вся многолетняя подготовка Сильвио оказывается напрасной, а сам протагонист погибает в сражении под Скулянами.

В «Выстреле» Пушкин предлагает еще одну модель развенчания романтических масок, основанную на сломе ожиданий как главного действующего лица, так и читателей, а также на коммуникативном сломе, выраженном на сюжетном (отказ от второго выстрела) и культурном уровнях.

Литература

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.

Лямина Е. Э., Осповат А. Л. Императив неправдоподобия: Как рассказан пушкинский «Выстрел» // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2019. Vol. 7, no. 61. P. 61—75.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Романы и повести. СПб., 1994.

Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. СПб., 2013.

Барышникова Любовь Александровна

студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МОТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ И СЮЖЕТНЫЕ ВАРИАНТЫ И ИНВАРИАНТЫ В ПОЭМЕ В. В. МАЯКОВСКОГО «ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН» (1924)

Взгляды на творчество В. В. Маяковского менялись на протяжении времени. Вплоть до перестройки советское маяковедение поддерживало восприятие поэта как лучшего и общедоступного со знаком плюс [Большухин, Александрова, 2022: 6]. Первое изменение в восприятии поэта, ознаменованное выходом книги Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского» (1990), носило разоблачительный характер: поэзия Маяковского примитивна и неглубока. Второе случилось на рубеже XX–XXI вв. Особое внимание сегодня уделяется осмыслению лирики поэта в интеллектуальном контексте эпохи, описанию поэтики и художественного мира автора как сложноорганизованной системы с внутренними иерархией и закономерностями.

Настоящее исследование посвящено поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924). В советское время она стала каноническим текстом, «вершиной советской поэтической ленинианы» [Ленин в советской поэзии, 1970: 2]. Сейчас же поэма требует перекодировки восприятия.

Последние наблюдения исследователей касались преимущественно жанровой природы и ритмических особенностей. Мы предпринимаем попытку осмыслить текст с точки зрения его глубокой интегрированности в систему поэтического мира поэта. Важной особенностью художественного мира автора, в свою очередь, является ограниченность и повторяемость тем и мотивов. Для интерпретации поэмы выбрана категория мотивно-тематических вариантов и инвариантов. Одним из центральных в произведении становится мотив героической смерти и необходимости жертвы для перетворения мира (одна из основных программ лирического «я» в целом), особенно ярко выразившаяся в формуле из поэмы «Про это» (1923): *за всех расплачу́сь, / за всех распла́чусь* [Маяковский, 1957, Т. 4: 172]. Смерть Ленина определена как трагедия общемирового масштаба и необходимая жертва, после которой наступление социалистического будущего должно ускориться: *Стала / величайшим / коммунистом-организатором / даже / сама / Ильичева смерть* [Маяковский, 1957, Т. 6: 309]. Заметим также, что Ленин в творчестве Маяковского в целом представляет собой идеального адресата лирического высказывания, что позже особенно ярко воплотится в «Разговоре с товарищем Лениным» (1929). Необходимость «другого», слушателя — сквозной мотив всего творчества поэта.

Еще одна важная концепция, реализующаяся в поэме — памятник как попытка финализации образа лирического героя, оформившаяся к 1924 г. в стихотворении «Юбилейное». Лирический герой, глубоко потрясенный произошедшим, начинает «примерять» на себя смерть: *Кто / сейчас / оплакал бы / мою смертишку…* [Маяковский, 1957, Т. 6: 241]. Для лирического «я», обычно оказывающегося в ситуации отвержения, важно, чтобы он был понят и принят.

Поэма «Владимир Ильич Ленин» — комплексное высказывание, причем не столько о Ленине, сколько о самом Маяковском. Ленин наделяется функционалом, которым обладает лирический герой в более ранних текстах поэта, и представляет собой и двойника, и идеального адресата высказывания. Так, рефлексия над фактом большой истории трансформируется в глубоко личное переживание.

Литература

Большухин Л. Ю., Александрова М. А. Лирический героя Маяковского: феномен «незавершенности». М., 2022.

Ленин в советской поэзии / вступ. ст С. В. Владимирова, подгот. текстов и примеч. Р. Б. Вальбе, Р. А. Шацевой, Л. С. Шепелевой. Л., 1970.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. М., 1957.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. М., 1957.

Шанцев Кирилл Михайлович
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МОТИВ ОТДЕЛЕНИЯ ТЕЛА ОТ СОЗНАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

В литературе русского модернизма уделялось большое внимание соотношению физического тела и сознания, что было следствием возросшего интереса к категориям сознательного/бессознательного, материального/идеального и другим оппозициям, которые представляют собой противопоставление физического и духовного способов постижения мира. Одной из особенностей поэтики Л. Н. Андреева является то, что он часто помещает своих героев на границе между двух крайностей, что создает в его художественной реальности особый тип пограничного мировосприятия, до сих пор недостаточно изученный в андрееведении. Характеристикой такого типа мировосприятия является, в том числе, постепенная потеря единства между сознанием и телом. Это проявляется, напр., в форме самоостранения, когда герой начинает рассматривать собственное тело как нечто не принадлежащее себе самому.

Наиболее распространен данный мотив в танатологических текстах Андреева, посвященных не столько смерти как свершившемуся факту, сколько умиранию как процессу. Р. Л. Красильников, вслед за Ж. Женнетом называл такой тип восприятия «пролепсисом» — рефлексией о еще не случившемся событии.

Так, в рассказе «Губернатор» (1906), главный герой пребывает в постоянном ожидании исполнения *древнего седого закона* за расстрел демонстрантов. Привычная, губернаторская жизнь оказывается уже чем-то прошедшим, неактуальным, а другое, посмертное бытие еще не наступило, что как бы замыкает Губернатора на границе между жизнью и смертью. В этом пограничном состоянии он начинает замечать, что он *ходит по-губернаторски* и *говорит по-губернаторски*. Физическое взаимодействие с миром происходит как бы по инерции и оценивается им уже как что-то внеположное ему самому.

В ином контексте данный мотив возникает в рассказе «Проклятье зверя» (1908). Данное произведение содержит картину не физического умирания, а постепенного уничтожения человеческой индивидуальности, что для Андреева, с его экзистенциалистским подходом к изображению личности, является не менее трагичным исходом. В ресторане герой начинает ощущать *свой жующий череп* и движение собственных челюстей, а во время одной из прогулок обращает внимание на стук собственных каблуков.

В рамках доклада данный мотив и концепция пограничья будут также рассмотрены на примере других текстов.

Малиновский Ярослав Сергеевич

студент 3-го курса
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И В. ГЮГО: «БЕДНЫЕ И ОТВЕРЖЕННЫЕ» В РОМАНАХ «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» И «ОТВЕРЖЕННЫЕ»

Эпистолярный роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» и роман-эпопея В. Гюго «Отверженные» анализируются в русле и традиции отечественного изучения русско-французских литературных связей XIX в. На основе культурно-исторического и сопоставительного (типологического) методов выявляется общность авторской идеи и проблематики хронологически смежных произведений, проводится типологический анализ «социальной» природы конфликта и образов главных героев — Макара Девушкина и Жана Вальжана.

В ходе исследования устанавливаются структурные уровни, позволяющие конкретизировать и концептуализировать сопоставительное русло для рассмотрения единого выявленного типа персонажа в анализируемых произведениях («мужчина, стесненный социальными обстоятельствами»):

1) общечеловеческое и социальное (абстрагирование и уход — внутренний/внешний бунт и последующее развитие);
2) нравственно-психологическое (внутренняя/внешняя природа поиска, включение метатекстов и «персонажей-проводников»);
3) семейно-родовое (семейная принадлежность в связи с внутренней претензией в привязке к любовному конфликту).

Содержание и своеобразие выделенных уровней раскрывается через взаимосвязанные сюжетно-образные аспекты, среди которых особенно важными оказались влияние «другого», осложненное любовной коллизией или следованием социальной роли (Быков и Жавер), тип «отринутых парий общества», нарратив и метатекстовые включения с рефлексией героя (для Достоевского — «Шинель» Н. В. Гоголя, «Станционный смотритель» А. С. Пушкина; для Гюго — библейский текст), «благородное влияние» женских образов (Варвары Доброселовой, Доброй женщины и Фантины). В результате анализа сложного пути развития и становления персонажей — внутренняя и внешняя градация и развитие, «второе Я» в письме и в действительности и др. — представляется возможным прояснить жанровую специфику произведений и их разность, которая в сближении нивелируется, обнаруживая образно-смысловую общность рассмотренных текстов.

Шашкова Полина Максимовна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

MISE-EN-ABYME В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ»

Современная наука понимает mise-en-abyme как рекурсивную технику — помещение какого-либо объекта, процесса внутри самого же объекта или процесса. Нередко ее сравнивают с «эффектом уробороса», который заключается в бесконечном воспроизведении, с принципом «матрешки» или техникой «текст в тексте», «картина в картине» и т. д.

На наш взгляд, одной из существенных попыток углубить и систематизировать определение mise-en-abyme стало исследование Л. Е. Муравьевой, где автор рассматривает этот прием как «особую форму авторефлексивного нарратива, в котором актуализируется удвоение и/или расщепление элементов истории или дискурса» с целью определенного воздействия на читателя [Муравьева, 2017: 61]. Mise-en-abyme считается свидетельством зарождения новой поэтики модернистского нарратива, и в нашем докладе мы обратимся к исследованию этой формы в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте».

Рассматривая mise-en-abyme в нарративном аспекте, мы остановимся на анализе элементов мотивного уровня. Под мотивом нами понимается «любое смысловое пятно», которое формируется в развертывании структуры текста [Гаспаров, 1993: 30].

Рассказ Набокова построен как воспоминание главного героя Василия о последней встрече со возлюбленной Ниной в Фиальте. Текст начинается с описания весеннего дня, когда *герой раскрывается, как глаз, посреди города* и видит перед собой *и прилавок с открытками, и витрину с распятиями, и объявление заезжего цирка, и <…> корку на старой, сизой панели, сохранившей <…> старинные следы мозаики* [Набоков, 1990: 305]. Так Набоков задает основные мотивы, которые затем реализуются в рассказе. «Открыточные» виды нередко встречаются в дальнейших описаниях Фиальты (набоковеды не раз отмечали особую красочность и детальность этих пейзажей), образ распятия вводит религиозные и фатальные мотивы, переплетающиеся с мотивом цирка. Мозаикой, что проступает на панели, приоткрывая прошлое, оказывается каждая случайная встреча с Ниной. Особое значение в этом «мозаичном принципе» играет и пространство рассказа — Фиальта, которая *состоит из старого и нового города; но между собой новый и старый переплелись… и вот борются* [Набоков, 1990: 318]. Так же и главный герой мечется между своим счастливым семейным миром и призрачной «возможностью жизни» с Ниной.

Таким образом, Набоков концентрирует важные для развертывания истории мотивы в самом начале текста. Он не столько предвосхищает события произведения, сколько предлагает уже свершившуюся историю, сосредоточенную в конкретных элементах мира, которые герой, оказавшись в Фиальте, замечает в первую очередь. Анализ «Весны в Фиальте» с позиций mise-en-abyme позволяет обнаружить эти элементы на мотивном уровне и обратить внимание на новые художественные смыслы.

Литература

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.

Муравьева Л. Е. Нарративная редупликация как фигура авторефлексии литературного дискурса: дис. … канд. филол. наук. М., 2017.

Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в четырех томах. Т. 4. СПб., 1990.

Беляев Кирилл Игоревич

магистрант 2-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «СМЫСЛ» И «ЦЕННОСТЬ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на примере повести Л. Н. Толстого «Дьявол»)

Одна из составляющих природы литературного произведения — ценностная, охватывающая художественный текст на нескольких уровнях. Согласно распространенному представлению, ключевая особенность функционирования эстетической ценности заключается в осуществлении динамических субъект-объектных отношений в процессе чтения. Так, В. В. Кожинов пишет: «Высота художественной ценности определяется не значительностью “объекта” и “субъекта” произведения, но значительностью самой их “встречи”, воплощенной в произведении» [Кожинов, 1986: 172–173]. В то же время процесс понимания, как и процесс реализации эстетической ценности, является динамическим, но вместе с тем обладает субъект-субъектной формой реализации. Связано это с диалогической природой процесса смыслопостижения: диалог происходит между понимающим и воплощенным субъектами, встреча которых инициирует постижение художественного смысла. Вместе с тем ценность и смысл находятся в тесном взаимодействии, причем одно не может в полной мере существовать без другого: смысл произведения уже составляет его главную ценность, а ценность, в свою очередь, способствует «высвечиванию» смысла, поскольку проявляется в виде аксиологической системы воплощенного субъекта. Это позволяет нам скорректировать представление о природе отношений между воспринимающим субъектом и ценностью произведения: они так же, как и в процессе понимания, носят субъект-субъектный характер. Таким образом, в процессе диалогического общения двух субъектов возникает не только «встреча» со смыслом, но и проверка ценностных систем двух субъектов.

Рассмотрим введенное соотношение «смысл — ценность» на примере повести Л. Н. Толстого «Дьявол». На микроуровне произведения наблюдается столкновение двух ценностных систем — центральной, характерной для главного героя (порядочность, духовность), и антиценности «дьявола» (греховность, похоть), осуществляющей интервенцию в жизнь Иртенева. Борьба двух систем позволяет читателю не только соотнести их с собственной аксиологией, но и «высветить» смысл произведения: антиценности не исходят из сущностной природы человека, но инфернально насаждаются извне, а потому противодействие им требует большой стойкости и веры.

Таким образом, категории «смысл» и «ценность» можно рассматривать как строящиеся на субъект-субъектных отношениях, что позволяет говорить не только о процессе смыслопостижения, но и о проверке ценностных систем двух субъектов общения.

Литература

Кожинов В. В. О различии эстетических и художественных ценностей // Контекст. Литературно-теоретические исследования / отв. ред. Н. К. Гей. М., 1986. С. 155–177.

Чжэн Ино

магистрант 2-го курса
Пекинский университет иностранных языков

ПОВОРОТ К НЕОМОДЕРНИЗМУ В «МЕТЕЛИ» В. СОРОКИНА

Неомодернизм как одно из направлений русской литературы начала XXI в. сосредотачивается на универсальных темах: вера, жизнь, любовь, нравственность. Под влиянием онтологического мышления, характерного для представителей немодернистского течения, в текстах часто наблюдается смешение времен и социальных контекстов.

В. Сорокин в «Метели» отходит от постмодернистских методов и приближается к неомодернизму. В романе он исследует такие вечные темы как добро и зло, жизнь и смерть, призывает читателей к осознанному отказу от зла и глубокому осмыслению феномена смерти.

В романе автор акцентирует внимание на нравственном выборе персонажей. Два главных героя произведения — доктор Гарин и Козьма (Перхуша) — представляют два совершенно разных социальных слоя с отличным жизненным опытом, но в их образах можно обнаружить «добро», являющееся в романе непримиримой ценностью. Гарин, несмотря на слабости, верит в свое предназначение спасать жизни. Козьма, униженный, но добрый, жертвовал собой ради спасения доктора. Понятие «добра» — это не только общая категория романа, но и основной философский аспект произведения.

Точка зрения автора на жизнь и смерть тоже испытала влияние неомодернистской философии. В «Метели» смерть приобретает экзистенциальный, онтологический смысл. Две ключевые сцены романа, в которых изображается смерть, также становятся символами «добра». По мнению Сорокина, смерть — не конец бытия, а разделение духа и тела, имеющее эстетическое и духовное значение, путь в высший мир.

Намеренное смешение элементов разных эпох — следствие игнорирования автором самой концепции «времени», в результате чего особую семантическую значимость приобретают вышеупомянутые категории. Образы XIX в. символизируют «прошлое» России с присущими ему традициями и укладом жизни; образы XXI в. — технологии и промышленные производства — представляют «настоящее» России, когда общество развито неравномерно, наблюдается кризис и нерациональное использование ресурсов; фантастические образы — мутации и генетические эксперименты — представляют «будущее» России, которое кажется автору темным и неясным. Роман заставляет задуматься о нравственных и социальных проблемах, возникающих в ходе развития человеческого общества, что, в соответствии с философской позицией неомодернизма, является одной из важных задач литературы.

Сорокин мастерски сочетает традиционные для литературы приемы и новаторство, сохраняя деконструктивные приемы постмодернизма и внедряя универсальные принципы неомодернизма, что делает «Метель» произведением, требующим тщательного исследования.

Агальцова Юлия Михайловна

магистрант 1-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ТЕЛЕСНОСТЬ В ЛИРИКЕ МАНДЕЛЬШТАМА: ОТ ЗАСТЕНЧИВОЙ ТАЙНЫ К ЧУВСТВЕННОЙ БУРЕ

В ранней лирике Мандельштама, отражающей символистское мироощущение, образ тела возлюбленной предстает завуалированным, окутанным тайной (сюжетный уровень). Стихотворные строки *Тайный ропот, мольба о прощеньи: / Я люблю непонятный язык!* (1911) — яркий тому пример [Мандельштам, 2020: 252]. В «Медлительнее снежный улей» (1910) женщина небрежно бросает вуаль бирюзового цвета на стул, и вся опредмеченность, как-либо характеризующая ее присутствие, ускользает.

Для робкого и юного поэта любовь соотносилась чуть ли не с гибелью, поражающей в самое сердце случайным выстрелом Амура: *Пусть говорят: любовь крылата, — Смерть окрыленнее стократ* («Твое чудесное произношенье», 1917) [Мандельштам, 2020: 82]. Мы можем проследить его освобождение от символистских условностей уже в стихотворении 1920 г. «Я наравне с другими хочу тебе служить», которое, на наш взгляд, вполне демонстрирует этот сдвиг. Ревность, как болезненное состояние души, сменяется призывом, а тело героини перестает быть лишь символом, оно становится неотъемлемой частью эмоционального опыта лирического героя.

В «Медлительнее снежный улей» (1910) поэт ранее упоминал о «трепетании» стрекоз. То же наблюдается и в стихотворении «Меганом» (1917): *туда, где с темным содроганьем / в песок зарылся амулет* [Мандельштам, 2020: 81], — так, сила любовного влечения обессмысливает поэтическое слово, которое боялся утратить Мандельштам в самом первом лирическом цикле «Камень». Для Мандельштама любовь — это своеобразное «пленничество», сосредотачивающее всю его творческую энергию на любовном объекте: *И сам себя несу я, / Как жертву палачу* («Я наравне с другими хочу тебе служить», 1920) [Мандельштам, 2020: 99]. Строки, обращенные к О. Арбениной, показывают, что любовь может быть одновременно и даром, и бременем. И это убеждение, видимо, сопровождало поэта на протяжении почти всего творческого пути.

В поздней лирике Мандельштама мы видим более смелое исследование телесности в одном из стихотворений «Утро 10 января 1934 г.»: сокровенное приготовление к *глубине событий*, звонкий возглас скрипки *льется внутрь в продольный лес смычка*, неожиданно *снятой ласковой маски* [Мандельштам, 2020: 186]. Упоминание детали *пальцы гипсовые* позволяет предположить, что воспоминания нахлынули на поэта в период ссылки 1934 г. в Воронеже (указание на перелом пальцев и невозможность, отсутствие стремления к созданию стихотворных строк, сосредоточение поэта на мыслях о поцелуях). Женский образ у Мандельштама зачастую связан с миром культуры, с исторической памятью, а любовь становится невыразимой тайной, зашифрованной в тончайших движениях, взглядах и полутонах речи.

«Невыразимая печаль» (1909) предстает, по нашему наблюдению, не только стихотворением о любовном свидании, но и тонким описанием эротизма, где чувства переплетаются с символикой сна, пробуждением и освобождением. Анализ межтекстовых связей обогащает понимание многогранной поэтики Мандельштама с отсылкой на произведение Анненского «Зимний поезд» (1908).

Таким образом, намеченные параллели демонстрируют, насколько уникален поэтический язык Мандельштама, способный выразить сложные человеческие чувства через телесность, используя образы, которые остаются актуальными по сей день.

Литература

Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. СПб., 2020.

Авдиюк Полина Евгеньевна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ МЕТАПРОЗЫ: НА МАТЕРИАЛЕ ТЕТРАЛОГИИ А. БИТОВА «ИМПЕРИЯ В ЧЕТЫРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ»

Возникнув в 1970-е гг. в результате исследований модернистской и постмодернистской литературы, теория метапрозы продолжает вырабатывать и уточнять свой аналитический инструментарий. Представляется, что ее проблематика теснейшим образом связана с семиотическим и поэтическим аспектами изучения литературного метатекста [Ким Хен ен, 2004].

Исследования в этой области демонстрируют разобщенность в методологии и неуточненность понятий «метатекст», «метапроза» и «метапоэтика» относительно друг друга. До сих пор не предпринималось попыток структурного анализа метапрозы с последовательным разграничением нарративного, семиотического и поэтического аспектов.

На материале романного цикла А. Битова «Империя в четырех измерениях», соответствующего определению метапрозы, исследование предлагает рассматривать метатекст как повествовательную структуру и анализировать его нарратологически с опорой на В. Шмида: в первую очередь — через проблему повествовательной коммуникации между инстанциями автора, нарратора и героя [Шмид, 2003]. Затем мы формулируем концепцию семиотической природы метапрозы: определяем метатекст как «текст в тексте» и «текст о тексте», развивая идеи Ю. М. Лотмана [Лотман, 1981]. В соответствии с этим будет продемонстрировано, как в границах художественного мира метатекст проблематизирует фикциональное и фактуальное, а в границах дискурса — фиктивное и реальное. Семиотический анализ открывает возможности интерпретации содержания тетралогии Битова. В свете того, что метапроза проблематизирует художественный дискурс, появляется возможность говорить о «повествовательном сознании» (нарраторе) не как о фиктивной структуре, а как о явлении действительности реального автора, онтологически ему равном — и интерпретировать художественные явления как философские. Подобный анализ на материале тетралогии, включающем, помимо внутренних частей романов (рассказов и повестей), паратекстуальные элементы (эпиграфы, приложения, комментарии), способен дополнить сведения о проблемах поэтики Битова и методах ее изучения. Кроме того, таким образом будут определены основания исследования «метапоэтики» в прозе (до сих пор термин использовался в основном применительно к поэтическим текстам).

В исследовании будет предпринята попытка обосновать релевантность интерпретации смыслов метапрозы через нарративный и семиотический анализ структуры метатекста. Работа предлагает стратегию анализа и выводы об идеологической проблематике творческого принципа Битова.

Литература

Ким Хен ен. Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике // Acta Slavica Iaponica. 2004. Vol. 21. P. 202—213.

Лотман Ю. М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Вып. XIV / отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1981. С. 3–19.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Зайцева Софья Сергеевна
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«И ЗВЕЗД НЕРОЖДЕННЫХ БЛУЖДАЛИ ПОГИБШИЕ ТЕНИ»: А. МОРЕВ В САМИЗДАТЕ

А. Морев (1934–1979) является одним из деятелей неофициальной культуры СССР, привлекающих к себе особое внимание. В памяти представителей ленинградского андеграунда и в мифе «второй культуры» за ним закрепилась двойственная репутация: Морев представляется периферийной фигурой, но одновременно с этим входит в число ярких примеров, незаурядных участников культурного поля Ленинграда 1950–1970-х гг. Его творчество представлено в антологиях неподцензурной поэзии, а имя зачастую упоминается в мемуарных свидетельствах эпохи.

Начало пути Морева к литературному (не)успеху можно возвести к его первому выступлению перед большой аудиторией — на общегородском «турнире поэтов» 1960 г. В результате последовавшего скандала поэт испытывал серьезные трудности с публикацией своих произведений в подцензурных изданиях. Альтернативой «официальным» стали «неофициальные» площадки: квартирные чтения и самиздатская практика могли отчасти восполнить отсутствие публичности в поле официальной литературы.

В центре нашего внимания будут формы бытования поэтических произведений Морева в самиздате — сборники «Пуля» и «Листы с пепелища», составленные автором в 1962 и 1967 гг. соответственно, прижизненные и посмертные публикации в самиздатской периодике — журналах «Часы» и «Северная почта». Мы опираемся на материалы электронного архива Фонда Иофе, электронного архива центра Андрея Белого, архива Исследовательского центра Восточной Европы, а также на материалы личного фонда Морева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Часть этих источников еще не была введена в научный оборот, в то время как другая не рассматривалась исследователями в предлагаемой нами оптике. В докладе в ходе их анализа прослеживается трансформация писательской стратегии литературной репутации Морева среди представителей Ленинградского неофициального сообщества, обнаруживаются первые упоминания его двойственного положения в литературном поле эпохи.

Журавлева Полина Сергеевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИРОНИИ В «ПЕСТРЫХ СКАЗКАХ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО

В докладе анализируется «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту». В сказке, с одной стороны, возникает соположение фантастики в духе текстов Э. Т. А. Гофмана — «чародей» превращает красавицу в куклу. С другой стороны, выделяется и традиция дидактической литературы: сама сказка начинается с эпиграфа из С. Жанлис, заканчивается же «нравоучением». Гомозейко сетует на *маменек и басурман*, испортивших *наших красавиц*. Сказка, повествуемая Иринеем Модестовичем Гомозейкой, очевидно «маркирована» с фразеологической точки зрения сказовой манерой. В произведении действует система номинации персонажей, свойственная сказке как жанру — нам неизвестны собственно имена героев: *красавица*, *чародей*, *молодой человек*. Как отметила Н. А. Сергеева, «Одоевский начал создавать абсолютно конкретный образ героя-рассказчика — образ "маленького человека" <…>. И эта конкретность полагала фигуре Гомозейки определенные границы, за которые она не могла выходить. Но эти границы Одоевским не соблюдались. В результате "маленький человек" начинал говорить голосом романтика» [Сергеева, 2013: 37]. Романтическая стихия «вторгается» в текст с описания лавки чародея: изменяется план фразеологии, появляются элементы «инфернальной» темы (дьявольская сила в виде *заморского басурманина*, магия начинается в тринадцатый час), во время *опыта* над красавицей повышается суггестивность текста, нам становится жаль девушку. После ее превращения в куклу единственный персонаж, с которым читатель может соотнестись, — молодой человек, идеалист, купивший ее. Номинация вновь изменяется с *куклы* на *красавицу*, лишь когда молодой человек надеется ее *образумить*.

Однако и романтический уровень повествования снижается. Сами инфернальные силы выглядят несколько комично: чародей *перочинным ножичком* вырезает дюжину *шляпок* из одной, помощники чародея — *чуткий немецкий нос с ослиными ушами*, *безмозглая французская голова* — сетуют на равнодушие к ним, *опыт* злодеев почти срывается из-за сопротивления красавицы, но чародей догадывается бросить чепчик в огонь и одурманить ее, инструменты дьявольской силы — *множество романов мадам Жанлис*, городские сплетни, отрывки из письмовника… В конце *мучители* красавицы вовсе называются ее *учителями*. Молодой человек-идеалист предлагает кукле, раз она не способна к чувствам, заниматься хозяйством, а потом он и вовсе *однажды спросонья выкинул куклу за окошко*. Эпиграф ироничен по отношению к содержанию сказки: он связан с теми «условными фразами», которые говорит бездушная кукла; он же вступает в конфликт со сниженным финалом: романтик *спросонья выкинул куклу в окошко*. Сам эпиграф имплицитно указывает на «шуточный» характер последнего «нравоучения» Гомозейки. Название сказки также подчеркивает иронический характер текста.

Так, в «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» выделяется несколько видов иронии на разных повествовательных уровнях. Ирония как фигура речи присутствует в сказовом повествовании Гомозейки (в основном она связана с темой воспитания). Иронию как следствие чувства разочарованности, возникающего у романтического героя, мы видим в истории молодого человека и куклы. Ирония же на коммуникативном уровне возникает за счет соположения сказового повествования и романтического.

Литература

Сергеева Н. А. Повествовательные стратегии в прозе первой половины XIX века: Одоевский, Булгарин, Гоголь. СПб., 2013.

Давыдова Светлана Андреевна
студент 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«НАШИ ПРОСТРАНСТВА НЕ ВАШИ; ВСЕ ТЕЧЕТ ТАМ В ОБРАТНОМ ПОРЯДКЕ»: К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПЕ ПЕРСИЯНИНА ШИШНАРФНЭ ИЗ РОМАНА А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Персиянина Шишнарфнэ и его палиндромный вариант «енфраншиш» можно принять за одно из самых выразительных проявлений «мозговой игры» в романе А. Белого «Петербург». «Енфраншиш-шишнарфнэ» сначала является во сне, реализуется как слово, как слуховая галлюцинация, потом материализуется, становясь галлюцинацией визуальной, в итоге оказывается будто бы второй личностью Александра Ивановича Дудкина.

Настоящий доклад ставит своей целью восстановление контекста, в котором возник образ «енфраншиш-шишнарфнэ». Вероятно, на него могла повлиять газетная реклама персидского порошка, который использовался как средство от клопов [Bely, 1978]. Кроме того, известно, что Белый наделял космогоническим значением звук как таковой, что впоследствии отразится в «Глоссолалии». Именно в ней можно найти философские построения о природе звуков «ш» и «ф», которые определяют сущность исследуемого образа [Белый, 2002]. Наконец, в докладе выдвигается гипотеза, что потенциальным прототипом таинственного персиянина из Шемахи может быть азербайджанский певец и исполнитель макама, традиционной музыки в регионе Ближнего Востока, — Джаббар Карьягдыоглы, который в свою очередь был родом из города Шуша. Примерно в одно и то же время Белый создает свой роман [Белый, 1990] и выходят грампластинки с голосом певца, сам же он дает восточные концерты, в том числе и в Москве. Специфичность звучания традиционной азербайджанской, а также персидской музыки, которую исполнял Джаббар Карьягдыоглы, перекликается с пением Шишнарфнэ, не понравившимся Александру Ивановичу: *на заре двадцатого века так петь невозможно: просто как-то бесстыдно; в Европе так не поют* [Белый, 1981].

Все приведенные выше факты и обстоятельства с некоторой долей вероятности и стали материалом для «мозговой игры» Белого, из которой родился один из самых многомерных образов романа «Петербург» — «енфраншиш-шишнарфнэ».

Литература

Белый А. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. Л., 1981.
Белый А. Между двух революций. М., 1990.
Белый А. Глоссолалия. М., 2002.
Bely A. Petersburg. Bloomington, 1978.

Емекеев Антон Павлович

магистрант 1-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

А. ХОМИНСКИЙ — МЕЖДУ СИМВОЛИЗМОМ И АВАНГАРДОМ. К ВОПРОСУ О РЕЦЕПТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ В ПОВЕСТИ «УЮТ ДЖЕНКИНИ»

Повесть «Уют Дженкини» А. Хоминского была написана в самый разгар кризиса символизма конца 1900-х гг. Ее автор — совершенно неизвестный, практически никем не прочитанный при жизни, киевский модернист, поэт-эпигон А. Блока, — предпринимает попытку осмыслить кризис направления и самостоятельно найти из него пути выхода. Этот странный, антиномичный текст, с одной стороны, плоть от плоти вырастает из традиции символизма, но в то же время преодолевает ее и нащупывает многие формальные достижения авангарда, перешагивая поколение футуристов и предвосхищая открытия обэриутов.

Амбивалентное отношение Хоминского к символизму пронизывает всю повесть «Уют Дженкини». Его специфику емко формулирует исследователь А. Шерман: «Сохраняя символистскую энергию текста, Хоминский одновременно тяготится ею и развивает настоящую подрывную деятельность…» Двунаправленная и крайне противоречивая авторская рефлексия над символистской традицией в то же время обладает четким и настойчиво маркированным интегратором — поэзией Блока, через призму которой Хоминский полемически осмысляет все «новое искусство».

Вступая в диалог с Блоком и со школой символизма в целом, Хоминский одновременно осуществляет несколько разнонаправленных рецептивных стратегий.

Во-первых, он развивает «подрывную деятельность»: последовательно переводит затертые декадентско-символистские штампы в абсурдно-ироническую игру, дискредитирует блоковскую концепцию пути и сводит ее к бесцельному кружению в дурной бесконечности. Однако деструктивная стратегия не реализована в тексте в полной мере и остается как бы оборванной.

Во-вторых, в повести реализуется и т. н. стратегия «реконструкции» символизма. Приближаясь к принятию абсолютной абсурдности мира, Хоминский в последней главе внезапно совершает кардинальный разворот в сторону идеи символистского синтеза, которая явно вступает в противоречие с деструктивной стратегией, доминировавшей большую часть повести.

Наконец, в-третьих, необходимо выделить т. н. стратегию «отталкивания», в рамках которой Хоминский, отталкиваясь от Блока и постепенно преодолевая его, начинает движение от символизма к авангарду.

Таким образом, повесть «Уют Дженкини» Хоминского представляет собой текст кризисной эпохи, запечатлевающий ее характерные особенности: напряженность концептуальных и формальных поисков, полемичность отношения к «новому искусству», «диффузивность» интеграционных процессов символизма и авангарда. Однако не менее важным в повести становится и отдельный внутренний сюжет о мучительном поиске собственного авторского голоса. Вероятно, Хоминский должен был найти его уже в следующих текстах, но этому не суждено было произойти, и переходный «Уют Дженкини» оказался итоговым, а его автор так и остался в литературе в промежуточном состоянии вечных исканий.

Корабельников Иван Андреевич

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПРОБЛЕМА РЕМИФОЛОГИЗАЦИИ В РАССКАЗЕ В. А. ПЬЕЦУХА «ПРОМЕТЕЙЩИНА»

В. А. Пьецух — советский и российский писатель-прозаик, который «не вписывается ни в какие литературные партии или группы» [Ермолин, 2014]. Несмотря на то что некоторые произведения Пьецуха уже становились объектом изучения, у его текстов до сих пор нет академического издания, а немногочисленные статьи о писателе либо повторяют друг друга, либо полны неточностей. Исследователи высказывают разные мнения насчет принадлежности Пьецуха к определенному литературному направлению: от «другой прозы» до трансавангарда.

Объектом исследования стал рассказ Пьецуха «Прометейщина», написанный в 1976 г. и впервые опубликованный в 1988 г. Данный текст относится к раннему периоду творчества автора и входит в его второй сборник рассказов — «Веселые времена». Текст еще не привлекал внимания исследователей и не был прокомментирован, хотя в 2018 г. был включен в школьную программу по литературе.

Данный рассказ вызвал у нас интерес не только в связи с его малоизученностью, но и из-за того, что в нем Пьецух прибегает к литературоцентризму — аллюзиям на классические литературные сюжеты. Уникальность «Прометейщины» заключается в том, что писатель обращается к древнегреческому мифу, а не к русской литературе (как в более известных текстах, напр., в повести «Новая московская философия» и сборнике «Плагиат»).

Цель работы — изучить функции отсылки к мифу о Прометее в рассказе Пьецуха «Прометейщина». Актуальность определяется отсутствием исследований по данной теме. Теоретической основой работы стали научные труды Г. Л. Нефагиной, М. Л. Гаспарова, К. И. Казьменко и Е. М. Мелетинского.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

1. Проведение имманентного анализа для определения литературного направления и выявления отсылок к античности.
2. Исследование трансформации образа Прометея в литературе.
3. Определение сути советского мифа о Прометее и доказательство его наличия в тексте при помощи контекстуального анализа.
4. Интерпретация рассказа «Прометейщина».

Мы пришли к выводу о том, что Пьецух действует в рамках иронического реализма. Писатель замечает в обыденной ситуации схожесть с известным античным сюжетом, но низменного, бытового характера. При помощи аллюзий автор проводит между ними аналогию, посредством которой достигается ирония и «разоблачение реальности». В то же время добродетельный облик Прометея оказывается плодом сформировавшегося «литературного стереотипа», созданного для продвижения новой идеологии, с которой полемизирует писатель. Контекстуальный анализ текста показал, что Пьецух выбрал образ Прометея неслучайно, автору его подсказала сама жизнь — пропаганда образа Советского Прометея, символа революционности и прогресса, которая была особенно активной в годы создания текста. Нам удалось выявить в рассказе злободневный для тех лет подтекст и новую интерпретацию, в контексте которой прометейщина — это обратная сторона советской ремифологизации античного образа, «побочный эффект» идеализации Прометея.

Литература

Ермолин Е. А. Вячеслав Пьецух: письма неизвестному читателю // Пьецух В. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 / ред.-сост. И. Б. Ефимович-Пьецух; ред. тома В. Вестерман. М., 2014. С. 5–23.

Бражникова Дарья Евгеньевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ВЕЗУВИЙ ЗЕВ ОТКРЫЛ»: КАРТИНА К. П. БРЮЛЛОВА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ» В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Интерпретация эсхатологической темы в русской словесности первой половины XIX в. испытывала влияние различных факторов, в том числе других видов искусства, прежде всего живописи. Картина К. П. Брюллова «Последний день Помпеи» (1833) была выставлена на всеобщее обозрение в 1834 г. и сразу привлекла к себе внимание русской публики, в том числе представителей мира литературы. В популярном журнале «Библиотека для чтения» было опубликовано объявление о готовящейся демонстрации картины в России; оно сопровождалось отзывами итальянских критиков, вероятно, для того, чтобы подготовить русскую публику к восприятию уже прославленного за границей полотна. Этим живописным произведением прямо или косвенно (на основании статьи из «Библиотеки для чтения») вдохновлялись как «литературные генералы», так и авторы второго ряда: А. С. Пушкин (стихотворный набросок «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя…», 1834), Н. В. Гоголь (статья «Последний день Помпеи. Картина Брюллова» из сборника «Арабески», 1835), В. Г. Бенедиктов (стихотворение «Смерть в Мессине», 1835), А. В. Тимофеев (поэтическая картина «Последний день», 1834), О. И. Сенковский (фельетон «Арифметика», 1833).

В настоящем исследовании анализируются стратегии восприятия «Последнего дня Помпеи» русскими писателями и поэтами. Гоголь создает прямой критический отзыв на картину, вкладывая в него собственные эстетические представления; Тимофеев и Бенедиктов заимствуют из живописного произведения некоторые элементы его визуальной образности, тем самым создавая частичный экфрасис; для Пушкина, самобытно воспринимающего зрительные образы изображенной Брюлловым катастрофы, картина становится поводом для разработки оригинальной художественно-философской концепции; Сенковский, отказываясь от возвышенно-трагической трактовки помпейского бедствия, насмешливо сталкивает древнюю историю и современность в иронически-пародийном ключе. Стоит признать, что одни авторы перед написанием своих произведений видели картину воочию, в то время как другие создавали свои тексты на основе предварительного знакомства с полотном по критическим отзывам из Италии; однако разнообразие таких реакций свидетельствует о повышенном интересе русских писателей и поэтов к конкретному произведению живописи. В связи с этим «Последний день Помпеи» по праву можно назвать прецедентным феноменом, оказавшим значительное влияние на литературу первой трети XIX в.

Настоящее исследование не только доказывает значимость и неслучайность многочисленных интерпретаций «Последнего дня Помпеи» Брюллова в творчестве писателей-современников, но и стремится привлечь более пристальное внимание к проблемам взаимодействия литературы и живописи в XIX столетии.

Виноградов Павел Андреевич

магистрант 1-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

РУССКОЕ СЕКТАНТСТВО В ВОСПРИЯТИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ДО 1917 г.

Автор работы выделяет особенности восприятия Д. С. Мережковским русских сект конца XIX — начала XX в.

Русское сектантство занимает значительное место не только в творчестве, но и в биографии Д. С. Мережковского. Среди тех обстоятельств, которые привели его к религии, писатель называет раннее знакомство с сектантами; они являются героями его художественных произведений; проблему народных верований писатель затрагивает во множестве своих публицистических статей и научных работ; у русских сектантов есть свое место и в системе воззрений Мережковского на религию. Все это придает особенный вес исследованиям о них в контексте его творчества. Несмотря на столь важное место русского сектантства в дореволюционном литературном наследии Мережковского, эта тема остается малоисследованной в современном литературоведении, а те работы, которые посвящены сектантской проблематике у Мережковского, не рассматривают всех возможных источников: это не только романы «Александр I» и «Петр и Алексей», но и глава «Религия» в труде Мережковского «Толстой и Достоевский»; сборники статей «В тихом омуте», «Не мир, но меч», «Больная Россия», «Было и будет» и еще некоторые его работы.

Цель исследования — на основе выделенной источниковой базы выявить особенности восприятия сект Мережковским.

Для того, чтобы решить эту проблему, во-первых, характеризуются секты, которые упоминает Мережковский (о них дается историческая справка).

Во-вторых, рассматриваются религиозно-философские взгляды писателя: Мережковский смотрит на явления жизни сквозь призму своей философии и, чтобы правильно оценить его отношение к сектам, надо проанализировать как связано оно с системой его религиозных воззрений.

В-третьих, анализируются все упоминания о сектантах в дореволюционном творчестве автора.

Временные рамки работы 1893–1917 гг. Объект исследования — религиозно-философские воззрения Мережковского, предмет — его отношение к сектам.

В заключении показывается, что Мережковский — сторонник общества третьего завета. Писателя возмущало отрицательное отношение христианства к «плоти», которое тот понимал расширительно: это и пол, и искусство, и наука. Общество третьего завета, по его мнению, должно как следовать христианской этике, так и жить «творчеством» («благословенной плотью»). Общество третьего завета — безгосударственное, и оно может возникнуть в России только после революции, поэтому все силы, противостоящие романовскому государству, для Мережковского являются прогрессивными.

Те сектанты, которые разделяют подобные воззрения, близки и автору: это духоборы, штундисты, молокане, бегуны. Они не отрекаются от «плоти», но во всем остальном следуют христианской этике вплоть до отказа от участия в боевых действиях, и своим религиозным диссидентством и политическим саботажем они подрывают устои российской монархии. Политический идеал этих сект имеет анархический характер, в этом отношении он созвучен религиозной утопии Мережковского.

Писатель считает вредной секту скопцов, потому что они слишком последовательно воплощают «монашеский идеал»: их отказ от плоти носит хирургический характер. Кроме того, они, что показано в романе «Александр I», не противостоят государству, а слиты с ним в неразрывном единстве через сановников-скопцов. Политический идеал скопцов — государственнический, во главе их стоит лжецарь Петр III — Кондратий Селиванов, в этом отношении этот идеал противостоит обществу третьего завета по Мережковскому.

Прокофьев Максим Владимирович

магистрант 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОПАГАНДЫ В РОМАНАХ «ДАР» В. НАБОКОВА И «ПРОЩАЙ, БЕРЛИН» К. ИШЕРВУДА

Рецензенты английского перевода «Дара» (1963) вспоминали «Прощай, Берлин» К. Ишервуда — другой роман о Германии, главным героем которого был писатель-иностранец, см.: [Leving, 2011: 444, 453]. В докладе проводится компаративный анализ двух текстов 1930-х гг. Гипотеза исследования состоит в том, что в пляжных сценах оба автора пародируют нацистский культ идеального (молодого, здорового, атлетичного) тела.

Несмотря на то что действие «Дара» происходит в 1926–1929 гг., текст имплицитно отсылает к реалиям 1930-х гг. Об этом говорит резкая реакция пронацистской газеты «Новое слово» на опубликованный в «Последних новостях» в феврале 1938 г. фрагмент романа под названием «Прогулка в Груневальде». Сотрудник «Нового слова» А. Гарф (вероятно, псевдоним) увидел в набоковском описании вялых, грузных, старых, больных тел немецких купальщиков карикатуру на «современную Германию, где спорт стал национальным культом» [Гарф, 1938: 7]. Замечание читателя-современника можно дополнить. Показав тела «крупным планом», со всеми непривлекательными деталями (наростами, жилами, мозолями, тяжелыми гузнами, рыхлыми ляжками), Набоков подчеркивает: *все это сливалось в апофеоз того славного немецкого добродушия, которое с такой естественной легкостью может в любую минуту обернуться бешеным улюлюканием* [Набоков, 2002: 511]. Образ слившихся воедино уродливых тел пародийно отсылает к концепту *Volkskörper*: нацисты заявляли, что здоровье «тела нации» обеспечивается борьбой с «паразитами» (прежде всего, евреями) [Cocks, 2007: 93], в то время как Набоков демонстрирует болезненность самого немецкого общества.

В рассказе «На острове Рюген (Лето 1931)», входящем в роман «Прощай, Берлин», Ишервуд описывает официальный пляж, полный сторонников Гитлера, и уединенную часть бухты, где отдыхает главный герой Кристофер с друзьями. Посредником между двумя пространствами становится навязчивый незнакомец, представившийся хирургом из Берлина. Он оказывается сторонником расовой теории. Внешне доктор — атлетичный блондин с голубыми глазами — почти во всем соответствует нацистским представлениям об арийцах. Однако «идеальное» тело немца парадоксально становится источником отвращения: Кристофера невероятно раздражает, что во время разговора доктор постоянно приобнимает его, касается его руки.

Можно сделать вывод о том, что Набоков и Ишервуд деконструируют образы нацистской пропаганды, связанные с телесностью, а именно — навязываемые властью представления об арийском типе внешности и «теле нации», ослабляемом «паразитами». При этом авторы выбирают разные способы пародирования культа идеального тела: если Набоков использует натуралистичное описание купальщиков (акцент на зрении), то Ишервуд вводит мотив нежелательных прикосновений (акцент на тактильности).

Литература

Гарф А. Литературные пеленки // Новое слово. 20 марта 1938. С. 6–7.

Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб., 2002.

Cocks G. Sick Heil: Self and Illness in Nazi Germany // Osiris. 2007. Vol. 22, no. 1. P. 93–115.

Leving Y. Keys to «The Gift»: A Guide to Vladimir Nabokov's Novel. Boston, 2011.

Стародумова Ярославна Викторовна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОДНОСНЫЕ СОЧИНЕНИЯ К. ИСТОМИНА КАК СВЕТСКАЯ ХРОНИКА КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в.

К. Истомин является одним из наиболее ярких и плодовитых авторов русского барокко. На рубеже XIX–XX в. С. Н. Браиловский ввел проблему творчества Истомина в научный дискурс, однако в отечественном литературоведении очевидна недостаточность посвященных ему исследований — как правило они или «точечны» и касаются одного текста, или наоборот содержат общий и краткий обзор биографии и сочинений автора, а единственная монография Браиловского, несмотря на ее безусловную значимость и широкое представление фактического материала, содержит ряд ошибок и фокусируется в большей степени на биографии автора. Кроме того, большинство из имеющихся исследований касаются только «Букваря», тогда как значительная часть текстов автора остается в тени.

Одной из причин восприятия барокко на русской почве стала необходимость утверждения зарождающегося абсолютизма, возникла необходимость в придворных поэтах, мастерство которых было бы направлено на восхваление правителя. Первые образцы таких текстов принадлежали С. Полоцкому и С. Медведеву. Наша работа посвящена рассмотрению подносных сочинений Истомина, адресованных членам царской семьи, как наиболее характерного и яркого феномена барочной культуры. Истомин работал в разных жанрах, ему принадлежат как прозаические (проповеди и послания), так и стихотворные тексты, которые будут в центре нашего внимания.

Комплексный обзор текстов обнаруживает не только плодовитость и мастерство Истомина как стихотворца, но и его политические пристрастия (напр., посвящая многочисленные послания Н. К. Нарышкиной, придворный поэт, возможно, надеялся получить должность учителя царевича Алексея). Рассматривая в хронологической последовательности подносные стихотворные сочинения, становится возможной реконструкция главных светских событий из жизни московского двора во время регентства царевны Софьи и начала правления царей Иоанна и Петра.

В основе исследования лежат опубликованные А. П. Богдановым и Браиловским тексты Истомина. Кроме того, в настоящей работе мы опираемся на монографию Л. И. Сазоновой «Литературная культура России: Раннее Новое время».

Результатом исследования стало рассмотрение адресатов стихотворных посланий, их положения и политического влияния на момент написания, выявление литературного мастерства Истомина как стихотворца риторической эпохи, автора, принадлежащего культуре готового слова.

Титкова Маргарита Эдуардовна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ГИМН МАРИАМ В КНИГЕ «ИСХОД» ПАЛЕИ ТОЛКОВОЙ: СМЕХОВОЙ КОМПОНЕНТ И АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИЕМОВ

Многочисленные редакции «Толковой Палеи» свидетельствуют о ее высокой популярности в быту древнерусского читателя. Тщательно разработанная система жанров данного литературного памятника отсутствует, так как научно-критическое издание «Толковой Палеи», созданное под редакцией проф. А. М. Камчатнова, вышло в свет не так давно.

Целью исследования, представленного в рамках настоящего доклада, является изучение специфических черт поэтики жанра библейской песни в контексте «Толковой Палеи». В задачи данной работы входит: рассмотрение авторской интерпретации библейской песни с точки зрения ее жанровой специфики и особенностей техник ее экзегетического комментария; рассмотрение художественных приемов, образов в гимне Мариам, с помощью которых реализуется толкование событий ветхозаветной истории. На примере пророческого гимна раскрывается функция жанра библейской песни, помещенного в Палею. Сложность и разнообразие техник толкования особенно ярко выражается в использованном автором приеме подражания, направленного на то, чтобы перевернуть представление о благополучии еврейского народа в рамках событий Пятикнижия.

Так, в исследовании выявлены редкие в древнерусской литературе случаи использования элементов пародии без смехового компонента: реплики Мариам переосмысляются книжником в целях критики иудаизма. Неоднократное нарушение в песне канонической последовательности нарратива также свидетельствует о сложном опыте полемического толкования в «Толковой Палее». С помощью герменевтико-семантического анализа можно проследить особенности понимания древнерусским автором песенного жанра, а также обозначить внутрижанровую специфику интерпретированных древнерусским книжником песенных текстов.

Ветрова Екатерина Сергеевна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«ОБРУЧЕНИЕ ДАШИ» В. Я. БРЮСОВА: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Доклад посвящен анализу претекстов повести В. Я. Брюсова «Обручение Даши», которую можно рассматривать как своеобразный эксперимент автора-символиста в области «традиционной» поэтики.

В центре сюжета повести находится быт московского предпринимательства второй половины XIX в., что позволяет говорить об автобиографичности текста: известно, что дед автора — К. А. Брюсов — из крепостного стал преуспевающим купцом и заработал крупное состояние на пробочной торговле.

Биографический анализ повести позволил выяснить, что в процессе работы над «Обручением Даши» автор опирался на материалы семейного архива, а также дневники отца, Я. К. Брюсова. Заметки Я. Брюсова позволяют найти множество параллелей между ним и главным героем повести — Кузьмой Русаковым. Отец В. Брюсова посещает светские вечера, занимается самообразованием, разделяет революционные идеи, с особым трепетом относится к Н. Г. Чернышевскому и Д. И. Писареву, чьи портреты висят над его столом, и все эти стремления находят отражение в образе Кузьмы Русакова.

В процессе составления историко-литературного комментария нами были рассмотрены особенности изображения интеллектуальной и общественно-политической деятельности разночинцев второй половины XIX в. Мы пришли к выводу, что Брюсов показывает их нарочито карикатурно, подчеркивая противоречивость их идей и поведения. И Аркадий, и Фаина, проповедуя революционные для 1860-х гг. идеи о всеобщем равенстве, на самом деле стремятся к обретению материальной выгоды через отношения с людьми с лучшим финансовым положением. В. Брюсов демонстрирует, что интеллигенция оказывается способной только к разговорам, но не к влиянию на общественную обстановку, и подчеркивает ее несостоятельность как социальной силы.

«Обручение Даши» — повесть, написанная с опорой на прозу воссозданной В. Брюсовым эпохи. В связи с этим мы провели анализ интертекстуальных связей «Обручения Даши» с произведениями, оказавшими сильное влияние на мировоззрение «новых людей» второй половины XIX в.: «Отцами и детьми» И. С. Тургенева, «Что делать?» Чернышевского и «Грозой» А. Н. Островского. Мы пришли к выводу, что автор иронизирует над образами и мотивами, прослеживаемыми в художественной литературе 1860-х гг., и специально снижает их, показывая, что его мировоззрение далеко от нигилизма и радикал-утилитаризма. Однако одновременно с этим В. Брюсов, вводя в финал повести размышления об имени будущего ребенка Даши, показывает, что он является продолжением и «продуктом» «модных» идей второй половины XIX в. и тем самым отмечает значительное влияние «новых людей» на дальнейшие общественные изменения.

Матвиенко Анастасия Игоревна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

РАННИЕ ЗАМЕТКИ О. Д. ФОРШ К РОМАНУ «ВОРОН»

Творчество О. Д. Форш (1873–1961) по сей день остается малоизученным, несмотря на возросший интерес современных исследователей к двум ее романам — «Сумасшедший корабль» (1931) и «Ворон» (1934; первая публикация в «Звезде» носила заглавие «Символисты»). И если первый из них — более известный и чаще переиздаваемый, то второй, как представляется, недооценен: после первого переиздания романа в 1990 г. появилось всего одно, — в 2024 г. Оба раза роман печатался в составе сборников и оба раза — по книжному изданию 1934 г. Его творческая история до сих пор не выяснена.

Источники текста «Ворона», помимо книжного и журнального вариантов, хранятся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом): это машинописные и рукописные варианты отдельных глав или их частей, разрозненные рукописные листы с черновыми записями, выписками из Н. В. Гоголя, А. Белого, Н. А. Бердяева и др., две записные книжки. Структурирование данного материала, еще не введенного в полном объеме в научный оборот, требует времени и сил, однако уже сейчас можно предположить, что содержание записных книжек и отдельных черновых набросков отражает наиболее ранние идеи и отношения героев, ставшие ключевыми для печатного текста. Анализу этой группы источников и посвящен доклад.

Сюжет «Ворона» строится на со- и противопоставлении двух исторических эпох, двух поколений, — модернистов 1900–1910-х гг. («отцов») и комсомольцев 1920–1930-х гг. («детей»). Поэтому выдвижение жизнетворческой и историософской проблематик в «Вороне» на первый план — вполне закономерно. Именно они разрабатываются в ранних набросках к роману. Размышляя над характером взаимоотношений двух поколений, Форш отталкивается главным образом от положений философии Бердяева, отраженных в его работах «Смысл творчества» (1916) и «Смысл истории» (1923). Писательница делает многочисленные выписки оттуда, берет мысли о гениальности и праведности, о трех этапах отношения человечества к «историческому», о соотношении «духовного» Средневековья и «гуманистического» Ренессанса, о марксистском понимании истории, прогресса. При этом сам бердяевский «смысл истории» (а заодно смысловое ядро его книги) — необходимость преодоления трагизма человеческой свободы, данной свыше, — менее важен и однозначен для Форш. Для «Ворона» более существенными становятся отдельные положения бердяевской философии: некоторые из них пересекаются с воззрениями Форш на исторический процесс, некоторые ею, напротив, оцениваются критически.

Для реализации бердяевского подтекста, помимо скрытой цитации и персонажа «с ключом», Форш выводит основных героев-идеологов — молодого комсомольца Маврика и его оппонента — где-то им становится отставной учитель Лагода, где-то — эмигрант Таманин. Писательница предполагает ввести в будущий роман «столкновения» Маврика и Таманина, Маврика и Лагоды, намечает параллели между ними и некоторыми другими героями. О том, какое преломление эти первоначальные наброски получат в печатном тексте, будет подробнее сказано в докладе.

Морозикова Ярослава Сергеевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«УЖ НЕ ПАРОДИЯ ЛИ ОН?»: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ «СКАЗКИ О НЕКОЕМ МОЛОДЦЕ, КОНЕ И САБЛЕ»

В докладе представлено исследование «Сказки о некоем молодце, коне и сабле», известной по единственной рукописи XVII в. Сложность изучения этого текста заключается в его отрывочном характере и фольклорном происхождении. Но в первую очередь текст интересен другим.

Исследователи не раз упоминали о пародийной функции «Сказки…». Существуют предположения, что текст пародирует или популярные в XVII в. переводные рыцарские романы [Адрианова-Перетц, 1954: 169], или же «богатырскую тему вообще» [Истоки русской беллетристики, 1970: 490], которая находит отражение, напр., и в былинах. Однако гипотеза о пародийности текста не была достаточно раскрыта исследователями несмотря на то, что это принципиальный вопрос. Дело в том, что пародия в Древней Руси была направлена на внелитературную действительность, поэтому случай именно литературной пародии уникален и требует тщательного изучения. Кроме того, появление пародии свидетельствует об осознании литературной формы как самостоятельной ценности, что символизирует конец средневековой литературной традиции, так как «само стремление использовать какую-то форму для совсем иных целей <…> является художественным актом, выражением уже сложившегося художественного обобщения» [Ромодановская, 1994: 180].

В связи с этим цель доклада — рассмотреть, как именно в произведении формируется пародийная функция и на что пародия направлена. Для этого исследуются и своеобразное сюжетное построение текста (не реализован авантюрный сюжет, вместо него в произведении преобладает описание героя, его коня и чудесной сабли; значит, именно в этом смещении акцента и заключена пародийность), и текстологические данные (соседство в сборнике «Сказки…» с текстами, распространившимися именно благодаря сюжету, напр., с «Александрией» и «Повестью об Акире Премудром», что позволяет задуматься о том, на каком фоне воспринималась «Сказка…» и зачем она была включена в сборник).

Литература

Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры. М., 1954.

Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / под. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

Киргизов Егор Игоревич
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ» В СБОРНИКЕ В. А. СОСНОРЫ «ВСАДНИКИ» (1969)

Доклад посвящен проблемам поэтики В. А. Сосноры (1936–2019). Материалом доклада является второй опубликованный сборник стихов поэта «Всадники» (1969). Это одна из немногих книг Сосноры, в которой требования издательства совпали с авторской волей. Сборник являет собой законченное художественное целое, тексты здесь объединены общностью тем, сюжетов и мотивов, потому, на наш взгляд, «Всадники» — одна из наиболее удобных книг для анализа особенностей поэтики и начала исследования поэтической картины мира Сосноры.

В фокусе нашего внимания будет находиться черта художественного мира поэта, которую исследователи называют «художественная энантиосемия»: «В поэтике и мироощущении Сосноры смыслы, в том числе и противоположные, взаимодополняют друг друга <…> Он играет на взаимопереходах “черного и белого”, сочетает, казалось бы, несовместимые смыслы, образы, которые в его поэтической картине подходят друг к другу, сохраняя антагонистичность» [Ковалева, Лощилов, 2024: 250].

В частности, эти отношения взаимной дополнительности прослеживаются в оппозиции **«слово» — «действительность»**. Словесное начало в сборнике выражается специфическим рядом «поэтических синонимов»: *иллюзия*, *сказка*, *рассказ*, *греза*, *сон*, *сомнение*, *легенда* и пр. Так, в стихотворении «Был крыжовник больше арбуза…» жизнь оказывается более сказочной, чем сама сказка; в «Первой молитве Магдалине» лирический герой просит Марию Магдалину сочинить про него сказку; в тексте «Завидуешь, соратник, моему…» дом лирического героя называется *хранилищем иллюзий — или книг* [Соснора, 1969: 36].

В докладе предпринимается попытка найти адекватный авторской поэтике способ чтения оппозиций, к которым, на наш взгляд, не применима структуралистская концепция бинарности.

Литература

Ковалева Т. И., Лощилов И. Е. Стихотворение Виктора Сосноры «Скоморохи» (1959): текст и контексты // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 241–265.

Соснора В. А. Всадники. Л., 1969.

Андронова Лидия Ивановна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ДРАМАТУРГИЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ

В первую очередь В. Ф. Одоевский (1804–1869) известен как автор «таинственных» повестей, сказок и романа «Русские ночи» (1844). Драматические произведения писателя практически не привлекали к себе внимания. Это относится и к небольшим пьесам Одоевского для детей: «Маленький фарисей, или маленький лицемер» (1834), «Воскресенье» (1835), «Хитрость против хитрости» (1836) и «Царь-девица» (1836).

Одоевский заведовал детскими приютами, открывал школы, писал теоретические работы по воспитанию. Он отмечал отсутствие качественной детской литературы и, в особенности, драматургии. Пьесы для детей того времени были в основном переводными и часто отличались чрезмерной нравоучительностью и отсутствием занимательности. Пьесы Одоевского для детей просты по содержанию, их действию присущи динамичность и увлекательная интрига. Они предназначались для постановки в домашнем театре и для чтения. В. Г. Белинский высоко ценил эти пьесы для детей, он отмечал «глубокое знание детского характера» у Одоевского [Белинский, 1954: 108].

Пьесы «Маленький фарисей», «Воскресенье» и «Хитрость против хитрости» построены по одной сюжетной схеме — в центре действия находится ребенок, наделенный определенным пороком (притворство, высокомерие, ложь). Этот персонаж меняется в конце пьесы под влиянием внешних обстоятельств и перипетий. Другая сюжетная схема используется в пьесе «Царь-девица» с авторским подзаголовком «трагедия для театра марионеток». Царь-девица отвергает трех женихов (китайского Богдыхана, Одиссея и рыцаря Бириби) и самостоятельно отбивается от их войск с помощью пароходов и пушек. Эту пьесу можно воспринимать как спор с «романсом» (авторское определение) «Царь-девица» Г. Р. Державина, эпиграф из которого выбран для сочинения Одоевского, и как пародию на популярные в то время театральные представления, в которых отсутствует историческая достоверность. «Царь-девица» обращена не только к детям, но и к взрослым. Эта пьеса является переходной по отношению к остальной драматургии Одоевского, адресованной взрослому читателю («Сегелиель» (1832, 1838), «Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение и отопление» (1837) и т. д.). Помимо основного действия, в пьесах Одоевского появляются не связанные с сюжетом элементы, которые носят воспитательную, обучающую функцию. Например, вводятся второстепенные персонажи из других литературных произведений (Белкин, Ларины, рыцарь Бириби, Одиссей и т. д.), чтобы познакомить с ними ребенка. В «Царь-девице» персонажи загадывают друг другу загадки, в пьесе есть специальные паузы, повторяются вопросы, чтобы читатель или зритель ответил быстрее, чем герои. Читателя или зрителя пьесы знакомят в редуцированном виде с известными мифологическими и литературными сюжетами — напр., для того, чтобы показать мудрость Царь-девицы, разыгрывается сцена, повторяющая суд царя Соломона.

Одоевский одним из первых начал создавать оригинальные пьесы для детей на русском языке и не только добивался увлекательности сюжета, но и добавлял в текст не связанную с основным сюжетом информацию, чтобы расширять кругозор ребенка. Его пьесы представляют собой важный этап становления русской детской литературы и требуют дальнейшего изучения.

Литература

Белинский В. Г. О детских книгах // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. М., 1954. С. 68–109.

Судаков Григорий Владимирович
независимый исследователь

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧУВСТВЕННОГО ЗНАКА У М. ПРУСТА

В романе М. Пруста (1871–1922, Proust) «В поисках утраченного времени» («À la recherche du temps perdu») есть несколько эпизодов, когда герой вдруг испытывает неизъяснимую радость, а затем стремится постичь ее суть, расшифровать знак, которых, по мнению Ж. Делеза, в романе огромное множество. Такие моменты тесно связаны с т. н. непроизвольной памятью героя: воспоминание «тянется» к нему из внешнего впечатления. В докладе ставится цель восполнить недостаток внимания к эпизоду о трех деревьях Юдимениля, которые герой видит во втором томе — «Под сенью девушек в цвету» («À l'ombre des jeunes filles en fleurs»). Этот отрывок стоит рассмотреть, так как, во-первых, Пруст возвращается к нему в последнем томе романа; во-вторых, о нем рассуждают (или просто упоминают его) многие выдающиеся читатели Пруста: Делез, Ж. Женетт, М. Мамардашвили и др.; наконец, в-третьих, этот пассаж кардинально отличается от прочих ему подобных тем, что знак в нем так и остается нерасшифрованным. Герой терпит неудачу и испытывает чувство утраты, так как не может распознать содержимое знака. Новизна исследования объясняется тем, что проблема непроизвольной памяти и интерпретации знаков у Пруста почти не исследована в русскоязычном литературоведении.

В докладе подробно рассматривается мыслительный процесс героя при расшифровке знака, связанный с очень важной для Пруста темой обучения и становления героя. Кроме того, рассматривается разница между непроизвольным воспоминанием и внешним впечатлением. Эпизод анализируется в контексте мифического символизма: обращение к этой оптике можно обосновать образами (персонажи мифов), которые Пруст выбирает для своих метафор как в рассматриваемом отрывке, так и на протяжении всей эпопеи. Нельзя не сказать о метафикциональной рамке пассажа, которая появляется благодаря авторефлексивности прустовского героя. Небезынтересна жанровая принадлежность отрывка. Представляется, что это стихотворение в прозе — жанр весьма близкий как Прусту, так и его герою.

Выбранный отрывок удобен тем, что он заключает в себе многие типические черты прустовского стиля: высокая плотность метафор, авторефлексивность, расшифровка знака, но при этом является единственным в своем роде, так как все остальные чувственные знаки (мадлен, колокольни, неровная плитка) поддаются герою.

Фомич Василиса Александровна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ГОТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КРИМИНАЛЬНОМ РОМАНЕ Т. ФРЕНЧ «СХОДСТВО» («THE LIKENESS»)

Утратив популярность после 1820-х гг., готический роман по-прежнему продолжает влиять на развитие других жанров, заимствующих и переосмысляющих готические тропы [Spooner, 2010: 246]. Среди этих жанров оказывается и криминальный роман (понимаемый нами как обобщающий термин для текстов о преступлениях и их расследованиях), который помнит о своем готическом наследии по сей день. В настоящем докладе мы покажем это на примере криминального романа современной ирландской писательницы Т. Френч (р. 1973, French) «Сходство» («The Likeness», 2008). Цель работы — выделить готические элементы в романе и проанализировать, во-первых, какую роль они играют в тексте, во-вторых, как они соотносятся с традицией ирландской литературной готики. Многие специалисты писали об отдельных готических чертах «Сходства», однако комплексной работы, посвященной этой теме, не существует, что мы и попытаемся восполнить в нашем исследовании.

В основе романа лежит типичный для готики двойнический сюжет: главная героиня детектив Кэсси Мэддокс расследует убийство молодой девушки, которая оказалась похожа на Кэсси как две капли воды и последние годы жила под именем Лекси Мэдисон — личности, которую Кэсси когда-то придумала для работы под прикрытием. Пользуясь этим сходством, Кэсси внедряется в круг друзей Лекси, живущих в усадьбе «Боярышник». Детектив начинает испытывать почти мистическую связь с умершей и постепенно теряет грань между собой и двойником. Здесь проявляется внутренняя двойственность самой Кэсси, вызванная недавней психологической травмой.

Мотив призраков прошлого, определяющих события настоящего, является свойственным для готики и раскрывается не только на примере Кэсси. Например, враждебное отношение жителей прилегающей деревни к обитателям «Боярышника» объясняется памятью о колониальном прошлом, в том числе об убийстве деревенской девушки, совершенном одним из предков нынешнего владельца усадьбы. Зловещая история только подчеркивает проступающие в образе старинного «Боярышника» готические черты: так, иногда Кэсси воспринимает дом как враждебно наблюдающее за ней существо, ожидает обнаружить в нем потайные лестницы и коридоры. Ее опасения не напрасны — дом действительно таит в себе угрозу: именно здесь Лекси ударил ножом один из ее друзей (союз которых можно считать эквивалентом семьи), и теперь они скрывают эту тайну, актуализируя очередной готический мотив.

Внимание к угрозе, скрытой в домашнем пространстве, а также к искажениям «я» и семейным тайнам — характерные особенности ирландской готики, которые Френч заимствует из произведений Ш. Ле Фаню и Э. Боуэн и переосмысляет в контексте критики последствий «Кельтского тигра» [Johnsen, 2018]. Сюда входят экономический упадок, потеря ценностных ориентиров и давление на индивида, на фоне которых и совершается центральное преступление романа. Таким образом, продолжая литературную традицию Ирландии, Френч использует готические элементы для раскрытия психологического состояния персонажей и изображения современных проблем страны.

Литература

Johnsen R. E. The House and the Hallucination in Tana French's New Irish Gothic // Domestic Noir: The New Face of 21st Century Crime Fiction / eds L. Joyce, H. Sutton. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 221–239.

Spooner C. Crime and the Gothic // A Companion to Crime Fiction / eds C. Rzepka, L. Horsley. Hoboken: Wiley Blackwell, 2010. P. 245–257.

Зеленева Александра Владимировна

магистрант 2-го курса
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СБОРНИКА «КАКАДУ» П. УАЙТА

П. В. М. Уайт (1912–1990, White) — австралийский писатель, один из выдающихся англоязычных романистов XX в., лауреат Нобелевской премии по литературе 1973 г. «за эпическое и психологическое мастерство, благодаря которому был открыт новый литературный материк». Полученные от премии деньги Патрик использовал для учреждения собственной Премии П. Уайта, которая ежегодно вручается молодым талантливым писателям, не имеющим средств для продвижения своих работ. В 1979 г. его роман «Дело Твайборна» («The Twyborn Affairs») был номинирован на Букеровскую премию, но сам писатель отказался от этого, мотивируя это тем, что хочет дать шанс молодым писателям.

В качестве материала данного исследования выступает сборник «Какаду» («The Cockatoos», 1974), включающий в себя шесть рассказов. Данные произведения объединены темой одиночества, нереализованных желаний и скрытых психологических переживаний. Протагонисты большинства рассказов — пожилые люди, оказавшиеся в изоляции от общества и друг друга, переживающие внутренний кризис. Цель нашей работы — изучить художественное своеобразие малой прозы Уайта на примере данного сборника. Новизна исследования заключается в анализе подтекста в малой прозе Уайта, который ранее не был предметом детального изучения. Наше исследование изучает, как автор достигает глубокой смысловой многослойности своих текстов через минималистичную форму и подтекст.

Художественное своеобразие сборника заключается в обилии подтекстов, создаваемых через скрытые диалоги, недосказанность, повторы мотивов и символических деталей. Художественные детали влияют на понимание тематики, проблематики произведения и психологизма в нем. Одним из ключевых приемов Уайта является использование символики природы, цвета и запахов. В повести «Какаду» одноименные птицы становятся метафорой несбывшихся надежд героев. В рассказе «Сицилийская вечерня» («Sicilian Vespers») художественные детали помогают передать подавленную сексуальность главной героини. В рассказе «Сытое брюхо» («The Full Belly») описание цвета и запахов отражают внутреннее состояние главного героя. Произведения сборника демонстрируют влияние литературного минимализма. Краткие диалоги, отсутствие детальных описаний, акцент на внутренних переживаниях персонажей — все это позволяет достигать высокой концентрации смысла в небольшом объеме текста.

Алликас Анастасия Дмитриевна

студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПОЭТИКА УЛИПО И ПАТАФИЗИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В РОМАНАХ Э. ЛЕ ТЕЛЛЬЕ

Патафизика — специфическая художественная парадигма, которая обрела популярность во французских литературных кругах после ее изобретения писателем А. Жарри. Э. Ле Теллье является важным представителем этого течения в искусстве. Сам писатель был членом литературной группы УЛИПО — «Ouvroir de littérature potentielle» (Р. Кено, Ж. Рубо, Ф. Ле Лионне, Ж. Перек, И. Кальвино), главная задача которой состояла в смешении методов математики и литературы, изучению и созданию художественных произведений с математической точностью. Целью исследования является выявления особенностей поэтики Ле Теллье посредством детального изучения текстов автора в рамках имманентного анализа. Актуальность заключается в популярности патафизики во французской культуре и ее влиянии на современный литературный процесс, при этом важно, что произведения Ле Теллье слабо представлены на русском языке, хотя он является одним из наиболее успешных улипистов, единственным, кто получил Гонкуровскую премию.

Наш доклад можно поделить на две части. Первая часть исследования посвящена более детальному, историческому рассмотрению литературной группы УЛИПО. В ней можно наблюдать три основных течения: 1) поиски особой литературной структуры через формальное ограничение (Перек «Исчезновение»); 2) множественная трансформация текста как его развитие (прием «S+7» Ж. Лескюра или «Упражнения в стиле» Кено); 3) математические эксперименты в литературе (эксперименты Кено и Ф. Ле Лионе).

Во второй части представлено более подробное изучение поэтики Ле Теллье через патафизическую призму и эстетику УЛИПО. Мы рассмотрим взгляды автора на литературную концепцию УЛИПО через призму его эссе «Esthétique de l'Oulipo». В настоящем исследовании рассмотрению подлежат следующие тексты Ле Теллье: «Аномалия» (2020), «Electrico W» (2011) и «И хватит про любовь» (2009). Мотив двойничества — один из важнейших приемов автора, на котором основаны многие его романы. Так, «Аномалия» полностью построена на таком приеме как «антиномия», т. е. на существенном принципе истинности жизни как таковой, на жизненной недоказуемости и противоречивости в основе. В романе «Electrico W», помимо мотива двойственности, можно изучать такой прием как «абсолют», направленный на восстановление клише как восстановление аутентичности.

Таким образом, особенность поэтики Ле Теллье строится на основных приемах патафизики (многоуровневое двойничество, антиномия, аномалия, сигизия, абсолют и др.), а также на комбинаторной эстетике УЛИПО.

Эртман Злата Александровна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ИСТОРИЧЕСКОЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ В ПОЭЗИИ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Настоящий доклад посвящен рассмотрению взаимосвязи реального и мифологического прошлого в поэзии немецкого экспрессионизма. Одним из ключевых аспектов, определяющих границу между двумя контекстами прошлого, выступает ввод исторического лица в экспрессионистский нарратив. Экспрессионистские произведения по содержанию отчасти соотносятся с романтическими текстами, однако в экспрессионизме бóльшее внимание сфокусировано на трагизме реального мира, а также в них заметно обращение к историческим фигурам, которое, напр., отсутствует в немецком романтизме.

На примере таких текстов, как «Шопен» и «Разбойник Шиллер» Г. Бенна (1886–1956, Benn), «О Франсуа Вийоне» и «Баллада о Мазепе» Б. Брехта (1898–1956, Brecht), а также «Савонаролa» Г. Гейма (1887–1912, Heym) в докладе будет рассмотрено, как в поэтический экспрессионистский канон входит понятие исторической фигуры. Стоит отметить, что историческая дистанция, отделяющая героев указанных произведений от непосредственно времени создания экспрессионистских стихотворений, разнится с мифологической дистанцией, которая также присутствует в немецком экспрессионизме. Поскольку в немецкоязычной поэзии рубежа веков можно проследить в том числе и обращение к микенским и античным мотивам — точно так же, как это было принято в отношении романтического канона, — основной целью доклада стало определение границы между историческим и мифологизированным прошлым.

Характерной чертой поэзии немецкого экспрессионизма можно назвать деромантизацию и, как следствие, вторичную мифологизацию реального прошлого, основанную на негативных образах. Так, напр., в дискурсе о реальном прошлом присутствует подробное описание исторического лица, заключенное в сюжете или отражающееся в чертах характера; в отличие от романтических текстов, идеалы прошлых эпох — напр., Шиллер, Шопен и другие — негативизируются. Кроме того, в представленных произведениях присутствует детализация событий, которые имеют ценность для поэтического текста и включены в него, а также отсылки к фактам биографий описываемых персонажей. Подобный прием является новаторским для немецкоязычной литературы, но соседствует с закрепившейся в традиции романтизацией условно мифологического прошлого, которое репрезентируется безлично, обобщенно и идеалистично.

Дацкевич Анастасия Сергеевна

студент 3-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

«ВРАГ НАРОДА» Г. ИБСЕНА И Ж. САЛВАТ-ПАПАССЕЙТА: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЖАНРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Творчество Г. Ибсена (1828–1906, Ibsen) оказало колоссальное влияние на развитие как европейского, так и отечественного театра. Например, черты новой драмы, созданной норвежским драматургом, присутствуют в пьесах М. Метерлинка, Б. Шоу, А. П. Чехова, а в постановках по его произведениям в свое время участвуют Э. Мунк (в качестве сценографа) и К. С. Станиславский (в качестве исполнителя роли доктора Стокмана). Несмотря на очевидность влияния Ибсена на каталонскую литературу и, в частности, на творчество Ж. Салват-Папассейта, эта тема до сих пор не исследована.

За три года существования журнала «Enemic del Poble» его главный редактор Папассейт опубликовал в общей сложности 118 авторских высказываний. Поэт планировал напечатать их в отдельном сборнике с прологом каталонского критика Ж. М. Да Сукра и обложкой уругвайского художника Х. Т. Гарсии, однако планам не суждено было сбыться из-за финансовых трудностей Папассейта. И все же работы поэта, опубликованные в разделе «Mots propis», стали неотъемлемой частью раннего этапа его творчества. В начале своего литературного пути Папассейт вдохновляется произведениями Ф. Ницше, М. Горького, Ф. Т. Маринетти, а также Ибсена, у которого заимствует название для своего журнала. Ибсеновский «Враг народа» не только фигурирует в заглавии, но и находит отражение в содержании. Связь «Mots propis» с пьесой «Враг народа» в очередной раз доказывает, что драматический жанр расширяет сферу своего влияния, воздействуя в том числе на публицистику. Подобно ибсеновскому образу доктора Стокмана, в своих тезисах Папассейт описывает в качестве идеала человека-нонконформиста, который готов не подстраиваться под общественное мнение и тем самым способствовать прогрессу. В обоих произведениях герой противостоит идее ложной морали, в которую слепо верит население. Тема противостояния героя толпе не нова, однако фигура «врага народа» не просто обличает человеческие пороки и указывает на общественные несовершенства, а приходит на смену распространенным ошибочным убеждениям, становясь проводником новой, совершенной морали. Несмотря на то что именно за таким свободным человеком остается правда, общество не встает на его сторону, а, напротив, использует все доступные способы порицания. Таким образом, выявление связи между пьесой Ибсена и трудом Папассейта способствует исследованию столь волнующей авторов эпохи авангарда темы взаимодействия массы и личности.

Бойцова Марина Андреевна
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

СИМВОЛИКА ЧИСЛА ТРИ В РОМАНЕ М. Н'ДЬЯЙ «ТРИ СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

Трехчастный автофикциональный роман М. Н'Дьяй (р. 1957, NDiaye) «Три сильные женщины» («Les Trois Femmes Puissantes») — это повествование о трех разных героинях, каждой из которых посвящена отдельная часть. Постоянное повторение числа три привлекает к себе читательское внимание и заставляет поставить вопрос о его символике. Вместе с тем число три проявляется во многих мифологиях и культурах и символизирует целостность и завершенность. Целью исследования служит разрешение вопроса о том, что скрывает за собой число три в романе и какую роль играет. Отсутствие перевода и малое внимание, уделенное писательнице, также подчеркивают новизну исследования.

Так, методом имманентного анализа и медленного чтения будут выявлены все случаи появления числа три и дана соответствующая интерпретация каждого из эпизодов и примеров, которыми пронизано повествование. В судьбе каждой из героинь проигрываются три разные социальные роли, где женщина представлена как дочь, жена или вдова и мать, что подчеркивает различные аспекты женской идентичности; в семье каждой из героинь число три проявляется в количестве детей или в количестве членов семьи. Число три также касается времени: независимо от того, какой временной промежуток указан — часы, дни и т. д., он будет содержать в себе число три. Теоретической опорой исследования являлись работы, посвященные изучению жанра автовымысел, в частности, В. Д. Алташиной. Согласно исследователю, автофикциональной форме письма свойственен «оксюморонный триединый пакт» о равенстве автора, рассказчика и главного героя [Алташина, 2017: 95], что также указывает на разделение одного целого (опыта автора) на три единицы, три типа автобиографем [Magné, 1997: 21] в тексте.

Таким образом, исследование символики числа три не только позволит раскрыть его роль как структурного элемента с точки зрения композиции и действующих лиц, но и даст возможность рассмотреть многообразие женского опыта, связанного с социальной ролью и идентичностью, что предлагает новую форму дискуссий о роли женщин в современном обществе.

Литература

Алташина В. Д. Автовымысел и теория возможных миров // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики: коллект. моногр. / отв. ред. Ю. П. Зарецкий, Е. К. Карпенко, З. В. Шушпанова. М., 2017. С. 83–98.

Magné B. L'autobiotexte perecquien // Le Cabinet d'amateur. 1997. № 5. P. 21–27.

Сивоченко Дарья Александровна
студент 4-го курса
Северо-Кавказский федеральный университет

СПЕЦИФИКА ПРИЕМА «ПОТОКА СОЗНАНИЯ» В РОМАНЕ ДЖ. С. ФОЕРА «ЖУТКО ГРОМКО И ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО»

Роман Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» («Extremely Loud and Incredibly Close») неоднократно становился объектом исследования многих отечественных и западных литературоведов. Так, Н. С. Шалимова определяет жанр произведения как «роман-освобождение», А. Г. Смирнова и Т. Манцарис в своих статьях обращаются к интермедиальному аспекту текста, И. А. Авраменко исследует проблему коммуникации в романе. Настоящее исследование посвящено определению специфики приема «потока сознания» в романе Фоера.

Современная литература обращена к проблеме повествовательной точки зрения. Данная проблема выражается в форме «расщепленного я» повествователя, а также зачастую в наличии у него особенностей психического здоровья. Наррация от лица героя прекращает быть удобной повествовательной ситуацией и разрушает классическое представление о мире. Для интеграции читателя в структуру романа и сознание героя Фоер использует прием «потока сознания», введенного в модернистский дискурс как новаторский способ детального анализа процессов человеческой психики, как поиск точки гармонии в разрушенном относительном мире. В романе Фоера повествование ведется от трех лиц: главного героя, мальчика Оскара Шелла с синдромом Аспергера, его бабушки Анны и его дедушки Томаса.

Специфика рассуждений Оскара Шелла определяется точностью в приведении данных, логичностью, обилием метафор, структуризацией информации, отрывочностью, акцентированием внимания на ярких эмоциональных эпизодах, интертекстуальностью, интермедиальностью и языковой игрой — смешением различных языков в повествовании.

Главы Томаса и Анны представлены в эпистолярной форме. Повествование Томаса Шелла — это письма, посвященные его оставленному сыну. Отличительной чертой «потока сознания» героя становится акцент на отдельные фразы, вынесенные на всю страницу. Кроме того, в повествовании присутствует прием взаимонаслоения фрагментов текста как визуальной метафоры, перешедшей в яркий визуальный образ, призванный продемонстрировать внутренний эмоциональный накал персонажа. Подобно повествованию Оскара, «поток сознания» Томаса интермедиален.

Письма Анны Шелл обращены к ее внуку, Оскару, и отличительной чертой повествования героини становится принадлежность к эмоциональному дискурсу (Фоер также называет главы Анны «Мои чувства»), поскольку лейтмотив писем Анны — любовь как полное принятие.

Ключом к обнаружению специфики «потока сознания» Фоера служит название романа. Как отмечалось выше, сознанию главного героя, О. Шелла, свойствен метафоризирующий характер. Таким образом создается диалог между автором и читателем через ощущение, эмоцию. Фоер становится продолжателем творческого метода М. Пруста, изображавшего образ мира через впечатления героя. Кроме того, диалог между читателем и текстом создается новаторским приемом Фоера — активным использованием интермедиальных элементов в повествовании. Фотографии, рисунки, записи от руки включены в текст произведения, они помещаются на страницы, фрагментируя повествование.

В заключение исследования можно сделать вывод о том, что специфика приема «потока сознания» Фоера заключается в эмотивности как способе установления контакта между автором и читателем, новаторство автора проявляется в интермедиализации текста, также способствующей вовлечению читателя в текст романа.

Либит Алена Денисовна
студент 2-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОБРАЗ МАВРА В «ПОВЕСТИ О СЕГРИ И АБЕНСЕРРАХАХ» Х. ПЕРЕСА ДЕ ИТЫ И КОМЕДИИ «ЗАВИСТЬ К ЗНАТИ» ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ: К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ДРУГОГО

Напряженное семивековое взаимодействие испанской и арабо-берберской культуры на территории Пиренейского полуострова обусловило интерес литературы испанского Ренессанса к сюжетам на мавританскую тему. Именно в период XVI–XVII вв. формируется литературный канон изображения араба; значительную роль в определении типичного облика представителя мусульманского мира сыграла «Повесть о Сегри и Абенсеррахах» («Historia de los vandos de los zegries y abencerrages caualleros moros de Granada», 1595) писателя и хрониста Х. Переса де Иты (1544–1619, G. Pérez de Hita). Материалом для «Повести…» послужила история Гранадского эмирата, а именно период гражданских войн и продолжительной борьбы за влияние при дворе эмира двух дворянских родов, Абенсеррахов и Сегри. Этот же эпизод кладет в основу своей комедии «Зависть к знати» («La envidia de la nobleza», 1613–1615) драматург Лопе де Вега (1562–1635, Lope de Vega).

В докладе подробно рассматривается такая специфическая особенность системы персонажей в обоих текстах, как разделение всех действующих лиц-арабов на «мавров-противников» и «мавров-союзниках христиан». Иначе: «клише … коварного, злобного араба» [Goytisolo, 2013: 76] сталкивается с идеализированным образом «благородного мавра». Эта характерная для испанской литературы оппозиция свидетельствует об амбивалентности представлений о мусульманах в рассматриваемую эпоху. Однозначной же остается идея о превосходстве христианской веры над исламом: относительно идеологической границы пространство в обоих текстах разделено на мир мусульманский и христианский, это противопоставление осмысляется в рамках бинарных оппозиций «хаос/космос» и «варварство/цивилизация». Более того, финальным эпизодом и в комедии Лопе де Веги, и в «Повести…» Х. Переса де Иты становится добровольное обращение избранных, благородных арабов в христианство. Само допущение мысли о том, что в пределах государства неверных могут существовать люди, нравственно равные христианам, говорит о более нюансированном взгляде на цивилизацию востока.

С точки зрения организации текста, «дуальные структуры определенным образом предшествуют троичным» [Иванов, 2008: 44] — действительно, усложнение образа мавра становится причиной появления третьего элемента: пограничных персонажей, колеблющихся между двумя полюсами религиозного противостояния, или тех самых «мавров-союзников». Еще до обращения они выступают истинным воплощением рыцарского идеала средневековой Европы и принадлежат скорее к миру христианскому, нежели мусульманскому. В образе же «мавров-противников» отразилось представление о «мусульманском фанатизме» [Goytisolo, 2013: 76], которое сформировалось в европейской культуре в результате длительных религиозных войн с приверженцами ислама. Так, способность усомниться в своей вере и отказаться от нее в пользу христианства предстает в обоих текстах неоспоримым критерием нравственных качеств мавра.

Литература

Иванов В. В. Дуальные структуры в антропологии. М., 2008.
Goytisolo J. Crónicas sarracinas. Pamplona, 2013.

Ханукаева Александра Вадимовна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ESPADAS COMO LABIOS» («ШПАГИ СЛОВНО ГУБЫ») В. АЛЕЙСАНДРЕ: УРОВНИ СМЫСЛА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Несмотря на интерес отечественных исследователей к испанской поэзии двадцатого века и, в частности, к творчеству т. н. «поколения 27 года», к которому принадлежали такие поэты как Ф. Г. Лорка, М. Эрнандес, П. Салинас и Л. Сернуда, произведения В. Алейсандре (1898–1984, Aleixandre), а также монографические исследования и даже отдельные крупные статьи, посвященные его творчеству, никогда не публиковались на русском языке. Предположительно, помимо прочих факторов, это может объясняться особенностями поэтики автора, которые проявляются уже в одной из первых его книг, «Espadas como labios» («Шпаги словно губы»).

При работе с текстами Алейсандре можно столкнуться с проблемой сохранения многозначности отдельных слов (напр., *monte* ‘гора’, ‘копна волос’, ‘пятка ладони’) в ситуации, когда каждое из значений в контексте стихотворения логически допустимо (имеется в виду фрагмент верлибра «La palabra» — «Речь»). Полисемия приводит к появлению нескольких параллельно существующих уровней смысла (во многих текстах можно выделить семантические поля «издательское дело», «мореплавание», «любовь», «смерть», «сон», «тело»; отдельные слова, такие как *mano* ‘рука’, ‘десть бумаги’, могут относиться к нескольким семантическим полям), не входящих в противоречие друг с другом. Среди текстов, входящих в книгу «Espadas como labios», преобладают верлибры, в части которых Алейсандре сознательно отказывается от использования пунктуации, что затрудняет толкование неоднозначных моментов. Усложненность формы, особенности поэтики, а также характерная для испанского языка лексическая и грамматическая полисемия приводят к появлению в тексте нескольких смысловых пластов и делают имманентный подход к анализу творчества Алейсандре затруднительным и малопродуктивным.

Таким образом, анализ текста проводился с опорой на биографические источники [Calderón, 2016] и авторские комментарии, касающиеся возможных вариантов трактовки отдельных неоднозначных моментов [Aleixandre, 1950]. Представленные варианты перевода основаны на принципе сохранения максимального количества допустимых интерпретаций.

Литература

Aleixandre V. Discurso de ingreso en la RAE de Vicente Aleixandre: «Vida del poeta. El amor y la poesía», 1950.

Calderón E. La memoria de un hombre está en sus besos. Vicente Aleixandre. Biografía. Barcelona, 2016. URL: https://www.rae.es/sites/default/files/Discurso_de_ingreso_Vicente_Aleixandre.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

Левитина Алиса Михайловна

аспирант
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОБРАЗ ВОДЫ В ДРАМАХ Х. ИБСЕНА

Символы в творчестве Х. Ибсена более века привлекают внимание исследователей, но до сих пор сравнительно небольшое количество работ было посвящено комплексному анализу символики его драм. Целью доклада является анализ образов воды в драмах Ибсена 1880-х гг., выявление их структурных связей с драматическим конфликтом и исследование эволюции женских персонажей, которые сталкиваются со стихией воды. Научная новизна исследования определяется попыткой представить комплексный анализ образов воды и предложить векторы исследования других образов стихий в творчестве Ибсена.

Основным водным образом в драме «Дикая утка» становится «пучина морская» — особое символическое пространство на чердаке дома Экдалей, где живет дикая утка. Это пространство сознания, актуализирующее дихотомию верха и низа (чердака и морского дна), связано с Хедвиг, дочерью семейства. Женское начало в драмах Ибсена способно отвечать на зов водной стихии, поэтому Хедвиг привязана к дикой утке, ее тоже влечет морская пучина. Мужские персонажи (Ялмар, его отец) при взаимодействии с чердачным пространством переживают раскол сознания, который отражается в постоянном несоответствии их слов мыслям. Хедвиг чувствует эту двойственность, таким образом становясь для них зеркалом. Познание истинного положения вещей в доме через контакт с водной стихией становится для девушки метафорическим погружением на самое дно, и она умирает под водной гладью за грехи своей семьи. В ее образе реализуется «комплекс Офелии», сформулированный Г. Башляром: «Так как Офелии предстоит умереть за грехи другого человека, то умереть она должна в реке, кротко, тайком» [Башляр, 1998: 121].

В «Росмерсхольме» представлен другой образ воды, связывающий верх и низ и влекущий женских персонажей, — водопад. Движение водного потока определяет внутреннее движение Росмера и Ребекки на самое дно загадки жизни. Дополнительные смыслы водных образов актуализируются в семантике фамилии Росмера (*Rosmer* — название водяного), которая отсылает читателя к датской сказке об Агнете и морском чудище. Трактовка ее как истории борьбы божественного и демонического, женского и мужского начал, подсвечивает стихийный источник сил Росмера и Ребекки, которые устремляются в водопад вслед за погибшей Беатой в попытке раскрыть до конца загадку жизни, достичь полноты самих себя.

Героиня драмы «Женщина с моря» Эллида, носящая имя корабля, сочетает в себе человеческое начало и стихию воды. Море становится символическим пространством объединения мужского и женского: в волны погружаются кольца, которыми Эллида и моряк обручаются с морем и друг с другом. Окончательное соединение с водой сулит для Эллиды растворение, распад. Однако в свободе, данной Эллиде мужем, она узнает всю полноту стихии, а в его выраженной земной природе находит недостающую опору и становится способна разделить сплетенные воедино жизнь и смерть: *неизведанное <…> ни манит, ни пугает. Мне дали заглянуть в него <…> Я имела возможность избрать его. И потому я смогла и отречься от него* [Ибсен, 1958: 96].

Таким образом, интерпретация образов воды в поздних драмах Ибсена как разрушительных сил самой жизни дает возможность выявить особый тип женских персонажей, отвечающих на зов воды, и варианты разрешения проблематики познания жизни в ее полноте через стихийные начала мира.

Литература

Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998.

Ибсен Х. Женщина с моря // Ибсен Х. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М., 1958.

Кузьмина Лана Александровна

магистрант 2-го курса
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ФУНКЦИЯ ЭКФРАСИСА В РОМАНАХ «ДЕВУШКА С ЖЕМЧУЖНОЙ СЕРЕЖКОЙ» Т. ШЕВАЛЬЕ И «ДЕВУШКА В НЕЖНО-ГОЛУБОМ» С. ВРИЛАНД

В работе рассматриваются экфрасис и его функции в романах «Девушка с жемчужной сережкой» («Girl with a Pearl Earring») Т. Шевалье (р. 1962, Chevalier) и «Девушка в нежно-голубом» («Girl in Hyacinth Blue») С. Вриланд (1946–2017, Vreeland).

Сюжет романа Шевалье строится на описании известных работ художника Я. Вермеера, которые встречаются в разных эпизодах, от экспозиции до кульминации. В романе можно выделить три типа экфрасиса. К первому типу можно отнести описания цветовых сочетаний, предметов, красок и композиции будущих картин Вермеера. Одно из первых описаний — замечание Вермеера о цветовом решении главной героини в расположении фруктов. С этого начинаются отношения между художником и будущей моделью, а также начинает развиваться сюжет.

К следующей категории экфрасиса можно отнести описания законченных картин Вермеера. Грета описывает картины, увиденные в доме Вермееров своему отцу, который потерял зрение. Таким образом, воссоздается не только вид картины, но и детали работы художника — расположение мазков, света. С помощью описания картины «Вид Делфта» читатель также знакомится с архитектурой и пейзажем Делфта времен Вермеера.

Третий тип экфрасиса — описания незаконченных работ Вермеера. К ним относится описание картины, название которой вынесено в заглавие романа — «Девушка с жемчужной сережкой». Описание работы над картиной и самого произведения искусства является кульминацией романа и отличается в нарративном плане от остальных экфрастических описаний, представленных чаще всего голосом главной героини Греты. Мы можем говорить о сюжетообразующей функции экфрасиса.

Заостряется внимание на уникальности портрета, его отличии от других работ Вермеера, а также прослеживается параллель между оригинальностью картины и отношениями Греты и художника.

Кроме того, в докладе анализируются черты т. н. «розового романа» или женской прозы в романах Шевалье и Вриланд. Примечательно, что оба романа нарушают формулу типичного «розового романа» и выходят за его рамки благодаря множественным экфрастическим описаниям, на которых основано своеобразие композиции и сюжета. Экфрасис также приобретает «образовательную» функцию, погружая читателя в мир искусства, в то время как отношения между главными героями отходят на второй план.

В романе «Девушка в нежно-голубом» Вриланд, выдуманная автором потерянная картина Вермеера объединяет восемь историй, каждая из которых отсылает читателя к тому или иному эпизоду истории Нидерландов. Экфрасис в романе приобретает сюжетообразующую функцию.

В каждой главе картина находит нового владельца и назначение экфрасиса меняется, однако одной из основных функций выступает «зеркальная» или психологическая функция. Экфрасис отражает внутренний мир героев. Картина становится зеркалом, в котором каждый из героев видит свою боль, переживания и чувства.

Экфрасис также приобретает символическую функцию. Если в первой главе «Любить дотла» картина становится символом нацистского прошлого отца главного героя, то в главе «Платье гиацинтового цвета» — символом утраченной невинности. В этой же главе экфрасис приобретает и эротическую функцию, становясь средством воплощения романа главной героини с Месье ле К. в жизнь.

Кобызева Анастасия Юрьевна

магистрант 2-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

СЕМАНТИКА «КРАСНОГО» В РОМАНЕ Г. Д'АННУНЦИО «ОГОНЬ»

В романе Г. Д'Аннунцио «Огонь» символика красного цвета является основообразующей. Семантика «красных» образов многозначна и связана с целым комплексом актуальных для символизма тем: фигура художника, сверхчеловеческое начало, создание нового искусства, оппозиция жизни и смерти. **Целью** данной работы является анализ «красной» символики в романе «Огонь» и ее значения для эстетической программы Д'Аннунцио. **Новизна** исследования состоит в расширении малоизученной в нашей стране темы даннунцианского символизма.

Семантика «красного» гораздо шире, чем цвет конкретных объектов. Как и огонь, красный цвет ассоциируется с творчеством, с Божественным Логосом, проникающим в душу поэта и его слушателей. Гений «синестетического мимесиса» [Boccali, 2011: 103], Стелио Эффрена, наделен даром преобразовывать визуальное впечатление в искусство, сочетающее в себе поэзию, музыку и танец. Чтобы его выступление напоминало ритуальное действие, он проводит его осенью, когда город наполнен оттенками красного, и вечером, чтобы зарево заката было усилено огнем факелов. Свет, отраженный поверхностью моря, создает эффект *горящей воды*. Взаимопроникая друг в друга, огонь и вода *обретают язык*, чтобы рассказать *легенды, рожденные из их вечности*. Творческий акт Стелио «сверхчеловечен» по своему масштабу, поскольку выходит на уровень прастихий.

Красный нередко взаимодействует в романе с другими цветами. Сочетание золотого и красного отсылает к флагу Венецианской республики (крылатый золотой лев с мечом и книгой на алом фоне). Это сочетание также превалирует в окраске домов Венеции. Слияние «красного» и «золотого» происходит в эпизоде свадьбы Венеции и Осени, что наделяет это сочетание цветов эротическим подтекстом. Сочетание красного цвета с белым представлено двояко: белый цвет может противопоставляться красному как «холодный» полюс «горячему», а может «родиться» из красного, когда тот раскален до предела. Так происходит в эпизоде выступления Стелио: факелов становится так много, что толпа превращается в белую массу.

Наконец, «красное» в романе соединяется с «черным», создавая характерную для литературы конца века оппозицию эроса и танатоса. «Красное» и «черное» взаимодействуют в сцене совместной ночи Стелио и Фоскарины. Стелио наполняет *чувство сверхчеловеческой мощи* и *великолепия собственной крови*. Он устремляется по венецианским каналам на черной гондоле под алым парусом. В это время Фоскарина встает с ложа словно опороченная и задумывается о смерти. Несмотря на ассоциацию красного цвета с жизнью, он оказывается неразрывно связан со смертью. Красный — это и цвет триумфа, и цвет эроса, крови, витальности. Задача Стелио как Поэта — победить чудовище толпы, укротив его искусством. О том, что происходит в случае неудачи, рассказывается в легенде об Орнацио. В ней красный становится цветом смерти, воплощенной в образе Красного человека. Важна мотивация казни Орнацио: он заслужил смерть, поскольку не смог подчинить толпу искусством. Данная проблематика продолжает традицию «Неведомого шедевра» Бальзака и «Творчества» Золя: сверхсильное живое начало убивает художника, не способного с ним совладать.

Таким образом, красный цвет нагружен в романе не только визуальным, но и эстетико-философским значением.

Литература

Boccali R. D'Annunzio e le immaginifiche combustioni: L'estetica del fuoco tra mimesis e poesis // Modern Language Notes. 2011. Vol. 126, no. 1. P. 98–113.

Журавлев Максим Андреевич
студент 4-го курса
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

НАРРАТИВНАЯ ИНТРИГА В РОМАНЕ Т. МАННА «ДОКТОР ФАУСТУС»

Цель данного исследования: выявить и описать функционирование нарративной интриги в романе Т. Манна «Доктор Фаустус». С точки зрения современной отечественной нарратологии, нарративная интрига — это «адресованный читателю “интерес” наррации, состоящий в интенциональном напряжении событийного ряда» [Тюпа, 2021: 144].

История Фауста — это готовый сюжет, инвариант которого претерпел серьезные изменения в парадигме Просвещения: возникла, хотя и небольшая, но крайне значимая вариативность последнего звена сюжетной схемы, которую можно представить следующим образом: договор с дьяволом — испытания, длящиеся 24 года, — смерть/воскресение. Как видно, аттрактором читательского интереса становится раздваивающийся (хотя всегда закономерный, ожидаемый, а значит предсказуемый) финал истории героя: либо смерть с последующим попаданием в ад, либо спасение души героя Богом и последующее попадание в рай.

Намеченная сюжетная схема релевантна для лиминальной и кумулятивной интриг. В наррации романа Манна «Доктор Фаустус» лиминальная интрига выражена в ожидании разрешения судьбы протагониста: после фазы ухода из родительского дома наступает фаза искушения, подготавливающая героя к встрече с дьяволом и, наконец, сама роковая сделка (лиминальная фаза), за которой следует гипертрофированный кумулятивный сюжет испытания, в котором Адриан создает шедевры ценой гибели своих близких вплоть до собственной смерти. Тем самым, кумулятивная и обрамляющая ее лиминальная интриги сходятся в финале: катастрофа как логическое завершение кумулятивного сюжета совпадает с поражением героя, его духовной, а вскоре и физической гибелью. Однако описанная референтная событийность способна создать интригу лишь на уровне диегетического пространства романа, иными словами, непредсказуемость истории возможна лишь для нарратора, в то время как имплицитный читатель знаком с историей Фауста и замечает тематические эквивалентности и пролепсисы в тексте, совокупно подавляющие рецептивный потенциал романа.

Столкнувшись с девальвацией референтного события, читательский интерес смещается к ментальному событию текста, что резонирует с идеями В. И. Тюпы и его коллег по поводу романного жанра, а также с идеей Манна об «интернализации» в литературе. Ментальное событие и «диалектика души» Адриана Леверкюна становятся предполагаемым ядром энигматической интриги. Главным препятствием для читательской рецепции становится фигура рассказчика. Серенус Цейтблом — диегетический нарратор с фиксированной внутренней фокализацией, создающий биографию друга, по отношению к которому он совмещает в себе глубокое знание и отчуждение: история излагается с позиции наблюдателя, не способного «заглянуть в душу» Адриана, которой так и суждено остаться тайной.

Таким образом, попытка описания романа Манна «Доктор Фаустус» с точки зрения нарративной интриги демонстрирует возможность признания романа внеположным данной категории. Причинами этого следует признать смешение прецедентной и вероятностной стратегий текста — невозможность создать романную интригу при ортодоксальном следовании за вечным сюжетом о сделке ученого с дьяволом, а также выбор нарративной инстанции, не способной передать ментальное событие истории, лежащей в основании энигматической интриги.

Литература

Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб., 2021.

Pantazi Aleksandra Savvovna
Student
Moscow Pedagogical State University

CONSIDERATION OF "THE MAN OF LAW'S TALE" THROUGH THE LENS OF V. PROPP'S NARRATOLOGICAL FRAMEWORK

The article presents the reconsideration of G. Chaucer's "The Man of Law's Tale" in terms of a narratological theoretical framework. The aforementioned tale stands out from other stories of the "Canterbury Tales" cycle due to its intricate narrative structure and its thematic exploration of justice, morality, and faith. The tale corresponds to the common mediaeval literary tradition genre of hagiography, which implies the description of a saint's or a martyr's life and the trials overcome in the name of faith. The in-depth analysis of this tale through the application of V. Propp's narratological taxonomy allows for a better understanding of the canons of the mediaeval texts in general as well as narrative techniques and structural patterns within this particular tale. The aim of the research is to compare the plotline of the "The Man of Law's Tale" to Propp's model of 31 narratemes and correlate characters of the tale with the theory of 7 spheres of action and, by this, attempt to define the genre of the tale. Therefore, the relevance of the research is justified by an unusual choice of theoretical framework, which emphasises the compatibility of Propp's structure with Chaucer's narrative techniques.The body of the article contains 23 points that are correlated and entitled according to Propp's narratemes, each of which signifies a separate stage of plot development. Initially, this taxonomy was developed and designated for the analysis and categorisation of folktales exclusively. However, the diversity of themes covered in the chosen tale as well as its typicality for the mediaeval tradition enables the analysis on this theoretical basis. Nevertheless, the number of subparagraphs in the article does not equal the number of narratemes since not all of them can be detected vividly. Several stages of plot development are paired together and cannot be regarded separately, as they denote a complex action, the duration and outcomes of which constitute several narratemes at once. Moreover, the established sequence of narratemes is also violated yet is not typical for the original taxonomy. The second part of the article is devoted to the consideration of the characters of the tale in accordance with their spheres of action. The original theory allows for the possibility that one character can represent several spheres of action and perform multiple functions at once [Dogra, 2017: 415]. This is particularly relevant for the case of the "The Man of Law's" tale since the range of characters within a story is limited, and some of them are assigned two functions simultaneously. On the basis of these discrepancies, one may assume that the selected tale does not fit perfectly into Propp's theoretical concepts and, therefore, cannot be regarded as a folktale. However, since the story contains religious motifs and moral intents typical of mediaeval literature of this type, its genre can be attributed closer to myth as it carries a sacral meaning for the reader. Thus, the analysis once again underlines the uniqueness of the chosen story, revealing its underlying meanings and timeless messages.

References

Dogra S. The thirty-one functions in Vladimir Propp's morphology of the folktale: An outline and recent trends in the applicability of the Proppian taxonomic model // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 410–419.

Ключко Екатерина Михайловна

студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «РУЗВЕЛЬТУ» («A ROOSEVELT») Р. ДАРИО НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Р. Дарио (1867–1916, Darío), никарагуанский поэт первой половины XX в., стихи которого практически не переведены на русский язык и очень долгое время не переводились на английский. Одно из самых важных стихотворений гражданской лирики Дарио — «Рузвельту» («A Roosevelt», 1904) — было написано как отклик на внешнюю политику Соединенных Штатов по отношению к странам Латинской Америки. Эта политика отражена, напр., в «Королларии» к доктрине Монро, провозглашенной Т. Рузвельтом в том же 1904 г. В стихотворении однозначно считывается антиимперский посыл, противопоставление Латинской Америки и США. Настоящее исследование построчно сравнивает между собой два перевода стихотворения «Рузвельту» с привлечением оригинального текста. Цель исследования — рассмотреть, насколько идеи Дарио сохраняются в других языках. В нем анализируются переводческие стратегии, выбор лексики и грамматических конструкций, отличия и сходства всех трех текстов между собой.

В отличие от испанского и английского текстов, Ф. В. Кельин, русский переводчик, выстраивает образ Рузвельта, не называя его напрямую охотником. В русском переводе нет отождествления Рузвельта со Штатами, хотя в оригинале стихотворения фигура Рузвельта приравнивается к государству. Различается также описание Латинской Америки: у Дарио она *все еще говорит по-испански и верует во Христа*, т. е. описывается влияние испанской колонизации. В русской версии эта связка с колониальным прошлым исчезает. В описание Латинской Америки Кельиным добавлены более конкретные природные элементы, отсутствующие у Дарио, которые создают больший контраст с *хищным* Рузвельтом. Помимо этого, следует отметить финалы русского и испанского текстов, в которых по-разному трактуется роль Бога: в оригинале лирический герой говорит, что Рузвельту нужно быть самим Богом, в переводе Кельина же речь идет лишь о Божьей милости. Испанский и английский тексты завершаются мыслью о том, что Америке не хватает Бога (или он отсутствует), а в русском Бог оказывается ей *неподвластен*.

Таким образом, Кельин адаптирует стихотворение для российского читателя, давая некоторым местам более четкую интерпретацию и смягчая острые углы, а английский перевод остается верен оригинальному тексту, в нем почти нет изменений. Религиозные образы в русском переводе отличаются от первоначального смысла, считывающегося в тексте Дарио. Некоторые слова также практически невозможно перевести на русский без потери дополнительных смыслов.

Бицкая Софья Константиновна
студент 4-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ОБРАЗ АНТАГОНИСТА В СКАЗОЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПОВЕСТИ ДЖ. КРЮСА «TIMM THALER ODER DAS VERKAUFTE LACHEN»

В литературной сказке фольклорные образы и символы сочетаются с элементами других жанров [Zipes, 2000], что расширяет проблематику и выбор художественных средств.

Цель исследования — выявить средства создания образа антагониста сказочно-философской повести Дж. Крюса (1926–1997, Krüss) «Тим Талер, или проданный смех» («Timm Tahler oder Das verkaufte Lachen»). Повесть Дж. Крюса, многоплановое произведение детской литературы эпохи постмодернизма, синтезирующее фольклорные традиции и осмысление политических и экономических кризисов Германии XX в., изучена недостаточно, что обосновывает новизну данного исследования. Методы исследования включают стилистический и филологический анализ текста. Материал доклада — текст повести.

В результате исследования установлено, что антагонистом в системе действующих лиц повести является Барон Треч, так как выполняет функции вредительства, борьбы с героем, преследования [Пропп, 2023].

Фигура барона является авторской интерпретацией образа дьявола, а сюжет сделки с дьяволом, распространенный в немецкой культуре (легенда о докторе Фаусте), лежит в основе повести. В сюжете-архетипе функцией героя является отречение от Бога, дьявола — наделение героя благами [Журавель, 1996: 6]. Тим, сирота, терпящий унижения от мачехи и сводного брата, находится в отчаянии, когда встречает Треча. Для героя богатство — избавление от невзгод. «Демоническое» происхождение антагониста подтверждается и тем, что Треч стремится заполучить смех Тима — воплощение его души — в обмен на способность выигрывать любое пари [Кривоусова, 2010].

Имя антагониста (*Lefuet*) является анаграммой слова *Teufel* (‘черт’). Его облик противопоставлен чертам живых людей, отражающим чистоту их души, с помощью антитезы *stehende, wasserblau Augen* (‘колючие, водянисто-голубые глаза’) — *warme braune Augen* (‘добрые, карие глаза’), *dieser Mann, den ich vorher niemals habe lachen hören, gestern wie ein kleiner Junge lachte* (‘человек этот, на лице которого я никогда не видел улыбки, хохотал вчера, словно мальчишка’). Средством создания образа барона также выступают демонологические аллюзии: *Belial*, *Forcas*, *Astaroth, Begemoth*, *Mephistopheles* (‘Вельзевул, Форказ, Астарот, Бегемот, Мефистофель’). Алчность Треча показана с помощью сравнения его с *ein General, der eine Schlacht gewinne müsse* (‘генералом, готовящимся выиграть крупную битву’) и военных метафор: *Verkaufsfront*, *Konsumenten-Etappe*, *angriffger Werbekampagne* (‘фронт сбыта, завоевание потребителя, подготовка наступления на рынок’).

Данные черты образа способствуют раскрытию проблем бедности, охватившей Германию, социального неравенства, агрессивного капитализма и господства материальных ценностей. Образ Треча, продолжающий немецкую традицию и переосмысляющий ее, объединяет фольклорных черта и Мефистофеля из легенды о докторе Фаусте с демоном-миллионером, персонифицированным пороком XX в.

Литература

Журавель О. Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996.

Кривоусова З. Г. Интерпретация сюжета «сделка с дьяволом» в повести Джеймса Крюса «Тим Талер, или Проданный смех» // Филология и человек. 2010. № 1. С. 83–91.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2023.

Zipes J. When Dreams Came True: Classical Fairy Tales and Their Tradition. New York, 2007.

Алексиевич Кирилл Михайлович
независимый исследователь

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ В ТРАВЕЛОГЕ ДЖ. СТЕЙНБЕКА «ПУТЕШЕСТВИЕ С ЧАРЛИ В ПОИСКАХ АМЕРИКИ»

Доклад посвящен интерсубъективности в процессе художественного познания. То, к чему стремится автор и что должен воспринять читатель, зритель, слушатель имеет социокультурную детерминацию, поэтому носит интерсубъективный характер.

В конце 1950-х гг. Дж. Стейнбек живет в Нью-Йорке, он начинает осознавать, что больше не чувствует страну так как раньше. Писатель принимает решение открыть ее для себя заново, к тому же это был шанс вспомнить былое, вернуться к бурной молодости. Возможно, поэтому в 1960 г. он планирует путешествие по Америке в фургоне со своим пуделем Чарли. Впечатление от поездки легло в основу его книги «Путешествие с Чарли в поисках Америки» («Travels with Charley in Search of America», 1962).

Текст автора становится своеобразным приглашением к диалогу. Так, современные журналисты и исследователи творчества Стейнбека обращаются к травелогу, повторяют путешествие автора, выпускают разоблачительные книги, где сомневаются в пройденном маршруте, доказывают его нелогичность, фантазийность, обвиняют писателя в грубой журналистике. Они не опираются на жанровые особенности травелога, не понимают, что в основе художественно-публицистического произведения лежит образ, т. е. особая категория (форма воспроизведения, истолкования жизни с помощью эстетических объектов).

Мы, в свою очередь, доказываем, что в художественно-публицистических произведениях необходимо обращать внимание на жанровые особенности. В противном случае, большинство ошибок при анализе будет носить фактологический, стилистический характер, что сужает границы понимания, интерпретации травелогов. В травелоге формируется целостная картина мира из деталей. Личность и нация находятся в процессе поиска и познания. В травелоге большую роль играет активная роль автора-путешественника. Мировоззрение, личные мотивы, желания автора, коммуникация с народом, забавные ситуации и приключения отражаются в текстах. Образ автора является структурообразующим в жанре путешествия. Принципы жанровой свободы, публицистичность как способ выражения авторской позиции и синтетичность жанра, подразумевающая не простое соединение образов, деталей элементов, но их взаимопроникновение, взаимосвязь позволяют нам узнать специфику исторических реалий США 1960-х гг. в травелоге Стейнбека.

Таким образом, проблема интерсубъективности, поднятая в травелоге автором и последующими читателями, является актуальной не только для американской культуры 1960-х гг., но и для современного мира. Подчеркивается важность жанровых особенностей при анализе и интерпретации травелогов.

Замятина Софья Дмитриевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОВТОРНЫЙ БРАК: К ВОПРОСУ О РИТУАЛЕ (на материале современных деревенских нарративов)

В ходе ежегодных фольклорно-антропологических экспедиций на Русский Север нам редко рассказывают о традиционных свадьбах последних десятилетий. Гораздо чаще мы имеем дело с нарративами о повторном браке. Речь идет о союзе, который официально не регистрируется, а для номинации этого явления наши собеседники используют лексему *сошлись*. Мой исследовательский интерес заключается в том, можно ли считать повторный брак ритуалом.

С одной стороны, наши информанты отличают собственно брак от повторного союза и говорят о том, что последний заключается без каких-либо особенных ритуальных действий. Однако, обратившись к анализу интервью, можно констатировать, что и применительно к повторному браку мы имеем право говорить о ритуальности этого действия.

Так, напр., важным элементом традиционного свадебного обряда является благословение родителей. Оказалось, что и в ситуации повторного брака этот ритуал присутствует, только благословляют не родители, а дети от первого брака. Е. Е. Самойлова выделяет несколько функций благословения в свадебном обряде: получение санкции на вступление в брак, защита от враждебных сил, передача материальных ценностей [Самойлова, 2012]. Стоит отметить, что в отобранных нами нарративах благословение выполняет только первую функцию, обеспечивая возможность повторного брачного союза.

Мы предполагаем, что в позднесоветской и постсоветской деревне «неправильный» повторный брак становится настолько частым явлением, что его сценарий упорядочивается и феномен, изначально не соответствующий традиционному свадебному обряду, приобретает собственные ритуальные черты.

Основным материалом исследования стали интервью, записанные нами в ходе экспедиций 2022–2024 гг., дополнительным материалом послужили интервью из Архангельской коллекции Фольклорного архива СПбГУ более ранних лет.

Литература

Самойлова Е. Е. Благословение в контексте свадебного обряда // Речевая и обрядовая культура Русского Севера: Филологический практикум / сост. И. С. Веселова, А. А. Степихов. СПб., 2012. С. 151–161.

Швецова Ирина Павловна
студент 2-го курса
Российский государственный гидрометеорологический университет

ОБРАЗ СТАРУХИ ЛОУХИ И БАБЫ ЯГИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Баба-Яга, воплощающая хтонические силы, функционирует как пограничный персонаж: ее избушка на курьих ножках символизирует переход между мирами, а ритуал бани («очищение» гостя) воспроизводит погребальную обрядность. Три ее ипостаси — дарительницы («Василиса Прекрасная»), похитительницы («Терешечка») и воительницы («Медведко») — отражают амбивалентность образа, где помощь герою сопряжена с испытаниями [Пропп, 2001: 45]. В отличие от нее, старуха Лоухи (от фин. *louhi* — ‘скала’) в «Калевале» выступает не столько индивидуальным персонажем, сколько персонификацией Похьёлы — «скалистого» загробного мира. Ее власть над стихиями (снег, туман, мороз) и космическими объектами (солнце, луна, Сампо) подчеркивает связь с природными циклами, а не с ритуалом перехода [Петрухин, 2005: 77].

Ключевое различие проявляется в масштабе влияния: если Баба-Яга действует локально (лес, избушка), то Лоухи управляет миром мертвых как целостным пространством. Их мотивация также контрастна: Лоухи защищает Похьёлу (насылает болезни за кражу Сампо) [Леннрот, 1999: 359], тогда как Яга руководствуется личными интересами (месть за нарушение табу). Объединяет их пограничный статус и связь с магией (оборотничество), однако структурная роль в нарративе различна: Лоухи — центральный антагонист эпоса, Яга — эпизодический, но семиотически насыщенный персонаж сказки [Афанасьев, 1984: 120]. Баба-Яга чаще взаимодействует с отдельными героями, испытывая их или помогая им, тогда как Лоухи влияет на целые народы. Например, в «Калевале» она насылает мор на Калевалу, чтобы вернуть Сампо, а в русских сказках Баба-Яга ограничивается испытаниями героя, не затрагивая окружающий мир. Это различие отражает культурные коды: для славян важны индивидуальные обряды перехода (инициация, смерть), для карело-финнов — коллективное взаимодействие с природными циклами.

Пространство, связанное с этими персонажами, также различается. Избушка Бабы-Яги — это временный лиминал, место перехода между мирами, которое герой покидает после испытаний. Похьёла, напротив, — это вечный антипод мира живых, статичное пространство, которое нельзя преодолеть, но с которым можно взаимодействовать. Лоухи как хозяйка Похьёлы воплощает эту неизменность, тогда как Баба-Яга — динамику перехода.

В современности эти образы переосмысляются по-разному. Лоухи становится символом карельской идентичности: в Карелии проводятся фестивали в ее честь, где она предстает как защитница традиций. Образ Бабы-Яги, напротив, сохраняет амбивалентность: в массовой культуре Яга может быть как злой колдуньей, так и комическим персонажем. Это различие показывает, как мифология адаптируется к современным условиям: Лоухи становится частью локального культурного возрождения, а Баба-Яга — глобальным «славянским брендом».

Результаты исследования демонстрируют, что оба образа восходят к архетипу «стража границы», но их специфика отражает культурные коды: для славян — акцент на обряде перехода, для карело-финнов — связь с природно-космическим порядком.

Литература

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1984.
Леннрот Э. Калевала / пер. Э. Киуру. Петрозаводск, 1999.
Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2005.
Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.

Ашихмина Мария Денисовна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СКАЗОЧНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В фокусе моего внимания оказались сказки, в которых встречается описание или упоминания свадебного обряда. В качестве примера я взяла три сюжета (с их вариантами) в следующих сборниках: «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Старая погудка на новой лад, или Полное собрание древних простонародных сказок», «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья» (сост. Н. И. Рождественская), «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях» (сост. Б. Д. Гринченко). Речь пойдет о следующих сюжетах: 1) «Кот и дикие животные» (№ 103 в «Сравнительном указателе сюжетов»; далее — СУС) [СУС, 1979]: лиса выдает кота за сильного зверя; звери хотят кота задобрить, но, напуганные его видом и повадками, разбегаются; 2) «Девушка на службе у ведьмы» (№ 428 в СУС): следуя советам сына ведьмы, девушка доит коров, которые оказываются волками, стрижет овец, которые оказываются чертями; отправляется с поручением на тот свет к другой ведьме, по пути туда внимательно обходится с животными, и они ей помогают, созывает на свадьбу гостей, которые оказываются нечистыми: ведьма погибает, а девушка выходит замуж за ее сына; 3) «Три пряхи» (№ 501 в СУС): помогают прясть ленивой девушке; приглашены на ее свадьбу и пугают своим видом жениха; он запрещает невесте прясть.

Во всех представленных сюжетах мотив свадебного обряда реализуется по-разному. Под мотивом вслед за А. Н. Веселовским я понимаю «простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1940: 498]. Так, в сюжете СУС № 103 лиса сама предлагает коту вступить с ней брак, тем самым нарушая традиционный порядок сватовства. В фокусе наррации оказывается свадебный пир — по сути, «свадьба» затевается только ради него. В каждом варианте сюжета СУС № 428 девушка проходит обряд принятия в семью жениха: выполняя поручения свекрови (иногда это Баба-яга, иногда простая женщина), она добивается ее расположения, и женщина принимает девушку в семью. Сюжет СУС № 501 нарушает представление о том, какой должна быть идеальная невеста. В сказках на этот сюжет девушка-невеста не любит работать, не умеет прясть, хотя это необходимые условия для удачного сватовства. Тем не менее она все равно выходит замуж за царевича благодаря своей хитрости.

Таким образом, моя гипотеза заключается в том, что свадебный обряд в сказках зачастую выполняет более важную роль, чем может показаться на первый взгляд. Он не только завершает сказочное повествование, но и меняет жизнь героев, является способом к достижению корыстных целей.

Источник

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Литература

Веселовский А. Н. Мотив и сюжет // Историческая поэтика. Л., 1940. С. 498–501.

Сметанина Мария Михайловна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИЧИТАНИЕ «ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ»: ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ЗАПИСИ НА ТЕКСТ ПРИЧЕТА ПРИ ПЕРВИЧНОМ И ПОВТОРНОМ ИСПОЛНЕНИИ

При работе с текстами причитаний часто актуализируется проблема аутентичности имеющихся записей. К. В. Чистов рассматривает возможные трансформации текста причитания под влиянием условий его повторного воспроизведения. В большинстве случаев текст, с которым может работать исследователь, — это запись повторного исполнения плача, сделанная в условиях, сильно отличающихся от первичных. Эмоциональное состояние причетницы оказывает влияние на художественность текста и его оригинальность, но воссоздание естественной обстановки и эмоционального фона обряда для успешной записи практически невозможно. Помимо этих отличий, при повторном исполнении плача под запись может возникнуть необходимость посвящения собирателя в контекст ситуации, хорошо знакомый членам семьи или односельчанам, но малоизвестный стороннему лицу. С этой целью происходит расширение экспозиции, добавление подробностей и деталей, возможна вставка пояснений и комментариев [Чистов, 2005].

В нашем докладе рассматривается плач, записанный на реке Печора от двадцатитрехлетней Е. Ф. Поздеевой. Во вступительной статье к сборнику собранных текстов, В. Г. Базанов признает Поздееву одной из наиболее одаренных причетниц, на высоком уровне владеющей классической традицией и в то же время способной к оригинальному творчеству в рамках жанра [Базанов, 1962]. Причитание «Про свою жизнь» записано летом 1942 г. в деревне Уег. Через шесть месяцев, уже в 1943 г., в Сыктывкаре была произведена повторная запись.

Причитание «Про свою жизнь» является не обрядовым, а бытовым, обстановка повторного исполнения более приближена к первичной. Мы обладаем записью первичного исполнения и можем сопоставить его с повторным исполнением по просьбе собирателей и попытаться выявить влияние условий записи на преобразование текста причета. Во втором тексте более подробно раскрыты некоторые эпизоды, лишь кратко описанные в первом (день проводов мобилизованных, ожидание парохода, прощание с двоюродными братьями и возвращение с проводов), появляется тема, в первичном тексте не упомянутая (смерть бабушки). Напротив, более кратким изложением заменяется другой момент (рассказ о ночи с мужем перед отправкой и обсуждение его просьбы не причитать при проводах). Наша гипотеза состоит в том, что изменение и дополнение текста причитания можно объяснить сменой условий записи и, в частности, сменой слушателя, адресата. В работе проводится сравнительный анализ текстов, сопоставление их с комментарием собирателя, приведенным в сборнике. Особое внимание уделяется анализу зачинов обоих текстов и выявлению отличий в описании ситуации говорения, предшествующей в причитании самому рассказу о биографии. Текст первичного исполнения найден более «правдивым» с точки зрения описания внешней ситуации, он содержит больше указаний на реальную обстановку записи. Второе исполнение, по сравнению с ним, скорее маскирует условия создания этого, вторичного текста под более естественные. Такая трансформация, как и дополнение сюжета, продиктованы с большей вероятностью ориентацией на нового слушателя, его запросами и интересами относительно рассматриваемого причитания.

Литература

Базанов В. Г. Причитания Русского Севера в записях 1942–1945 гг. // Русская народно-бытовая лирика. М., 1962.

Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.

Исаева Валерия Денисовна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

В этнографических работах 1920-х гг. встречаются наблюдения, связанные с новыми тенденциями в празднованиях Петрова и Иванова дня на Пинеге. Так, упоминаются городские песни, звучащие на гуляньях наравне с народными, перемены в нарядах молодежи. Здесь же возникает осуждение празднований со стороны начальства и негативная оценка поведения участников мечищ собственно авторами статей. Таким образом, мы узнаем не только о сценарии гуляний, но и об отношении представителей разных социальных групп к летним деревенским праздникам.

Судить о том, что происходит с мечищами в 1930-е гг., оказывается затруднительно, так как мы не находим этнографических описаний, сделанных в этот период. В фольклорном архиве СПбГУ содержится несколько упоминаний о запретах празднований в это время, однако ни о причинах подобных запретов, ни о том, какую форму обретали традиционные гуляния вследствие культурной революции в СССР, почти ничего не говорится.

При обращении к местной пинежской периодике я заметила, что в статьях 1930-х гг., посвященных летним традиционным праздникам, также нет конкретных описаний происходящего на гуляниях. Если в 1920-е гг. оценка мечищ является лишь частью этнографических наблюдений, то в газетной риторике 1930-х на первый план выходит формирование определенного отношения к традиционному празднику в деревне. Наравне с антирелигиозной пропагандой и ликвидацией безграмотности советская власть стремится совершить революцию в сфере праздничной культуры, сделав ее средством идеологического воздействия.

В докладе я хочу порассуждать о том, почему советская власть выступает против съезжих праздников и какие аргументы при этом предъявляет. Об изменениях в деревенской праздничной культуре я буду говорить, анализируя статьи из «Пинежской правды» — местной газеты, возникшей на Пинеге в конце 1920-х гг. В докладе я также буду обращаться к «Этнологическим наблюдениям в Пинежском крае» (1921) М. Б. Едемского, «Крестьянским праздникам в Пинежском уезде» (1926) С. Н. Томилова и материалам экспедиции ГИИИ на Пинегу в 1927 г.

Громова Ева Евгеньевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МОТИВ НАКАЗАНИЯ И ЕГО СВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНЫМИ СТАТУСАМИ В БЫЛИНЕ «ДОБРЫНЯ И МАРИНКА»

Метод, предложенный И. С. Коном в работе «Бить или не бить?» [Кон, 2012], лег в основу моего полевого отчета о нарративах о телесных наказаниях детей. Во-первых, Кон дает определение наказанию как «форме властного принуждения, которая предполагает определенное социальное, позиционное неравенство» [Кон, 2012: 10], а во-вторых, предлагает в этом акте выделить следующие компоненты: агента, объект, действие, инструмент и легитимацию. «Жизнеспособность» этой модели позволила мне перенести свои размышления в былинный дискурс и с ее помощью проанализировать сюжет о Добрыне Никитиче и Маринке.

В сюжете можно найти минимум два эпизода, которые с первого взгляда можно назвать наказаниями: 1) Маринка наказывает Добрыню, обращая в тура, за то, что он отказывается взять ее в жены; 2) Добрыня (чаще всего) убивает Маринку, преподает ей *три науки молодецкие* (примечательно, что наказание, согласно словарям XI–XVII вв., — и есть ‘урок’, ‘поучение’).

Здесь и встает вопрос о, собственно, легитимации: за что Добрыня наказывает Маринку, чему он пытается ее научить? Е. Л. Мадлевская в статье «Противоборство мужского и женского персонажа в былине “Добрыня и Маринка”» [Мадлевская, 2004] утверждает, что брак между героями невозможен, а смерть колдуньи неизбежна, потому что она «чужая» для мира «государственного эпоса». Однако анализ былинных сюжетов, представленный в работе И. С. Веселовой «Feigned Weakness, False Happiness, Pretended Submission and Other Tricks of the Heroines of the Russian Epos» [Veselova, 2020] позволяет обнаружить, как статус героини влияет на исход сюжета. Маринка прежде всего колдунья: это маркер общественного конфликта [Христофорова, 2010], и такая репутация не может не быть осужденной обществом. Но колдовство — не единственный «грех» героини: Добрыня убивает девушку потому, что она *целовала, — и не только, — полюбовничка* — она *порченая девка*, имевшая любовников до замужества.

Я берусь предположить, что неизбежная (практически во всех вариантах) смерть Маринки предопределена не столько и не только маркерами ее чужеродности, но в том числе недопустимым поведением и низким статусом в былинном пространстве.

Литература

Кон И. С. Бить или не бить? М., 2012.

Мадлевская Е. Л. Противоборство мужского и женского персонажей в былине «Добрыня и Маринка» // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004. С. 127–136.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: антропология колдовства современной России. М., 2010.

Veselova I. Feigned weakness, false happiness, pretended submission and other tricks of the heroines of the Russian epos // Studia Religiologica. 2020. No. 53. P. 219–232.

Мельникова Ксения Олеговна

студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ГОРЕ ЗАБЕРЕТ, ТАК ЗАПЛАЧЕШЬ»: ГОРЕ КАК РИТУАЛЬНЫЙ АГЕНТ В РАЗГОВОРАХ О ПРИЧИТАНИЯХ

В ходе изучения записей о похоронных причитаниях в Фольклорном архиве СПбГУ было обнаружено, что горе в рассказах о причитаниях может выступать в различных синтаксических значениях. Например, в своей работе «Прагматика фольклора» С. Б. Адоньева указывала на его предикативность: «…горе может выступать как логический субъект действия: "горе придет", "горе учит", "горе пройдет", "горе сподобит", горе наполняет собою дом».

В докладе анализируется феномен горя и его ритуальное значение в ходе похоронного обряда. Основываясь на исследовании фольклориста и антрополога А. А. Панченко «Ритуальная агентность и моральные паники: к антропологии богохульства и святотатства», я рассматриваю горе в качестве ритуального агента. По мысли Панченко, статус «ритуального агенса» в равной степени применим «как к человеческим, так и к не- или сверхчеловеческим существам». В своей работе исследователь ссылается на Е. Серенсена и указывает на мысль о том, что сверхчеловеческие ритуальные агенты обеспечивают связь между совершаемым действием и его результатом. Представляется, что горе в ходе похоронного обряда является нечеловеческим ритуальным агентом. Горе как ритуальный агент обеспечивает связь между причитанием и переживанием утраты, тем самым оно налаживает социальные связи, разрушенные уходом человека из жизни.

В своем докладе я буду анализировать рассказы-воспоминания о похоронах и причитаниях, где *горе* представлено как «логический субъект действия». Когда собеседницы делятся с фольклористами своим опытом причитания, они объясняют собственное умение присутствием горя. Горе может *забирать*, *прижимать и припадать*:

1) *У меня отец умер молодой, 62 года, дак мне вот… была женщина, Валентина Агафоновна, она говорит: ты поплачь, девка, поплачь! А я говорю: а я не умею. А она говорит: горе заберет, так заплачешь! И правда — жалко мне было его, и я плакала голосом, плакала* [ФА СПбГУ: Мез17а-163];
2) *В. А.: Горе прижмет, дак тут, конечно, сразу будешь. / Е. Е.: Горе припадет, все выскажешь. / В. А.: Да, тут уже самой-то, от сердца* [ФА СПбГУ: Мез17а-7].

Кроме того, горе может и «заставлять плакать», и «плакать» само:

1) *Или горе вот тако людей так заставляло плакать. Горе, да* [ФА СПбГУ: Мез17а-2];
2) *Вот я говорю, у меня племянник, этот, Сережа умер, он, в принципе, был мне не племянник, он как бы брат младший — он с полутора лет, я его вырастила, можно сказать, у нас разница с ним небольшая — девять с половиной лет была, вот, когда он умер, вот, это самое, тетя Клава мне говорит: «Тоня, как ты плакать-то, — говорит, — умеешь?!» Я говорю: «Тетя Клава, — я, — говорю, — не сама плачу: горе плачет»* [ФА СПбГУ: Мез17а-5].

Выбранные фрагменты из интервью показывают, что горе в понимании собеседников — это необходимое условие для причитания. Такое умение открывается только тогда, когда горе уже «случилось».

Таким образом, моя гипотеза состоит в том, что горе является не только особым состоянием и переживанием, но и активным ритуальным агентом, включенным в похоронный обряд.

Материалом для доклада служат записи рассказов о похоронных причитаниях из Фольклорного архива СПбГУ на Русском Севере.

Источник

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Козлова Мария Ильинична
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЧАСТУШКА ВО ВРЕМЯ ЗАСТОЛЬЯ: ТЕМЫ И КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

Частушка продолжает оставаться одним из самых популярных фольклорных жанров в современной деревне. В ходе наших ежегодных фольклорно-антропологических экспедиций на Русский Север мы фиксируем частушки в разных ситуациях, но чаще всего записываем их, когда информанты соглашаются исполнить частушки по нашей просьбе.

С ситуациями спонтанного исполнения мы сталкиваемся намного реже. С. Б. Адоньева, изучая частушечную традицию на материалах, фиксированных в Вологодской области конца XX в., писала о прагматических функциях частушки. Она отмечала, что «частушки не были просто пением для развлечения, их содержание воспринималось как актуальное высказывание. <…> Некоторые фольклористы высказывали мнение, что в деревне частушки выполняли функцию газеты. <…> Наш анализ бытования частушки в среде деревенской молодежи позволяет сделать тот же вывод: в ней сообщают новости. Но это были не “новости факта” — скорее, они сообщали “новость оценки”. Такие новости касались обычно (хотя и не всегда) разных тем для разных возрастных групп. В пределах молодежной пляски темой был текущий рейтинг позиций “на любовном фронте”. В частушках старших новостной диапазон значительно расширялся: предметом высказывания могло стать любое событие местного, районного или общегосударственного значения» [Олсон, Адоньева, 2016: 159]. Таким образом, как самостоятельный жанр частушка являлась формой публичной коммуникации и была формой оглашения конфликтов или других новостей.

В современной деревенской традиции мы сталкиваемся с иными условиями бытования частушки. Беседуя с информантами, мы замечаем, что практически никто из них не связывает исполняемую для нас частушку с социальной ситуацией, которая была бы предметом переживания исполнителя. В экспедициях «живое» исполнение частушек мы чаще всего наблюдаем во время семейных или дружеских застолий, участниками которых часто сами же и оказываемся. В задачу моего исследования входит описание прагматики исполнения современной деревенской частушки. В настоящем докладе я хочу рассмотреть эту проблему на примере застольного пения частушек. В фокусе моего интереса находятся принципы организации частушечной речи в данном контексте в зависимости от разных аспектов. Материалом исследования стали записи интервью, сделанные в Лешуконском районе Архангельской области в период с 2012 г. по 2024 г.

Литература

Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016.

Соболева Екатерина Алексеевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТЫДА В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ И РАССКАЗАХ О ПОРЧЕ

Материалом для исследования послужил корпус женских биографических интервью, записанных в фольклорно-антропологических экспедициях на Русский Север (Архангельская и Вологодская обл.) в конце XX — начале XXI в. (Фольклорный архив СПбГУ).

Отобрав по ключевым словам нарративы о стыде, мы убедились в том, что стыд на протяжении XX в. оставался значимым регулирующим механизмом в деревенском сообществе. Посредством ритуала переживание стыда закрепляется как эмоциональная норма, которая транслируется и поддерживается в нарративах. О стыде как о главном переживании говорится при описании банного дня в ходе свадьбы и святочных игр между парнями и девушками. Наши собеседницы говорили, что очень стыдно было обнаружить на снегу около собственного крыльца дорожку из золы, ведущую к дому парня в Святки (так принято было кудесить — «шутливо» открывать «карту» скрытых романтических отношений). Частотность упоминаний о стыде в разнообразных ситуациях и фольклорных контекстах дает нам основания предположить, что стыд для русской деревенской женщины становится особым переживанием и предъявляет принадлежность особому «эмоциональному сообществу» (Б. Розенвейн) стыдящих и стыдящихся.

Н. Д. Арутюнова так характеризует речевое поведение при переживании вины и стыда: «Вина побуждает к признанию, стыд — к сокрытию» [Арутюнова, 2000: 63]. В терминологии У. Редди стыд можно описать как «эмоциональный режим», в котором фольклорные жанры среди прочих могут выполнять роль «эмоциональных убежищ» [Reddy, 2001].

Выяснилось, что рассказы и рассуждения о стыде в наших интервью, как правило, представляют собой интерпретацию чужих переживаний, а собственным «стыдом» наши собеседницы предпочитают делиться в определенных фольклорных формах. Такими формами становятся рассказы о порче, в которых ситуации вредоносного воздействия «стыдны». Эти нарративы дают возможность говорить о ситуациях разлада в любовной и сексуальной жизни и связанных с ними переживаниях. Само рассказывание в данном случае и обратная связь сочувствующих слушателей «делают опыт очевидным и совершившимся, только идентификация, полученная от значимого другого, придает переживанию окончательную форму» [Веселова, Степанов, 2019: 19]. Апелляция к наведенной порче определяет виноватых, а рассказывание, как следует из исследования мифологических рассказов, дает возможность признаться в собственной слабости в ситуации кризиса [Веселова, 2023]. О таких нарративах и пойдет речь в докладе.

Литература

Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 54–78.

Веселова И. С., Степанов А. В. Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.

Веселова И. С. Мужья, просящие поминок, или «Мифические любовники»: о чем рассказывают вдовы после войны // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6, № 3. С. 88–116.

Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York, 2001.

Карпюк Варвара Данииловна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ: СЮЖЕТЫ И ПЕРСОНАЖИ

Сборники французских аутентичных сказок практически недоступны русскоязычному читателю: на русский язык переводились в основном литературные сказки, фольклорные же часто подвергались литературной обработке. Целью моего исследования стало выявление схожих и уникальных сюжетов и персонажей в русских и французских сказках о животных.

В книге «Типы и формы животного эпоса» Е. А. Костюхин пишет об общих предках животного эпоса, об архаичном его источнике, о единой художественной системе мирового фольклора, что позволяет мне взяться за сопоставительный анализ русских и французских сказок о животных [Костюхин, 1987].

Методологией моего исследования стал сравнительный анализ персонажей русских и французских сказок о животных. В ходе работы я опиралась на диссертацию Ю. Ю. Мариничевой «Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи» [Мариничева, 2012], в которой представлена методология работы с русскими животными сказками: ей я пользовалась и при работе с французскими источниками.

Материалом исследования послужили русские сказки XIX и XX вв. в сборниках А. Н. Афанасьева, А. И. Никифорова, И. В. Карнауховой и французские сказки XIX и XX вв. в сборниках Ж.-Ф. Бладе и П. Деларю.

В ходе исследования я выделила основных персонажей, встречающихся в русских и французских животных сказках. Самыми частотными персонажами для русских сказок стали лиса, волк, медведь, заяц, кот и петух; для французских — лис, волк, коза, кот и гусь. Встретились мне во французских сказках и персонажи, не попадавшиеся в русских сказках: выдра, бекас, шершень, улитка.

Я выделила схожие для русских и французских животных сказок сюжеты и сюжеты, уникальные для французских сказок. Например, не встретился мне в русских сказках сюжет о половине курицы (хозяева варят из второй половины суп), отправляющейся на поиски фермера, забравшего у нее 100 экю. Курица позволяет лисе, волку, шершням и речке спрятаться у нее в теле. Они и помогают курице вернуть деньги.

Таким образом, доклад будет посвящен результатам исследования сюжетов и систем персонажей русских и французских сказок о животных.

Литература

Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.

Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2012.

Кузьмина Ирина Николаевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ТАКАЯ БАБУШКА БЫЛА ХОРОШАЯ»: К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ МАГИЧЕСКОГО СПЕЦИАЛИСТА (на материалах фольклорной экспедиции СПбГУ в село Долгощелье Мезенского района Архангельской области)

В своем докладе я буду говорить о проблеме выбора магического специалиста в современной севернорусской деревне. Сама ситуация выбора возникает вместе с потребностью обычного человека, не владеющего магическим знанием, в ритуальной услуге: в этом случае ему нужно выбрать, к кому именно обратиться. Анализ нарративов показал, что полученные в экспедиции полевые материалы не вполне соответствуют устоявшемуся в научной парадигме мнению о выборе магического специалиста в зависимости от его авторитета [Степанов, 2012; Поташева, 2023]. Под авторитетом «знающего» фольклористы обычно понимают его общепризнанное магическое значение и уважение к нему односельчан. Наши же собеседники чаще упоминали о старших родственницах, соседках или просто знакомых, которые необязательно имели репутацию «знающих». При выборе важным оказывались знакомство и личные отношения между заказчиком ритуала и ритуальным специалистом. Я заметила, что в рассказах о таком опыте наши собеседники всех помогающих им женщин называли не просто по имени и отчеству, а почти всегда по формуле «*баба / бабушка + имя*». Напр.: <…> *ко мне ходила бабушка Марина Рюмина* <…> *Она мне что-то заговорила, я уж не знаю, она все молча. Не хотели же это разглашать. Все тайком, все молча. И у меня прошли.* <…> <*А вам вот эта вот Марина Рюмина, она не ваша бабушка?*> *Нет, она совсем чужая.* <*Просто вот знакомая где-то?*> *Да, да, она знакомая, все время ко мне ходила. Все время ко мне ходила.* <*Ого, а почему?*> *Не знаю, почему-то* <…> *Такая бабушка была хорошая* <…> [ФА СПбГУ: DAu24-019].

В работах, посвященных роли магических специалистов и их авторитету, лишь изредка упоминается о важности личных качеств «знающего» и его взаимоотношениях с «заказчиком» (должен быть «как родной», от него должно идти «тепло» и др.). Я буду опираться на эти и указанные выше работы, но мне представляется важным развернуть аспект взаимоотношений и доказать гипотезу о том, что выбор магического специалиста определяется скорее его личными качествами и отношениями с обратившимся к нему «пациентом», нежели статусом его авторитета в сообществе. Так как мою гипотезу удобнее всего проверить на примере локального сообщества, основой исследования стал материал, собранный в ходе фольклорных экспедиций в село Долгощелье (Мезенский район Архангельской области) в июле 2023 и 2024 гг. Работа в течение трех недель в одном и том же месте позволила применить метод включенного наблюдения. Для анализа полученного материала был использован метод насыщенного описания [Geertz, 1973]. Результатом исследования стала проверка гипотезы об определении выбора магического специалиста. Это позволило открыть новые горизонты исследования данного вопроса: в частности, я выдвигаю предположение о том, что взаимоотношения «пациента» и «знающего» определяются посредством номинаций через термины родства и свойства.

Источник

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

Поташева А. Д. Передача магического знания: знающий и преемник: дис. на соискание ученой степени магистра. СПб., 2023.

Степанов А. В. Деревенские «знающие»: слагаемые авторитета // Научный диалог. 2012. № 4. С. 136–161.

Geertz C. Thick descriptions: Toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. New York, 1973. P. 310–323.

Работинская Влада Дмитриевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КРЕСТНЫЙ КАК ПЕРСОНАЖ В СЕВЕРНОРУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

В июле 2024 г. в рамках фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ я работала в деревне Вожгора Лешуконского района Архангельской области. В ходе многочисленных интервью с местными жителями особенно частотной оказалась тема их взаимоотношений с крестными родителями. Мы с коллегами заметили, что в деревне роль крестных не исчерпывается участием их только в традиционном свадебном обряде, как это часто фиксировали фольклористы. Наши собеседники называли своих крестных «вторыми родителями». Более того, жители Вожгоры настаивали на том, что отношения со «вторыми родителями» часто оказываются намного ближе, чем с биологическими.

Помимо наставничества и воспитания крестные выполняют и другие функции. Они оберегают своего крестника на протяжении всей его жизни. Именно поэтому выбор крестного для ребенка не просто важен, но часто становится определяющим, судьбоносным. Так, напр., в наших интервью мы часто слышали о том, что в севернорусской традиции существует следующий обычай: если у женщины умирают дети во младенчестве (несчастный случай или болезнь), то, чтобы избежать смерти следующего новорожденного, родители просят стать крестным для него совершенно постороннего человека, который первым после матери и повитухи увидел ребенка: *У мамы первые девочки, четыре девочки, все умирали. До двух годиков доживут, до трех и умрут. Не жили дети. И вот когда родилась я, они зарок дали, что кто первый придет к нам, тот будет твоим крестным. Женщина придет, будет твоя крестная. Мужчина — твой крестный. И вот этот мужчина пришел первый рано утром, ему надо было лошадь. И папа должен был выписать ему наряд, чтобы дали лошадь. Вот и он стал моим крестным* [ФА СПбГУ: Леш24-11].

В ходе работы с полевыми материалами меня заинтересовало, в каких фольклорных жанрах встречаются крестные и какую функцию они выполняют. Свое исследование я начала с анализа волшебных сказок, записанных в начале XX в. на этой же территории. Оказалось, что в сказках крестный как персонаж выполняет специфическую функцию. Он вовсе не представитель крестника (как это происходит в свадебном обряде в случае с божаткой (крестной) невесты), не мудрый советчик (каким он часто предстает в наших интервью с деревенскими жителями). Наоборот, в сказках крестный или наказывает крестника, или вовсе его убивает. Таким образом, в докладе будут представлены предварительные результаты анализа функций персонажа крестного в севернорусских сказках.

Источник

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Марголина Виктория Алексеевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛОКУС ЗЕРКАЛА В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ

В фольклористике зеркало как специфический портал, маркирующий переход, описан С. М. Толстой в «Зеркале в традиционных славянских верованиях и обрядах» [Толстая, 1994], З. К. Кусаевой в «Семиотике зеркала в фольклорно-этнографической традиции осетин» [Кусаева, 2016], М. В. Рон в «Метаморфозах образа зеркала в истории культуры» [Рон, 2004] и др. При этом в большинстве исследований анализируется роль зеркала в общеславянской традиции.

В ходе фольклорной практики 2024 г. в нескольких интервью я обнаружила, что современные деревенские жители продолжают рассказывать о зеркале как о специфическом локусе. Локус в данном исследовании понимается в соответствии с терминологией Ю. М. Лотмана: как «функциональное поле», «приуроченность к определенному месту определенных ситуаций и событий» [Лотман, 1988: 253]. Обратившись к фольклорному архиву СПбГУ, я проанализировала записи, в которых зеркало является темой беседы информанта с собирателями. Материалом исследования стали записи текстовых, визуальных и видео- коллекций фольклорного архива СПбГУ.

Проведенный анализ позволил сделать несколько выводов. В современной севернорусской традиции зеркало функционирует не только в обрядах перехода, но и в бытовых практиках. В то же время, оно является предметом, требующим ритуального оформления. Табу, связанные с ритуальными предметами, зачастую распространяются и на зеркало: его нельзя забирать при переезде и дарить, в него нельзя смотреться детям, во время грозы его нужно закрывать тканью. Я обнаружила, что зеркало, помещаемое в красном углу или над столом, становится публичным локусом, призванным привлекать внимание. Оно украшается открытками, фотографиями и свадебными рушниками, располагается на видном месте таким образом, что становится оберегом или «включается» в бытовые практики: трапезу, разговор-воспоминание о прошлом.

Литература

Кусаева З. К. Семиотика зеркала в фольклорно-этнографической традиции осетин // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2016. Т. 9, № 3. С. 63–73.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.

Рон М. В. Метаморфозы образа зеркала в истории культуры: дис. … канд. культурологии. СПб., 2004.

Толстая С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 111–129.

Галимова Алина Мусаевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФУНКЦИЯ ДОМОВОГО ПРИ ПЕРЕХОДЕ В НОВЫЙ ДОМ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОРУССКИХ НАРРАТИВОВ)

В ходе фольклорно-антропологической экспедиции 2024 г. в деревне Вожгора Лешуконского района Архангельской области мы неоднократно слышали от деревенских жителей истории о том, что, переходя в новый дом, хозяева обязательно должны «попроситься у домового». С. Б. Адоньева объясняет это тем, что в традиционной культуре каждое место имеет своего хозяина. Человеческий мир тесно переплетается с невидимым миром «сил» — духов, привязанных к определенным местам и выступающих их хозяевами и «персональной ипостасью территории» (к ним относятся лешие, домовые, водяные). Когда человек занимает какое-либо пространство, он неизбежно делит его с духом-хозяином и вынужден поддерживать с ним гармоничные отношения посредством соблюдения магического этикета. Этот этикет включает в себя систему коллективных и индивидуальных норм: речевых и поведенческих правил, запретов (табу), магико-ритуальных действий [Адоньева, 2011].

Анализируя ритуалы переселения в новый дом, А. В. Степанов рассматривает домового как их адресата. Такие обряды могут быть представлены вербальной коммуникацией (*Хозяин, барин, батюшка, дедушка-доможирушка, пустите переночевать, сохраните наш покой* [ФА СПБГУ: Леш19-168]) или подношением какой-либо ценности — денег или еды (*Как бы задабривают домовенушку. Ну как кошке хлебушек ложат, молочко наливают и ставят у порога* [ФА СПБГУ: Леш19-100]) в расчете на ответное благо. Кроме того, существуют два варианта появления домового в новом жилище. Если семья переезжает из обветшавшего дома в новый, духа можно пригласить или перенести. В случае же отделения молодых и создания новой семьи домового зазывают с улицы. При этом его нельзя приглашать из старого дома, иначе прежнее жилище останется без покровителя [Степанов, 2021].

Таким образом, домовой, являясь покровителем жилища на Русском Севере, играет важную роль не только в повседневной жизни крестьянской семьи, но и в ситуациях перемен и неопределенности. В народном представлении благополучие семьи неразрывно связано с благополучием жилища, а потому умение наладить отношения с его духом-хранителем воспринимается как залог счастливой жизни в новом месте. Доклад посвящен рассмотрению функций домового в ситуации ритуала перехода в новый дом.

Материалом послужили интервью из Фольклорного архива СПбГУ.

Источник

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

Адоньева С. Б. Политика и риторика мусора // Символический порядок. СПб., 2011. С. 17–33.

Степанов А. В. Коммуникативные сценарии ритуалов переселения в новый дом: по материалам экспедиций на Русский Север // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. 2021. № 10. С. 200–236.

Джалилова Камила Муродалиевна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ТЕМА ГУЛЯНЬЯ В ПЛЯСОВЫХ И ХОРОВОДНЫХ ПЕСНЯХ

В ходе фольклорной экспедиции СПбГУ 2024 г., которая проходила в деревне Вожгора Лешуконского района Архангельской области, мне посчастливилось пообщаться с участницами Вожгорского народного хора, репертуар которого включает как традиционные протяжные песни, так и современные застольные. Меня заинтересовали плясовые и хороводные песни (по определению В. Я. Проппа), в текстах которых устойчиво встречается лексема *гулять*. Чаще всего этот глагол употребляется в песнях о молодке, т. е. о замужней женщине, которая уходит от старого, нелюбимого мужа на *гулянье* (*Свекор говорит, пуще бить велит* (мужу — К. Д.), / *Свекрова матушка — кожу до пят спустить. / Гулять хочется, кожа волочится. / На локтях иду на своем веду, / Я украдуся, нагуляюся, / Уворуюся, натанцуюся* [ФА СПбГУ: Lesh7-19]); о незамужней дочери, сбегающей на «гулянье» от грозного батюшки или от матери (*Не спускае он* (батюшка — *К. Д.*) *ведь Аннушку / На улицу гулять / Ай-люли, ай-люли / Да все на улицу гулять* [ФА СПбГУ: Pin7-1]; *Капитанская дочь / не ходи гулять в полночь / Не ходи гулять вполночь / не прокладывай следов / Говорила Маше мать / полно Маша баловать / Полно Машенька уймись / со военным не водись* [ФА СПбГУ: Lesh7-87]); также возможно употребление слова *гулять* в отношении женщины без указания ее половозрастного статуса (*Катенька маленькая / Гулять удаленькая / Малехотенная / Гулять охотенная* [ФА СПбГУ: Mez7-25]).

Под «гуляньем» в традиционной культуре Русского Севера подразумевается вполне конкретное явление, а именно «ритуализованная форма проведения холостой молодежью праздничного времени в весенне-летний период» [Мужики и бабы, 2005]. В более широком смысле — это любые праздничные гуляния, однако наиболее прочно это понятие в крестьянской среде закрепилось именно за весенними и летними собраниями парней и девушек, достигших брачного возраста, вне избы, на открытом пространстве с песнями и плясками. Иными словами, гулянье — понятие эквивалентное пинежскому метищу [Кнатц, 1928]. Однако моя гипотеза заключается в том, что «гуляньем» и лексемой *гулять*, представленной в рассматриваемых мною текстах, может стоять несколько иной смысл, отличный от ритуализированного значения этого слова. Выявление этой возможной семантики я вижу целью своего доклада.

Таким образом, в фокусе моего научного интереса оказалась лексема *гулять* в севернорусских плясовых и хороводных песнях и ее семантика, которую я и рассмотрю в рамках доклада.

Источник

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

Кнатц Е. Э. «Метище» — праздничное гулянье в Пинежском районе // Крестьянское искусство СССР: Искусство севера. Вып. 2. Л., 1928. С. 188–200.

Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

Кулюкин Лев Александрович
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО АНЕКДОТА: ОБОСНОВАНИЕ ПОДХОДА

Современный (или советско-постсоветский) анекдот попал в поле зрения ученых спустя несколько десятилетий после расцвета жанра в устной форме, т. е. относительно недавно, в конце XX в. Лингвистами, фольклористами, литературоведами, историками написано довольно много работ об этом жанре, в которых рассматриваются генезис анекдота и его место в системе фольклорных жанров, лингвистические параметры (лексические, морфологические, синтаксические особенности), историко-культурные параметры (отражение в анекдоте современной на период его бытования действительности, выражение культурных и социальных стереотипов), коммуникативные параметры (перформативность, ситуативность, воспроизводимость, новизна, функции анекдота в процессе общения).

Особое место в научной литературе занимают работы о композиции анекдота. Исследователи уделяют пристальное внимание анекдотическим персонажам (их набору, характерам, происхождению, функциям), рассматривают структуру анекдота (в зависимости от подхода ученые выделяют либо две, либо три части, но всегда отмечают обязательное наличие в анекдоте неожиданной остроумной концовки — пуанта). В то же время, как показывают наши наблюдения, фольклористы почти не обращают внимания на анализ мотивов в современном анекдоте, лишь изредка вскользь упоминая один-два мотива в процессе рассмотрения каких-то других аспектов.

Нам представляется, что изучение мотивов является перспективным направлением в исследовании современного (советско-постсоветского) анекдота, поскольку может способствовать лучшему пониманию его особенностей. Согласно нашей гипотезе, анекдотам свойственны определенные наборы мотивов, которые выполняют специфические функции (в частности, влияют на создание комического характера этого фольклорного жанра).

В докладе мы постараемся объяснить, что можно понимать под мотивом в анекдоте, сосредоточившись на группе мотивов танатологической тематики в современном (советско-постсоветском) анекдоте. Материалом исследования служат фиксации анекдотов, взятые из сборников анекдотов XX в.

Цховребова Диана Эдуардовна
студент 3-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В НАРТСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Шатана (иногда Сатана) не только является одной из главных героинь нартского эпоса осетин, но и олицетворяет абсолютную женственность [Абаев, 1990: 159]. Из-за этого ее многогранный образ в зависимости от социальных тенденций мог совершенно по-разному интерпретироваться в массовой культуре. Чтобы рассмотреть эволюцию восприятия Шатаны, мы бы хотели проанализировать ее образ в визуальном искусстве разных лет.

Итак, одним из классических изображений считается картина М. Туганова «Шатана», написанная в 1940-е гг., где она предстает как хозяйка пира. Символика картины отражает связь героини с плодородием, не затрагивая при этом остальные грани образа. Тем не менее при обращении к эпосу можно заметить, что роль Шатаны в нем далеко не всегда связана именно с традиционными «женскими» обязанностями. Гораздо чаще она предстает как мудрая советчица или даже политический лидер, чьи приказы беспрекословно выполняются, так как ее авторитет для нартов неоспорим [Абаев, 1990: 170].

Стоит отметить, что связь Шатаны с плодородием носит более сакральный характер и не ограничивается умением женщины устроить пир, но включает в себя исполнение определенных магических ритуалов, таких как молитва или особое жертвоприношение, что позволяет соотнести ее образ с возможными прототипами из скифской мифологии, богиней Апи, олицетворяющей собой центр Вселенной и являющейся прародительницей людей [Раевский, 2006]. Однако эти детали часто игнорировались.

Затем, уже в 1988 г. Шатана становится второстепенной героиней мультфильма «Сын камня», где она позиционируется исключительно как мать главного героя. При этом ее значимость в нартском обществе существенно уменьшена по сравнению с подлинным положением в эпосе [Агеева, 2024], где она не только могла безнаказанно нарушать основные законы социума, но и выступать порой более авторитетной фигурой, чем совет старейшин. Наконец, при обращении к современному осетинскому искусству (в частности работам художника HGHLNDRTG) можно заметить, что Шатана чаще изображается как могущественная чародейка, чья сила почти равна божественной, что отвечает ее подлинному восприятию в современном осетинском обществе. Об этом свидетельствует не только эпос, но и данные, полученные у представителей разных поколений в ходе фольклорных экспедиций 2024-го г.

По результатам этих исследований становится очевидно, что для современного культурного поля осетин Шатана — полубожественная, могущественная фигура, чьи функции не ограничиваются исключительно материнством или приготовлением пищи. Она в большей степени ценится за владение магией, политическое влияние и ум, позволяющий ей встать в ряд с самыми видными героями эпоса.

Литература

Абаев В. И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

Агеева Д. А. Трансформации эпического фольклора в советской анимации и их идеологическое значения // Сборник тезисов X конференции молодых исследователей «Фольклористика и культурная антропология сегодня», 2024. С. 9–10.

Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М., 2006.

Юсупова Мария Альбертовна
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПОПЫТКА АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ ЖУТКОГО («DAS UNHEIMLICHE») В ТВОРЧЕСТВЕ Э. Т. А. ГОФМАНА (на материале новелл из сборника «Серапионовы братья»)

В эссе психоаналитика З. Фрейда «Жуткое» («Das Unheimliche», 1919) популяризируется открытая Э. Йенчем дискуссия вокруг жуткого как культурного и социального явления. В качестве материала-иллюстрации для выведенной категории используется творчество Э. Т. А. Гофмана. Немецкого романтика Фрейд называет «недосягаемым мастером изображения жуткого в литературе». Критикуя опубликованную ранее работу Йенча «К психологии жуткого» (1906), Фрейд разрабатывает психоаналитическую теорию возникновения чувства жути, в основе которого, по его мнению, лежит комплекс кастрации.

Формулируя признаки категории жуткого, Фрейд опирается на определение «das Unheimliche», данное Ф. Шеллингом в «Философии мифологии»: «Жуткое — это все, что должно было оставаться тайным, сокровенным и выдало себя». Как теоретик немецкого романтизма, Шеллинг оказал значительное влияние на эстетические принципы Гофмана, чье творчество в отношении указанного литературного направления, по признанию многих исследователей, имело обобщающий характер. Факт использования воззрений Шеллинга в качестве терминологической подоплеки обостряет интерес к творчеству Гофмана в дискурсе о жутком.

Эссе Фрейда повлекло за собой дискуссию, затянувшуюся на столетие. В этой дискуссии творчество Гофмана стало неизменной иллюстрацией и классическим предметом анализа. Вслед за Фрейдом последующие психоаналитики, поддерживая или критикуя предложенную оптику, опирались на новеллу «Песочный человек», обделяя вниманием другие произведения Гофмана, в которых также присутствует «черная эстетика». В докладе мы намерены предпринять попытку применить предложенный Фрейдом подход к анализу категории жуткого в литературном тексте по отношению к другим произведениям Гофмана. Для исследования был взят сборник «Серапионовы братья», который, будучи построен по декамероновскому принципу, является наиболее репрезентативным для исследования из-за возникающего мотива «страшной истории». Особое внимание мы уделим новелле «Зловещий гость» («Der unheimliche Gast»), оригинальное название которой содержит ключевое для исследования понятие.

Результатом исследования является развенчание автономности психоаналитической теории в анализе художественного произведения. Ценность работы заключается в том, что она расширит представления о возможностях анализа «das Unheimliche», подкрепив психоаналитический анализ жуткого литературной теорией. Доказав и продемонстрировав неуниверсальность отдельных положений выработанного Фрейдом и разработанного его последователями подхода, мы попробуем применить литературную теорию для анализа жуткого эффекта.

В ходе исследования мы будем опираться на несколько методологических основ. Начнем с психоанализа и развитых вслед за Фрейдом подходов к исследованию жуткого. В частности, мы остановимся на разработках таких психоаналитиков, как М. Терек, Н. Абрахам, Ю. Кристева. Далее мы проанализируем новеллы Гофмана имманентно через призму нарратологии. Теоретический и методологический базис для анализа нескольких повествовательных уровней и структуры повествовательных инстанций даст «Нарратология» В. Шмида. Для исследования нарратологии жуткого мы воспользуемся теорией неестественного нарратива, предложенной в статье Б. Ричардсона «What Is Unnatural Narrative Theory?». Рецептивную эстетику В. Изера мы будем использовать для изучения механизма произведения жуткого эффекта на уровне читательского восприятия и интерпретации.

Свешникова Антонина Сергеевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНТАМИНАЦИЯ СЮЖЕТОВ И ЗРЕЛИЩНОСТЬ В ЛУБОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Лубочной литературой называют дешевую и легкодоступную книжную продукцию, появившуюся в России в конце XVIII в., но более всего распространившуюся в конце XIX в. Адресатом подобной литературы являлась та часть населения, которую можно обозначить словом «народ», отсюда и другое ее название — «народная». Изучение лубочной книги представляет интерес в контексте всей лубочной культуры, которая является целостным синтетическим единством, соединяющим в себе разные виды народного искусства: народный театр, балаганные зрелища, изобразительное искусство, представленное лубочными картинками, и др.

Лубочная культура, как народная, имеет связь, с одной стороны, с фольклором, а с другой — с современным массовым искусством. С фольклором произведения лубочной культуры связывает особый тип взаимодействия продукта культуры с его потребителем, который Ю. М. Лотман называл «игровой художественностью» [Лотман, 2002]. В лубке, как и в фольклоре, не имеет места собственно «потребление» текста (картинки, представления и т. п.) аудиторией, здесь зритель/читатель «играет» с текстом, ведет диалог с ним, откликаясь, разговаривая, переиначивая. Поэтому для понимания любого продукта лубочной культуры важна категория «зрелищности», раскрывающая саму ее суть, как культуры, выросшей из «подкачельного», балаганного зрелища, имеющего родство с театром, в котором текстовый код соединяется с визуальным.

Для рассмотрения категории «зрелищности» как особого механизма создания лубочного текста к анализу предлагается сказка «Кот в лаптях, Котофеевна в чоботах», не рассматриваемая ранее в научной литературе. Анализируемая лубочная сказка «вбирает» в себя несколько литературных и фольклорных традиций. Так, в ней смешиваются сюжеты, жанровые формулы, клише и стили рыцарских переводных повестей, балаганных выступлений зазывал, устной народной сказки. Более того, в этом тексте можно обнаружить и печать западной романтической традиции, из которой была перенята фигура главного героя — кота в сапогах. Таким образом, главный «механизм» создания лубочного текста — контаминация, и смешиваются фрагменты традиций, жанровые шаблоны и формулы по особому принципу. Эклектичность лубочного текста не случайна, она подчиняется диктату зрелищности: текст может заключать в себе любые чудеса и диковинки (как, напр., кот в сапогах в сказке), пока все эти разрозненные элементы укладываются в стройную канву игровой художественности и создают «зрелищность» этого текста.

Литература

Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 322–339.

Ракович Алина Викторовна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«КАДАВРЫ» А. ПОЛЯРИНОВА КАК ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ РОМАН

В современной отечественной литературе растет число романов-катастроф — «Вонгозеро» Я. Вагнер, «Остров Сахалин» Э. Веркина, «Вегетация» А. Иванова. В то же время появляется все больше текстов, посвященных травмирующим событиям из детства — «Дети в гараже моего папы» А. Максимовой, «Сезон отравленных плодов» В. Богдановой, «Рана» О. Васякиной. В докладе рассматривается роман А. Поляринова «Кадавры», в котором совмещаются две обозначенные тенденции — жанр постапокалипсиса и тема детской травмы. Кроме того, этот текст интермедиальный — в нем встречаются «интермедиальные отсылки» к другим видам медиа [Rajewski, 2005: 52–53] — интервью, выдержки из статей, отчеты, фрагменты объявлений, переписки, страницы с черной заливкой и др.

Целью доклада является нарративный анализ интермедиального романа, выявление функций мультимодальных элементов и анализ интертекстуальных связей. Новизна исследования состоит в том, что современные русскоязычные интермедиальные романы прежде не были предметом литературоведческого рассмотрения, теоретической базой которого является нарратология.

В романе «Кадавры» рассказывается об альтернативной России будущего, в которой после неназванной катастрофы стали появляться кадавры — застывшие фигуры умерших детей из соли. В тексте присутствуют два вида наррации: повествование о женщине, занимающейся исследованием т. н. «мортальных аномалий», и фрагменты ее дневника с подзаголовком «Контекст и маргиналии», где она приводит цитаты из прессы и литературы о кадаврах. Части нарратива комплементарны по отношению друг к другу [Hallet, 2018] — история героини дополняется мультимодальными (вербально-визуальными) фрагментами из подобранных ею материалов. В романе нарушается граница между медиа — книгой и социальными сетями [Ryan, 2005], когда приводится онлайн-переписки героев. Конструируемый нарратив может быть обозначен как псевдодокументальный: в нем обнаруживаются элементы, имитирующие привычные читателю.

В «Кадаврах» содержится большое количество прямых и косвенных интертекстуальных отсылок. Во-первых, это пастиш на такие тексты, как «Дорога» К. Маккарти, «Короткие интервью с подонками» Д. Ф. Уоллеса. Во-вторых, встречаются аллюзии на тексты современных отечественных писателей: В. Пелевина, В. Сорокина, М. Кучерской, Е. Некрасовой. В-третьих, само название «кадавры» отсылает к роману «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких. Таким образом псевдодокументальное фикциональное пространство для читателя становится более «знакомым», в альтернативном мире обнаруживаются преобразованные, но узнаваемые культурные объекты. Итак, создаваемый в «Кадаврах» нарратив может быть охарактеризован как псевдодокументальный, поскольку содержит мультимодальные элементы и интертекстуальные отсылки, подражающие действительности, знакомой читателю.

Литература

Hallet W. Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // Anglistik: International Journal of English Studies. 2018. Vol. 29, iss. 1. P. 25–40.

Rajewsky I. Intermediality, intertextuality, and remediation: A literary perspective on intermediality // Intermédialités / Intermediality. 2005. Vol. 6. P. 43–64.

Ryan M.-L. Foundations of Transmedial Narratology // Narratology Beyond Literary Criticism: Mediality, Disciplinarity. Berlin; New York City, 2005. P. 1–24.

Ivanova Maria Vitalevna
Student
Moscow Pedagogical State University

THE PORTRAYAL OF THE MIDDLE CLASS IN G. ORWELL'S "KEEP THE ASPIDISTRA FLYING"

The research explores the concept of hypocrisy within the English middle class, focusing on its social manifestations and underlying causes. The primary goal is to examine the subtle distinctions of class within English society, especially those based on external behaviours, preferences, and social interactions, as opposed to mere economic status. The material draws from literary works such as G. Orwell's "Keep the Aspidistra Flying" and K. Fox's "Watching the English", integrating theoretical and empirical perspectives on English social practices. The research applies a qualitative analysis of these sources, alongside observations of common middle-class behaviours. Key findings indicate that English hypocrisy, particularly among the middle class, is largely a result of social anxiety and the desire to maintain upward mobility, even when financial means are lacking. The concept of "adjacent class problem" highlights the fear of being mistaken for someone from a lower class, which leads to efforts to distinguish oneself through manners, language, and consumption patterns. Furthermore, middle-class individuals often engage in pretensions that reflect their aspirations for "gentility" and avoidance of lower-class behaviours, such as using certain expressions or displaying particular tastes. Orwell's and Fox's work also reveal that these pretensions are less about income than about perceived refinement in outward behaviour. Moreover, the research underscores the role of education in maintaining class status, where families sacrifice financial stability to uphold the appearance of respectability. The social and psychological mechanisms discussed reveal that the middle class's fixation on outward appearances creates a pervasive culture of hypocrisy, where maintaining an image of "proper" behaviour outweighs genuine personal preference. The study concludes by suggesting that the persistent hypocrisy and class anxiety within the middle class reflect broader societal issues, with far-reaching implications for social dynamics in England.

Лашина Анита Юрьевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

А. БЛОК В НАРРАТИВАХ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1980-х гг.

Некоторые современные блоковеды обращаются к материалам советской периодической печати, чтобы определить вектор формирования литературной репутации Блока как в рамках отечественного культурного пространства, так и за его пределами. Например, в статье П. М. Лавринца «Польская рецепция Александра Блока в русской печати межвоенного Вильно» анализируются газетные материалы о поэте и влияние Блока на польских авторов, а работа О. В. Борзых «Личность и творчество Александра Блока в оценке журнала "Диалог" (1980)» иллюстрирует переосмысление наследия Блока неподцензурной культурной средой. Наиболее масштабно вопрос рецепции биографии и творчества Блока поставлен в статье У. Ю. Вериной «Столетие Александра Блока: общие места и новые мифы», посвященной трансформации мифов о поэте на материале газетных статей, фильмов и книг, с целью выявить ключевые мифологемы, связанные с образом поэта [Верина, 2019: 20–31].

Упомянутые статьи вносят значительный вклад в разработку темы восприятия Блока в позднесоветский период, однако для дальнейшего ее развития необходима более обширная иллюстративная база, включающая материалы публицистики. Исследование, основанное на анализе периодической печати 1980-х гг., позволит дополнить существующие научные работы и выявить модели конструирования образа Блока, формируемые на массово доступном уровне.

Для реализации поставленной цели была сформирована первичная источниковая база, включающая издания, соответствующие следующим критериям: принадлежность к печатным органам Союза писателей СССР, художественно-литературная направленность, специализация на русской литературе и ориентация на массовую аудиторию. В качестве объектов анализа были выбраны такие издания, как «Литературная газета», «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Костер» и «Литературное обозрение».

Методологической основой исследования стал контент-анализ, в рамках которого были выделены единицы анализа (статьи, заметки, рецензии, подборки стихотворений и др. материалы, посвященные творчеству Блока), а также разработаны категории анализа, отражающие ключевые аспекты интерпретации его творчества и личности (напр., «отношение к революции», «тема Родины», «гениальность» и др.). Каждая публикация была исследована на предмет наличия и частоты упоминания выделенных категорий с учетом контекста, тональности и оценочных суждений.

Предварительный анализ источников позволяет выявить некоторые ключевые тенденции в репрезентации образа Блока в нарративах советской печати. Значительная часть материалов посвящена подготовке к юбилею «великого поэта». В рамках этого процесса активизируется и документируется деятельность по популяризации его наследия: издаются собрания сочинений, организуются музейные экспозиции, появляются театральные постановки по его произведениям. Эти мероприятия свидетельствуют о стремлении официальной культуры закрепить за Блоком статус одного из ключевых символов русской литературы. Его фигура упоминается в одном контексте с такими авторами советского литературного канона, как А. С. Пушкин, В. В. Маяковский и С. А. Есенин. Особое внимание в периодике уделяется поэме «Двенадцать», которая становится центральным текстом для определения места Блока в литературном процессе и поводом для размышлений о роли поэта в контексте Великой Октябрьской революции.

Литература

Верина У. Ю. Столетие Александра Блока: общие места и новые мифы // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2019. № 3. С. 20–31.

Новинская Полина Олеговна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Г. В. АДАМОВИЧ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ТЕКСТОВ НА ОСНОВЕ ЧАСТОТНОГО АНАЛИЗА СЛОВ

Современники Адамовича отмечали отсутствие у него критического метода, филологического анализа при работе с текстами, противоречивость его суждений и незаконченность мыслей. О. Коростелев указывает, что критик чаще использовал индивидуальные, «творческие» определения для выражения оценки. Частотный анализ отчасти развенчивает мнение об «импрессионистической» манере письма Адамовича, поскольку позволяет выделить оценочные слова, на основе которых возможно представить ряд критериев, предъявляемых к произведениям.

Анализ корпуса из 35 статей показал, что наиболее частотные слова можно разделить на три группы: 1) связанные с контекстом — литературной традицией; 2) отражающие тематику произведения; 3) дающие характеристику тексту.

Далее мы работали со словами, относящимися к третьей группе. В результате была построена диаграмма (самые частотные слова: *живой*, *талант*, *настоящий*, *чувство*, *трудный* и т. д.), опираясь на которую мы сформулировали критерии оценивания. Их можно изобразить как систему оппозиций:

1) стиль: простота (понятность) — сложность;
2) отношение к партийным установкам: относительная свобода (оригинальность) — «подлаживание»;
3) изображение: правдивое (живое) — лживое (искусственное).

Критерии расположены по степени значимости.

В докладе мы приводим более подробный анализ и статистику, руководствуясь которыми, можно утверждать, что для Адамовича важно, чтобы текст не был перегружен формальными приемами, он ценит, когда язык близок к живой речи. Однако стилистические недочеты не сильно влияют на оценку текста, эстетический принцип менее важен, чем содержательный.

Более негативно Адамович относится к произведениям, не выходящим за рамки точного воспроизведения партийной идеологии, для него они «лживы», поскольку содержат схематичное изображение мира без попытки проникновения в его глубину. Но и их критик не оценивает полностью отрицательно: они могут быть полезны как «человеческие документы» (он говорит о необходимости чтения Ф. В. Гладкова и М. С. Шагинян).

Главный и самый важный критерий — произведение должно быть максимально правдиво. Выше всего Адамович ставит тексты, авторы которых стремятся проанализировать душу человека, а не имитировать реальность. От писателя он требует быть искренним и способным мыслить самостоятельно, насколько это возможно при цензуре: писать на заданные сюжеты так, чтобы они не были плоскими, соответствовали «вечным» сюжетам, в этой способности и заключается талант автора. Адамович не видит принципиальной разницы между эмигрантскими и советскими текстами и не считает последние плохими только исходя из темы, которой они посвящены, для него важнее то, как она раскрыта, соотносится ли с жизнью, помогает ли понять идеи времени. Если же текст остается на уровне воспроизведения действительности и подражания ей, то он ценен только как свидетельство эпохи.

Жатин Федор Сергеевич
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ФЕНОМЕН «РУССКОГО КВЕСТА» В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АНЕКДОТА

Русский анекдот является уникальным речевым явлением и фольклорным жанром, сочетая в себе черты поучительного рассказа и короткой истории. Еще со времен царской России анекдоты передавались из уст в уста для разнообразия быта, а также для информирования окружающих людей о политической и исторической обстановке [Курганов, 2014]. Пик популярности анекдотов можно наблюдать во времена СССР, когда некоторые анекдоты запрещались партией, а для других же составлялись целые сборники.

Популярностью анекдотов воспользовались российские разработчики компьютерных игр в конце XX в. С возрастанием популярности продуктов от LucasArts и Sierra Entertainment на игровом рынке появился спрос на видеоигры жанра «квест». В итоге со временем зародился особый подвид жанра, известный в дискурсе игровых журналистов и разработчиков как «русский квест» — подобно западным играм, в него были включены все жанровые особенности: point-and-click система, решение головоломок для продвижения истории вперед и раскрытия отдельных пластов игры [Каманкина, 2016]. Однако главное отличие заключалось в наличии известных русским людям персонажей, каждый из которых помещался в комическую ситуацию — и сюжет в играх часто проходил «от гэга к гэгу».

Мы считаем, что в жанре русского квеста есть фундаментальные сходства с анекдотическими формулами. Помимо очевидной связи с последними за счет известных персонажей, русский квест мог существовать только в определенном культурном пласте, комментируя злободневные темы и позволяя большому количеству людей наслаждаться произведением, слухи о котором впоследствии распространялись на интернет-форумах, а также посредством рекламы. Этому также способствовала доступность игр — системы ZX Spectrum, а позднее и персональные компьютеры предоставляли любителям советских анекдотов удобный игровой опыт, позволяя решать головоломки в своем темпе, параллельно созерцая привлекательную рисовку и озвучивание от популярных советских актеров.

Следовательно, объектом нашего исследования является уникальный жанр российского игрового производства — «русский квест», а предметом — особенности данного жанра, рассмотренные в сравнении с жанром анекдота. Материалом исследования стали некоторые показательные примеры жанра, в частности, «ШтЫрлиц: Операция Бюст» (1999), серия игр «Петька и Василий Иванович спасают галактику» (1998–2017), «Гэг: Отвязное приключение» (1997) и «Черный оазис» (2004).

В докладе мы рассмотрим краткую историю зарождения анекдота как фольклорного жанра, проанализируем интенции разработчиков известных «русских квестов», охарактеризуем обстоятельства создания данных игр и их особенности, а также сравним их с играми, вдохновившими «русские квесты» и интерпретируем анализируемые произведения в сравнении с жанром анекдота с целью нахождения жанровых связей, а также их культурных, исторических и эстетических ценностей. В результате мы найдем параллели между русскими анекдотами и играми одного из самых маргинальных жанров 2000-х гг., а также продемонстрируем адаптивность и трансформацию традиционных русских сюжетов в зависимости от контекста и развития технологий.

Литература

Каманкина М. В. Видеоигры: общая проблематика, страницы истории, опыт интерпретации. М., 2016.
Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М., 2014.

Стригина Алина Александровна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА В РАССКАЗАХ Р. БРЭДБЕРИ (на материале сборника рассказов «Золотые яблоки солнца»)

Мотив становился предметом многочисленных отечественных и зарубежных исследований как в XX в., так и в XXI в., что свидетельствует об устойчивом интересе ученых к данной теме. В качестве примера можно привести работы А. Н. Веселовского, Б. М. Гаспарова [Веселовский, 1989; Гаспаров, 1996].

Мотив одиночества широко представлен в художественной литературе, поскольку он не только выступает репрезентацией соответствующего эмоционального состояния героев произведений, но и являет собой сложный философский и художественный феномен, отражает внутренний мир человека, его место в обществе и мире.

Мотив одиночества является одним из ключевых в творчестве американского писателя Р. Брэдбери. В мотивной структуре сборника рассказов «Золотые яблоки солнца» («The Golden Apples of The Sun», 1953) он занимает одно из ключевых мест. Яркое развитие данный мотив получает уже в первом рассказе цикла — «Ревун» («The Fog Horn», 1951). В качестве центрального образа рассказа Брэдбери выбирает фантастический образ морского чудовища, который можно рассматривать как персонификацию чувства одиночества. Названный мотив реализуется в образах природы, окружающей действительности (дорога, океан, ночь, туман, маяк), в форме легенды старого смотрителя, во внутреннем монологе главного героя. Вслед за «Ревуном» образ ночи, а также семантически связанные с ним образы тьмы и холода, неизменно присутствуют в каждом рассказе сборника, повествующем об одиночестве и изолированности. В открывающем сборник рассказе писатель также вводит в смысловое поле цикла категорию невыразимого, которая обусловливает ситуацию отчуждения, становясь тем самым первоисточником чувства одиночества.

Заслуживает внимания и более подробное рассмотрение причин возникновения мотива одиночества в рассказах писателя. Наиболее частой причиной одиночества персонажей Брэдбери является какое-либо их отличие от других либо во внешнем облике, либо в образе жизни, которое вызывает зависть, страх и отвращение окружающих. Среди других причин, заставляющих героев добровольно бежать от общества, также упоминаются бунт и угроза войны. Писатель указывает и на причины, не зависящие от воли героев, отгораживающие их от других людей, такие как болезнь, бездетность.

Для выражения анализируемого мотива автор использует такие языковые и стилистические средства, как синонимический ряд (*loneliness*, *isolation*, *seclusion*, *solitariness*), лексический повтор, метафора. В качестве примера метафоры можно привести следующую цитату: *I'll make a voice that is loneliness itself, like an empty bed beside you all night long, and like an empty house when you open the door, and like trees in autumn with no leaves* [Bradbury, 1959: 9].

Итак, проанализировав рассказы Брэдбери, мы можем утверждать, что для произведений данного автора мотив одиночества является ключевым. Не менее важными становятся варианты, в которых рассматриваемый мотив функционирует в текстах писателя. Эта особенность, с одной стороны, доказывает сложность и многогранность данного мотива, с другой — подтверждает необходимость его дальнейшего комплексного анализа.

Литература

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Bradbury R. Twice twenty-two: The golden apples of the sun; A medicine for melancholy. New York, 1959.

Терновская Татьяна Романовна
студент 4-го курса
Российский новый университет

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕАЛИЗМА И НАТУРАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ ЯПОНИИ

Известно, что на протяжении всей истории культуры Востока воспринимали философские идеи, пришедшие извне, с большим отставанием от западных культур — источников тех или иных концепций. Этот тезис справедлив и по отношению к литературе. Ярким примером может послужить развитие реалистической и натуралистической школ в Японии. Резкий переход Японии от аграрной страны к одному из ведущих государств после долгой политической изоляции с 1641 г. по 1853 г. получил название Реставрации Мэйдзи. Начиная с 1868 г., между Японией и западными державами активизировался интеллектуальный обмен, включая перевод на японский язык художественной литературы. Конец XIX — начало XX в. в Японии был ознаменован расцветом натуралистического течения 自然主義運動 («сидзэнсюгиундо», яп. ‘движение за натурализм’). В ходе исследования нами были рассмотрены особенности данного литературного движения.

В контексте работы мы рассматриваем термин «японский натурализм» отдельно от общеизвестного течения ввиду социокультурных феноменов, кардинально преобразовавших данное явление. К ним относятся такие внутренние факторы, как устаревшие традиционные литературные методы и реформа общественного строя.

Цель исследования заключалась в выявлении характеристик, указывающих на обособленность натуралистического течения Японии от западного. К особенностям японской литературы первой половины XX в. мы относим прослеживающееся влияние европейского и русского реализма. В этот период японские писатели открыли для себя мастеров реалистической школы: Бальзака, Тургенева, Золя. На тот момент западный литературный процесс уже перешел к следующему этапу, натурализму. Данные течения во многом схожи (обличение порочности человека, изображение жизни «без прикрас»), однако характерной чертой европейского литературного процесса является переход от реализма к натурализму — «промежуточному» этапу перед модернизмом.

Ввиду форсированной модернизации Японии на рубеже XIX–XX вв. литература не прошла даже половины тех этапов, которые привели западную к натуралистическому течению. При этом она подверглась прямому влиянию зарубежной литературы. Для литературы эпохи Мэйдзи была характерна проблема выбора художественного метода, к однозначному решению которой японцы так и не пришли. Так, вдохновляясь образцами реалистического течения, японские литераторы относили новообретенные работы к популярному на тот момент в Европе натурализму. Японцы не могли в полной мере осознавать все нюансы, будучи захваченными как внутренними социально-политическими изменениями, так и потоком инновационных идей извне [Рехо, 1977: 106].

Исследование продемонстрировало обособленность японского натуралистического и реалистического течений: «Внутренние факторы собственного роста, влияние европейской натуралистической школы создали в Японии слывшую под именем “натуралистической”, а на деле классическую реалистическую литературу эпохи расцвета буржуазии и начала ее упадка» [Конрад, 1973: 372]. Ввиду специфики реалий периода (прямое влияние извне на литературный процесс Японии, характеризовавшийся отсутствием этапов, необходимых для развития натурализма) японская литература отличается одновременным расцветом как натурализма, так и реализма, что уравняло данные понятия в японской литературной школе.

Литература

Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973.
Рехо К. Современный японский роман. М., 1977.

Мовчан Людмила Андреевна

студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ СТИХА В. Т. ШАЛАМОВА: МЕТРИКА СТИХОТВОРЕНИЙ «КОЛЫМСКИХ ТЕТРАДЕЙ»

Доклад посвящен проведенному анализу метрики стихотворений «Колымских тетрадей» В. Т. Шаламова в контексте русского стиха XIX–XX вв. Проблема «Шаламов и традиция», которую затрагивает настоящий доклад, — одна из наиболее актуальных в исследованиях о Шаламове-поэте. И в эссе, и в письмах, и в стихотворениях Шаламов не раз упоминал авторов Золотого века. Кроме того, Шаламов не раз подчеркивал, что для него была очень ценна поэзия начала XX в. Вместе с тем, Шаламов был погружен и в контекст современной ему советской поэзии 1950-х — начала 1980-х гг. Как правило, вопрос о влиянии поэтической традиции на творчество Шаламова в научных работах ставится и решается в ходе сопоставительного анализа образов, тем, сюжетов, но до сих пор не было попытки рассмотрения этого вопроса в стиховедческом аспекте. Более того, в настоящее время стиховедческих работ на материале поэзии Шаламова написано крайне мало. Поэтому целью нашего исследования стал анализ метрического репертуара Шаламова и сопоставление полученных данных с данными по метрике русской поэзии XIX–XX вв. Материалом исследования стали стихотворения шести авторских сборников Шаламова: «Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно», «Златые горы», «Кипрей» и «Высокие широты», получивших общее название «Колымские тетради» (464 текста, 9242 стиха) [Шаламов, 2020]. Сами сборники не датированы автором, в них входят стихотворения, написанные с 1949 по 1956 гг., тексты расположены не в хронологической последовательности.

В результате сравнения статистики по «Колымским тетрадям» с данными по русской поэзии разных периодов, опубликованными в «Очерке истории русского стиха» М. Л. Гаспарова [Гаспаров, 2000] и коллективных изданиях «Петербургская стихотворная культура», нами был сделан ряд наблюдений о метрическом репертуаре Шаламова. С нашей точки зрения, поэт имеет минимум сходств с авторами 1890–1935-х гг.: в частности, от активных экспериментов в области чистой тоники он отказывается, использует неклассические размеры лишь в 5 % текстов, неоднократно обращается только к простому 3-иктному дольнику. Больше сходств обнаружилось с поэтами XIX в.: напр., у Шаламова столь же высок процент четырехстопного хорея (17,5 % от общего числа произведений в «Колымских тетрадях», 14 % у авторов 1830–1880 гг.), столь же высок процент ямба (60,5 % у Шаламова, 76 % в творчестве поэтов XIX в. в целом). Немного общих черт обнаружилось у стихотворений «Колымских тетрадей» с советской поэзией 1936–1957 гг.: низкий процент шестистопного ямба (0,2 % и 0,7 % от общего числа текстов соответственно), высокий процент трехстопного ямба (10 % и 2,8 %). Кроме того, есть ряд черт, делающих поэзию Шаламова уникальной: очень высокий процент четырехстопного и разностопного ямбов (35 % и 13 % соответственно) и очень низкий процент пятистопного и вольного ямбов (1,7 % и 0,6 %).

Литература

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. М., 2000.

Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. В. Есипова. СПб., 2020.

Долтмурзиева Мария Дмитриевна
студент 2-го курса
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

ПЛАСТМАССОВЫЕ СЛОВА: СИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА И РОК-МУЗЫКАНТА Э. М. ШКЛЯРСКОГО

Тексты песен многих рок-музыкантов богаты метафорами и аллегориями. В этой связи особый интерес представляют стихи Э. М. Шклярского, поэта и лидера рок-группы «Пикник». Наша работа посвящена изучению одного из характерных художественных приемов Шклярского — синестетической метафоры.

Синестезия в литературе — прием создания межчувственных ассоциаций на основе сближения по неочевидным признакам, выявленным творческим воображением. Под синестетической метафорой, которая является наиболее типичным проявлением синестезии в тексте [Разлогова, Ярошенко, 2022], понимается словосочетание, объединяющее явления, ощущаемые разными органами чувств, на основе их ассоциативной близости. Такие метафоры можно разделить на виды по парам областей восприятия, которые оказываются соединены: зрение, слух, обоняние, вкус, кинестетика, тактильность и т. д. [Степанян, 1987]. На этот принцип классификации мы опираемся в работе.

Цель доклада: определить место и роль синестетических метафор как художественного приема в текстах песен рок-группы «Пикник». Применены следующие методы: 1) лексико-семантический — для систематизации найденных приемов синестезии в текстах Шклярского по группам (по видам восприятия); 2) контекстуальный — для анализа каждой найденной синестетической метафоры в контексте песни; 3) интертекстуальный — для поиска источников вдохновения анализируемых стихов и анализа их влияния на систему художественных приемов.

В ходе исследования больше всего межчувственных метафор у Шклярского оказалось связано с жестами общения — словами. Многообразие художественных ассоциаций к «словам» обусловлено тем, что слово — главный инструмент поэзии. Словом автор может называть любой коммуникативный сигнал, улавливаемый как слухом, так и телом. В стихах лидера рок-группы «Пикник» слова наделяются необыкновенными признаками, демонстрирующими их пропускание через тактильные и термические ощущения: *раскаленным словам не остыть*, *холодным словам не поверим*. Кроме того, словам может придаваться нечеловеческая сила: *слово, что крепче чугунных оков*, *слово с ног как будто сбило*. В строчке *за слова пластмассовые разбивают лбы* под образным сочетанием *пластмассовые слова* подразумеваются высказывания, которые кажутся убедительными и надежными, но в реальности бессмысленны, не имеют веса и ценности, подобно дешевому пластику. Тишина, как противоположность словам, тоже эмоционально окрашена и заключена в тактильно-слуховую метафору: *звонче песен молчания зной*, а *пока он тишиною скован*. В первом случае подчеркивается напряжение, создаваемое молчанием, во втором — тягостное переживание живой куклой неспособности говорить. На примере метафор со словами особенно ярко раскрывается синестезия в поэзии Шклярского.

Литература

Разлогова Е. Э., Ярошенко П. В. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. Т. 77. С. 66–84.

Степанян Т. Р. Синестетические метафоры русского языка: прилагательные чувственного восприятия: дис. … канд. филол. наук. М., 1987.

Щелконогова Евгения Александровна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

СКВОЗНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭТИКЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АЛЬБОМА «СИМВОЛ СОЛНЦА» РОК-ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА»

Идея рассматривать музыкальный альбом как цельное произведение, подчиненное единой идее, складывается в 1960-х гг. в русле рок-музыки [Kovalenko, 2012: 95]. В первой половине 1970-х гг. появляются концептуальные альбомы, который характеризуются музыкально-структурным и образно-поэтическим единством [Савицкая, 2018: 201].

Анализ поэтики конкретных концептуальных альбомов позволяет установить способы реализации характерных особенностей этой формы, а также оценить ее потенциал в области раскрытия авторского замысла.

Исследование посвящено роли сквозных образов в создании единого образно-поэтического наполнения концептуального альбома «Символ солнца» рок-группы «Мельница». В работе используются метод сплошной выборки, описательный метод, сопоставительный анализ.

Центральная тема альбома — столкновение человека с судьбой. Смысловыми полюсами темы выступают первая и последняя композиции — «Кащей», в которой герой борется с судьбой и отрицает смерть, и «Тиамат-блюз», героиня которой воплощает принятие страданий и смерти как части жизни.

Первая пара сквозных образов, выявленная в песенных текстах альбома, — птица и змея: *А за мной — воробей и ястреб* («Василиса»); *Не по руке крыло* («Царевич»); *Кольцами василисковыми* («Золото»); *Из логова змия* («Одиночка»). Эти образы создают интертекстуальную связь с Ирием — мифическим краем змей и птиц в славянском фольклоре — и таким образом оформляют художественную реальность альбома.

Вторая пара сквозных образов — огонь и буря. Во многих песнях они оказываются связаны: *Крылья огнем умытые, // Пахнут грозой* («Золото»); *Будет двое нас после молний, гроз, ливней и огня* («Держи»). Благодаря внутренней динамичности, образы огня и бури отражают как борьбу героя с внешними силами, так и борьбу чувств внутри человека. В песнях «Оберег» и «Тиамат-блюз» отсутствует образ огня/бури, но появляется образ воды, причем во втором случае он становится центральным. При этом вода в текстах песен представлена как статичная стихия, отождествляемая с тьмой: *Ибо сказано древними, что тьма есть вода* («Тиамат-блюз»). Так создается оппозиция, отражающая смысловые полюсы альбома: «огонь-динамичность-борьба» — «вода-статичность-принятие».

Кроме того, если вода в художественной реальности альбома связана со змеями, то огонь связан с птицами: героиней песни «Царевич» выступает Жар-птица; в песне «Сердце ястреба» фигурирует *ястреб с огненным крылом*. В результате первая пара сквозных образов включается в оппозицию «борьба — принятие», добавляя еще один уровень противопоставления — «верх (птицы) — низ (змеи)», который переходит в универсальную для мифа оппозицию «небо — земля». Таким образом художественная реальность альбома превращается в модель мироздания, в рамках которой авторы текстов рассматривают тему столкновения человека с судьбой.

На основе проведенного анализа было установлено, что одним из способов реализации образно-поэтического единства концептуального альбома является создание единой художественной реальности, в рамках которой развивается ключевая тема альбома. Действенным инструментом создания такой художественной реальности выступают сквозные образы.

Литература

Савицкая Е. А. Концептуальные альбомы в отечественной рок-музыке 1970–1990-х годов // Художественная культура. 2018. № 4 (26). С. 196–223.

Kovalenko O. A. Musical album as a phenomenon // Вестник ВятГУ. 2012. № 4. С. 94–97.

Зайчик Михаил Леонидович
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАДИЦИЯ В АНГЛИЙСКОЙ РИФМЕ XIV–XVI вв.

В докладе делается попытка определить место традиции в истории рифмы в английской поэзии. Традиционные рифмы рассматриваются как элементы «поэтической грамматики», для появления которых необходимо, с одной стороны, существование непрерывной поэтической традиции, и, с другой стороны, восприятие рифмы в рамках этой традиции как самоценного, но при этом формального средства. Будет показано, что этим требованиям удовлетворяет лишь ограниченный временной отрезок: от поэзии Дж. Чосера (ок. 1345–1400) и приблизительно до начала XIX в.

В рамках общей классификации рифм традиционные рифмы попадают в категорию неточных (в произношении поэта), составляя при этом особую группу. Поэт продолжает использовать их вслед за своими предшественниками в рамках единой поэтической традиции, несмотря на изменяющееся произношение. Можно выделить два условия признания конкретной неточной рифмы традиционной: преемственность между поколениями поэтов в ее использовании и достаточная регулярность ее появления у конкретных авторов.

Формальная классификация традиционных рифм проистекает из классификации неточных. Последние, в свою очередь, стали допустимы в результате специфических языковых изменений, происходивших в истории английского языка, которые будут более подробно обсуждаться в докладе. Выделимыми оказываются три типа: рифмы безударных слогов с ударными, рифмы на разные гласные фонемы и рифмы на разные согласные фонемы (последние среди традиционных рифм не представлены).

Кроме классификации на формальных основаниях, традиционные рифмы можно противопоставить по типу единиц, непосредственно заимствуемых поэтами у предшественников, т. е. включенных в традицию и порождающих эти традиционные рифмы. Это могут быть конкретные лексемы («лексические» рифмы), абстрактные акцентные контуры, определяющие конечное место ударения («акцентные» рифмы), или абстрактные пары фонем, иногда в определенных позициях («фонологические» рифмы). Каждый из типов будет более подробно обсуждаться в докладе.

Важно, что понятие «традиции в рифме» шире понятия «традиционной рифмы»: традиция могла оказывать и отрицательное влияние, препятствуя проникновению в рифму неточностей.

При внимательном взгляде на материал обнаруживается, что отдельных «традиций» было несколько, и они следовали одна за другой в течение обозначенного выше периода. Вторая часть доклада посвящена подробному описанию первой из них, которую можно условно назвать «чосеровской».

На материале произведений Чосера, Т. Хокклива (1368/69–1426), Дж. Лидгейта (ок. 1370 — ок. 1451), Дж. Скелтона (1460–1529), С. Хоуса (1474–1523), А. Барклэя (1476–1552) и Т. Уайетта (1503–1542) рассматриваются некоторые аспекты традиции в рифме.

Прослеживается история нескольких «лексических» рифм: становится ясным, что в благоприятных условиях традиция давала широкие возможности для возникновения у отдельных лексем особых поэтических произношений.

На фонологическом уровне, как будет показано, традиция не всегда выступает на стороне поэта и может даже иметь противоположное влияние, сдерживая проникновение в рифму языковой вариативности.

На акцентном уровне традиция выступает наиболее ярко. Для ее описания необходимо ввести понятие акцентного статуса позиции рифмы, суть и различные проявления которого будут раскрыты в докладе. У последнего поэта традиции, Уайетта, развитие особого статуса позиции рифмы достигло предела: в его поэзии мог рифмоваться безударный конечный слог практически любого слова.

СЛАВИСТИКА

Чуванова Ульяна Андреевна
студент 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Безродная Дарья Сергеевна
студент 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Балутина Варвара Сергеевна
студент 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИБРЕТТО ЧЕШСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ В АСПЕКТЕ ЧЕШСКО-РОССИЙСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ (на материале творчества Б. Сметаны, Й. Ферстера и Л. Яначека)

Целью исследования является выявление специфики восприятия чешской классической оперы в российском обществе. Для решения таких задач, как изучение истории перевода либретто К. Сабины, анализ влияния П. И. Чайковского на творчество чешского композитора Й. Ферстера, анализ отражения русской литературы в качестве основы для либретто оперы, использовался метод дескриптивного анализа. Исследование проводилось на основе текстов чешских оперных либретто, также использовались материалы эпистолярного жанра и критические статьи о восприятии чешской оперы в России. Мотивацией к проведению данной работы послужила недостаточная изученность и необходимость освещения чешско-русских оперных связей.

Б. Сметана — чешский композитор, пианист и дирижер, основоположник чешской национальной композиторской школы. Он вырос в эпоху национального возрождения, когда русофильские тенденции в Чехии были особенно сильны. Знакомство Сметаны с русской музыкой началось в июне 1859 г., когда Сметана встретился с русским критиком и композитором А. Серовым. Композитор активно выступает в защиту чешского музыкального искусства. Будучи против господствующего в Чехии итальянского и немецкого оперного репертуара, он выдвигает вопрос самобытности чешской классической музыки, а также культурных контактов Чехии с Россией.

Й. Ферстер в начале своей деятельности был младшим соратником основоположников чешской музыкальной классики Сметаны и Дворжака, а затем продолжателем их традиций. Итогом работы Ферстера являются сотни произведений, созданные в самых различных областях музыкального творчества. В период раннего творчества Ферстера большую поддержку ему оказал Чайковский, который трижды приезжал в Прагу. Великий русский композитор придавал значение культурным связям между русскими и чешскими музыкантами. При знакомстве с Ферстером Чайковский сразу отметил талант композитора и познакомил русское общество с его произведениями. Музыканты вели переписку, делясь впечатлениями о написанных сочинениях, советуясь друг с другом и обсуждая планы в творчестве.

Л. Яначек — один из крупнейших композиторов Чехии. Он изучал моравский фольклор, в своем творчестве много внимания уделял песенным и танцевальным традициям. Кроме того, композитора привлекала русская культура, литература, музыка. С 1896 г. Яначек неоднократно посещал Россию. Многие произведения Яначека основаны на сюжетах произведений русских писателей, как, напр., опера «Катя Кабанова» (по пьесе А. Н. Островского «Гроза»), которую он посвятил своей возлюбленной, Камиле Штессловой, опера «Из мертвого дома» (по мотивам «Записок из мертвого дома» Ф. М. Достоевского). Оперы Яначека популярны и часто ставятся на оперных сценах мира.

Куимов Иван Ильич
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

GWARA WARSZAWSKA: ОСОБЕННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИЯ ВАРШАВСКОГО УРБАНОЛЕКТА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

На Варшаву, как и на большинство крупных городов, в ходе ее истории оказывалось значительное влияние в разных сферах жизни: от языка до архитектурного облика. Эти факторы, при подключении к ним социальных и этнических аспектов, послужили основой для появления особого варшавского урбанолекта, также известного как *gwara warszawska.*

Целью представляемого исследования является анализ варшавского урбанолекта как особой языковой формы. Несмотря на популярность изучения данного феномена среди польских исследователей XX в., в отечественной славистике он остается слабоизученным. Актуальность работы предопределена значительным влиянием варшавского урбанолекта не только на уровне культурных текстов, но и на уровне языковом, поскольку он проникает в литературную норму польского языка.

В ходе проведенного исследования на основе исторических и лингвистических источников была произведена хронологизация варшавского урбанолекта и выявлены причины его возникновения на рубеже XVIII–XIX вв. Дополняясь и изменяясь под натиском внешних социальных и политических воздействий, урбанолект активно существовал на протяжении полутора веков, закрепившись как на лингвистическом, так и на культурном уровне. После разрушения Варшавы во время Второй мировой войны и исчезновения, как города, так и сложившегося городского общества, урбанолект стал одним из исторических символов старой эпохи и особой формой «народного» в творчестве бардов, писателей и других авторов эпохи ПНР. Помимо прочего, рассмотрены зависимости в лексике и употребительности особых словообразовательных форм.

Отдельно обращено внимание на существование и распространение специфической варшавской лексики в современном обществе. В качестве исследования верифицируемости особых лексических форм польским языковым сообществом были проанализированы интернет-источники, позволяющие частично обозначить уровень употребительности и известности этих форм среди носителей языка разных регионов Польши.

Результаты работы позволят зафиксировать актуальное положение варшавского урбанолекта, его роль в языковой картине мира носителей польского языка, а также станут основой для дальнейшего изучения рассматриваемого феномена в определенные временные периоды и его репрезентации в отдельных культурных текстах.

Лонкин Степан Андреевич

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С МАТЕРИАЛОМ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЯ БИБЛЕИЗМОВ

Тема исследования берет свои истоки в работе над русинским компонентом для словаря библеизмов восточнославянских языков (в рамках гранта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)»). Поиск русинских соответствий библейским крылатым словам и выражениям выявил следующие особенности работы с русинским материалом:

1. С технической стороны работа с русинским языком имеет для исследователя ряд препятствий. Являясь микроязыком и не имея национального корпуса, русинский язык требует, чтобы поиск контекстов проходил в поисковой системе, при этом не по лексеме, но по словоформе, так как поисковая система не распознает русинского языка. Вследствие этого препятствия исследователь заранее должен предполагать, что часть контекстов и выражений останется на дне поисковой системы.
2. Русинский язык не имеет стандарта, охватывающего всех русинов. Напротив, в настоящее время имеется несколько стандартов русинского языка. Более подробно они описаны в соответствующих грамматиках, а также в томе «Русинский язык» под редакцией П. Р. Магочия [Русиньскый язык, 2004].
3. На сегодняшний день существует несколько словарей русинского языка. Важнейшими для настоящей работы являются «Словарь русинско-руськый» и «Словарь руcько-русинський» И. Керчи [Керча, 2012] и «Фразеолоґізмы русинського языка» Ю. Чори [Чорі, 2015]. Оба словаря основываются на авторской интроспекции, по этой причине представленные в них выражения часто не соотносятся с найденными контекстами.

Данное исследование ставит своей основной целью проиллюстрировать основные проблемы и особенности работы с русинским материалом на основе выявленных в ходе составления русинской части словаря библеизмов проблемных мест и разночтений между контекстами русинской литературы, периодики и лексикографией. Так, к примеру, к имени *Ной* словарь Керчи предлагает также сочетания *Ноюв ковч / Ноева барка*. Контексты (в том числе контекст из произведения «O smutných očích Hany Karadžičové» И. Ольбрахта в переводе самого Керчи [Олбрахт, 2013]), однако, дают исключительно *корабель, кораб Ноя*, но не *ковч* и не *барку*.

Результаты исследования могут быть полезными в дальнейшей работе с русинским языком.

Литература

Керча І. Словник руcько-русинськый. У двох томах, 65000 слов. Російською та русинською мовами. Ужгород, 2012.

Олбрахт И. Смутні очи Анцї Караджічової. Ужгород, 2013.

Русиньскый язык / ed. by P. R. Magocsi. Opole, 2004.

Чорі Ю. Фразеолоґізмы русинського языка: в 2 т. Ужгород, 2015.

Столярова Екатерина Сергеевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОСЛОВИЦЫ ИЗ ПЬЕСЫ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ ПЬЕСЫ

Стереотипы являются неотъемлемой частью общества как социального организма. Они могут представлять сложившееся со временем мнение, нередко предвзятое, о традициях и национальном характере того или иного народа. Если говорить о стереотипах, то человек сталкивается как с позитивной, так и с негативной их стороной. Например, последняя связана с предрассудками, которые отрицательно влияют на конкретные группы людей, в том числе этнические. Как отмечает Е. Л. Вилинбахова, связанные с этносами стереотипы являются наиболее распространенными [Вилинбахова, 2012: 26].

Например, классики русской литературы в своих произведениях изображали национальные особенности людей, проживающих в России, при помощи таких средств выразительности, как метафора, гипербола, фразеологические и паремиологические единицы. В докладе на примере пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Грибоедов, 1987] будут рассмотрены этнокультурные стереотипы через пословицы и их отражение в словацком художественном переводе [Gribojedov, 1986]. В качестве анализируемого материала будут представлены пословицы из исходного текста и текста словацкого перевода. Например, *Грех не беда, молва не хороша* [Грибоедов, 1987: 63] — *Hriech nie je strašný, zlo je v klebetách* / букв.: ‘Грех не страшен, зло — в сплетнях’ [Gribojedov, 1986: 17], *Злые языки страшнее пистолета* [Грибоедов, 1987: 95] — *Ach, zlé jazyky horšie od pištole* / букв.: ‘Ах, злые языки страшнее пистолета’ [Gribojedov, 1986: 47], *Свежо предание, а верится с трудом* [Грибоедов, 1987: 77] — *Hoc spomienka je svieža, ťažko uveriť* / букв.: ‘Хотя воспоминания свежи, (в это) трудно поверить’ [Gribojedov, 1986: 32], *Служить бы рад, прислуживаться тошно* [Грибоедов, 1987: 76] — *Slúžiť — to hej, no hnusí sa mi prisluhovať* / букв.: ‘Служить — да, но мне противно прислуживать’ [Gribojedov, 1986: 31], *Счастливые часов не наблюдают* [Грибоедов, 1987: 58] — *Šťastní sa na hodiny nedívajú* / букв.: ‘Счастливые (люди) не смотрят на часы’ [Gribojedov, 1986: 12].

Теоретическая база настоящей работы опирается на труды Вилинбаховой [Вилинбахова, 2012], М. Ю. Котовой, О. Лаухакангас [Proverbs are never neutral, 2023] и др.

Литература

Вилинбахова Е. Л. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? // Проблемы языка: взгляд молодых ученых: сб. научных статей / под ред. Е. М. Девяткиной и др. М., 2012. С. 19–28.

Грибоедов А. С. Сочинения в стихах. Л., 1987.

Gribojedov A. S. Útrapy z rozumu. Z ruského originálu Gore ot uma, Gosudarstvennoje izdateľstvo chudožesvennoj literatury. Bratislava, 1986.

Proverbs are never neutral / eds M. Y. Kotova, O. Lauhakangas. Cham, 2023.

Есими Саэ

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕВОД ЯПОНСКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ (на примере романа «Повесть о Гэндзи»)

«Повесть о Гэндзи» — одно из величайших произведений японской литературы, которая насыщена реалиями эпохи Хэйан (с конца VIII по конец XII в.). Перевод этих реалий на русский и польский языки представляет собой сложную задачу, поскольку эти языки культурно и исторически далеки от японского контекста.

Целью исследования является анализ способов перевода японских реалий в русских и польских переводах «Повести о Гэндзи». В данной работе рассматриваются различные стратегии перевода, применяемые переводчиками для сохранения культурного контекста и передачи значений реалий.

Новизна исследования заключается в сравнительном анализе переводов на два славянских языка — русский и польский, с акцентом на передачу реалий и оценку их влияния на восприятие текста. Для исследования использованы параллельные тексты, включающие старояпонский текст и переводы на современный японский язык, а также русские и польские переводы. В частности, были проанализированы русский перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной [Повесть о Гэндзи, 2001] и сокращенный польский перевод из монографии «Десять веков Гэндзи моногатари в культуре Японии» [Kordzińska-Nawrocka, 2009]. Использовались методы сравнительного и семантического анализа, а также классификация реалий, ориентированная на работы С. И. Влахова и С. П. Флорина [Влахов, Флорин, 2012].

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые особенности перевода японских реалий в «Повести о Гэндзи» на русский и польский языки. При переводе на русский язык стремление сохранять как можно больше элементов японской культуры выражается через использование транскрипции, пояснительных фраз и кальки. В польских переводах наблюдается тенденция к адаптации и упрощению терминов, что делает текст более доступным для польских читателей, но иногда приводит к утрате части культурного контекста. Результаты исследования могут быть полезными для дальнейших переводов японских произведений и развития теории перевода, особенно при передаче культурных реалий. Исследование также имеет практическое значение в свете будущего полного перевода «Повести о Гэндзи» на польский язык, который планируется к публикации в 2027 г. Кроме того, результаты этого исследования могут быть полезны для более глубокого понимания подходов к переводу японской классической литературы на другие языки. Особое внимание следует уделить дальнейшему развитию теории перевода, что позволит обеспечить более точное и адекватное восприятие японских культурных реалий в других культурных контекстах. Таким образом, исследование перевода реалий в «Повести о Гэндзи» имеет как теоретическое, так и практическое значение для развития переводоведения и дальнейших исследований в области японской литературы и культуры.

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе, М., 2012.

Повесть о Гэндзи (Гэндзи Моногатари) / пер. Т. Л. Соколова-Делюсина. Т. 1–2. СПб., 2001.

Kordzińska-Nawrocka I. Dziesięć wieków «Genji monogatari» w kulturze Japonii. Warszawa, 2009.

Горева Надежда Александровна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КАЛАМБУРЫ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА В. ГОМБРОВИЧА «ФЕРДИДУРКА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Доклад посвящен одной из проблем перевода романа В. Гомбровича (1904–1969, Gombrowicz) «Фердидурка» на русский язык, а именно переводу каламбуров. Целью исследования было ответить на вопрос, каким образом авторские каламбуры воспроизводятся на языке перевода и насколько точно при этом передается идейное содержание произведения. Материалом послужили оригинальный текст «Фердидурки» и два имеющихся перевода на русский язык.

Формально каламбур, как правило, состоит из двух компонентов — опорного и результирующего [Виноградов, 2001]. Компонентами могут быть либо слова, схожие по звучанию, либо многозначные слова, которые за счет контекста выступают в разных значениях. Очень многие каламбуры в «Фердидурке» относятся именно к этой категории, и потому требуют от переводчика большой изобретательности.

В некоторых случаях сходство лексических единиц польского и русского языков облегчает задачу перевода. Тем не менее рассмотрение русскоязычных текстов романа показывает, что иногда переводчики прибегают к нейтрализации каламбуров даже тогда, когда их воспроизведение не вызывает трудности.

Как пример игры слов, бросающей переводчику вызов, рассмотрен каламбур, построенный на устойчивом выражении *ciało pedagogiczne* (буквально ‘педагогическое тело’, т. е. педагогический коллектив). Во-первых, в отрывке, построенном на данном каламбуре, очень ярко выражены стилистические особенности авторского языка — гротескная образность и язвительный сатирический тон. Во-вторых, в нем пересекаются сразу несколько идейных планов романа, из-за чего максимально точная передача всех компонентов каламбура оказывается особенно важной. В одном из русских переводов задача воспроизведения этого сложного набора значений решена удачно, в другом же происходит искажение как стилистических качеств отрывка, так и выраженных в нем идей.

Кроме того, в «Фердидурке» встречаются и такие каламбуры, в которых буквальная точность перевода непринципиальна, и достаточно передать лишь общий смысл шутки. В этих случаях задача решается успешно в обоих переводах, так как переводчики имеют большую свободу для творческого переизобретения словесной игры на новом языке.

Литература

Виноградов В. С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы. М., 2001.

Касаткина Юлия Валериевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОСТАВЕ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-ОРНИТОНИМАМИ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Пословицы как средство создания образности языка отличаются высоким уровнем экспрессивности, которая обнаруживается в составе всех компонентов их структуры. Реализации данной семантики способствует совместное функционирование разноуровневых средств: конкретных стилистических фигур и тропов.

Цель доклада — определение стилистических особенностей пословиц с компонентами-орнитонимами в чешском и русском языках, а также сопоставление выявленных особенностей на материале двух славянских языков. Новизна работы обусловлена тем, что исследований, посвященных сопоставлению средств художественной выразительности в составе пословиц чешского и русского языков данной тематики, не проводилось.

Материалом исследования послужили чешские и русские пословицы, отобранные по принципу частоты употребления из словаря «Чешские пословицы: Текущее состояние на конец 20 в.» («Česká přísloví: Soudobý stav konce 20. století») авторства Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера [Bittnerová, Schindler, 2003] и восьмого выпуска «Тетрадей паремиографа» под редакцией М. Ю. Котовой [Котова, 2023], содержащих в себе паремиологические минимумы данных языков.

В ходе работы характерные для паремий стилистические фигуры были разделены нами на фигуры протяженности, фигуры связности и фигуры значимости. Наиболее частотным для паремий обоих языков оказалось использование фигур протяженности, а именно антитезы, в основу которой легли разные виды противопоставлений. Это можно увидеть на материале таких пословиц, как *Starého vrabce novým kouskům nepaučíš* и *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. Вторыми по частоте употребления среди стилистических фигур в паремиях данных языков стали фигуры связности, а именно инверсия. Например, в пословицах *Vrána vráně oči nevyklove* и *Говорят, в Москве кур доят*. Общими стилистическими фигурами, входящими в состав пословиц обоих языков, также стали полиптотон и гомеотелевт.

Выявленные в составе пословиц тропы были разделены нами по принципу взаимодействия прямого и переносного значения на разряды по основополагающим принципам: принцип противоположности, принцип сходства и принцип смежности. Самым частотным для паремий чешского и русского языка стало использование тропов, содержащих в себе принцип противоположности, а именно иронические оттенки: *Už vejce je moudřejší než slepice* и *Индюк думал, думал, да и в суп попал*. Среди тропов, основанных на принципе сходства, с особой частотой обнаруживается употребление эпитетов. Например, *potrefený* в паремии *Potrefená husa nejvíc kejhá* и *пуганый* в паремии *Пуганая ворона и куста боится*. Кроме того, в обеих группах пословиц наблюдается использование метафоры и ее разновидностей, литоты, гиперболы и сравнения.

Таким образом, структура пословиц с компонентами-орнитонимами в чешском и русском языках отличается особым разнообразием на уровне стилистики.

Литература

Котова М. Ю. Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года: учебно-методическое пособие для студентов // Тетради паремиографа. Вып. 8. СПб., 2023.

Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví: Soudobý stav konce 20. století. Praha, 2003.

Фостик Анастасия Ивановна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЧЕШСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ К. И. ЧУКОВСКОГО В XX в.

Детская чешская литература имеет многовековую историю. В XX в. в Чехии национальная литература была политизирована, и детское чтение не стало исключением — в произведениях отражалась лидирующая идеология, которую старались привить подрастающему поколению. При этом в чешских литературных журналах и газетах активно публикуются и переводы произведений русских писателей. В статьях за 1909 г. упоминаются работы К. И. Чуковского на чешском языке. После 40-х гг. XX в., когда чешские земли были освобождены от немецкой оккупации, в чешской литературе центральное место заняли антифашистские и социалистические идеи. Ориентация на Советский Союз выражалась как в политических доктринах, так и в рамках писательских съездов 1946 г., на одном из которых был подписан манифест, подтверждающий важность социалистического реализма. В это время усиливался интерес чешских переводчиков к русской поэзии.

Активно переводились как поэты-классики, так и современные, в том числе Чуковский. Так, в 1946 г. Р. Новотна (1919 — наши дни) печатает один из первых переводов «Доктора Айболита» («Doktor Bolíto»). Русская литература интересовала и Л. Душкову (1932–2010), которая работала с произведениями советских писателей. Так, в 1974 г. публикуется ее перевод «Доктора Айболита», который на чешском звучит как «Doktor zvířatek». Творчеством Чуковского интересовались не только люди, изучавшие русскую литературу и работавшие с ней. Помимо них, сказки и стихи переводили и чешские детские писатели. Так, И. В. Свобода (1924–1981), писавший стихи для детей, перевел и опубликовал переводы «Мойдодыра», «Телефона» и «Айболита». Из всех произведений детской литературы Чуковского на чешский язык больше всех переводили именно «Айболита». Так, В. Соботкова (1904 — наши дни) в 1976 г. опубликовала перевод «Doktor Bolíto».

Однако помимо «Айболита» переводили и другие сказки и стихи Чуковского. Т. Гашкова (1922–1985) и Я. Долина (1909–1989) познакомили чешских читателей, напр., с «Мухой-Цокотухой». Не только идеология, но и интерес к русской литературе и общие темы и идеи привлекали чешских переводчиков в середине XX в. Доказательством служат переводы, вышедшие в 70–80 гг. XX в. Произведения Чуковского в это время переводил В. Данек (1932 — наши дни), чешский поэт и литературный редактор. Так, в 1980 г. он издал сборник переводов сказок, в который включил произведения «Телефон», «Бармалей», «Крокодил» и «Приключения Бибигона».

Некоторые переводчики Чуковского также изучали русскую литературу, в частности творчество поэтов и писателей XIX–XX вв., и работали литературными редакторами.

Пушкова Анастасия Сергеевна
магистрант 2-го курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

ДИНАМИКА ТИПОВ ТРАНСФЕРА ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ПОРОГОВОГО К ПРОДВИНУТОМУ УРОВНЮ ВЛАДЕНИЯ ЧЕШСКИМ ЯЗЫКОМ

В современном мире возрастает число межъязыковых контактов, в связи с этим увеличивается интерес к изучению двуязычия. В контексте исследования билингвизма особый интерес вызывает рассмотрение факторов взаимовлияния родной и усваиваемой языковой системы.

Цель настоящего доклада — представление дедуктивной типологии случаев меж- и внутриязыкового трансфера и рассмотрение динамики выявленных типов переноса в устной спонтанной чешской речи пороговых и продвинутых учебных билингвов. Согласно Т. Одлину, языковой трансфер — множество факторов, при которых родная или какая-либо предшествующая усвоенная языковая система влияет на процесс изучения нового языка [Odlin, 2001: 499]. Динамика языкового трансфера предполагает изменение частот выявленных типов переноса в текстах учебных билингвов. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предлагается поуровневая типология меж- и внутриязыкового трансфера в речи учащихся, овладевающих чешским языком на уровнях A2 и B1, и рассматривается динамика типов переноса при переходе от порогового к продвинутому уровню освоения L2.

Материал исследования — 30 записей устной спонтанной речи от 10 студентов-билингвов, изучающих чешский язык около двух лет. Общее количество словоупотреблений в текстах на пороговом и продвинутом этапах составило 4120; время звучания записей — 2 часа 18 минут 16 секунд. Методы предварительной обработки материала включали слуховой анализ, используемый при получении транскриптов записей. На этапе анализа материала применялся системно-структурный метод, в частности — дистрибутивный анализ, который использовался для квалификации случаев трансфера синтаксической конструкции и установления несоответствия сочетаемости лексических единиц в речи учебных билингвов. Наряду с системно-структурным методом в исследовании применялись контрастивный и семантический анализ. Элементы количественного анализа использовались с целью подсчета частот встречаемости выявленных типов переноса в текстах учащихся.

Рассмотрение динамики межъязыкового трансфера демонстрирует снижение частоты трансфера морфем (с 0,044 до 0,024) и возрастание количества фонетического трансфера (с 0,019 до 0,035), трансфера значения (с 0,007 до 0,021) и синтаксической конструкции (с 0,035 до 0,045). Качественно-количественные изменения во внутриязыковом переносе характеризуются увеличением частоты морфемного трансфера (с 0,034 до 0,057), а также снижением количества фонетического (с 0,020 до 0,012) и синтаксического (с 0,022 до 0,014) переноса.

Литература

Odlin T. Language transfer and substrates // Concise encyclopedia of sociolinguistics / ed. by R. Mesthrie. Oxford, 2001. P. 499–503.

Левченко София Ивановна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ УКРАИНСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Цель работы — проанализировать фразеологизмы, обозначающие погребальные обряды во фразеологии украинского и немецкого языков. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом к антропологическим темам, в особенности к табуированной теме смерти и захоронений, а также отражением верований народов на вербальном уровне.

Несмотря на принадлежность к разным языковым семьям (славянской и германской соответственно), обнаруживаются определенные общие черты в погребальной фразеологии. Однако культурные и религиозные различия формируют и уникальные особенности. Обряды, связанные с покойниками, отражают важную часть верований древних народов. Славяне меняли способы захоронения; от трупосожжения переходили к захоронению без кремации, а потом снова возвращались к кремации, отказавшись от нее при крещении и вернувшись отчасти лишь в недавние времена. У немцев определяются разнообразные виды погребения, однако и захоронение и трупосожжение сохранили свою актуальность с преимуществом в сторону кремации. Сами славяне объясняли сожжение стремлением скорее попасть в рай, находящийся наверху, вместе с дымом погребального костра. Погребение без кремации в позе зародыша практиковалось в связи с верой в повторное рождение. А положение покойника лицом вверх, иногда глазами к Востоку, связывалось с идеей о том, что он некогда проснется для новой жизни.

Все эти три обряда, иногда чуть ли не сосуществовавшие, как показывают археологические данные, имеют общий элемент: веру в повторную жизнь. Погребальная фразеология связана с пространственными указателями. Выяснено, что наиболее частотным элементом в погребальной фразеологии является компонент «могила» (das Grabe / могила), т. е. место пребывания покойника. Наблюдаются почти полные эквиваленты в украинском и немецком языках, напр.: *ins Grab steigen* / букв.: ‘сойти в могилу’ — *піти в могилу (з життя)*; *j-n ins Grab bringen* / букв.: ‘свести в могилу, вогнать в гроб кого-л’. — *загнати у могилу*; *unter dem Boden liegen* / букв.: ‘покоиться в могиле’ — *піти (лягти) в (сиру) землю* и др. Кроме того, представлены частично и безэквивалентные единицы, такие как: в немецком языке — *mit einem Bein im Grabe stehen* / букв.: ‘стоять одной ногой в могиле’, тогда как в украинском языке представлена единица «с двумя ногами» — *обома ногами [вже] в могилі*; *sich selbst sein Grab graben (или schlaufeln)* / букв.: ‘рыть самому себе могилу’ и др. Особенностью немецкого языка является явление метафоризации, которое не свойственно украинскому языку. Могила ассоциируется с травой, тем самым сглаживается табуированность темы смерти: *unter dem Grase liegen* / букв.: ‘лежать в траве’*; unterm grünen Rasen liegen (или ruhen)* / букв.: ‘лежать на зеленом газоне’. В структуре также встречается компонент «гроб» в обоих языках: *das ist ein Nagel zu seinem Sarge* / букв.: ‘гвоздь в гробу’ — *класти в гроб,* что подтверждает схожесть традиций погребения.

Подводя итоги, можно констатировать, что вербализация погребальных обрядов в украинском и немецком языках имеет схожие черты, однако при этом сохраняются индивидуальные особенности языка и культуры.

Шишканова Нина Константиновна

студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ТОПОНИМИКА ГДАНЬСКА/ДАНЦИГА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЛЬСКИХ И НЕМЕЦКИХ АВТОРОВ

Топонимы — это не просто названия городов, улиц, водоемов, но и историографический, культурологический и даже лингвистический источник информации о том или ином месте в мире. Нельзя не отметить, что на приграничных и исторически спорных территориях ситуация с топонимикой наиболее интересна для исследователей, ведь по ней можно отследить значительные и незначительные изменения как в составе населения, настроениях жителей, так и в других аспектах.

Новизна материала этого доклада заключается в том, что на примере многообразной историко-культурной ситуации, сложившейся на территории нынешнего польского города Гданьска, можно проследить, как менялась топонимика в зависимости от преобладавшего в рассматриваемую эпоху населения. Это позволяет сопоставить топонимы на двух языках, выявить сходства и различия, из чего впоследствии можно сделать вывод о характере взаимодействия двух, в какой-то степени противопоставленных, культур на одной и той же территории.

Целью исследования является сопоставление польско- и немецкоязычных топонимов и выявление типов их переноса из одного языка в другой. Материалом для исследования послужили топонимы, встретившиеся в романе Г. Грасса «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel»), польская версия которых была найдена либо на страницах романа П. Хюлле «Вайзер Давидек» («Weiser Dawidek»), либо на картах современного Гданьска. Так, с помощью описательного, сопоставительного, структурного, сравнительно-сопоставительного методов исследуются следующие топонимы на польском и немецком языках, соответственно: *Ulica Polanki — Pelonkerweg, Strzyża — Strießbach, ulica Chlebnicka — Brotbänkengasse* и *ulica Sieroca — am Spendhaus.*

Результатом исследования является выполненный лексико-семантический анализ топонимов, находящихся на территории Гданьска/Данцига. Кроме того, сделаны выводы о наиболее частых типах перехода топонимов из одного языка в другой: фонетическое заимствование и перевод. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что основой большинства топонимов является исторический контекст эпохи их существования, а также, что в каждом языке есть свои особенности словообразования топонимов.

Кудинова Алиса Анатольевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИЛЕЗСКОМ ДИАЛЕКТЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Силезский диалект, или силезское наречие (*ślůnsko godka*), является одним из самых узнаваемых и самобытных диалектов польского языка. Он распространен в историческом регионе Силезия, который сегодня разделен между Польшей, Чехией и Германией. В Польше силезский диалект наиболее активно используется в Верхней Силезии, где он играет важную роль в процессе утверждения культурной и языковой идентичности местного населения.

Силезский диалект имеет глубокие исторические корни, которые уходят в раннее Средневековье. Регион Силезия на протяжении веков находился под влиянием различных культур и языков, включая польский, чешский, немецкий и латинский. Это смешение культур и языков привело к формированию уникального диалекта, который вобрал в себя элементы каждого из них.

Силезский диалект имеет ряд фонетических особенностей, таких, как, напр., использование звука [ɬ], отличное от литературного польского языка, а также упрощение окончаний глаголов и существительных.

Наибольшее отличие силезского диалекта от литературного польского языка локализуется на лексическом уровне: большое количество слов заимствовано из немецкого языка, что связано с историческими и культурными связями Силезии с немецкоязычными регионами, особенно в периоды, когда Силезия находилась под властью Пруссии и Австрийской империи. В результате в силезском диалекте можно найти множество лексических и грамматических заимствований из немецкого языка, которые проникли в повседневную речь. Кроме того, в диалекте содержатся богемизмы. Среди областей заимствования можно выделить термины родства, а также бытовую лексику, профессиональные и технические термины, названия еды и напитков. Заимствования можно обнаружить и среди предметов одежды и обуви. Существуют также примеры неоднозначных заимствований, по которым невозможно с однозначностью определить, было ли слово заимствовано из немецкого языка напрямую или германизм попал в диалект из чешского языка.

Говоря о грамматике, необходимо выделить упрощение падежных окончаний. В силезском диалекте часто используется один падеж вместо нескольких, что упрощает склонение. Кроме того, активны архаичные формы глаголов, которые сохранились только в диалекте.

Демина Елизавета Федоровна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОРИЯ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА В ЧЕХИИ В XX в.

Влияние немецкой литературы на чешскую прослеживается не только до 1918 г., года выхода Чехии из состава Австро-Венгерской империи, но и намного позднее. На протяжении XX в. появляются переводы лирических сочинений немецких поэтов и исследовательские работы, посвященные анализу их творчества.

Новое открытие поэзии Ф. Гельдерлина ознаменовало выход не только единичных переводов, но и собраний произведений поэта на чешском языке. Гельдерлин, по замечанию Р. М. Габитовой, остался практически неизвестным для своих современников, и «ренессанс» его поэзии произошел в конце XIX и начале XX в., через полвека после смерти поэта [Габитова, 1989]. Н. фон Хеллинграт, близкий друг поэта-символиста С. Георге, в 1910 г. опубликовал неизданные стихотворения Гельдерлина и его переводы произведений Пиндара. Культурное открытие забытых лирических произведений вызвало широкий интерес к творчеству поэта на последующее столетие во многих европейских государствах.

В Чехии переводы стихотворений Гельдерлина впервые появились в 1916 г. Три стихотворения поэта появились в сборнике О. Фишера «Из наследия Гете» («Z Goethova odkazu»). Это были первые и единственные переводы, созданные после издания стихотворений Гельдерлина Хелингратом. К творчеству Гельдерлина также обращались известный чешский литературный критик Ф. К. Салда, поэт Й. Карасек и исследователь немецкой литературы Й. Йежек. Поздний отклик чешской культурной элиты на поэзию Гельдерлина объясняется национальным конфликтом чешского и немецкого населения в начале XX в. Переводы произведений Гельдерлина авторства Фишера в дальнейшем появились только после прихода к власти национал-социалистов в Германии. В 1937 г. он издал перевод писем Гипериона из одноименного романа писателя, в котором Гельдерлин назвал своих соотечественников «варварами». В 1932 г. чешский поэт Я. Заградничек, бывший также учеником Салды, опубликовал 27 стихотворений Гельдерлина на чешском языке. В 1944 г. вышел большой сборник переводов произведений Гельдерлина на чешский язык «Torso odkazu» к столетней годовщине смерти поэта. В сборнике содержатся переводы на чешский язык романа «Гиперион» («Hyperion oder der Eremit in Griechenland») Ф. Врбы, фрагментов трагедии «Смерть Эмпедокла» («Der Tod des Empedokles») и стихотворений в переводе Й. Гайекса. Это одно из самых полных собраний сочинений Гельдерлина, вышедшее в Чехии.

Литература

Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер / отв. ред. З. А. Каменский. М., 1989.

Бойко Ульяна Андреевна
студент 4-го курса
Белорусский государственный университет

РУССКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ О БОЛЬШОМ КОЛИЧЕСТВЕ ДЕНЕГ

Коррелятивные фразеосемантические группы (ФСГ) со значением ‘большое количество денег’ / ‘a large amount of money’ были выделены в ходе исследования фразеосемантических полей «деньги» / «money» в русском и английском языках посредством сопоставительной лингвокогнитивной методики, предложенной М. С. Гутовской [Гутовская, 2020]. Рассматриваемые ФСГ характеризуются высокой фразеологической представленностью в обоих языках: ФСГ «большое количество денег» включает 20 % от общего количества русских фразеологизмов с семантикой ‘деньги’, ФСГ «a large amount of money» — 25 % от общего количества английских фразеологизмов с семантикой ‘money’. Это указывает на важность богатства и материального благополучия для носителей русского и английского языков и определяет исследовательский интерес к данным ФСГ.

ФСГ «большое количество денег» / «a large amount of money» объединяют фразеологизмы, обозначающие крупные суммы денег: *круглая сумма* — ‘крупная сумма денег’ [Академик], *shower of gold* — ‘крупная сумма денег’ [Академик]; лиц, которые обладают большим количеством денег: *золотой мешок* — ‘очень богатый человек’ [Академик], *gilded youth* — ‘богатые молодые люди’ [Академик]; состояние финансового благополучия: *купаться в золоте* — ‘быть чрезвычайно богатым’ [Академик], *live high off the hog* — ‘преуспевать, жить роскошно’ [Академик].

В русской и английской фразеологии представлена негативная сторона владения большими материальными средствами. В таких фразеологизмах как *золотые наручники* — ‘прибавка к жалованью, чтобы работник не увольнялся’ [Академик], *gilded cage* — ‘нечто, характеризующееся ограничениями материального благосостояния’ [Академик] отражено мнение, что стремление человека к материальным благам может привести к ограничению свободы.

Системы фразеологических представлений о большом количестве денег, аккумулированные в рассматриваемых языках, абсолютно схожи. Русская и английская фразеология отмечают двойственную природу богатства. С одной стороны, оно ассоциируется с успехом и благополучием, с другой — с ограничениями и утратой независимости.

Полученные результаты представляют интерес с точки зрения того, что реконструированные в исследовании фразеологические знания о большом количестве денег облигаторно усваиваются всеми членами русскоязычного и англоязычного сообщества и оказывают влияние на их повседневное поведение, формируя отношение к материальному благополучию, отмечая его преимущества и связанные с его наличием возможные ограничения.

Источник

Академик. URL: http://dic.academic.ru (дата обращения: 31.07.2024).

Литература

Гутовская М. С. Сопоставительная лингвокогнитивная методика исследования коррелятивных разноязычных фразеосемантических полей // Intercontinental Dialogue on Phraseology / ed. by J. Szerszunowicz. Белосток, 2020. С. 75–90.

Хазанова Кира Владимировна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬСКИЕ СОЛДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ НА ФОНЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ВОЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

В докладе анализируются тексты польских народных песен о войне, военной службе и войске из собрания О. Кольберга «Народ…» («Lud…»). Материал сравнивается со сходными по тематике произведениями военного фольклора из русской и немецкой народной традиции.

Раскрывается образ войны как ключевое понятие в солдатских песнях, в которых поется о тяжелой солдатской доле, трудной службе, скудном военном пайке, бессонных ночах, неустроенном быте. Дается представление об отношении к воинской службе. Приводятся примеры используемых метафор для отражения взаимосвязи с глубинными понятиями жизни и смерти: война и в целом служба — это «великая невзгодушка», ненастье (снег, буря, ветер), гроза (тучи во все небо и раскаты грома). Рассматривается понятие антиконцепта, подразумевающего замещение части значимых признаков исходного концепта на новые при сохранении остальных признаков, напр.: «поле боя» выступает антиконцептом по отношению к «пашне», «смерть воина» противопоставляется содержанию концепта «свадьба».

Объектом изучения выступают избранные тексты из польских солдатских песен, записанных Кольбергом в XIX в. в центральных польских регионах (Люблинском, Сандомирском, Мазовецком) в сравнении с текстами русских и немецких песен военной тематики, собранными в период с конца XVIII до конца XIX в. Для анализа текстов песен используются дескриптивный и компаративистский методы. Приводится свободный перевод текстов с польского и немецкого языков на русский.

Материал настоящей работы, помимо полного собрания сочинений Кольберга, — статья Е. Бартминьского, посвященная ключевым идеям этнографической концепции Кольберга, данные исследований в области фольклористики, лингвистики и этнографии, раскрывающие особенности восприятия войны и отражения военных реалий в песенном фольклоре, а также биографические монографии [Бартминьский, 2020: 13–28].

Результатом исследования является выполненный перевод и анализ выборочных текстов польских солдатских песен из собрания Кольберга, сопоставление их с созвучными песнями из русской и немецкой фольклорных традиций и определение основных сходств и различий.

Литература

Бартминьский Е. Оскар Кольберг — этномузыколог и фольклорист // Петербург и национальные музыкальные культуры: к 205-летию Оскара Кольберга. СПб., 2020. С. 13–28.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Спесивцева Анна Алексеевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КОСМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Цель исследования состоит в анализе ключевых слов, используемых в немецкоязычных медиатекстах, посвященных космосу. Материалом исследования являются тексты из онлайн-изданий Германии («Redaktions Netzwerk Deutschland», «Die Presse»). Методологической основой работы стал лексико-семантический и частотный анализ ключевых слов с использованием программного обеспечения «Voyant Tools».

Исследование проводилось в рамках анализа медиадискурса, под которым понимается «коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры текста» [Чернявская, 2009: 134]. Дискурс может быть проанализирован на разных уровнях. В данной работе используется модель «DIMEAN», предложенная Ю. Шпитцмюллером, которая предусматривает многоуровневый анализ. Особую значимость в контексте данного исследования представляет лексикоцентрический анализ (Wortorientierte Analyse).

Ключевые слова, согласно определению Л. В. Сахарного, — это слова, которые в совокупности с другими ключевыми единицами представляют содержание текста [Сахарный, 1988: 27]. Их анализ позволяет выявить смысловые акценты и особенности медиарепрезентации космоса в СМИ.

Ключевые слова функционируют не изолированно, а в рамках определенного дискурса. Так, «ключевое слово представляет собой особую дискурсивно релевантную лексическую или фразеологическую единицу, активно используемую акторами данного дискурса в соответствующих жанрах, текстах в рамках дискурса» [Езан, Ковтунова, 2024: 123].

Самыми частотными ключевыми словами являются такие слова, как *NASA*, *ISS*, *Weltraum* и *SpaceX*, которые чаще всего отражают международный контекст и акцентируют внимание на глобальном сотрудничестве в области космоса. Например, в заголовке *Nasa will weiter mit Russland zusammenarbeiten (NASA продолжит сотрудничество с Россией)* [Redaktions Netzwerk Deutschland, 2022] подчеркивается роль NASA как центрального института в области международного космического сотрудничества. Такое использование персонификации придает абстрактной организации роль активного участника. Подобные заголовки подчеркивают значимость космоса как зоны для дипломатического взаимодействия, где, несмотря на напряженность в других областях, сохраняется пространство для научного обмена. Вместе с этим заметна роль частных компаний в освоении космоса, к примеру, в заголовке *Elon Musk schreibt die Spielregeln im Weltraum um (Илон Маск переписывает правила игры в космосе)* [Die Presse, 2024]. Метафора *Spielregeln umschreiben* переносит концепцию изменения правил на область космоса, представляет Илона Маска не просто как предпринимателя, а революционера. Можно сделать вывод, что ключевые слова, акцентирующие внимание на международном сотрудничестве и роли частных компаний, отражают институционализированность немецкого медиадискурса о космосе, подчеркивая роль ключевых организаций и их влияние на политические и экономические глобальные процессы.

Источники

Die Presse. 2024. URL: https://www.diepresse.com (дата обращения: 10.02.2025).

RedaktionsNetzwerk Deutschland. 2022. URL: https://www.rnd.de (дата обращения: 10.02.2025).

Литература

Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Современные подходы к анализу ключевых слов дискурса // Германистика — 2023: nove et nova: мат-лы VI междунар. конф. М., 2024. С. 122–126.

Сахарный Л. В. Расположение ключевых слов в структуре развернутого текста (к изучению деривационных механизмов компрессии текста) // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). Пермь, 1988. С. 27.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М., 2009.

Шачина Мария Святославовна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСТРИБУТИВНАЯ И КОНТЕКСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОННОТАТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕМЕЦКИХ СЛОВАХ «KLUG», «SCHLAU» И «LISTIG»

Необходимость изучения семантики языковых единиц в их контекстных связях привела к развитию одного из важнейших аспектов лингвистики — контекстной семантики. Слова схожей семантики, встречающиеся в одних и тех же контекстах, формируют устойчивые связи в языковом сознании человека. В связи с этим в последнее время активно развиваются методы, основанные на анализе дистрибуции лексем, окружающих данное слово в контексте. Это привело к становлению дистрибутивной семантики, основной идеей которой является возможность моделирования значения слова на основе его распределения среди соседних слов в тексте.

В структуру лексического значения входят оценочные семы, что связано с важной ролью эмоций в языке. В настоящее время эмоции привлекают все больше внимания в лингвистике, что находит подтверждение в активном развитии эмотиологии. Слова, связанные с определенной категориальной эмоциональной ситуацией (КЭС), обладают собственной коннотацией. Эмоции могут проявляться в разных степенях интенсивности, что также находит отражение в лексике. Примером могут служить немецкие прилагательные *klug*, *schlau* и *listig*, которые принадлежат к одному и тому же семантическому полю, но обладают различными семантическими статусами эмотивности. Так, слово *klug* ‘умный’ согласно терминологии И. В. Шаховского имеет статус потенциальной эмотивности и чаще всего употребляется с положительным эмоционально-оценочным отношением. В то время как слово *listig* ‘смекалистый’, ‘коварный’ является коннотативом, а *schlau* ‘хитрый’, которое также можно обозначить коннотативом, частотнее всего переводится как ‘хитрый’, при этом может употребляться в качестве синонима к слову *klug* или к слову *listig*, в зависимости от контекста. Ср.: *der schlaue Hase und der listige Fuchs* ‘умный заяц и коварный лис’ и *der kluge Hase und der schlaue Fuchs* ‘умный заяц и коварный лис’.

Особый интерес представляют малоизученные случаи, когда слова из одного и того же семантического поля с различной коннотацией используются в рамках одного предложения. Так, в примере *Kurz danach bezeichnen sie es als listig, aufrecht und klug* ‘Вскоре они посчитали это остроумным, честным и разумным поступком’ слово *listig* приобретает положительную коннотацию за счет соседства со словом *aufrecht* ‘честный’, являющимся однородным членом предложения со словом *listig*. В другом примере, *Reineke Fuchs ist klug und listig*, решающую роль в определении коннотации прилагательных *klug* и *listig* играет контекст, поскольку речь идет о коварном герое произведения И. В. Гёте Рейнеке-лисе. В данном случае оба эпитета, несмотря на возможную положительную эмоциональную окраску этих прилагательных в других контекстах, приобретают отрицательную коннотацию. Предложение можно было бы перевести следующим образом: *Рейнеке-лис хитрый и коварный*.

В исследовании рассматриваются вопросы дистрибутивной и контекстной обусловленности значений слов *klug*, *schlau* и *listig*, дается характеристика формальных и смысловых факторов, участвующих в создании коннотативного значения и наложении оценочных сем в рамках коллокаций, коллигаций, предложений и текстов с данными словами. Особое внимание уделяется КЭС, в рамках которых *klug*, *schlau* и *listig* употребляются в одном предложении. Материалом для исследования послужили корпусы немецкого языка.

Аплеснина Вероника Алексеевна

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЕН В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (на материале французских СМИ)

Прецедентные феномены, их использование и трансформации представляют большой интерес для изучения, так как являются отражением как локальной, так и в некоторых случаях межнациональной культуры, и играют важную роль в коммуникации. Достаточно обширную группу прецедентных феноменов образуют прецедентные имена — широко известные имена собственные, используемые как в качестве культурного знака, так и в функции обозначения некоторых качеств или архетипов, т. е. являющиеся именами нарицательными. Подобные имена нарицательные различного происхождения активно используются как в повседневной речи, так и в современных СМИ с целью привлечь внимание читателя и подчеркнуть определенные качества описываемого человека или явления. Употребление прецедентных феноменов и использование их в целях придания тексту особых оттенков значения обусловливает интерес ученых к этой теме и, следовательно, ее актуальность.

Цель исследования заключалась в анализе употребления прецедентных имен в текстах французских медиа и последующем определении изменений значения, обусловленных их употреблением в СМИ. Языковым материалом послужили онлайн-версии французских периодических изданий («Le Monde», «Le Point», «Le Figaro»); при обработке текстов и полученных данных были использованы методы семантического и контекстного анализа, а также методы индукции и классификации. Теоретической базой исследования стали статьи Е. А. Нахимовой, Ю. Н. Караулова, Д. Б. Гудкова, посвященные исследованию феномена прецедентных текстов, а также имен нарицательных.

Результаты работы показали, что прецедентные имена, перешедшие в разряд нарицательных, широко употребляются в современных французских медиа, а также подтвердили гипотезу о том, что одним из решающих факторов для апеллятивации является известность денотата: так, греко-римская мифология (источник имен нарицательных *mégère* ‘мегера’, *chimère* ‘химера’, *cerbère* ‘цербер’) является частью общемирового культурного достояния. Настоящее исследование также свидетельствует о вариативности правил написания прецедентных имен в коннотативном значении (случай *cerbère*, которое в различных примерах обнаруживает написание с заглавной и со строчной буквы). Кроме того, было установлено наличие некоторых особенностей употребления имен собственных, перешедших в разряд нарицательных в современных медиа, включающих изменение коннотации (потеря нарицательным *dulcinée* ‘дульсинея’ оттенка *familier*), образование смысловых конструкций (случай *côté Harpagon* в значении ‘скупая сторона человека’), случаи транспозиции (использование *mégère* ‘мегера’ в качестве контекстного антонима прилагательного *douce* ‘нежный’, что переводит его в разряд прилагательных), а также особенности употребления имен нарицательных с негативным значением в соответствии с принципами журналистской этики.

Никифорова Наталья Андреевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА 2020-х гг.

Изменения в обществе неизбежно влияют на язык, особенно на его лексический уровень. Неологизмы становятся важной частью языковой эволюции, и их изучение остается актуальным, поскольку процесс появления новых слов не останавливается.

Цель исследования — анализ структурных и семантических особенностей немецких неологизмов в СМИ 2023 г. Материалом исследования являются статьи из журнала Focus на следующие темы: рынок труда, образование, социальные проблемы, экономика, новые технологии, внутренняя политика Германии [Focus].

Методом произвольной выборки было проанализировано 167 статей, опубликованных на сайте журнала с 1 января по 31 августа 2023 г. Общий объем текста составил 19856 слов. Были также использованы следующие методы: анализ словарных дефиниций, корпусный метод, словообразовательный и контекстуальный анализ. При идентификации неологизмов мы опирались на следующие критерии: новизна, частотность употребления и актуальность. Поскольку неологизмы представляют собой слова, прошедшие институционализацию и зафиксированные в словарях, мы проверяли наличие предполагаемых неологизмов в словаре немецкого языка DWDS.

В ходе исследования был выявлен 41 неологизм. Наибольшее количество новых слов связано с технологической сферой, что составляет 22 % от общего числа неологизмов. Затем следуют области экологии (20 %) и общества (17 %). Темы политики, транспорта, экономики и медиа представлены в равной степени, по 7 % каждая. Меньшую долю занимают урбанистика и медицина (по 5 %), а наименьшее количество неологизмов относится к сфере образования (3 %).

Большинство неологизмов образовано заимствованием из английского языка (51 %), далее идет словосложение (46 %), а аббревиатуры составляют лишь 3 %. Примером заимствования из английского языка является слово *Cancel Culture* ‘культура отмены’ (*Cancel Culture: An der Uni wird wieder der bestraft, der anders denkt*) [Focus]. Рассмотрим также пример словосложения: *KI-Chatbot* ‘чатбот на основе искусственного интеллекта’ (*Ersetzt dieser KI-Chatbot bald eine andere Suchmaschine?*) [Focus]. Примечательно, что такая модель словосложения является гибридной: это неологизм, образованный путем соединения немецкой аббревиатуры *KI* ‘искусственный интеллект’ и английского слова *Chatbot* ‘чатбот’.

Результаты данного исследования подтверждают тенденции, выявленные в работах В. С. Майер и Е. А. Редкозубовой, которые отмечали рост популярности неологизмов-англицизмов в период пандемии COVID-19, а также высокую продуктивность словосложения как способа образования неологизмов в немецком языке [Майер, 2020; Редкозубова, 2020]. Однако новизна нашего исследования заключается в том, что было обнаружено значительное количество неологизмов, связанных с технологической сферой, в частности — с искусственным интеллектом, что отражает рост популярности нейросетей в 2023 г.

Источник

Focus. URL: https://www.focus.de/ (дата обращения: 22.02.2025).

Литература

Майер В. С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 124–137.

Редкозубова Е. А. COVID-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 193–200.

Романовская Ревекка Иосифовна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ С САЙТА «JÜDISCHE ALLGEMEINE»

На протяжении сотен лет немецкий язык постоянно пополнялся словами, заимствованными из других языков. Однако, если заимствования из европейских языков хорошо изучены, то заимствования из иврита изучены в значительной степени хуже. Важным фактором распространения гебраизмов является христианизация германских племен. Гебраизмы проникали в язык не только через религиозные тексты, но и благодаря живому общению. Евреи переселялись в поисках лучшей жизни, в том числе в Европу, и вносили свой вклад в культурное и языковое наследие народов, принявших их. Возросший в конце XIX в. интерес к иудаизму, сменился преследованием евреев на государственном уровне в середине XX в. Несмотря на ожидания, еврейская община Германии продолжает существовать и развиваться, а немецкие власти содействуют осуществлению еврейских культурных начинаний. Все это способствует появлению новых заимствований из иврита в немецком языке.

Актуальность исследования заключается в том, что оно затрагивает процессы интернационализации, наблюдающиеся в немецком языке.

Материалом исследования является газета «Jüdische Allgemeine». В ходе исследования использовались методы сплошной выборки и синхронного описания. Цель работы заключается в изучении заимствованной лексики в интернет-текстах, посвященных еврейской культуре в Германии, в первую очередь, гебраизмов.

Анализ корпуса гебраизмов позволил выявить, что заимствование происходит не только из древнееврейского языка (*Seder*), но и из современного иврита (*Jom Haschoa*).

При лексико-семантическом анализе были выявлены некоторые тенденции. Было установлено, что абсолютное большинство заимствований являются существительными и сохраняют род языка-донора (*der Machsor*). Подавляющее большинство заимствованных гебраизмов относится к онимам (*Josef*).

Современное еврейское население говорит на немецком языке и нуждается в лексике, называющей еврейские культурные реалии, для чего использует заимствования из иврита. Другой причиной обилия заимствований-онимов может являться дихотомия «свой» — «чужой», которая находит воплощение в категории заимствований и позволяет оградиться евреям от окружающего их немецкого населения. Причиной отсутствия заимствованных глаголов может быть значительная разница между грамматиками иврита и немецкого языка.

Итак, исследование заимствований из иврита в немецком языке представляется перспективным направлением, так как позволяет рассмотреть заимствования из неиндоевропейских языков. Также представляет интерес употребление гебраизмов вне текстов о традиционной культуре.

Потрахова Анастасия Евгеньевна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ США

Цель исследования — проанализировать роль эвфемизмов в медиатекстах как инструмента формирования общественного мнения.

Актуальность настоящей темы состоит в том, что эвфемизация в медиатекстах демонстрирует способы адаптации языка к изменяющимся социальным и политическим условиям и механизмы языкового воздействия на массовое сознание.

Новизна исследования заключается в рассмотрении эвфемизмов в медиадискурсе как социального инструмента, влияющего на восприятие политических и экономических процессов.

Средства массовой информации оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения. В условиях цифровизации медиапространства язык СМИ претерпевает изменения, адаптируясь к новым коммуникативным формам и отражая социокультурную реальность. Одной из таких форм является медиатекст, представляющий собой тексты массовой информации, включающие вербальные, визуальные и аудиовизуальные элементы, отражающие современные технологии их создания.

Массовость аудитории обусловливает ряд языковых особенностей медиатекста: упрощенную языковую норму; отказ от индивидуальных средств выражения; эмоциональность и документальность речи [Володина, 2003]. Тексты средств массовой информации оказывают значительное влияние на общественное мнение, формируя восприятие аудиторией социальных, политических и культурных явлений. В стремлении минимизировать возможные конфликты и обеспечить нейтральность подачи информации СМИ широко используют различные языковые стратегии. Эвфемизмы — замена прямых выражений более нейтральными аналогами. В медиатекстах они выполняют две основные функции: снижают остроту восприятия социальных, политических и экономических проблем и способствуют поддержанию корректности и толерантности в общественном дискурсе [Крысин, 1996: 68].

Так, авторы Американского портала Министерства сельского хозяйства США (United States Department of Agriculture) Climate Hubs в статье об экономически неблагополучных сообществах прибегают к эвфемизму *economically disadvantaged communities* ‘экономически неблагополучные сообщества’: *Economically disadvantaged communities generally have fewer socioeconomic resources and thus less capacity to adapt to the challenges of climate change* (‘Экономически неблагополучные сообщества, как правило, имеют меньше социально-экономических ресурсов и, следовательно, меньше возможностей для адаптации к проблемам, связанным с изменением климата’), избегая такие лексические единицы, как *poor* ‘бедный’, *indigent* ‘неимущий’, *insolvent* ‘неплатежеспособный’, *low-income* ‘малообеспеченный’ [USDA Climate Hubs]. Подобные замены трансформируют эмоциональную окраску текста и конструируют определенную картину мира у массовой аудитории.

Таким образом, эвфемизация позволяет смягчить негативный эффект сообщений, формируя у аудитории нужное отношение к освещаемым событиям.

Источник

USDA Climate Hubs. URL: https://www.climatehubs.usda.gov/hubs/northwest/topic/economically-disadvantaged-communities (дата обращения: 11.02.2025).

Литература

Володина М. Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М. Н Володина. М., 2003. С. 9–31.

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 65–72.

Chertkova Iuliia Leonidovna
Master's Student
St. Petersburg State University

THE IDIOM «ELEPHANT IN THE ROOM» IN TEXTS: A FIGURATIVE PHRASE WITH SHIFTING BOUNDARIES

The current study presents an analysis of the use of the idiom *elephant in the room* in texts retrieved from the IWeb Corpus and the Internet. The study attempts to extend the analysis of idiomatic meaning and variation following the direction outlined by modern corpus linguistics. The development of corpus research offers a more flexible approach to the usage of idioms in context and provides a more nuanced understanding of the fluid nature of figurative meaning [Fellbaum, 2019; Wilinski, 2022]. The choice of material stems from the studies on the most frequent English idioms. Analysis of 300 contexts retrieved from IWeb corpus reveal that the idiom *elephant in the room* functions as a figurative extension and a source of creativity and wordplay. In the domain of cognitive linguistics wordplay and creativity are seen as undeliberate processes tied to the human experience. In Iweb corpora it occurs primarily in articles, comments, blogs, titles [Gibbs, Raymond, 2018]. The creative usage of the idiom *elephant in the room* in the texts retrieved from the corpus produces a humorous effect and adds evaluative expressiveness to the context.

I meet many other young researchers and whenever I try to talk about jobs, plans, options there is always this big and scary elephant in the room [IWeb]. *Unmarried women fare worse financially in retirement, and then there is the huge, white-veiled elephant in the room: the enormous lingering societal pressure on women to marry* [IWeb].

The figurative potential of the word *elephant* allows for this wordplay (*huge; big and scary*). Creative usage makes the text more expressive, adds an ironic undertone and makes the issue discussed more relatable. Irony gives rise to multiple verbs used with the idiom *elephant in the room*: ***Kill*** *The Elephants In The Room Before They Kill You* (job prospects)*; 20 Ways to* ***Kill*** *Elephants* (*In Rooms) Or just* ***dance*** *with them* (problem resolution)*; let's quickly* ***slaughter*** *the elephant in the room* (a critical film review)*; But to* ***shoot*** *the elephant in the room, maybe we are also a little ashamed.* (depression)*; Love and respect will* ***pull*** *the elephant in the room through a keyhole* (couples therapy)*; OK, let's* ***kick*** *the elephant in the room out of the door first* (a critical TV show review). Such types of contexts are encountered in the titles of the articles or the articles themselves. The figurative potential of the word *elephant* makes the wordplay possible and aids to diminish the issue adding a humorous effect. Thus, it is possible to establish the model "'the name of an animal' + 'in the room'". The figurative potential of the animal names gives rise to the usage of figurative phrases *the tiger in the room* (anxiety), *wolf in the room* (ecology)*, dove in the room* (therapy)*, the butterfly in the room* (an installation), *a gorilla in the room* (Alzheimer's).

The discussion demonstrates the potential for the compositional variability of the idiom *elephant in the room* and outlines the mechanisms that make this variability possible.

References

Gibbs Jr., Raymond W. Words making love together: Dynamics of metaphoric creativity // Cultures and Traditions of Wordplay and Wordplay Research. Berlin; Boston; De Gruyter, 2018. P. 23–46.

Fellbaum C. How flexible are idioms? A corpus-based study // Linguistics. 2019. No. 57. P. 735–767.

Wiliński J. Metaphodioms: connecting metaphor and idioms // Brno studies in English. 2022. No. 48. P. 381–409.

Чеботарева Юлия Владимировна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФУНКЦИИ ГИПЕРБОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИМОДАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

В последние годы ввиду активного развития цифровых технологий наблюдается интенсификация интернет-коммуникации. Одно из главных средств общения в киберпространстве — интернет-мем (далее — ИМ) — в силу своей полимодальности становится объектом изучения политологов, психологов, педагогов, лингвистов. Однако на данный момент четкого определения ИМ не существует, а его лингвокультурные особенности еще плохо изучены.

Целью работы является определение функций одного из самых часто встречаемых в ИМ стилистического приема — гиперболической полимодальной метафоры. Новизна работы заключается в том, что ИМ анализируются на предмет не только традиционных, но и синкретических полимодальных стилистических фигур. В ходе исследования применялись компонентный, структурный и стилистический анализ. Материалом исследования послужил корпус англоязычных креолизованных ИМ, предложенных для публикации пользователями в сообществе Memes в социальной сети Reddit.

Креолизованный ИМ состоит из двух компонентов: вербального (текст) и невербального (картинка/видео), которые образуют одно структурное и смысловое целое. ИМ — это полимодальная единица, поэтому для оформления информации в ней характерна полимодальная метафора. Это стилистический прием, в котором «источник» и «объект» переноса выражены в разных модусах. Анализ показал, что полимодальные метафоры в англоязычных ИМ могут быть гиперболизированы и выполняют две основные функции: ироническую и экспрессивную.

С помощью гиперболизации автор придает ИМ особую образность и воздействует на адресата, создает интенсивный смысл с различными коннотациями [Волкова, 2013]. Реципиенты ИМ могут выражать свое отношение к содержанию ИМ или позиции автора при помощи лайков или комментариев. Так, ИМ с надписью *Cat hair on the rug* ‘Кошачья шерсть на ковре’ на фоне героя-гиганта Йорма из игры Dark Souls 3 / *My vacuum* ‘Мой пылесос’ на фоне изображения условного игрока позволяют иронизировать по поводу распространенной проблемы с уборкой кошачьей шерсти с ковра. Гиперболизация заключена в изображении шерсти в виде гиганта-врага. В ИМ *Day 1 of job searching* ‘Первый день поиска работы’ рядом с фото героя из первого сезона сериала «Игра кальмара» / *After the 659th rejection email* ‘Спустя 659 имейл с отказом’ рядом с фото того же героя из второго сезона того же сериала изображает эмоциональное и физическое состояние соискателя работы. Гипербола выражена числительным 659 в вербальной части полимодальной метафоры, что говорит о безнадежности условного героя ИМ найти работу.

Делая выводы, следует подчеркнуть, что ввиду своей полимодальной структуры ИМ оформляются полимодальными стилистическими фигурами, которые в свою очередь вступают в синкретические отношения с другими стилистическими приемами, что обусловлено основными характеристиками успешного ИМ: комический эффект, эмоциональное воздействие на адресата ИМ, а также создание своеобразной «площадки» для обсуждения тем, описываемых в ИМ.

Литература

Волкова В. Н. Зона синкретизма гиперболы в русскоязычных информационных текстах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. Вып. 3 (41). С. 248–256.

Шитикова Анна Олеговна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН»: НЕМЕЦКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Целью данного доклада является выявление и описание черт сходства и отличия между русским и немецким языками в лексическом составе, используемом в сфере ландшафтного дизайна. Новизна работы заключается в том, что она выполнена на материале двух языков и носит сопоставительный характер. Материалом исследования послужили онлайн-версии журналов «Mein schöner Garten», «Do it yourself im Garten», «Ландшафтный дизайн», «Ландшафт плюс». В ходе исследования были проанализированы 102 лексические единицы.

Было обнаружено, что в сфере ландшафтного дизайна лексико-семантическое поле «ландшафтный дизайн» состоит из трех основных лексико-семантических групп: *Elemente der Landschaft* 'элементы ландшафта', *Prozesse* 'процессы', *Charakteristik* 'характеристика'. Каждая ЛСГ содержит подгруппы, которые делятся, в свою очередь, на подподгруппы. Важно отметить, что в дальнейшем возможно выделение еще большего количества мелких лексических групп. Данному лексико-семантическому полю свойственны такие явления как меронимия, синонимия, антонимия.

В ЛСП «ландшафтный дизайн» можно выделить глаголы-термины, которые признаются не всеми лингвистами. Одним из требований, предъявляемых к терминам, является то, что Д. С. Лотте назвал «соответствием термина отражаемому им понятию» [Лотте, 1961: 31]. Этому условию отвечают узкоспециальные глаголы ландшафтного дизайна, которые обозначают выполнение работ (напр., *begrünen* 'озеленять', *pflanzen* 'сажать') и уход (*düngen* 'удобрять', *ausgrasen* 'пропалывать'), их значение не зависит от контекста.

В ходе исследования были обнаружены определенные особенности словообразовательных моделей ландшафтных терминов: как в русском, так и в немецком языках активно применяются сложные термины. У способа префиксации и суффиксации выше частотность в русском языке, чем в немецком. Количество композитов в русском языке соотносимо с их количеством в немецком, что характерно для данного профессионального языка.

Важно отметить, что в лексическом составе присутствуют многочисленные заимствования из французского и английского языков.

В ходе нашей работы мы проанализировали также типичную для сферы ландшафтного дизайна эмоционально-оценочную лексику. Она играет большую роль в области ландшафтного дизайна, так как с ее помощью выражается абсолютная и сравнительная оценка.

В нашем исследовании мы изучили также лексические особенности заголовков рубрик и статей немецкого журнала «Do it yourself im Garten» и русского журнала «Ландшафтный дизайн» с точки зрения их структурных и семантических особенностей. Наблюдается, что в немецком журнале структурно преобладают однословные заголовки, выраженные именем существительным, в то время как в русском журнале активно используются словосочетания. Ввиду абстрактности и обобщенности названий в немецких заголовках присутствуют дополнения, представленные в скобках в качестве пояснений. Это позволяет читателю быстрее сориентироваться в содержании статей.

Полученные результаты могут углубить знания структурных и семантических особенностей ЛСП «ландшафтный дизайн» в немецком и русском языках.

Литература

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.

Новицкая Евгения Александровна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ГРАНЬ МЕЖДУ ПРАНКОМ И ФЕЙКОМ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЫРАЖЕНИЙ «MEDIA FAKE» И «MEDIA PRANK» В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящем исследовании рассматриваются выражения *media fake* и *media prank*, которые активно используются в современном английском языке. Выражения отражают не только эволюцию языка под влиянием цифровых технологий, но и социальные процессы, связанные с манипуляцией информацией.

Цель исследования — выявление семантических различий и пересечений, а также особенностей употребления данных выражений в медиапространстве. Для достижения цели использовался комплексный метод, совмещающий дефиниционный и корпусный анализ с контекстуальным и дискурс-анализом.

Новизна исследования заключается в том, что выражения *media fake* и *media prank* впервые изучаются в контексте их функционирования в медиапространстве, включая прагматические, семантические и культурные аспекты.

Материалом исследования послужили данные из British National Corpus, публикации на платформах Reddit и X (бывший Twitter; сервис заблокирован на территории РФ), а также словарные дефиниции из Cambridge Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary и UrbanDictionary.

Анализ показал, что выражение *media prank* в последние годы приобрело новые значения, связанные с провокационными действиями в социальных сетях, что сближает его с лексемой *hoax*. Например, в словарях *prank* определяется как 'шутка' или 'розыгрыш'. Чернявская [Чернявская, 2018] отмечает, что дискурсивный анализ в сочетании с корпусными методами является важным инструментом для выявления семантических сдвигов в языке, что подтверждается наблюдаемыми изменениями данных выражений. *Media fake* же — это преднамеренная дезинформация и создание ложных новостей, что подтверждают результаты анализа примеров на основе корпусных данных и в англоязычных форумах. Исследователи [Olan et al., 2023] подчеркивают значительное влияние фейковых новостей в социальных сетях на общественное восприятие информации и усиление поляризации мнений. Исследование показало, что частотность использования *media prank* в контекстах, связанных с *media hoax* и *social media prank*, часто используется в социальных экспериментах и создании вирусного контента, где важную роль играет реакция аудитории. Выражение *media prank*, изначально обозначавшее безобидную шутку, в современном контексте может включать действия с серьезными последствиями. *Media fake* же представляет собой сознательную манипуляцию информацией с целью введения аудитории в заблуждение, что поднимает вопрос о возрастающем влиянии дезинформации и необходимости медиаграмотности. Кроме того, выявлено, что частотность использования данных выражений в медиапространстве увеличивается, что свидетельствует о возрастающем интересе общества к вопросам достоверности и этичности контента.

Таким образом, анализ выражений *media fake* и *media prank* углубляет понимание языковой эволюции в цифровую эпоху и раскрывает механизмы влияния медиа на общественное восприятие. Исследование способствует развитию критического подхода и осознанию роли языка в формировании информационной повестки.

Литература

Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

Olan F., Jayawickrama U., Arakpogun E. O., Suklan J., Liu S. Fake News on Social Media: The Impact on Society // Journal of Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 11, no. 1. P. 1–10.

Алышева Рианна Александровна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИКИ «KOLONIAL DEUTSCH» («НЕМЕЦКИЙ ДЛЯ КОЛОНИЙ») Э. ШВЕРЕРА И «LEICHTE SPRACHE» («ПРОСТОЙ НЕМЕЦКИЙ»)

Всякая лингводидактическая среда аккумулирует проекты, созданные для того, чтобы помочь другим людям изучить новый язык, т. е. облегчить языковую адаптацию. Так, в разные временные периоды были изобретены две языковые концепции: «Kolonial Deutsch» Э. Шверера, созданного для общения с коренными жителями колоний Германии, и «Leichte Sprache», разработанного в первую очередь для людей с особенностями развития и низкой способностью к чтению, но также используемого иммигрантами в современной Германии. Исследование, представленное в рамках доклада, посвящено сравнению двух представленных языковых концепций.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучить, как в различные исторические периоды в Германии искали пути создания наиболее понятного языка для разных социальных групп в контексте глобализации и миграционных процессов. Новизна данного исследования заключается в небольшом на настоящий момент количестве исследований в этой области.

Цель настоящей исследовательской работы — определить сходства и различия между «Kolonial Deutsch» и «Leichte Sprache» в контексте их лингвистических особенностей (на грамматическом и лексическом уровнях).

Основными материалами для работы являются труды доктора Шверера «Kolonial Deutsch» (1916) и К. Маас «Leichte Sprache: Das Regelbuch» (2015), в которых изложены правила исследуемых языковых концепций.

Представлены следующие результаты настоящей исследовательской работы:

1) изучены истории и предпосылки возникновения «Kolonial Deutsch» и «Leichte Sprache»;
2) выявлено различие принципов, которых придерживались создатели исследуемых языковых концепций — Шверер выбрал путь упрощения грамматической структуры немецкого языка (*de* — определенный артикль во всех падежах единственного числа; *mir* — форма местоимения *ich* во всех косвенных падежах), а создатели «Leichte Sprache» использовали более доступные для восприятия и понимания грамматические, синтаксические структуры и лексические единицы (*Heute wählen wir den Heim Beirat* вместо *Heute wird der Heim Beirat gewählt*);
3) выявлены различия языковых концепций на лексическом уровне — для расширения диапазона значений слов «Kolonial Deutsch» предлагает использовать отрицания (*sauber* — ‘чистый’; *nicht sauber* — ‘грязный’, но в рамках «Leichte Sprache» рекомендуется избегать частого использования отрицаний и графически выделять их в текстах для лучшего понимания (*Die Miete für die Sozial-Wohnung ist nicht so hoch*);
4) рассмотрено практическое применение обеих концепций в обществе XX в. для «Kolonial Deutsch» и обществе XXI в. для «Leichte Sprache» — в то время как предложения Шверера так и не были реализованы на практике, различные средства массовой информации в настоящее время публикуют статьи, радио- и телепередачи на «Leichte Sprache».

Гаврилюк Мария Александровна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИБРЕТТО ТЕТРАЛОГИИ «КОЛЬЦО НИБЕЛУНГА» Р. ВАГНЕРА: ГРАММАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Немецкий композитор Р. Вагнер и его творчество представляет для языкознания интерес по нескольким причинам: во-первых, оперное либретто как текст само по себе изучено слабо, вероятно, из-за своего спорного статуса (на стыке лингвистики и музыковедения); во-вторых, еще реже либретто изучается как художественный текст. Более того, ученые редко рассматривают либретто как текст, в принципе способный иметь отличительный художественный стиль. Мы обращаемся к творчеству Вагнера, поскольку из его теоретических работ нам известно, что текст занимает в его философской концепции музыкальной драмы важное место: текст — не просто часть оперного произведения, но способ обновить общество посредством искусства. Для этого композитор стремится вернуть оперное искусство к первоосновам, что, как показывает наше более раннее изучение лексикостилистических и некоторых синтаксических особенностей вагнеровского либретто, неизбежно отражается и на языке.

Отправной точкой исследования является гипотеза о том, что, исходя из теоретических работ Вагнера, мы можем считать его либретто полноценным художественным произведением (с определенной поправкой на мультимодальность либретто). Материалом для анализа послужила тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунга» (1876), самая значимая и объемная его работа. Языковые особенности либретто тетралогии на грамматическом уровне прежде нами не анализировались, по этой причине целью доклада является выявление стилистических особенностей либретто в области словообразования и морфологии.

Анализ позволил выделить некоторое количество окказиональных образований, составленных Вагнером-либреттистом по продуктивным словообразовательным моделям, уникальность которых определялась при помощи основного и исторического корпусов словаря DWDS:

1. Префиксальный способ: *entfragen* ‘выспросить’, *enttrinken* ‘выпить из чего-то’, *entgrünen* ‘вырасти из чего-то и зацвести’, *zerschmeiden* ‘сломать’, *zertrotzen* ‘сломать’ (20 лексем).
2. Суффиксальный способ: *neidlich* ‘стоящий зависти’, *fräulich* ‘женоподобный’, *streitlich* ‘тот, с кем предстоит сражаться’, *weihlich* ‘святой’ (9 лексем).
3. Образование собирательных существительных по аналогии: *Gewell* ‘волны’, *Geschlüpfer* ‘скользкие камни’, *Gestimm* ‘голоса’ (4 лексемы).

На морфологическом уровне наблюдаются:

1. Особенности употребления падежей, к примеру, активное использование дательного падежа по образцу dativus (in)commodi: *dem Feinde fliehen* ‘сбежать от врага’, *dem Sieger sinken* ‘подчиниться победителю’.
2. Несоблюдение переходности / непереходности глагола: *…hieher zu horchen* ***dem*** *Racheschwur* ‘слушайте клятву мести’, *…****der Traurigen*** *kost ein lächelnder Traum…* ‘печальных ласкает улыбающийся сон’.
3. Возвратность / невозвратность глагола: *(sich) fügen* ‘держать(ся)’.
4. Употребление сослагательного наклонения в нетипичных контекстах: *Hülfe!* ‘На помощь!’.

Проведенный анализ позволяет, во-первых, сделать вывод о том, что работа Вагнера над языком либретто тетралогии не ограничивается использованием устаревшей лексики в целях стилизации: он не просто стремится состарить свой текст, но и использует имеющиеся в языке элементы для создания необходимых ему смыслов. Во-вторых, такое внимание к языку произведения не оставляет сомнений в том, что текст Вагнера необходимо рассматривать именно как художественный текст.

Ершова Элина Антоновна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОМ И НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКАХ

В докладе рассматриваются особенности глагольного вида в английском и норвежском языках, а также способы их перевода с первого языка на второй на примере художественного произведения. Актуальность темы состоит в сравнении различных подходов к классификации категории вида в языке и в малом числе углубленных исследований категории вида в норвежском языке. Материалом исследования является роман А. Маклина «Bear Island» («Остров Медвежий») и его перевод на норвежский язык «Perleporten» («Жемчужные врата»).

Было установлено, что в английском языке вид глагола или же, согласно принятой в западноевропейской лингвистике терминологии, аспект, формируется путем противопоставления перфектных форм неперфектным [Бархударов, Штеглинг, 1960: 153]. В отличие от русского, в английском языке аспект глагола может быть выражен различными грамматическими категориями, прежде всего при помощи форм глагольных времен [Quirk et al., 1982: 40]. Некоторые исследователи выделяют в английском языке не два аспекта (совершенный и несовершенный), а четыре: неопределенный (Indefinite), продолженный (Continuous), совершенный (Perfect) и совершенно-продолженный (Perfect Continuous), которые проявляются через соответствующие временные формы [Булатбаева, 2020].

В норвежском языке вид не является самостоятельной грамматической категорией [Faarlund et al., 1997: 644], из-за чего в нем отсутствует противопоставление совершенного и несовершенного вида. Однако для выражения вида в норвежском языке используется ряд синтаксических конструкций, указывающих на способ протекания действия во времени. Кроме того, семантические различия употребления форм прошедшего времени норвежского языка по сути также близки к видовым оппозициям.

В работе проанализированы примеры употребления совершенного и несовершенного аспектов, выраженных с помощью временных форм Indefinite, Continuous, Perfect и Perfect Continuous, а также способы их перевода на норвежский язык на материале романа «Остров Медвежий». Были выявлены некоторые закономерности применения этих способов перевода. Так, несовершенный аспект переводится с помощью форм настоящего, простого прошедшего и будущего времени, а также ряда синтаксических конструкций. При переводе совершенного аспекта чаще всего применялись временные формы перфекта, плюсквамперфекта и сослагательного наклонения в зависимости от временной формы исходного глагола.

Выявленные закономерности не являются абсолютными и не формируют единой системы по причине грамматических различий английского и норвежского языков, а также особенностей перевода художественного произведения. Тем не менее в данной работе были изучены и описаны различные способы выражения категории вида в английском и норвежском языках и их соотношение друг с другом, что отвечает поставленной цели и дает материал для дальнейших исследований.

Литература

Бархударов Л. С., Штеглинг Д. А. Грамматика английского языка. М., 1960.

Булатбаева К. Р. Особенности перевода четырех видов аспекта на примере мультфильма «Король лев» // The Scientific Heritage 46-5 (46). Будапешт, 2020. С. 17–20.

Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. I. Norsk referansegrammatikk. Oslo, 1997.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. M., 1982.

Богданова Елизавета Михайловна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ XVI–XVIII вв.: НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ РНБ

В докладе освещаются основные черты развития грамматического строя частного письма на втором этапе ранненововерхненемецкого периода (XVI–XVII вв.) и в начале нововерхненемецкого периода (XVIII в.). Целью является дополнение утвердившегося в германистике представления о развитии структуры предложения, сложившегося в результате детального изучения художественной и религиозно-философской литературы. Поскольку частная корреспонденция существует в рамках отдельного канона письменности и лишь условно соотносится с классической периодизацией немецкого литературного языка [Schuster, Strobel, 2013: 12], предполагается выявить, насколько структурное становление данного типа текста соотносимо с уже доступными нам данными. Актуальность доклада определяется необходимостью уточнения истории развития строя предложения в письменном наследии неофициального характера, представляющем собой бытовой, а не литературный факт.

Исследование выстроено на материале автографов, входящих в западные фонды Отдела рукописей РНБ: собрание рукописей П. П. Дубровского (Ф. 971), А. Бэра (Ф. 964), П. К. Сухтелена (Ф. 993) и Общее собрание иностранных автографов (Ф. 991). На каждый из указанных веков приходится по пять частных писем представителей дворянства, духовенства и интеллигенции общим объемом в 14863 знака, символическим завершением служит письмо Ф. Шиллера 1793 г., отражающее уже оформленную норму письменного немецкого языка. Важным критерием отбора автографов становится равный социальный статус коммуникантов. Теоретико-методологической основой исследования послужили труды лингвистической школы В. Г. Адмони. В русле системно-структурного подхода осуществляется двухвекторный анализ материала.

Во-первых, прослеживаются качественные и количественные изменения лексической емкости предложения: напр., сокращение числа подчиненных предложений второй степени и незавершенность рамочной конструкции, сохраняющаяся вплоть до середины XVIII в., для которой характерно опущение вспомогательного глагола в аналитических временных формах.

Во-вторых, рассматриваются морфологические черты, определяющие структурную монолитность отдельных синтаксических групп. Так, в сфере препозитивного определительного прилагательного господство односоставной морфологической структуры (*mein **dienstlich** und **freuntlich** bitte*), репрезентативное для XVI в., к XVII в. сменяется стремлением к двусоставности слова, что способствует оформлению системы флективных средств. Классической для данного периода становится монофлективная конструкция [Admoni, 1990: 126–127], в которой употребление одного грамматически выразительного показателя обусловливает немаркированность последующих элементов (*nepst empfehlung gottlich**er** schutzsbar**en** beschirmung*).

В результате выявляются отличительные черты развития структуры предложения в рамках частной корреспонденции: переосмысляется традиция оформления письма единым цельным предложением, исчезают развернутые обособленные формулы, снижается коэффициент сложноподчиненности, однако лексическая емкость текста увеличивается за счет возрастания числа элементарных предложений, расширения объема парантез и приложений. В названных процессах фиксируется постепенное ослабление влияния эпистолярной культуры канцелярий.

Литература

Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.

Schuster J., Strobel J. Briefkultur. Texte und Interpretationen — von Martin Luther bis Thomas Bernhard. Göttingen, 2013.

Андреева Анна Сергеевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Исаева Юлиана Александровна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРОНОМАЗОВ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ ТОВАРОВ И УСЛУГ (на примере слоганов британских, американских и российских компаний)

Рекламный слоган является традиционной составляющей вербального плана рекламы. Задача слогана — в привлекательной форме изложить основное рекламное предложение и стимулировать покупательскую активность. Его эффективность определяется степенью вовлеченности покупателя и запоминаемости представленной информации. Необходимый уровень вовлеченности достигается за счет переданных в рекламном сообщении значимых единиц, а запоминаемость — благодаря художественным приемам, в том числе парономазии. Парономазия — это стилистический прием, состоящий в намеренном сближении автором текста любых слов, в чем-либо схожих по своему звучанию. Парономазия может служить для создания комического эффекта, особенно в таких случаях, когда ее употребление связано с формальным нарушением лексической сочетаемости. Таким образом, с помощью парономазов создается эффект неожиданности, моделируется комическая ситуация или ситуация «разгадывания ребуса». Для эффективности слогана парономазия важна и как фонетическое средство, т. е. способ создания сообщения, легко фиксируемого памятью за счет повторения определенных фонем, а также — в некоторых случаях — возникновения рифмы. Для того чтобы слоган с парономазией был эффективен и функционален, необходимо использовать языковые единицы, указывающие на объект рекламы, релевантные для рекламируемого товара или области его применения и понятные целевой аудитории.

Целью данного исследования является рассмотрение корпуса слоганов товаров и услуг Великобритании, США и России, основанных на использовании парономазии, анализ их структуры и прагмастилистических особенностей. В результате исследования слоганов на английском языке было выделено четыре основные группы. В первую вошли слоганы с собственно парономазами, напр.: *Italy, bitten and beaten; Taste the one that won; Maybe It's Maybelline*. Вторую составили слоганы с заменой одного парономаза другим: *Delivery drivers, we knead you!; Sip back and relax; Help Fanta shake things up; Просто плыть счастливыми*. В третью группу вошли слоганы с комбинацией парономазов и «слов-матрешек»: *Take it tea-sy; Green Tea, Now Tastea!; Honour your mancestors, man!; Скидкотека; Май-кияж*. В четвертом типе слоганов парономаз совмещается с фузией, подвидом словослияния: *The oranginal*.

Изучение парономазов и их систематизация позволяют расширить арсенал творческих приемов переводчика. В результате данной работы был сделан вывод, что при главном условии — выполнении коммуникативной задачи парономазов — не всегда удается сохранить тот тип, который был использован в оригинале, однако это не является препятствием для перевода. С учетом выводов, полученных в теоретической части исследования, был предложен функциональный перевод некоторых слоганов. Напр.: *Help Fanta shake things up — Фантастика начинается с Фанты*; *Мечты сшиваются — Seams come true*; *В полном востоке — Delight-ORIENTed*.

Санина Елена Владимировна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В НЕМЕЦКИХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Цель настоящего исследования заключается в выявлении синтаксических характеристик неполных предложений из немецких научно-популярных текстов. Актуальность темы обусловлена особым вниманием современных лингвистов к изучению эксплицитной и имплицитной информации в тексте, к чему относится и рассмотрение неполных предложений, в которых происходит соединение этих типов информации. Новизна исследования состоит в анализе неполных предложений на основе примеров из немецких научно-популярных текстов. Научно-популярные тексты выступают вторичными по отношению к собственно научным [Филиппов, Филиппов, 2024: 74–75]. Научно-популярный текст базируется на научных знаниях языкового сообщества, но излагает их в более доступной и увлекательной форме [Niederhauser, 1998: 167–168].

Изучение неполных предложений связано с исследованием эксплицитной и имплицитной информации: эксплицитная информация находит непосредственное выражение в тексте, в то время как имплицитная информация представлена неявно [Филиппов, 2017: 258]. В ходе работы была проанализирована выборка из 27 неполных предложений, обнаруженных в научно-популярных статьях из сборника К.-Х. Геттерта «Daumendrücken. Der ganz normale Aberglaube im Alltag». Из трех видов неполных предложений, выделяемых по классификации С. Т. Нефедова [Нефедов, 2022: 220–221], в получившейся выборке представлены только два: эллиптические предложения с импликацией субъекта и предиката/части предиката (71 %), а также эллиптические предложения с незаполненной позицией предиката/части предиката (29 %). Если сказуемое оказывается составным, то, как правило, опускается спрягаемая часть, при этом сохраняются смысловой глагол в нефинитной форме или предикатив, заключающие в себе информацию, которая для успешного восприятия должна быть эксплицитна (*Die Luft beispielsweise ist feucht und warm, das Feuer warm und trocken* ‘Воздух, напр., влажный и теплый, огонь — теплый и сухой’).

Среди рассмотренных неполных предложений доминируют повествовательные невосклицательные (72 %). В 20 % случаев неполные предложения являются вопросительными (*Eine Weltformel, die vor Anwendung geschützt werden soll?* ‘Формула всего, применение которой следует ограничивать?’). Восклицательные неполные предложения представлены простыми предложениями и составляют 8 % случаев. Количество сложных предложений с неполной частью/частями (48 %) и простых неполных предложений (52 %) почти одинаково.

Литература

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. Текст. СПб., 2022.

Филиппов К. А. Einige Gedanken über die grammatische Grundlage der Textkohärenz // Германистика в современном научном пространстве: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. С. 256–263.

Филиппов К. А., Филиппов А. К. Лингвистический анализ специальных текстов. СПб., 2024.

Niederhauser J. Darstellungsformen der Wissenschaften und populärwissenschaftliche Darstellungsformen // Darstellungsformen der Wissenschaften im Kontrast. Aspekte der Methodik, Theorie und Empirie. Tübingen, 1998. S. 157–185.

Ермилова Аполлинария Андреевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В КИНОДИСКУРСЕ (на материале американских медицинских телесериалов)

Цель доклада заключается в раскрытии особенностей перевода медицинской лексики в кинодискурсе американских медицинских телесериалов «Клиника», «Хороший доктор», «Медики Чикаго», «Анатомия страсти», выполненного студиями дубляжа Lostfilm, TVShows, HDRezka, Novamedia и Amedia.

Научная новизна данной работы заключается в комплексном подходе к изучению медиколексикона и переводческих решений в контексте кинодискурса медицинских телесериалов. Кинодискурс важен для понимания как искусства, так и общества в целом. С. С. Назмутдинова определяет кинодискурс как «семиотически осложненный, динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента», протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка [Назмутдинова, 2008]. Одним из ключевых понятий при анализе перевода кинодискурса является аудиовизуальный перевод — процесс адаптации иностранных аудиовизуальных произведений для зрителей другой страны или культуры. В рамках доклада рассматривается такой подвид аудиовизуального перевода, как закадровый перевод.

Медицинская лексика является неотъемлемым элементом медицинского кинодискурса. Ученые подходят к классификации медицинской лексики с разных точек зрения. В настоящей работе мы будем опираться на классификацию медицинской лексики Дж. К. Аронсона, который рассматривает различные виды данной лексики [Aronson, 2023].

Традиционно наиболее проблемными для аудиовизуального перевода являются различные виды сокращений. Так, в одном из примеров сокращений вместо полного названия инструмента для медицинских манипуляций используется слово scope. В переводе все студии расшифровывают это сокращение, исходя из контекста сцены сериала. Врачи проводят эндоскопию, а значит используют эндоскоп.

Инициализация представляет не меньшую сложность при переводе, ведь часто одна единица имеет несколько вариантов расшифровки: *N. V. P. Now!* Данный инициализм связан с постконтактной профилактикой ВИЧ. Некоторые студии предпочли использовать в переводе название конкретного препарата, использующегося в подобной ситуации: *Ниверапин, живо!* Другие же студии заменили англоязычное сокращение русскоязычным: *СВП, немедленно!*

Еще одна интересная группа слов — слова-гибриды или языковая контаминация: *You found a fascinoma?* Данное слово означает ‘некое интересное заболевание, случай’. При переводе подобных слов студии дубляжа избегают транслитерации.

На основе изученных примеров можно сделать вывод о разновидностях медицинской лексики, а также проследить особенности их перевода при закадровом озвучании.

Литература

Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория: на материале русского, английского, французского кинодискурса: дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2008.

Aronson J. K. When I use a word… Medical slang: A taxonomy // BMJ. 2023. Vol. 382. https://doi.org/10.1136/bmj.p1516

Чувикина Юлия Александровна
студент 2-го курса
Тверской государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ ПОЭМЫ В. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА — ПЕТУШКИ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В работе рассматриваются, сопоставляются и анализируются переводы поэмы В. Ерофеева «Москва — Петушки» на немецкий язык. Материалом исследования послужили соответствующие переводы, выполненные Н. Шпитц («Die Reise nach Petuschki», 1978) и П. Урбаном («Moskau — Petuški», 2005). Целью исследования является изучение приемов передачи безэквивалентной лексики и устранения этнокультурных лакун в процессе литературного перевода. Для достижения поставленной цели был использован метод сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, текстов переводов между собой.

В результате исследования выявлены две стратегии перевода поэмы: с сохранением содержания без сохранения формы (перевод Шпитц) и с одновременным сохранением формы и содержания (перевод Урбана), а также рассмотрена значимость комментария при переводе безэквивалентной лексики. В работе исследуются особенности перевода советских реалий, в том числе элементов одежды, блюд, алкогольных напитков и др. На примере перевода поэмы ставится вопрос о том, что важнее: передача смысла или сохранение уникального авторского стиля. Например, номинация *соцобязательства* (глава «Кусково — Новогиреево») в переводе Шпитц передается с помощью описательного перевода как *eine Liste unserer Zielsetzungen im sozialistischen Wettbewerb* [Jerofejew, 2021: 32], что позволяет немецкому читателю сразу понять значение советской реалии. Урбан, наоборот, считает важным сохранение формы слова и предлагает такой перевод, как *Sozvepflichtung* [Erofeev, 2005: 33]. При этом в послетекстовом комментарии переводчик объясняет значение данного понятия и указывает на то, что автор поэмы высмеивает многочисленные сокращения, которые присутствовали в русском языке в советское время: *Sozverpflichtung — russ. socobjazatel'stvo; Erofeev verspottet hier wie im Folgenden die schon von Trockij belächelte Abkürzungswut der Sowjetsprache, ihre Neologismen. Hier: das offizielle Versprechen, den Plan überzuerfüllen* ('Соцобязательство; Ерофеев высмеивает здесь, как и далее, уже высмеянную Троцким безумную тягу советского языка к сокращениям, его неологизмы. Здесь: официальное обещание перевыполнить план') [Erofeev, 2005: 204].

На основе результатов сопоставления делается вывод о важности комментария к переводу для понимания смысла произведения и необходимости сохранения формы при передаче авторского стиля.

Литература

Erofeev V. Moskau — Petuški. Ein Poem. Neu übersetzt und mit einem Kommentar von Peter Urban. Zürich, 2005.

Jerofejew W. Die Reise nach Petuschki. Ein Poem. Aus dem Russischen von Natascha Spitz. München, 2021.

Аллик Степан

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Тарнаева Лариса Петровна

д-р пед. наук, проф.
Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ИТАЛЬЯНСКОГО НА РУССКИЙ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ

Перевод фразеологических единиц представляет собой одну из наиболее сложных задач современной переводческой практики, поскольку значительная часть фразеологизмов основана на образном переосмыслении объектов реального мира и исторических событиях, что при переводе требует учета национально-культурных различий в восприятии окружающей действительности носителями разных языков и культур. Это должно служить базой, позволяющей снижать потерю культурной информации и стилистического эффекта.

Цель настоящего исследования — выявить специфику перевода итальянских фразеологизмов на русский язык, которая способствовала бы преодолению трудностей, связанных с сохранением и передачей семантических, культурных и стилистических особенностей оригинальных выражений. Обзор переводческих стратегий позволит выработать практические рекомендации, что должно повысить качество перевода фразеологизмов. Эмпирический материала был отобран с помощью специализированных сборников и словарей итальянской идиоматики, прежде всего «Dizionario dei Modi di dire italiani».

Для передачи фразеологизмов средствами языка перевода могут использоваться такие переводческие приемы, как эквивалентный перевод, калькирование, перевод-аналог, описательный перевод.

Эквивалентный перевод используется, если в языке перевода есть аналогичное выражение [Федоров, 1953: 117–119]. Например, итальянский фразеологизм *essere come due gocce d'acqua* может передаваться на русский язык выражением *как две капли воды.*

Калькирование представляет собой дословный перевод с возможной адаптацией синтаксиса. Этот прием применяется в тех случаях, когда дословный перевод сохраняет смысл. Однако в ряде случаев калькирование может исказить значение [Арнольд, 2018: 64]. Например, итальянское выражение *avere sette vite come i gatti* дословно переводится *иметь семь жизней, как у котов*, в то время как в русском языке устойчивым выражением является вариант у *кошки девять жизней*.

Перевод-аналог позволяет заменить фразеологизм исходного текста близким по смыслу фразеологизмом в языке перевода. Например, *piangere sul latte versato* (букв.: 'плакать над пролитым молоком') переводится как *слезами горю не поможешь.*

Описательный перевод используется в том случае, когда смысл фразеологизма трудно или даже невозможно вывести из значения его компонентов. В частности, описательный перевод нередко используется при переводе фразеологических единиц, которые по классификации В. В. Виноградова относятся к фразеологическим сращениям [Виноградов, 1977]. Пример итальянского фразеологизма, который требует описательного перевода, — *attaccare il cappello al chiodo* (букв.: 'повесить шляпу на гвоздь') — означает *удачно пристроиться*, особенно за счет богатой женщины, на которой можно выгодно жениться. Таким образом, для передачи смысла на русский язык приходится прибегнуть не к фразеологическим, а лексическим средствам.

В любом случае перевод фразеологизмов требует комплексного подхода, учитывающего семантические, культурные и стилистические особенности. Выбор переводческого приема зависит от контекста и целевой аудитории.

Литература

Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 2018.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.

Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953.

Подласова Александра Ивановна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИЗВИНЕНИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЕЖНОГО СЕРИАЛА «KLASSEN»

Доклад посвящен анализу способов выражения извинения в датском языке. Актуальность данной темы обусловлена недостаточной изученностью языковых особенностей выражения извинений в датском языке в контексте современного молодежного общения. Извинение является важным элементом межличностной коммуникации, позволяющим поддерживать социальную гармонию и разрешать различные конфликты.

Материалом исследования послужили речевые ситуации и формулы извинений, отобранные методом сплошной выборки из первого сезона датского молодежного сериала «Klassen» («Класс»). Всего было собрано 72 примера речевых формул извинения: *undskyld* (37 единиц), *jeg undskylder* (1), *du må undskylde* (21), *jeg er ked af* (13) — ‘извини/те, прости/те’. Объектом исследования стали речевые ситуации извинения, представленные в первом сезоне сериала. Целью работы является выявление и изучение способов выражения извинения в датском языке.

В ходе исследования примеры речевых формул извинений были разделены на три группы, соответствующие классификации типов извинения Р. Ратмайр [Ратмайр, 2003]. Были выявлены особенности употребления речевых формул извинения в рамках различных коммуникативных ситуаций, представленных в сериале. Как показывает исследование, наиболее частотным является использование речевой формулы извинения *undskyld*, примеры ее употребления встретились во всех типах извинения. Кроме того, было отмечено, что извинения по существу представлены всеми выявленными речевыми формулами и являются наиболее распространенным типом извинения в отобранном материале. Конвенциональные извинения представленные формулами *undskyld* и *du må undskylde*, как правило не требуют обязательной ответной реакции адресата. Метакоммуникативные извинения представлены одной формулой *undskyld*, как и конвенциональные, они не требуют реакции от адресата.

Литература

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М., 2003.

Трофимцева Анастасия Сергеевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (на материале мюзикла «The Phantom of the Opera»)

Исследование посвящено актуальной для современной лингвистики и переводоведения проблеме перевода текстов музыкальных произведений как полимодальных единств. Новизна работы заключается в применении теории полимодальности к анализу переводов мюзикла, что позволяет выявить взаимосвязь вербальных, аудиальных и визуальных модусов в создании целостного смысла [Kress, van Leeuwen, 2001]. Цель исследования — изучение особенностей межъязыковой адаптации текстов музыкального произведения с учетом их взаимодействия с музыкальным сопровождением, сценическим действием, формулирование принципов, определяющих выбор переводческих решений. В рамках работы была предпринята попытка выполнить собственные переводы ключевых композиций мюзикла, что позволило продемонстрировать практическое применение теоретических положений.

Материалом исследования послужили тексты песен мюзикла «The Phantom of the Opera», официальный перевод на русский язык А. Иващенко и видеоматериалы постановок. Теоретическая база включает труды по полимодальности, теории перевода и музыковедению. В качестве методов исследования были использованы полимодальный анализ, учитывающий взаимодействие вербального, аудиального и жестового модусов, сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода.

В рамках исследования было установлено, что взаимодействие модусов проявляется на протяжении всего произведения. Перевод музыкального текста требует синхронизации вербального компонента с ритмом и мелодией. Например, в композиции «Angel of Music» смена тональности (си-бемоль — ре мажор) коррелирует с эмоциональным накалом диалога Кристин и Призрака, что и переводчик передает через экспрессию — обращение *Музыки Ангел, выйди к свету*. Среди часто использованных приемов были выявлены компенсация и генерализация. В произведении «The Phantom of the Opera» опущение метафоры *slave of fashion* компенсируется в русском тексте эпитетом *дерзкий мальчишка*, что сохраняет презрительный тон Призрака. Анализ показал, что текстовая структура оригинала часто трансформируется для сохранения певучести, поэтому ритмико-мелодическая адаптация неизбежна. В «The Music of the Night» строка *Night-time sharpens, heightens each sensation* переведена как *Кровь волнуя, чувства обостряя* за счет опущения, но с сохранением ритмического рисунка и компенсацией далее по ходу текста. В переводе А. Иващенко актуализированы образы, близкие русскоязычной аудитории (напр., *сказки* вместо *father's stories* в «Angel of Music»), что усиливает культурное и эмоциональное восприятие.

Исследование подтвердило, что перевод музыкальных текстов требует учета их полимодальной природы. Эффективная адаптация возможна при соблюдении баланса между вербальной точностью, ритмико-мелодической гармонией и культурной релевантностью. При возникновении формальной непередаваемости отдельного языкового элемента источника его эстетическая функция может быть воспроизведена в системе целого или же на его основе, что и влечет за собой возможность выбора переводческого решения относительно формального характера элемента для передачи функции при переводе [Федоров, 2002: 278].

Литература

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. М., 2002.

Kress G., Van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London, 2001.

Корлыханов Дмитрий Игоревич
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЧЕРТ НАУЧНОГО СТИЛЯ ДНЕВНИКА ЭКСПЕДИЦИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Целью настоящего исследования является изучение грамматических черт научного текста XVIII в. и установление способов их адекватной передачи в переводе на русский язык. Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки понимания способов передачи в переводе особенностей грамматики текста, обусловленных его функциональным стилем и временем создания. Новизна исследования состоит в том, что существующие на сегодняшний день работы по исторической стилистике слабо освещают проблемы перевода научных текстов предыдущих эпох. В ходе выполнения исследования были использованы описательный метод и метод сопоставительного анализа.

В качестве материала для исследования был выбран фрагмент дневников экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Россию — «Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727» — за 1–30 апреля 1721 г., а также перевод данного фрагмента, выполненный А. В. Моревой.

В исследуемом тексте были выделены грамматические особенности немецкоязычного текста XVIII в., такие как отличия в грамматическом управлении различных частей речи, опущение связочных глаголов в придаточных предложениях, особенности употребления указательных и относительных местоимений, а также частные особенности архаичного построения глагольных форм и употребления предлогов, к примеру, *vor* и *für*. В ходе исследования было установлено, к каким стратегиям прибег переводчик для адекватной передачи вышеуказанных особенностей и выполнения исторической стилизации текста перевода. Было установлено, что основным приемом переводчика выступила компенсация на лексическом и грамматическом уровнях. Так, были задействованы такие средства стилизации, как различные типы архаизмов и историзмы (в аспекте лексики), а также устаревшие падежные окончания, причастные обороты, соединительные слова с возвышенной стилистической коннотацией и инвертированный порядок слов (в аспекте грамматики). Вместе с тем, в ходе исследования было выявлено, что указанные средства применялись переводчиками непоследовательно и оказались распределены по тексту перевода неравномерно.

Важно отметить, что исследование показало низкую актуальность современной классификации функциональных стилей речи в отношении текстов, созданных до ее появления в конце XVIII в. В частности, это касается исследуемого текста. В связи с этим было установлено, что для подобных текстов стиль следует определять по коммуникативной ситуации, в которой создавался текст. Для исследуемого текста, таким образом, стиль наиболее близко был определен как стиль дневника научного путешествия — стиль, лежащий на стыке научного и художественного функциональных стилей.

Крылов Захар Николаевич
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Интерес людей к политической сфере жизни общества остается на достаточно высоком уровне, что приводит к их взаимодействию с политическими выступлениями практически на повседневной основе. Однако необходимо научиться критически подходить к подобному материалу и уметь отличать апеллирование к фактам, несущее практическую пользу, от воздействия на эмоции слушателей. Исследователи выделяют определенные функции политического дискурса, напр., побудительную, а также эмотивную [Чудинов, 2009: 92–94]. Посредством данных функций реализуется эмоциональное воздействие на читателя. Целью исследования было рассмотрение лексических экспрессивных средств и анализ успешности сохранения коммуникативного намерения автора в тексте перевода. В рамках работы были рассмотрены политические речи Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона, представленные на официальных сайтах в сети Интернет. В контексте изучения лексических средств было уделено внимание эмоционально-окрашенным прилагательным, потому что, несмотря на разнообразие целей и вариантов их применения, удалось выделить четкие закономерности их использования. Среди целей политиков были отмечены цели сплотить население, подчеркнуть значимость освещаемого явления или же сформировать негативное отношение к обсуждаемой ситуации. Кроме того, мы обратили внимание на использование прилагательных в превосходной форме *the toughest* — ‘беспрецедентный’, *the poorest* — ‘бедные’, *the needliest* — ‘нуждающиеся’, часто встречающихся в речи Б. Джонсона. При переводе превосходная степень в первом примере была передана прилагательным с эмотивной коннотацией, а во втором и в третьем примерах — при помощи номинализации. Прилагательные *appalling* — ‘страшные’, *crucial* — ‘важнейшие’, *vital* — ‘жизненно важные’, которыми изобилует речь Мэй, сами по себе достаточно экспрессивны, без необходимости использовать степени сравнения. При переводе таких лексем переводчикам потребовалось изменить впечатление от высказывания посредством подбора более обыденных слов, как в первом случае, или же, наоборот, посредством усиления значения слова, как во втором случае. В рамках анализа речей Д. Кэмерона удалось обнаружить усиление впечатления посредством слова *very* — ‘очень’. *…where people can come and make a contribution and rise to the very highest that their talent allows…* — ‘где любой человек имеет возможность внести свой вклад и *полностью* реализовать свой потенциал’; *let me be clear, the 2 challenges are very distinct and very different* — *‘Позвольте мне внести ясность. Эти проблемы очень разноплановые* и *очень сложные’*. Как заметно из перевода, значение меры/степени удалось сохранить не во всех случаях. Были выделены иные расхождения в переводе на русский язык, где исходная превосходная степень слова была опущена, слово изменено на близкое по значению, или же ряд повторений сокращен до единичного упоминания прилагательного. Среди закономерностей удалось отметить использование слова *great* — *‘великий’*, употребленного в высказываниях несколько раз подряд и встречающееся в выступлениях всех упомянутых спикеров. Помимо этого, в рассмотренных текстах вместо единичных прилагательных используется комбинация нескольких или применяется повтор. Такое выделение информации говорит о стремлении выступающих повлиять на мнение слушателей и изменить восприятие ситуации.

Литература

Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург, 2009.

Ganicheva Anastasia Sergeevna
Master's Student
St. Petersburg State University

REPRESENTATION OF HOMOGENEOUS AND HETEROGENEOUS SEMANTIC SHIFTS IN RUSSIAN TRANSLATION OF "THE FORSYTE SAGA" BY J. GALSWORTHY

The work discusses homogeneous and heterogeneous semantic shifts in the aspect of translation. The first type includes such transferred epithets as hypallage and enallage. The second one contains constructions in which an attribute is substantivized and an object is represented by means of a noun used in the genitive case form [Мурзин, 1984: 48]. These semantic shifts are considered to be a variety of linguistic anomalies [Арутюнова, 1987: 3]. Semantic shifts reveal individual features of the writer's artistic thought, their linguistic creativity and idiostyle, therefore, they are subject to representation in translation. In general, the study deals with the issue how the source text's essence is represented in the target culture, which explains the relevance of the research under consideration. The paper examines how semantic shifts are represented in Russian translation of English literature, based on "The Forsyte Saga" by J. Galsworthy. The work classifies the semantic shifts which characterise the author's idiostyle and the tactics of their translation. Moreover, the research corresponds to the current cognitive linguistic paradigm. Both general and specific research methods are applied in the work, such as logical, derivational, semantic, syntactic, stylistic, discourse, pragmatic, and quantitative kinds of analysis. Several examples from "The Forsyte Saga" by Galsworthy can be considered. Based on the analysis, three tactics of representing the semantic shifts have been identified: destruction, reconstruction and construction.

> *June stood before him, her* ***resolute small face*** *raised from her little height to his great height, and her hand outheld* [Galsworthy, 2012: 8].
>
> И Джун с протянутой рукой остановилась перед Джемсом, **решительно глядя на него** снизу вверх [Голсуорси, 2017: 4].

The character's decisiveness is actualised by the hypallage: syntactically, the adjective "resolute" is associated with the word "face", and semantically with the verb "raised". It is destructed in Russian translation.

> *Even Aunt Ann was there; her inflexible back, and* ***the dignity of her calm old face*** *personifying the rigid possessiveness of the family idea* [Galsworthy, 2012: 4].
>
> Даже тетя Энн была здесь: негнущийся стан и **спокойное достоинство ее старческого лица** воплощали в себе непоколебимый дух собственничества, свойственный всей семье [Голсуорси, 2017: 3].

Here the enallage is constructed. The adjective *спокойное* is syntactically related to *достоинство*, and semantically to the noun *лица*.

An analysis of semantic shifts representation in translation leads to the conclusion that these shifts pose a significant translation challenge. The reconstruction and construction of semantic shifts in translation facilitate a more thorough conveyance of the source text within the target culture, encompassing its emotivity and artistic linguistic form.

References

Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.

Голсуорси Д. Собственник. Последнее лето Форсайта. В петле / пер. с англ. Н. Д. Волжина [и др.]. 2017.

Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Конспект лекций. Пермь, 1984.

Galsworthy J. The Forsyte Saga. New York, 2012.

Поляков Глеб

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Компьютерные игры неотъемлемо включают текстовую информацию, перевод которой представляет собой порой непростую задачу в силу ряда лингвистических, культурных и технических особенностей. Целью работы является исследование и анализ некоторых особенностей квазиреалий и проблематики их перевода. Материалом исследования послужили примеры квазиреалий, представленных в англоязычных компьютерных играх «Kingdom Come: Deliverance, Borderlands», «Skyrim V», «Fallout» и «Red Dead Redemption», а также их перевод на русский язык. Для локализаторов видеоигр одной из самых сложных задач является передача квазиреалий, представляющих собой выдуманные предметы и явления, характерные для конкретных вселенных, в рамках которых происходит действие игры. Основная сложность перевода квазиреалий на иностранный язык связана с их двойственной природой, поскольку, являясь органичной частью вымышленных вселенных, они включают явные или скрытые отсылки к реалиям «подлинного» мира. Основные виды квазиреалий во многом совпадают с видами обычных реалий, в связи с чем основные способы передачи реалий могут быть применены и к квазиреалиям. К таким способам относятся транскрипция (*Stealth Boy* — 'Стелс-бой'), транслитерация (*Psijic* — 'Псиджик'), калькирование (*Northwatch Keep* — 'Северная сторожевая крепость'), культурная адаптация (*Madjack* — 'Бешеный Иван'), комбинированный способ (*Gutted Bible* — 'Библия с потайным отсеком'). Описательный перевод редко используется при передаче квазиреалий в связи с техническими ограничениями компьютерных игр. Квазиреалии существуют в вымышленном контексте и могут лишь отдаленно напоминать реальные объекты или явления, что делает их более гибкими в плане адаптации, но одновременно требует от переводчика большей креативности, чтобы сохранить их уникальность. Основными трудностями передачи реалий и квазиреалий является отсутствие в переводящем языке соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей языка обозначаемого объекта (референта) и необходимость передачи коннотации наряду с предметным значением [Божко, 2010]. Одним из самых распространенных способов передачи квазиреалий в видеоиграх является культурная адаптация, поскольку этот метод позволяет заменить понятия, вызывающие непонимание или даже отторжение у аудитории, не знакомой с контекстом понятия, на более привычные аналоги, которые легко воспринимаются, не требуют дополнительных объяснений и не перегружают текст перевода. Примером культурной адаптации является передача названия уникального меча из игры «Kingdom Come: Deliverance», который в оригинальной игре носит название *Coxcomb*. В переводе локализаторы использовали вариант значения *Щеголь*, основанный на метафорическом переносе, поскольку это емкое и запоминающееся название, хорошо вписывающееся в средневековую стилистику игры и вызывающее ассоциации с чем-то уникальным и заметным. Таким образом, перевод квазиреалий является трудоемкой, многоаспектной задачей, которая требует не только лингвистической грамотности, но и индивидуального творческого подхода для осуществления адекватного перевода, влияющего на восприятие образов культур и народов придуманных миров русскоязычными пользователями компьютерных игр.

Литература

Божко Е. М. Анализ приемов передачи квазиреалий в переводе на русский язык романа Джона Р. Р. Толкина «Властелин Колец», выполненном А. А. Грузбергом // Вестник ЧГПУ. 2010. № 1. С. 238–248.

Мишустина Мария Игоревна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КНИГАХ ДЖ. РОУЛИНГ

Работа, представленная в рамках настоящего доклада, посвящена основным проблемам, сопровождающим передачу ономастических единиц при переводе произведений, написанных в жанре фэнтези.

Актуальность исследования обоснована тем, что ономастика как лингвистическая дисциплина выделилась относительно поздно, вследствие чего на данный момент не существует единого подхода к передаче ономастических единиц при переводе художественных текстов на русский язык. Таким образом интерес к проблемам ономастики сохраняется во многих лингвистических исследованиях. Новизна данной работы заключается в том, что в ходе исследования рассматриваются частные аспекты ономастики и переводоведения на примере произведений автора, осознанно использующего как узуальные, так и окказиональные ономастические единицы. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить основные проблемы, связанные с передачей ономастических единиц, и способы их решения при переводе художественного текста. Материалом работы послужили текст «Fantastic Beasts And Where to Find Them» Дж. Роулинг и два наиболее распространенных варианта его перевода, выполненные М. Лахути («РОСМЭН») и М. Спивак («Махаон»).

Методы исследования, используемые в данной работе, включают лингвокультурологический, лексико-семантический, сопоставительно-переводческий и стилистический анализ, а также метод сплошной выборки. В ходе работы было рассмотрено определение ономастической единицы как слова или словосочетания, которое служит для индивидуализации и идентификации объекта. Также была произведена предметно-номинативная классификация отобранных примеров (в связи с именуемым объектом), в результате чего были выделены пять категорий: онимы, именующие живых существ (антропонимы и зоонимы); топонимы; названия организаций и учреждений; онимы, именующие письменные источники (документонимы и названия литературных произведений); иные реалии произведения.

В результате проведенного исследования выявлены основные проблемы, сопровождающие передачу ономастических единиц при переводе на русский язык: проблемы передачи мотивировочного признака, происхождения ономастической единицы, а также сохранения фонетического сходства и благозвучия. Также выделены переводческие трансформации, применяемые для решения данных проблем и обеспечения адекватности перевода: транскрипция и транслитерация для передачи узуальных онимов, именующих живых существ (*Bathilda Bagshot — Батильда Бэгшот*), калькирование, а также его сочетание с транскрипцией и транслитерацией — для передачи окказиональных онимов (*Griphook — Крюкохват; Цапкрюк*); замена узуальных топонимов традиционными соответствиями (*Black Forest — Шварцвальд*) и калькирование окказиональных (*the Isle of Drear — остров Дрир*; *Безотрад*); калькирование названий организаций и учреждений (*The Department for the Regulation and Control of Magical Creatures — Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними*), а также онимов, именующих письменные источники (*the Werewolf Register — Реестр Оборотней*); калькирование или экспликация онимов, именующих иные реалии произведения (*Muggle-Repelling Charms — Чары, отпугивающие маглов; Муглорепеллентные чары*). Необходимость применения различных переводческих трансформаций обусловлена многообразием ономастических единиц, встречающихся в книгах Роулинг.

Аладышкин Василий Алексеевич

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Работа, представленная в рамках настоящего доклада, посвящена анализу способов и приемов, используемых при переводе романа «Мы» Е. И. Замятина. Материалом для исследования послужил текст романа на русском языке и несколько его переводов на английский язык, выполненных в разные временные периоды, в том числе самый первый перевод романа Г. Зильбурга (1924), М. Гинзбург (1972), Н. Рэндолл (2006), Б. Шаевич (2021), который является последним из опубликованных переводов. Целью исследования является сравнение различных переводческих стратегий при передаче лексических средств оригинального текста. Сравнительно-сопоставительный метод и метод лингвостилистического анализа позволили произвести анализ текстов переводов и выявить особенности каждого из них. Уделяется внимание переводческим трансформациям, которые использовались для перевода имен собственных (*День Единогласия*, *Часовая Скрижаль*), стилистических неологизмов (*пластырецелительные улыбки*), метафор, фразеологизмов (*душа в душу*), оксюморонов (*благодетельное иго*). Описана проблематичность перевода терминов, использующихся Замятиным в ненаучном контексте (*парабола*, *знаменатель*), а также перевод техницизмов (*долото*, *балансир*, *динамо*). В частности, Гинзбург и Шаевич переводят *динамо* как *engine*, остальные выбирают *dynamo*; Гинзбург переводит *долото* как *chisel*, а Шаевич и Гинзбург используют *bit*, которое ближе по значению к лексеме *сверло*. Кроме того, Замятин часто прибегает к использованию окказионализмов, большинство из которых относятся к глаголам (*заплюхать*, *хореизировать*, *экстирпировать*). Рассмотренные переводчики расходятся в выбранных ими приемах передачи перечисленных особенностей оригинального текста. Отмечаются также фактические ошибки, сделанные, напр., при переводе числительных. В работе также рассматриваются различия в подходах к трансформациям синтаксических конструкций, характерных для русского языка и значительно в меньшей степени характерных для английского, — напр., односоставным и эллиптическим предложениям, сложным предложениям с несколькими придаточными и т. д. Кроме того, уделяется внимание разнице в переносе пунктуации оригинального текста, напр., замене многоточий на тире, тире на двоеточие и пр.

Filimonova Nadezhda Aleksandrovna
Master's Student
St. Petersburg State University

AUDIOVISUAL TRANSLATION OF PUNS IN ANIMATED FILMS (a case of "Miraculous: Tales of Ladybug and Cat Noir" animated series and its translations into Russian and Spanish)

Translating puns has always been one of the biggest challenges for translators. Audiovisual translation of puns is an even more complicated task, especially if the personality of one of the main characters of a film or a show is built on puns. Such is the case of the "Miraculous: Tales of Ladybug and Cat Noir" animated series and one of its protagonists, Cat Noir.

The relevance of the present research is conditioned by the interest that scholars take in animated films discourse. The novelty of the research stems from the international popularity of the show under study and the fact it has not yet been thoroughly analyzed from the point of view of pun translation strategies.

The goal of the study is determining the most common translation strategies that are applied by translators to translate Cat Noir's puns. In order to achieve this goal, the following objectives are set: to define the pun as a phenomenon on the base of existing definitions; to identify the key differences between existing approaches to pun translatability; to find the key differences between existing strategies of pun translation; to establish what strategies are used in every example selected for the study and to make a general conclusion regarding all the examples.

The research is based on E. Aleksandrova's classification of pun translation strategies and the works of such scholars as D. Delabastita, G. Pisek, H. Gottlieb, T. Schröter, A. Veisbergs, S. Vlakhov.

The practical material of the study is comprised by Cat Noir's puns from "Miraculous: Tales of Ladybug and Cat Noir" in their English dubbing and their official dubbed translations into Russian, European Spanish and Latin American Spanish. It is necessary to clarify that the English version of the series is officially recognized by its creators as one of the original ones. The examples of Cat Noir's puns and their translations are selected according to the method of continuous sampling. The procedure of the research is as follows. After a pun is discovered in the original version of the series, its translations are found, compared and contrasted to the original. The total number of examples examined is 120 (including their translations into three languages).

The results of the research showed that the most common translation strategies used in the three target texts are generally similar. The most common strategy is game change, meanwhile there are also many examples of non-pun replacement. In the case with European and Latin Spanish, puns are sometimes translated remarkably accurately thanks to the fact the idiomatic expressions used in them exist in both the source and the target language.

Николаева Анна

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УГРОЗЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (на материале сериала «Вавилон-Берлин»)

Цель исследования заключается в выявлении особенностей перевода субтитров с немецкого языка на русский и анализе лексико-грамматических средств, с помощью которых угроза может быть выражена вербально. В качестве эмпирического материала был выбран немецкий драматический сериал «Вавилон-Берлин», в котором достаточно часто возникают конфликтные ситуации, что обусловлено в первую очередь тематикой. В первых трех сезонах с помощью метода сплошной выборки и коммуникативно-прагматического анализа были обнаружены 32 фразы, содержащие угрозу, две из которых первоначально произнесены на русском языке.

Прежде не приводилась классификация синтаксических конструкций, служащих для выражения вербальной угрозы, что позволяет говорить о новизне работы: как правило, основное внимание при изучении речевого жанра «угроза» уделяется лексическим средствам. Кроме того, ранее феномен угрозы не изучался на материале телесериала. Теоретической базой исследования послужили монографии Дж. Серля и Дж. Остина по общей лингвопрагматике, работы У. Энгеля, Т. Г. Рабенко и Н. Г. Нестеровой, изучавших вербальную угрозу, учебные пособия И. С. Алексеевой и Л. С. Бархударова по переводоведению и труды А. В. Козуляева и В. Е. Горшковой, посвященные аудиовизуальному переводу.

Стоит отметить, что в рамках концепции вербальной агрессии сложно четко дифференцировать угрозу, предупреждение и приказ. Иллокутивная цель угрозы — заставить адресата выполнить действие, соответствующее интересам говорящего, но не интересам адресата. Достигается эта цель путем запугивания [Нестерова, Рабенко, 2007: 235].

Основными синтаксическими конструкциями для выражения вербальной угрозы в сериале являются сложносочиненные предложения (*Eure Uniform, dann nichts passiert.* — ‘Отдайте форму, и мы вам ничего не сделаем’), сложноподчиненные предложения с придаточным условия (*Wenn ihr die Bremse zieht, dann knall ich euch ab!* — ‘Дернешь тормоз — пристрелю!’), предложения с вербализацией только возможного действия угрожающего (*Я тебя убью*) и сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным (*Du hast keine Ahnung, mit wem du’s zu tun hast.* — ‘Ты понятия не имеешь, с кем имеешь дело’).

Для сопоставительного анализа субтитров необходимо было выбрать одну из классификаций переводческих трансформаций: мы следовали классификации И. С. Алексеевой, которая в качестве основных видов выделяет перестановки, замены, добавления и опущения [Алексеева, 2004: 158–169].

Сопоставив фразы на немецком и русском языках, можно сделать вывод, что наиболее часто — в 15 фразах из 32 — переводчик совершал лексическую замену, при переводе 10 реплик была сделана синтаксическая замена, в 8 случаях — опущение, и в 6 — добавление. Отметим, что при переводе практически всех фраз была совершена не одна конкретная трансформация, а их комбинация. Адекватный перевод редко был достигнут путем дословного, что связано в первую очередь с техническими ограничениями субтитров и поликодовостью материала. В ходе анализа также были выявлены примеры переводческих ошибок, что позволяет сделать вывод о непрофессиональности перевода.

Литература

Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М., 2004.

Нестерова Н. Н., Рабенко Т. Г. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул, 2007. С. 235–244.

Анденко Юлия Павловна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ЦВЕТА В АНГЛИЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Английская, японская и русская языковые культуры с их традициями и особенностями по праву считаются одними из богатейших источников фразеологических единиц (ФЕ), отличающихся экспрессивностью и эмоциональной окраской. Фразеология в целом и ФЕ с компонентами-наименованиями цвета в частности отражают самобытность культуры, мировосприятие, культурно-историческое развитие и инакость народа.

Целью настоящего доклада является проведение переводческого анализа и выявление особенностей перевода ФЕ с компонентами-наименованиями цвета в трех языках: английском, японском и русском. Научная новизна данной работы заключается в том, что ФЕ с компонентами-наименованиями цвета английского, японского и русского языков впервые рассматриваются в переводческом аспекте, что дает возможность комплексного выявления ценностных ориентиров трех языковых культур, описания переводческих механизмов, которые дают возможность поиска эквивалентов ФЕ в трех языках и их дальнейшего систематизирования. Актуальность настоящего доклада обусловлена возрастающим интересом лингвистов к фразеологии как дисциплине, которая отражает мировосприятие разных культур, и к сравнению этих лингвокультур и их вербальному воплощению в современных реалиях, а именно в реалиях диалога культур, основной целью которого является взаимообогащение и взаимопонимание.

При проведении исследования были использованы следующие методы: описательный — при отборе и анализе эмпирического материала; сравнительно-сопоставительный — с целью выявления универсальных общеязыковых признаков и национальной специфики английских, японских и русских ФЕ с компонентами-наименованиями цвета; элементы метода компонентного анализа — для лингвокультурологического описания национально-маркированных компонентов в структуре ФЕ с компонентами-наименованиями цвета.

Так, к приемам фразеологического перевода можно отнести поиск индивидуальных эквивалентов. Например, ФЕ с компонентом-наименованием цвета *голубая кровь* имеет точный эквивалент как в английском — *blue blood*, так и в японском 血が青い (дословно ‘кровь — голубая’). К нефразеологическим приемам перевода можно отнести лексический перевод, калькирование и описательный перевод. Анализ ФЕ с компонентами-наименованиями цвета в трех языках показал, что прием перевода связан и с характеристиками ФЕ, и со структурно-семантическим типом ФЕ, и с культурными особенностями, которые нельзя не учитывать.

Делая выводы, стоит подчеркнуть, что ввиду особенностей ФЕ с компонентами-наименованиями цвета в разных языковых культурах, а также ввиду культурных особенностей, выбор переводческого приема будет варьироваться. Однако основное, к чему следует стремиться при переводе ФЕ с компонентами-наименованиями цвета, — передача смысла и сохранение образа, который несет в себе та или иная ФЕ.

Разумова Мария Игоревна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СЕРИИ КНИГ «WARHAMMER 40 000»

Окказионализмы широко используются в жанре научной фантастики, для которой они являются жанрообразующим признаком, а проблема их перевода вызывает интерес исследователей. Цель работы — выявление стратегий и способов перевода окказионализмов с английского на русский язык на материале оригинального произведения Д. Абнетта «Horus Rising» из цикла книг «Horus Heresy» и официального перевода И. Савельевой «Возвышение Хоруса».

В ходе исследования было проанализировано 80 страниц оригинального произведения, что соответствует 97 страницам перевода, собрано 103 примера. Ранее анализ решения переводческой проблемы передачи окказионализмов на материале серии книг «Warhammer 40000» не проводился, чем обусловлена новизна исследования.

В результате словообразовательного анализа были установлены следующие способы словообразования окказионализмов в оригинальном произведении: аффиксация (*abbrocarius*), словосложение (*warmaster*), усечение (*vox*), блендинг (*Ullanor*) (от наиболее к наименее продуктивным). На основании переводческого анализа были выделены следующие способы перевода окказионализмов: комплексные переводческие трансформации (*the cloak technology — защитная технология*) (37 %), калькирование (*primary iterator — верховный итератор*) (31 %), транскрипция и транслитерация (*primarch — примарх*) (18 %), описательный и приближенный перевод (*stormbird — десантный катер*) (9 %), генерализация и опущение (*the induction gates — ворота*) (4 %), создание переводческого неологизма (*horologs — датчики времени*) (3 %).

Транскрипция и транслитерация были применены при передаче имен собственных и безэквивалентной лексики, образованной на основе латинского слова-прототипа. Это обусловлено эклектичностью и интертекстуальностью произведения: высокотехнологичные реалии смешаны с античными. Часто переводчик прибегает к традиционной транскрипции имен собственных, образованных по латинской словообразовательной модели.

Калькирование было применено, когда сложное слово или окказиональное сочетание состояло из элементов английского языка, имеющих полные или частичные эквиваленты и подобный перевод не противоречил нормам русского языка. Не всегда удавалось передать стилистическую окраску слова, но чаще всего выбор этого средства был оправдан.

Приближенный и описательный перевод был использован с целью облегчить понимание текста читателем, стилистические черты оригинала при этом утрачивались. При приближенном переводе в контексте научно-фантастического жанра переводчик сопоставляет реалии вымышленного будущего и действительность, поэтому чаще аналогами выступают узуальные слова.

Опущение и генерализация были применены, чтобы облегчить понимание текста читателем, но при этом сохранить оригинальную структуру предложения, чтобы минимизировать переводческие трансформации, стилистический аспект при этом страдает.

Собственно-переводческие окказионализмы довольно малочисленны, потому что требуют больших усилий и профессионализма. Переводчик прибегает к ним, если хочет облегчить понимание, но сохранить стилистические особенности текста.

Данная работа подтверждает, что перевод окказионализмов в художественных текстах — комплексная задача, требующая наличия ряда навыков и погруженности в контекст.

Горюнова Ульяна Михайловна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА КОММУНИКАТИВНОЙ ДИСТАНЦИИ НА ВЫБОР СРЕДСТВ АДРЕСАЦИИ (на материале романа Д. Глаттауэра «Gut gegen Nordwind» и его перевода на русский язык)

В современном мире, где информация передается с невероятной скоростью и в немыслимых объемах, для человека становится незаменимым умение эффективно использовать язык, учитывая ситуацию общения, но чтобы коммуникация как таковая состоялась, мы прежде всего должны установить контакт с адресатом, в чем нам помогают т. н. средства адресации.

Целью исследования является изучение и описание средств лингвопрагматической категории адресации и способов их перевода с немецкого на русский язык. Поскольку большая часть современных исследований, посвященных средствам адресации, в качестве материала привлекает научные тексты, новизна данного исследования заключается в том, что оно сосредоточено на изучении средств адресации в рамках художественного произведения и направлено на заполнение пробелов в существующих научных работах. Материалом исследования послужили роман немецкого писателя Д. Глаттауэра (р. 1960, Glattauer) «Gut gegen Nordwind» и его перевод на русский язык, выполненный Р. Эйвадисом. Исследование проводилось с помощью метода лингвопрагматического анализа и сопоставительного метода на базе сплошной выборки примеров.

В ходе исследования мы рассмотрели понятие адресации, которое определяют как «задачу, которая стоит перед говорящим, когда он хочет вступить с кем-либо в диалог: говорящему необходимо сделать так, чтобы собеседник понял, что к нему обращаются, и почувствовал, что обязан среагировать» [Hartung, 2001: 1348], выяснили, что средства адресации делятся на первичные и вторичные [Гольдин, 2009: 47] и выделили в романе помимо первичных средств адресации (имен собственных, местоимений 2-го лица и контекстуальных обращений) также средства, которые было бы некорректно отнести к первичным или ко вторичным средствам адресации — те случаи, когда герои, обращаясь друг к другу, говорят друг о друге в третьем лице, что может иметь под собой несколько оснований: говорящий/пишущий хочет дистанцироваться от ситуации, которая вызывает в нем сильные эмоции, хочет подразнить собеседника или косвенно покритиковать его и т. д. Проанализировав все случаи использования первичных средств адресации, мы пришли к выводу о том, что их выбор часто зависит не только от возраста, пола и социального положения коммуникантов, но и от того, насколько коммуниканты близки друг другу или, наоборот, присутствует ли между ними дистанция (или создается намеренно): так, на материале романа подтверждается, что собеседники обращаются друг к другу по имени и фамилии, если мало знакомы друг с другом, для перехода на «ты» необходим серьезный повод (напр., возможная личная встреча), а контекстуальные обращения часто зависят от изобретательности человека и предыдущего коммуникативного контекста. Заметно, что переводчик старается подбирать такие варианты, которые адекватно и наиболее полно передавали бы все намерения коммуникантов в языке перевода, не всегда обращаясь при этом к словарным соответствиям.

Литература

Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / под ред. Л. И. Баранниковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

Hartung M. Formen der Adressiertheit der Rede / Hrsg. K. Brinker et al. // Text- und Gesprächslinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbbd. 2. Berlin; New York, 2001. S. 1348–1355.

Михайлов Евгений Ильич

студент 4-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ПЕРЕДАЧА КАТЕГОРИИ АВТОРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Цель исследования — выявить особенности передачи категории автора при переводе художественного текста на материале «Сонетов» У. Шекспира и их переводов, выполненных в разное время такими переводчиками, как М. А. Кузмин, С. Я. Маршак, С. А. Степанов. Основными методами исследования являются методы сравнительно-сопоставительного, лингвостилистического и биографического анализа. Актуальность обусловлена значимостью категории автора в художественном тексте, а также неослабевающим интересом к творчеству Шекспира и переводам его поэзии.

Категория автора имеет двойственную природу: с одной стороны, это текстовая категория с определенным лингвостилистическим выражением, с другой — она соотносится с реальным биографическим автором во внетекстовом пространстве и может отсылать к событиям его жизни. Она обеспечивает концептуально-стилистическое единство в масштабах корпуса текстов одного автора и историко-биографическую соотнесенность текста.

При этом в переводном тексте категория автора в значительной степени видоизменяется в ходе ее взаимодействия с языковой личностью переводчика. Субъективные предпочтения последнего, а также его интенция или принадлежность переводчика к определенному литературному направлению влияют на воссоздание категории автора и его оригинальной интенции.

Анализируя категорию автора в «Сонетах» Шекспира, необходимо учитывать существование нескольких теорий относительно их авторства. В отечественном шекспироведении наиболее освоены классическая стратфордианская и рэтлендианская теории, предлагающие две разные интерпретации замысла и адресованности «Сонетов». Согласно первой, «Сонеты» были написаны Шекспиром и тематически могут быть разделены на два блока: сонеты к другу и сонеты к возлюбленной. Согласно второй, сонеты были литературной перепиской Р. Мэннерса, 5-го графа Рэтленда, и его жены Е. Сидни. Каждая теория определяет способ организации «Сонетов», их концептуально-стилистические особенности, их биографическую соотнесенность. При этом для переводчиков, действующих в рамках классического шекспироведения, важнó в первую очередь эстетико-философское содержание «Сонетов», а для представителей неклассического шекспироведения на первый план выходит их историко-биографическая соотнесенность.

Так, набор животных *lion, tiger, phoenix* из сонета 19 в переводах превращается в *льва, тигра, феникса* (Кузмин, Степанов) и *льва, леопарда, феникса* (Маршак). Если для Кузмина и Маршака эти образы не несут дополнительной смысловой нагрузки, связанной с биографическим автором, и могут быть как сохранены, так и изменены ради соблюдения сугубо технических требований сонета, то для Степанова *лев, тигр* и *феникс* — отсылки к геральдическим символам Пембруков, Уолсингемов и символу самой Сидни. Следовательно, эти животные становятся не вариативными вспомогательными образами, но исторической реалией, изменение которой невозможно.

Таким образом, категория автора пронизывает и связывает между собой все уровни оригинального и переводного текстов. При существовании разных теорий относительно биографического авторства текста в переводе могут актуализироваться как концептуально-стилистические особенности категории автора, так и ее биографическая соотнесенность, что влияет на принятие переводческих решений и воссоздание категории автора в переводном тексте.

Смирнова Дарья Алексеевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РЕМЕСЛО» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТАТЬЯХ О КУЛЬТУРЕ (на материале журнала «deutschland.de»)

Цель исследования, представленного в рамках настоящего доклада, состоит в изучении и систематизации терминов лексико-семантического поля (далее — ЛСП) «ремесло» в немецкоязычных статьях о культуре, а также в анализе их перевода на русский язык с учетом культурной специфики.

Актуальность исследования обусловлена нижеследующими ключевыми факторами, связанными с современными тенденциями в области межкультурной коммуникации, лексикологии и переводоведения. В условиях глобализации возрастает значимость точного и адекватного перевода терминологии, связанной с культурными и историческими реалиями, поскольку это напрямую влияет на межъязыковую коммуникацию, понимание и сохранение культурного наследия. Особую актуальность тема приобретает в контексте изучения перевода на русский язык, где необходимо учитывать различия в культурных и языковых традициях двух народов. Немецкий язык отличается богатой ремесленной терминологией, которая зачастую содержит национально-культурные коннотации, требующие адаптации или объяснения в русском переводе. Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится системный анализ терминов ЛСП «ремесло» в немецкоязычных статьях о культуре с целью выявления особенностей их перевода на русский язык. Работа включает разработку подходов к передаче культурно-специфических элементов терминологии, что позволяет уточнить принципы межкультурного перевода и адаптации текстов.

В качестве материала для исследования был выбран журнал «deutschland.de». Это научно-популярный журнал о Германии, в котором представлена информация на разнообразные темы об этой стране. Этот журнал может представить обширные наблюдения над ремесленной деятельностью, охватывающей не только культуру, но и социально-экономические аспекты. Проведенный анализ ЛСП «ремесло» в русском и немецком языках базировался на корпусе, включающем 6 статей в каждом языке. Общий объем корпуса составил 50 000 токенов для русского языка и 48 000 токенов для немецкого. Из корпуса было отобрано 512 единиц, относящихся к ЛСП «ремесло», в русском языке и 498 единиц в немецком. Для данного исследования мы использовали метод контролируемого отбора. В ходе работы мы сравнили определения «das Handwerk» и «ремесло». Анализ показал, что, несмотря на схожесть структур, имеются различия в семантике и культурном фоне. Немецкий язык чаще использует однокоренные слова и феминитивы, отражая культурную специфику, тогда как русский предпочитает многосложные термины и генерализацию. Полученные результаты подчеркивают важность учета культурно-семантического контекста при переводе. В ходе работы мы также рассмотрели, к каким переводческим трансформациям прибегал переводчик. В результате проведенного исследования был сделан вывод, что наиболее часто применяются вариантные соответствия и лексическая замена. Эти методы отличаются универсальностью и позволяют гибко адаптировать текст к целевому языку, сохраняя его смысл и функциональную нагрузку.

Которова Анна Владимировна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОПОСРЕДОВАННАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XIX в.: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие интереса к скандинавской культуре в России начинается в XIX в. Поскольку древнеисландская литература ранее не переводилась, XIX в. считается отправной точкой знакомства с ней русского читателя. Важной для рассмотрения становится переводческая рецепция древнеисландской литературы на русском языке в XIX в. Цель доклада — выявление специфики переводческой рецепции. Новизна работы заключается в отсутствии исследований переводов древнеисландской литературы на русский язык XIX в. и их рецепции переводчиками как носителями культуры принимающего языка. Материалом послужили переводы древнеисландской литературы в XIX в. Основной метод — анализ литературных источников и синтез полученных данных. Художественный перевод — это не просто передача смысла, а процесс межкультурного взаимодействия. Переведенный текст (ПТ) существует в диалоге с исходным текстом (ИТ), но его восприятие превращает этот процесс в полилог. Основной проблемой является то, что переводчик выполняет две роли: он и реципиент текста, и его интерпретатор. Как первый реципиент ИТ, он проходит тот же процесс интерпретации, что и читатель, но с добавленной задачей — воссоздать произведение в другой языковой среде. При этом минимизировать собственное восприятие в переводе практически невозможно.

Переводами древнеисландской литературы занимались А. Х. Востоков, Я. К. Грот, А. Н. Чудинов, А. Н. Веселовский, М. И. Кудряшев, Ф. Д. Батюшков и др. Большинство переводов представляли собой вольные пересказы, выполненные с немецких и французских адаптаций. В качестве примера обратимся к сборнику Чудинова «Старшая Эдда (Семунда Мудрого)» для иллюстрации ошибок и следов текстов-посредников. В предисловии есть две фактические ошибки: 1) авторство приписывается Семунду Мудрому — легенда, опровергнутая к моменту выпуска сборника; 2) отождествление слов «Эдда» и «Прабабушка». Можно предположить, что переводы в этом сборнике делались с немецкого языка [Свириденко, 1917: 46]. Первое, на что следует обратить внимание, это сноска «Morgengabe» в «Третьей песне о Сигурде» [Старшая Эдда, 1897: 60]. Сноска относится к выделенным полужирным словам в 34 строфе: ‘Я не нуждалась, чтобы мужчина предложил мне **утренний свадебный подарок**…’ Более того, этой строфы нет в подлиннике: *Né ek vilda þat, at mik verr ætt*… ‘Я не хотела, чтобы муж имел меня…’ [Свириденко, 1917: 46]. Отсутствие в ИТ такого уточнения и наличие сноски в переводе говорит о том, что переводчик не знаком с ИТ и переводил с немецкого. Подобное также ярко выражено в «Песне о Бальдуре», где Майков ввел новые образы и изменил сюжет мифа [Старшая Эдда, 1897: 11–21].

Анализ показывает, что русские переводы древнеисландской литературы XIX в. основаны на посредниках, что привело к формированию опосредованной рецепции. Это проявляется в заимствовании ошибок, следовании интерпретациям промежуточных источников и адаптации содержания под нормы языка-посредника. В результате тексты, дошедшие до русского читателя, оказались не только стилистически, но и содержательно трансформированными, что свидетельствует о двойной интерпретационной обработке.

Литература

Старшая Эдда (Семунда Мудрого): Сборник мифологических, гномической и эпических песен, в переводах русских писателей: Древне-скандинавский народный эпос / отв. ред. А. Н. Чудинов. СПб., 1897.

Эдда. Скандинавский эпос. Т. 1 / пер., введ. и коммент. С. Свириденко. М., 1917.

Овчинникова Арина Андреевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ В СБОРНИКЕ «ДЕВЯТЬ РАССКАЗОВ» ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА

Тема исследования, представленного в рамках настоящего доклада, связана с изучением реализации категории интеррогативности в сборнике Дж. Д. Сэлинджера «Девять рассказов». В «Девяти рассказах» вопрошание выполняет текстообразующую функцию и вынесено уже в эпиграф в форме интеррогативного высказывания — буддистского коана «We know the sound of two hands clapping, but what is the sound of one hand clapping?». Можно предположить, что сам цикл есть поиск ответа на этот вопрос, что подчеркивает значимость вопрошания в художественной концепции и идиостиле Сэлинджера.

Ключевой в исследовании является категория интеррогативности. В современной лингвистике ее рассматривают как функционально-семантическую категорию, представляющую собой единство семантики запроса о неизвестном и системы ее выражений в языке [Логинов, 2012: 82]. Структурообразующим и функционально-значимым компонентом данной категории является интеррогативное высказывание (ИВ), актуализирующее семантику запроса или уточнения [Логинов, 2015: 4]. С логико-философских позиций интеррогативное высказывание трактуется как языковой способ объективации знания в ситуации незнания.

При анализе интеррогативных высказываний мы учитываем возможную асимметрию их плана содержания и плана выражения, соответствующие первичные и вторичные функции ИВ. Как коммуникативное намерение интеррогативность может быть реализована в речи прямо, с целью снятия неопределенности в коммуникативной ситуации или расширения говорящим знания, и косвенно, с целью достижения определенного прагматического эффекта.

Литература

Логинов А. В. Категория интеррогативности в современном русском языке: автореф. дис. … д. филол. наук. Тамбов, 2015.

Мышко Алексей Евгеньевич
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗ США В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ Д. ТРАМПА 2025 г.

В докладе рассматриваются дискурсивные механизмы, используемые в речи Д. Трампа для создания образов будущего США. Целью настоящей работы является исследование дискурсивных средств репрезентации образов и идей, ключевых социальных и политических нарративов Трампа. В результате анализа выявлено, что в своей речи Трамп формирует представление о государстве как о силе, способной обеспечить безопасность и процветание, а о себе — как о гаранте этих изменений. При этом следует отметить, что Трамп представляет себя как избранного всенародного лидера, сохраняющего веру народа, и путем обещания применения конкретных мер закрепляет доверие к личности президента и его команде, конструируя образ решительного и деятельностного человека.

В рамках исследования было выявлено, как путем противопоставления граждан своей страны с «опасными преступниками» и «коррумпированным учреждениями» создается бинарное разделения общества на «правильных» и «неправильных». При этом граждане воспринимаются как активная сила, подчеркивается важность каждого гражданина в общественно-политической жизни. Создаваемый образ усиливается конкретными примерами актуальных трудностей США, что позволяет слушателям идентифицировать себя с образом «обычных людей», которые были лишены поддержки со стороны системы, однако с приходом к власти Трампа ситуация кардинально меняется: речь заканчивается словами *Будущее за нами, и наш золотой век только начался* (*The future is ours, and our golden age has just begun*).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что дискурсивные практики Трампа являются инструментом легитимации власти через использование поляризующих приемов и апелляции к патриотическим ценностям. Примеры речевых фрагментов демонстрируют, как Трамп стремится переосмыслить образ США и реконструировать общественное сознание, мобилизовать электорат и утвердить свою власть в условиях сложного политического ландшафта.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дискурс инаугурационной речи Трампа организован вокруг концептов «страна и граждане, президент, будущее, союзники и враги», что отражает намерение не только получить поддержку, но и создать четкое разделение между теми, кто был до Трампа, и самим Трампом и его командой.

Тихонова Мария Игоревна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СОГЛАСИЯ И НЕСОГЛАСИЯ В ДАТСКОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Речевые акты согласия и несогласия в датском речевом общении имеют высокую частотность. При этом с точки зрения прагматики данная тема в области датского языка ранее не изучалась. Исследования датских ученых посвящены в основном грамматическим особенностям средств выражения согласия или несогласия [Heinemann, 2015; Steensig, 2015].

Целью работы является выявление интенциональных смыслов согласия и несогласия в датском речевом общении и их способов выражения.

Материалом послужили 128 диалогических единств, выделенных в девятом сезоне реалити «Gift ved første blik», вышедшего в 2023 г., и 481 диалогическое единство из пяти серий сериала «Krøniken» 2004 г.

При проведении данного исследования были применены следующие методы: метод интенционального анализа, метод сплошной выборки, метод количественного подсчета, контекстный анализ.

По результатам исследования было установлено, что многие интенциональные смыслы можно назвать антонимическими парами (согласие-подтверждение — несогласие-опровержение). Однако некоторые антонимические пары нельзя назвать контрарными, граница становится нечеткой (согласие-возражение — несогласие-возражение). Некоторые интенциональные смыслы не имеют противопоставления (согласие-договор). Полярность определенных смыслов в том числе упрощает их понимание.

Основными маркерами выражения согласия и несогласия являются частицы *ja* ‘да’ и *nej* ‘нет’, однако без дополнительного контекста данные частицы не позволяют определить интенции выражений. Например, в случае выражения несогласия-запрета: отец Иды, узнав о том, что дочь беременна, собирается покинуть комнату, ему преграждает путь мать Иды — *Nej, Anders, du går ikke. Nu bliver du her, så vi kan snakke om det her alle sammen* (‘Нет, Андерс, ты никуда не пойдешь. Ты останешься здесь, и мы вместе это обсудим’). Маркерами несогласия-запрета являются глаголы в повелительном наклонении. Невербально запрет покинуть комнату выражается тем, что мать Иды встает перед дверью и преграждает мужу путь.

Проведенный анализ показал, что в количественном отношении преобладает пара согласие-подтверждение — несогласие-опровержение, поэтому можно сделать вывод о том, что это первичные смыслы при выражении согласия или несогласия.

Поскольку речевое общение в реалити-шоу представляет собой равноправное взаимодействие между участниками в ситуациях бытового общения или во время разговоров с психологами, материал не содержит реплики согласия и несогласия, обусловленные социальным статусом собеседника (детализируется представление об уместности употребления тех или иных выражений в зависимости от того, кем является собеседник).

Эмоциональная окраска интенциональных смыслов играет важную роль в передаче истинных намерений говорящего. Это особенно заметно в ситуациях, где эмоции подчеркивают или изменяют смысл согласия или несогласия.

Литература

Heinemann T. Negation in interaction in Danish Conversation. Odense, 2015.
Steensig J. Hvornår kan ja stå alene efter ja/naj-spørgsmål. Odense, 2015.

Керимова Екатерина Тофик кызы
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ

В исследовании, представленном в рамках настоящего доклада, рассмотрена тема интертекстуальных включений в разнообразных англоязычных мультфильмах. В работе основное внимание уделяется роли цитат, аллюзий, реминисценций и парафраз в создании новых смысловых слоев в произведениях, создающих связи между, непосредственно, мультфильмами, а также контекстами из литературы. Мультфильмы, благодаря интеграции интертекстуальных элементов, становятся мощным инструментом для передачи сложных культурных и исторических отсылок, и помогают по-новому осмыслить культурные и социальные вопросы. Второй задачей в работе представляется вопрос влияния интертекстуальных элементов на разные возрастные группы. Говоря точнее, как интертекстуальные элементы воспринимаются разными зрителями, как трансформируется сюжет в восприятии разновозрастных групп. Это помогает открыть новые способы интерпретации материала и создать возможности для дальнейшего анализа.

Для написания работы и проведения последующего комплексного анализа были отобраны примеры реплик героев, большая часть которых не вошла в работу, из многочисленных произведений англоязычной мультипликации, а также был произведен сопоставительный анализ отобранного массива информации с литературными, кинематографическими произведениями, историческими событиями или явлениями. Для иллюстрации вышеперечисленного будет приведен пример использования культурной аллюзии: *Ehh, what's up, doc? Need a little trim, do ya?* («The Rabbit of Seville», 1950). Представленный фрагмент является аллюзией на оперу Дж. Россини «Севильский цирюльник». Кроме того, пример использования цитации: *Mirror, mirror, on the wall, who is the fairest of them all?* («Shrek», 2001). Фраза является прямой цитатой из сказки братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов».

Для теоретической основы исследования были выбраны такие отечественные и иностранные научные работы, как труды Ю. Кристевой [Кристева, 2004], И. В. Арнольд [Арнольд, 1999], М. М. Бахтина [Бахтин, 1979] и др.

Из полученных результатов можно сделать вывод: интертекстуальные элементы имеют двойную природу — становятся источником размышлений и выполняют эмоциональную функцию, а выбранный способ их анализа — соответствует поставленным задачам. Таким образом, интертекст и его элементы не всегда заметны при первом просмотре без пристального рассмотрения. Тем не менее интертекстуальные элементы оказывают влияние на сюжет мультфильма, помогают зрителям обогатить кругозор, вспомнить что-то знакомое и, конечно, вызывают эмоции от просмотра, что и является одной из ключевых задач любого художественного произведения.

Литература

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М., 1979.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.

Комарова Лидия Романовна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН НЕМЕЦКИХ РЭП-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Интертекстуальность является характерной особенностью текстов современных литературного, музыкального и медиа-дискурсов. Термин «интертекстуальность» был впервые введен Ю. Кристевой, и в широком смысле в современной научной литературе понимается, как присутствие в тексте элементов других текстов: аллюзий, цитат и т. д.

Явление интертекстуальности изучалось и изучается на материале различных текстов. Тексты песен в жанрах рэп и хип-хоп изучались, напр., Я. Андруцопулосом.

В докладе с точки зрения интертекстуальности анализируется собранный корпус из 14 современных рэп-текстов, а именно текстов немецкого рэпера Alligatoah и немецкой рэп-группы K. I. Z. В отличие от Андруцопулоса, рассматривавшего тексты немецких хип-хоп песен с точки зрения дихотомии вертикальной и горизонтальной интертекстуальности (в основном связи внутри одного жанра) [Androutsopoulos, 2003], данный доклад проблематизирует также межжанровые интертекстуальные и, шире, интердискурсивные связи.

Целью исследования является определение характерных для текстов песен современных немецких рэперов типов интертекстуальности и ее функций.

Приведем примеры типов интертекстуальности, обнаруженных в одном из проанализированных рэп-текстов, а также определим функции этих фрагментов. Вступление, интерлюдия и кода песни K. I. Z «Definition von Glück» иллюстрируют характерный для популярной музыки, особенно в жанре хип-хоп, вид цитаты: т. н. семпл, который самой своей формой предполагает точное повторение элемента другого текста, таким образом, сохраняя имплицитную атрибуцию к источнику (в данном случае к фильму «Бассейн», 1969): *Er ist immer zärtlich zu Frauen. Das ist das Angenehme an ihm* [Genius] ‘Он всегда нежен с женщинами. Этим он мил’. Данный фрагмент является примером интертекстуальности в узком смысле (по Женетту), а именно атрибутированной цитаты, и выполняет в песне экспрессивную функцию, описывая исполнителей (их персонажей) с положительной точки зрения. В этой же песне строчка *Meine Definition von Glück, keine Termine und leicht ein’n steh’n* [Genius] является переработанной цитатой актера Харальда Юнке с заменой в идиоме *einen sitzen haben* (груб. ‘быть пьяным’) глагола *sitzen* ‘сидеть’ глаголом *stehen* ‘стоять’, таким образом, в песне используется также видоизмененная и не атрибутированная в тексте цитата. Этот отрывок выполняет в тексте поэтическую функцию, так как требует узнавания и дешифровки цитаты для распознавания языковой игры.

В докладе также определены типичные для рассмотренных текстов источники интертекстуальности: тексты песен того же исполнителя; рэп-дискурс и, шире, музыкальный дискурс; прецедентные тексты (идиомы, Библия, фильмы, книги и др.).

Итак, исследованные тексты содержат различные типы интертекстуальности, характерным является использование семплов как средства цитирования. Интертекстуальные связи выполняют в рэп-текстах различные функции, устанавливая контакт исполнителя со слушателем и определяя его место в современной культуре.

Источник

K. I. Z Definition von Glück: lyrics // Genius. URL: https://genius.com/Kiz-definition-von-gluck-lyrics (дата обращения: 15.02.2025).

Литература

Androutsopoulos J. HipHop und Sprache: Vertikale Intertextualität und die drei Sphären der Popkultur. // HipHop: Globale Kultur — lokale Praktiken. (Cultural Studies 3) / Hrsg. J. Androutsopoulos. Bielefeld. 2003. S. 111–136.

Лебедева Екатерина Сергеевна
магистрант 1-го курса
Белорусский государственный университет

СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Исследование проводится на материале романов Дж. Куликкья «Все равно тебе водить» («Tutti giù per terra», 1995), С. Бенни «Маргерита Дольчевита» («Margherita Dolcevita», 2005) и Н. Амманити «Да будет праздник» («Che la festa cominci», 2009) и рассматривает, как при создании персонажей в итальянском постмодернистском романе рубежа XX–XXI вв. используются классические методы, новаторски обработанные и «наложенные» на современную «почву».

Важным атрибутом любого героя является его имя (не обязательное собственное, любая номинация вообще). Оно «взаимодействует с внетекстовой реальностью/реальностью других текстов» или выступает «способом выражения в конкретном тексте» [Ковалев, 2023]. Каждое имя в романе Бенни подчеркивает превалирующее в персонаже качество: Красотка, Верный, Фридо (нем. *Frieda*, *Frieden* ‘мир’), Ленора (‘человечная’), Ангел. В романе «Да будет праздник» с помощью имен и кличек передается мотив двойной жизни героев: в обычной жизни Саверио (‘сияющий’) становится Мантосом (мифологическое существо из мира мертвых у этрусков). Писатель Фабрицио носит имя, восходящее к латинскому *fabbro* ‘кузнец, создатель’. В романе Куликкья сама инаковость Вальтера и его «выключенность» из общества подчеркивается иностранным именем. Встречается и «минус-прием»: имена отца и матери Вальтера остаются неизвестны, чем подчеркивается «безличность» этих персонажей.

Современных авторов все чаще привлекают герои-выходцы из среднего класса, но «выключенные» из общества. Мотив избранничества редуцируется, герои оказываются не выдающимися, а «обычными». Они «нормальны», но выделяются на фоне «ненормальности» среды. Так, Маргерита и Вальтер воплощают образы среднестатистических подростков. Сатанизм Мантоса лишь увлечение героя, в сущности, он обычный работник мебельной фабрики. В центре повествования оказывается среднестатистический человек, не однозначно положительный герой, но получающий сочувствие и/или понимание. Не «типические характеры в типических обстоятельствах», но «типические характеры» в обстоятельствах измененных, обусловленных быстро сменяющимся миром.

Важную роль в романах играет речевая характеристика персонажей: «…В произведении не может быть ни одного момента речи, который не будет **изображать**, **характеризуя**. Что-либо отобразить (в том числе и персонажа с его речью) — **всегда** как-нибудь это охарактеризовать. Даже просто **называя** что-либо, автор вкладывает в это **свое видение**. <…> Изображая речь персонажа, автор изображает не **язык вообще**, а именно речь конкретного человека, всегда “выдающую” его…» [Лебедев, 2003]. Для изображения героев авторы прибегают к языковой игре (специфическое словообразование, стилизация под речь ребенка, подростка и т. д.). Наличие в языке итальянской прозы ругательств, которые стирают границу между литературным и нелитературным, англицизмов, отражает современную языковую реальность Италии. Таким образом, в итальянском постмодернистском романе рубежа XX–XXI вв. создается не только образ героя, но и современного пространства Италии в целом.

Литература

Ковалев Б. В. Имя в прозе. Очерки по номинологии. СПб., 2023.

Лебедев С. Ю. Образ повествователя: структура, типология, функции (на материале малой прозы): дис. … канд. филол. наук. Минск, 2003.

Chertkova Iuliia Leonidovna
Master's Student
St. Petersburg State University

Malneva Alisa Vyacheslavovna
Master's Student
St. Petersburg State University

THE NARRATIVE PATTERNS IN A PITCH: THE ART OF PERSUASION

The aim of the study is to demonstrate how narrative patterns in a pitch text create a persuasive effect. The research data was collected from *Shark Tank,* an American TV series.

The pitch is designed to persuade investors to support the product. This text is organised with the use of narration. Narrative patterns help to convey a comprehensible identity of an entrepreneur and build trust with a potential resource provider [Martens et al., 2007: 1110].

The analysis of the pitch structure is performed within the following interpretive frame: pitch-presenters function as actors who bring the common good to the public. Thus, pitch-presenters assume that listeners evaluate their ideas positively, within our analytical model their role is defined as responsible actors. For a better understanding of the responsible actors' stance it is relevant to identify the theme. In this study we understand the theme as a statement of the undeniable truth that responsible actors treat as a given [Lukianova et al., 2019]. Rebel Cheese's pitch has the following theme: high quality vegan products serve as the source of positive emotions. Investors in pitch texts also represent responsible actors since they support the stance of pitch-presenters. The opposing party (wrongdoers) deters the development of responsible actors' ideas. The clash represents a problem situation which revolves around the lack of high-quality vegan products: *no truly premium cheeses on the market* [Shark Tank].

Narration begins with wordplay that is possible due to the figurative potential of the word *cheese*: *a cheesy love story* [Shark Tank]. The pitch-presenter attempts at creating a situation in which the product is irreplaceable. The persuasive effect is enhanced through irony: *the foundation of our relationship relied on one very important thing. Cheese* [Shark Tank]. Another reason why the product should appear on the market is the popularity of veganism: *the girl goes vegan, the boy goes vegan* [Shark Tank]. The existence of such groups as responsible actors and wrongdoers prescribes the existence of victims. In this pitch text the role of victims is played by vegans because the market deprives them of positive experiences. Efforts that developers put into the creation of the brand are tied to the idea of love: *just like with love there is no shortcuts* [Shark Tank]. Cheese is seen as a way to a love story with a happy ending: *who's ready to write their own cheesy love story* [Shark Tank].

Narrative analysis of pitch texts retrieved from Shark Tank allows to conclude that narrative patterns create a persuasive effect through irony, colloquial register, wordplay, and appeal to popular phenomena. It is achieved through the distribution of actors, a highly positive evaluation of the role of the investor, and the engagement of the listener.

Sources

Shark Tank. URL: https://rebelcheese.com/blogs/news/our-shark-tank-episode-is-now-available-on-youtube?srsltid=AfmBOoqVUr0j7NR_XSR29Q0W-ddmIc84blPXT5RvyuDA8B (accessed: 09.02.2025).

References

Lukianova E., Tolochin I., Johnson G. F., Knobloch K. R. Varieties and effects of emotional content in public deliberation // Journal of Language and Politics. 2019. P. 1–22.

Martens M. L., Jennings J. E., Jennings P. D. Do the Stories They Tell Get Them the Money They Need? The Role of Entrepreneurial Narratives in Resource Acquisition // The Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50, no. 5. P. 1107–1132.

Минаева Мария Вячеславовна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время прослеживается тенденция тщательного и детального изучения экспрессивности речи. Это связано с отсутствием полного комплексного описания экспрессивных речевых актов, а также их особой социальной значимостью в процессе межкультурной коммуникации. По мнению Т. В. Лариной, экспрессивные речевые акты, включающие благодарность, извинение, комплимент, похвалу, поздравление и т. д., реализуют интенцию выражения психологического состояния и оказания эмоционального положительного воздействия на адресата [Ларина, 2009: 183]. В данной работе мы остановимся на речевом акте «поздравление» и социокультурной специфике его выражения англичанами. Положения тезисов проиллюстрируем примерами, источником которых послужили фрагменты художественных произведений.

Н. А. Трофимова в исследовании, посвященном экспрессивным речевым актам, определяет поздравление как речевой акт, связанный с общепринятыми нормами поведения в типизированной речевой ситуации, имеющий устойчивый план выражения и реализующий стереотипную интенцию — выразить собственное эмоциональное состояние и вызвать у адресата положительный эмоциональный отклик [Трофимова, 2008]. Автор монографии обращает внимание на то, что поздравление регулирует межличностные отношения собеседников, создает особую атмосферу вежливости и доброжелательности. Однако несмотря на то, что англичане чаще, чем русские, дарят друг другу «коммуникативные подарки», английские коммуниканты менее склонны к поздравлениям. Так, если носители русской культуры поздравляют друг друга по самому разному поводу (с днем рождения, с Новым годом, с 8 марта и т. д.), англичане — только в случае личных достижений, с тем, что зависело от усилий человека, его воли, трудолюбия, настойчивости: *I congratulate you on…*, чаще — *congratulations on winning the competition, publishing the book, passing the exam, your promotion*. Говорящий выражает свое одобрение данного действия и разделяет радость адресата. Глагол *congratulate* можно употребить, поздравляя с рождением ребенка (*Congratulate you on having a baby*), но не с днем рождения собеседника, которое случается регулярно и без усилий.

Подчеркнем, что поздравление нельзя путать с речевым актом пожелания. Как было указано ранее, при поздравлении определяющим моментом является достижение некоторого успеха. Традиционные поздравления по случаю дня рождения или Рождества — *Happy birthday / Merry Christmas and Happy New Year* — это не поздравления, а пожелания.

В качестве условий успешности речевого акта поздравления принято считать:

1) предварительные условия (имеет место какое-то событие);
2) условие искренности [Варфоломеева, Кулемина, 2013].

Таким образом, знание социокультурных особенностей «поздравления» будет влиять на адекватную интерпретацию данного речевого акта и на выбор языковых средств при его реализации.

Литература

Варфоломеева И. В., Кулемина К. В. Некоторые особенности экспрессивных речевых актов поздравления и пожелания в английском, немецком и русском языках // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 46–49.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб., 2008.

Дроздова Мария Сергеевна
студент 4-го курса
Московский государственный лингвистический университет

ПРОДВИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА ШВЕЙЦАРИИ (лингвистический аспект)

Исследования в области национального брендинга являются актуальными в настоящее время, так как в современном мире правительства ставят перед собой задачу создать положительный образ своих государств. При этом возникает потребность в изучении и детальном рассмотрении вариантов построения бренда [Анищенко, 2023]. Вместе с тем брендинг остается малоизученной областью науки, в особенности в лингвистическом аспекте, что открывает широкие возможности для исследователей [Ромашова, 2016].

Цель настоящей работы заключается в выявлении лексико-стилистических средств, участвующих в формировании национального бренда.

Материалом исследования послужили тексты информативного и рекламного характера, размещенные на онлайн-платформах, созданных Федеральным департаментом иностранных дел Швейцарии. Основными методами исследования являются контекстуальный и лексико-стилистический анализ. В качестве теоретической базы исследования были использованы научные работы как отечественных, так и зарубежных авторов (А. В. Анищенко, И. П. Ромашова, T. Hofferbert).

В ходе анализа корпуса исследования было выявлено, что национальный брендинг Швейцарии основывается на продвижении таких элементов швейцарской идентичности, как: 1) передовые достижения страны в различных сферах (*Schweizer Unternehmen haben die Nase vorn bei innovativen Lösungen* — ‘Швейцарские предприятия лидируют в применении инновационных решений’); 2) высокое качество швейцарских товаров — понятие *Schweizer Qualität* ‘швейцарское качество’ используется в качестве самостоятельного бренда; 3) богатство природы и уникальность альпийского пространства, описываемые большим количеством выразительных средств (напр., *die Schweiz, das Wanderparadies* — ‘Швейцария — рай походного туризма’).

Результаты исследования демонстрируют успешное использование лексических средств и тропов в текстах, направленных на формирование привлекательного имиджа государства как за рубежом, так и внутри страны.

Литература

Анищенко А. В. Россия глазами иностранца: эмотивные средства создания образа страны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 10 (878). С. 9–15.

Ромашова И. П. Лингвистический анализ бренд-коммуникации // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 80–93.

Kozhevnikova Galina Evgenevna
Master's Student
St. Petersburg State University

PECULIARITIES OF ENGLISH-LANGUAGE ART HISTORICAL DISCOURSE

This study examines English-based texts exploring artistic pieces of various origin. The research topic's relevance is underscored by the rising popularity of discourse analysis in contemporary Linguistics. The focus on art historical discourse can be attributed to art's pervasive position in society, as it penetrates the lives of many individuals, regardless of their background. The factual materials comprising the database of art historical discourse are abundant and diverse, reflecting the varied nature of such texts [Bilozub et al., 2023: 170]. Various sources provide examples and comprise the illustrative foundation of the paper, including "Art and Architecture of Ireland" by C. Marshall, "The Art Atlas of Britain and Ireland" by B. Arnold, "BBC Culture" domain, and J. Payne's online project entitled as "Great Art Explained". This research employs content analysis as its primary methodological approach. Art criticism is inherently subjective, which extends to biographical and historical works as well. Some passages appear noticeably opinionated while being generalized and presented as public sentiment: "We need public works like this. We need excitement in our lives, and we need to be overwhelmed, astounded and confused" [Payne, 2021]. Journalistic publications ordinarily employ more emphatic constructions in an effort to maintain readers' engagement. However, as it is evident in the BBC Culture articles, this is not universally applicable across all issues. Excepting occasional epithets, texts appear to be quite ascetic and pragmatic. More formal writings generally prioritize conciseness and terseness. A thorough inspection of art-related works reveals a trend toward increasingly anthropocentric perspectives, whereby critics become more aware of art's societal value and its influence on individuals. Appraisal increasingly supplants description. To sum up, it is crucial to mention that art historical discourse is rather homogenous in nature. It implies texts that vary both in terms of lexis and syntactic structures. Furthermore, art historical discourse appears to be a remarkably subjective domain, depending on the type of text it is manifested through. Lastly, nowadays, art history tends to acquire a social perspective. Combining the aforementioned points, we can conclude that art historical discourse can serve as a reliable source of authentic materials for learners. Moreover, its versatility enables students to be more involved and prompts discussion.

Sources

Payne J. The Last Temptation of Christo — L'Arc de Triomphe: Wrapped // Art information website «Artlyst». URL: https://artlyst.com/reviews/the-last-temptation-of-christo-larc-de-triomphe-wrapped-james-payne/ (дата обращения: 14.02.2025).

References

Bilozub L., Tymoshenko M., Bedrina N., Voronova N., Andrushchenko T. Art History Research in Scientific Discourse // Revista Eduweb. 2023. Vol. 17, no. 1. P. 167–175.

Волошенкова Екатерина Дмитриевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ, ТИПОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА (на материале газет «Алтайская правда» и «Arbeit»)

Советский газетный дискурс является объектом изучения российских исследователей на протяжении, по крайней мере, последних тридцати лет [Ханбабян, 1991; Аринов, 2023]. Самое живое внимание лингвистов направлено при этом на изучение особенностей стилистики советской печати и ограничено, с одной стороны, темпорально (20-е гг., 1941–1945 гг., период перестройки), с другой стороны, тематически (в основном исследуется идеологическая языковая картина мира [Шкайдерова, 2007]). Меньшее внимание уделяется, напр., вопросам, связанным с иноязычными национальными меньшинствами, в особенности советскими немцами. Это может быть объяснено относительной скудностью материала (на территории СССР в разные годы его существования выпускалось не более пяти немецкоязычных газет [РНБ]).

В качестве материала нами были выбраны газеты Алтайского края «Arbeit» и «Алтайская правда». Выбор обуславливается, с одной стороны, временем («Arbeit» начала выходить в 1955 г., что делает ее одной из старейших немецкоязычных газет СССР), с другой стороны, местом издания: факт сосуществования в одном регионе одномоментно русско- и немецкоязычной периодики позволил провести сопоставительный анализ структуры, а также тематической и стилистической специфики материала в этих газетах.

Первым этапом работы стал многоаспектный анализ статей, в результате которого нами были выделены стилистические и прагматические особенности текстов, а также произведено описание рубрикации. Для описания содержания газет нами была составлена сводная таблица, в которую были внесены все рубрики, обозначенные эксплицитно или выявленные в результате анализа. После чего каждый выпуск газеты был проанализирован с точки зрения расположения материала на газетном листе, а также объема материала, относящегося к каждой рубрике (по площади, занимаемой текстом на газетном листе).

Вторым этапом работы стало составление нескольких макетов стандартной для обеих газет структуры, призванных показать изменения в системе рубрикации с ходом времени. Также был составлен снабженный подробным комментарием список лексем, характерных для словаря алтайских немцев 1950-х гг. Кроме того, прагматический анализ немецкоязычного текста позволил приблизиться к пониманию самосознания советских немцев и показать реализацию базовой аксиологической категории «свой — чужой».

Источник

Коллекция газет на немецком языке // РНБ. URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/cat_show.php?p=1&rid=11938 (дата обращения: 08.01.2025).

Литература

Аринов А. Г. Советская военная печать в марте 1944 — мае 1945 г.: организационные и пропагандистские аспекты: дис. … канд. ист. наук. М., 2023.

Ханбабян А. Б. Национальный вопрос на страницах печати в условиях формирования обновленной Советской Федерации (на материале армянских республиканских изданий КПСС и молодежных газет, публикаций центральной печати в 1988–1990 годах): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991.

Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30–40-х гг.): дис. … канд. филол. наук. Омск, 2007.

Болдина Екатерина Сергеевна
студент 1-го курса
Московский городской педагогический университет

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ВРЕМЯ В ПОЭТИКЕ РОМАНА В. ВУЛФ «ВОЛНЫ» (1931)

Французский философ А. Бергсон в своей работе «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889) вводит понятие динамической природы времени, противопоставляя его механистическому, внешнему времени. По Бергсону, человеческое сознание — это «непрерывно изменяющаяся реальность» [Новиков, 2011: 21]. Бергсонианское понимание времени нашло отражение в творчестве В. Вулф (1882–1941), в особенности в романе «Волны». Время в нем не подчиняется строгой хронологии, а существует как поток в сознании персонажей. В романе почти нет внешних событий, внимание сосредоточено на внутреннем мире героев, их раздумьях, чувствах и восприятии времени. Это подчеркивает значимость философского аспекта произведения. В некоторых эпизодах романа время как будто останавливается, погружая героев в моменты «небытия» [Mattison, 2013: 562].

Роман состоит из шести монологов, каждый из которых раскрывает восприятие времени конкретным героем. Вулф использует лексические и синтаксические средства для передачи восприятия внутреннего времени каждым из персонажей: все они ощущают время по-своему. Бернард чувствует замедление времени, Луис фокусируется на длительности мгновений, Сьюзен воспринимает себя как смену времен года, Рода говорит о непрерывной изменчивости своей личности, Невилл переживает временную утрату и тоску, а Джинни фиксирует физическое ощущение времени через свое тело.

В докладе также затрагивается вопрос восприятия героями любовных переживаний: каким образом ощущение времени влияет на понимание любви как таковой? Бернард, стремящийся к сопряжению с другими, не выносит одиночества, Луис наслаждается собственной компанией, Сьюзен ищет крайности в отношениях, Рода боится перемен, а Невилл чувствует, что связи между людьми не вечны. Мысли героев выражены в хаотичной форме, что отражает отсутствие рациональной логики в их формировании, как это происходит в жизни.

Внутренние монологи в романе преобладают над описанием внешних событий. Повествовательная структура «Волн», «романа тишины», призвана изобразить процесс мышления в его наиболее естественной и необработанной форме.

Литература

Новиков Ю. Ю. Концепция времени в философии А. Бергсона // Пространство и время. 2011. № 3. С. 63–67.

Mattison L. Virginia Woolf's Ethical Subjectivity: Deleuze and Guattari's Worlding and Bernard's 'Becoming-Savage' // Deleuze Studies. 2013. P. 562–580.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

Гедимина Серафима Михайловна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КОННОТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ КАРТЕРІА В ДИАЛОГЕ КЛЕАРХА ИЗ СОЛ «О СНЕ»

Иосиф Флавий в сочинении «Против Апиона» приводит отрывок из диалога «О сне» Клеарха из Сол (середина IV — начало III в. до н. э.). В этом отрывке содержится свидетельство о встрече Аристотеля с мудрым иудеем, которому автор приписывает такие добродетели, как καρτερία ‘самообладание’ и σωφροσύνη ‘умеренность’. Для учеников Аристотеля, перипатетиков, одним из которых, наиболее вероятно, являлся Клеарх, оба понятия истолковываются как одни из лучших человеческих качеств. Исследование ставит своей целью рассмотреть коннотацию лексемы καρτερία в контексте философии Клеарха из Сол. Отсутствие специальных исследований, посвященных интерпретации данного термина в сочинениях Клеарха, оперделяет новизну доклада.

Для достижения цели исследования в докладе сравниваются употребления термина καρτερία и однокоренных ему слов в таких работах автора, как «О сне» и «О воспитании». Особый интерес представляет высказанное Клеархом осуждение образа жизни приверженцев философии кинизма, который противопоставляется понятию καρτερία в сочинении «О воспитании». Важной частью исследования является также рассмотрение взгляда автора на индийскую мудрость и ее взаимосвязь с иудейской сдержанностью, сравнение киников и гимнософистов, а также исторический и политический контекст использования свидетельства Клеарха из Сол Иосифом Флавием в сочинении «Против Апиона». В докладе дается краткий обзор биографии Клеарха, в частности говорится о его путешествии в Бактрию, которое оказало большое влияние на мировоззрение автора относительно восточной мысли. Отдельное внимание уделено сравнению трудов Клеарха из Сол с сочинениями других авторов, которые затрагивают схожие вопросы, напр., Онесикрита, Афинея, Филона Александрийского.

В результате исследования был сделан вывод, что καρτερία, с точки зрения перипатетика Клеарха, была унаследована иудеями от индийских философов, к которым он возводит происхождение данного народа, так что семантика данной лексемы тесно связана с образом жизни восточных мудрецов. Понятие καρτερία, хотя и включает в себя крайние формы аскетизма, тем не менее, согласно Клеарху, не может относиться к образу жизни киников. Философы Индии в мировоззрении Клеарха предстают идеалом самообладания и умеренности, которые, судя по цитате из диалога «О сне», и впечатлили Аристотеля при личной встрече с мудрым иудеем.

Мотовичева Полина Константиновна

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СЛАДОСТЬ ВИНА В ГОМЕРОВСКИХ ПОЭМАХ

Вопрос о роли вина в праиндоевропейской культуре вызывает споры. В индоевропейских языках можно наблюдать распространение форм, заимствованных из гр. (*F*)*οἶνος* и лат. *vīnum*, напр., англ. *wine*, нем. *Wein*, слав. *вино*, лит. *vỹnas*. В текстах поэм Гомера для обозначения вина используются две формы: *οἶνος* и *μέθυ*. Для второй Шантрен [Chantraine, 1968: 675] указывает значение ‘алкогольный напиток’.

Два эпитета отражают цвет вина: *ἐρυθρός* и *μέλας* — ‘красное’ и ‘черное’, которые обычно переводят на русский язык как *багряное* или *пурпурное*. Одна из самых частотных групп эпитетов вина представляет собой композиты, первая часть которых семантически неизменно связана с медом.

Для меда **melit* есть ряд правильных соответствий: латинское *mel*, греческое *μέλι*, армянское *melr*, хеттское *militt-*, тохарское *mit*. Форма **medhu* с основой на **-u* — ферментированный напиток, приготовленный на основе меда: литовское *medùs*, кельтское *mid*, старославянское *мєдъ*, греческое *μέθυ*, санскритское *madhu-*. В древнегреческом языке значение «мед» закрепилось за *μέλι*, а образованный от *μέθυ* глагол *μεθύω* стал применяться для обозначения состояния опьянения от вина.

Устойчивые эпитеты вина засвидетельствованы уже для микенской эпохи. Например, *de-re-u-ko VIN /dleukos woinos/* ‘сладкое молодое вино’ (KN Uc 160) [Казанскене, Казанский, 1986: 82]. В «Одиссее» есть редкое употребление *μέθυ γλυκερόν* (Hom. *Od.* XIV, 194). Наряду с данной формой в древнегреческом можно наблюдать *γλυκύς*, которое, в свою очередь, имеет соответствие в латинском: **dl̥kús* > **dulkwis* > *dulcis*. И *me-ri-ti-jo VIN /melitios woinos/* ‘медвяное вино’ (PY Wr 1360) [Казанскене, Казанский, 1986: 82]. Бекес [Beekes, 2010: 488] сопоставляет прилагательное *μελιτόεις* ‘исполненный меда’ с существительным *μελίτ(ε)ιον* — субстантивированным прилагательным у Плутарха (Plut. *Cor.* 3.4) в значении алкогольного напитка.

Еще один вариант описания сладости вина сравнением с медом — эпитет *μελιηδής* ‘медосладкий’, где вторая часть представлена прилагательным *ἡδύς*, которое также используется для описания вина, причем гр. *ἡδύς* и лат. *suāvis* позволяют реконструировать форму прилагательного **swéh2dus* с основой на **-u*. Чаще всего данное прилагательное употребляется с *μέθυ*, особенно в качестве формулы *σῖτος καὶ μέθυ ἡδύ* ‘хлеб и сладкий напиток’, что можно объяснить звуковой перекличкой **medhu* & **swéh2dus*. С идеей сладкого напитка также связан эпитет *ἡδύποτος* ‘сладкий (приятный для питья)’, ‘вкусный’.

Литература

Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период). Л., 1986.

Beekes R. S. P. Etymological dictionary of Greek. Leiden, Boston, 2010.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. T. 1. A—Δ. Paris, 1968.

Золотарева Варвара Алексеевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

АНТИФОНТ И ЕВРИПИД О БРАКЕ

В докладе рассматривается фрагмент 49 Антифонта. Есть достаточные основания предполагать, что этот отрывок был частью его трактата «О согласии». Этот фрагмент представляет собой рассуждение, риторически оформленное и имеющее трехчастную структуру. Темой фрагмента является брак. Тезис автора состоит в том, что супружество так или иначе приносит мужу больше горестей, чем радостей. Антифонт рассматривает два варианта брака. В первом случае он описывает женитьбу на нелюбимой женщине: живя в таком браке, муж обречен на несчастье. При этом развод — это тяжелый процесс, в ходе которого разводящийся наживает себе врагов в лице родственников жены. Напротив, человек, любящий свою жену, как Антифонт замечает далее, берет на себя груз забот и ответственности, и все его тревоги удваиваются. Наконец, в браке рождаются дети, которые окончательно отнимают у человека надежду на безмятежное существование.

Трагедии Еврипида также содержат рассуждения о супружеской жизни. Некоторые места заставляют вспомнить отрывок из трактата Антифонта. Ассоциации возникают не только из-за тематического, но и из-за лексического сходства этих мест с фрагментом 49.

В докладе приведены аргументы в пользу того, что это не совпадения, а след влияния Антифонта на трагического поэта, его современника. Существование этого влияния и ранее предполагалось исследователями. В докладе обсуждаются места из трагедий «Медея», «Ипполит», «Алкестида», «Просительницы» и некоторых других. Так, в «Медее» главная героиня жалуется, что брак ставит женщину в положение безысходности, когда ей некуда деться от нелюбимого мужа. Муж Алкестиды, Адмет, как будто следует в своем монологе за вторым сценарием брака во фрагменте 49, говоря, что лучше никогда не жениться, чем переживать смерть любимой жены. И в «Медее», и в «Просительницах» героини говорят о том, сколько страданий и тревог приносит материнство. Таким образом, в тексте трагедий находится отклик на каждый довод, который в своем рассуждении приводит Антифонт.

Яковлева Анна Александровна

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

О РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОМ ПИСЬМЕ КВИНТУ ЦИЦЕРОНУ МЛАДШЕМУ (CIC. ATT. XVI, 5.2)

Рекомендательные письма (*litterae commendaticiae*) являются одной из традиционных разновидностей эпистолографии, наряду с благодарственными, обвинительными, хвалебными, поздравительными, утешительными, защитительными и пр. посланиями (они были известны уже в Античности по ошибочно приписываемому Деметрию Фалерскому сочинению «Τύποι ἐπιστολικοί»). Понятие отличается своим широким семантическим полем и вследствие этого плохо поддается как унификации определения, так и четкой внутренней типологизации. Этот вид писем дошел до нас в том числе в книге XIII сборника писем Марка Туллия Цицерона «Ad Familiares», где всякая рекомендация шаблонно и в разной степени подробно сообщает адресату суть проблемной ситуации. Она могла заключаться в просьбах о личном заступничестве, рассмотрении на должность, политически и экономически мотивированных судебных разбирательствах с участием частных лиц, групп лиц (товариществ), государственных территориальных единиц (провинций) и т. д.

В настоящем исследовании предпринята попытка точнее определить жанровую многогранность рекомендательных писем и подчеркнуть ее своеобразие на примере послания Att. XVI, 5, структурно отличающегося от стандартизированной модели письма этого типа. Нами также была поставлена цель узнать, какое именно предназначение имела рекомендация в конкретном случае из семейной хроники оратора.

Материалом для доклада послужила серия из трех писем Цицерона к другу Титу Помпонию Аттику (Att. XVI, 1; 5; 3), повествующая об эпизоде из жизни их общего племянника, сына Квинта старшего, брата оратора. Молодой человек ищет покровительства Аттика по неназванной причине, но присутствие в тексте определенных деталей позволяет сделать несколько предположений о его интересах.

Необходимая для реконструкции реалий расширенная источниковая база представляет собой многочисленные свидетельства из сочинений Цицерона [Shackleton Bailey, 1970] и других авторов Поздней Республики (I в. В. С.) и Ранней Империи (I в. А. D.). Метод исследования включает в себя тщательное изучение отдельных лексических единиц в их предполагаемом терминологическом значении для верной трактовки и перевода оригинальных текстов [Oxford Latin Dictionary, 1968] и воссоздание хронотопа событий при помощи сравнительного анализа источников. В ходе работы также были рассмотрены научные статьи, разрабатывающие вопросы функционирования почтовой службы и взыскания долгов в судопроизводстве Древнего Рима.

В ходе исследования мы подтвердили, что рекомендательное письмо — это неофициальное и, тем не менее, значимое для римского общества, средство приобретения персонального престижа. Анализ писем показал, что в случае Квинта младшего искомой мерой было устранение следов своего цезарианского прошлого и начало новой республиканской главы его военно-политической деятельности, а отнюдь не урегулирование материальных затруднений за счет искомых поручителей. Поскольку семья, несмотря на напряженные личные отношения, была заинтересована как минимум в сохранении жизни своих членов, Цицерон написал и отправил рекомендацию, испрошенную племянником и его отцом, не преминув, однако, предуведомить получателя, Аттика, о ее фиктивности.

Источник

Oxford Latin Dictionary. Oxford University Press, 1968.

Литература

Shackleton Bailey D. R. M. Tulli Ciceronis Epistulae ad Atticum. Volume VII. Cambridge University Press, 1970.

Новикова Виктория Вячеславовна
магистрант 1-го курса
Российский государственный гуманитарный университет

ПОНЯТИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

Предательство является важной моральной категорией в древнегреческой культуре, затрагивающей личный, религиозный и политический уровни. В докладе рассматривается понятие предательства в «Истории» Геродота: кто такой предатель, согласно Геродоту. Поскольку иногда историк избегает прямого употребления этого слова, любопытно рассмотреть, как Геродот выражает идею предательства, через какие семантические и лексические средства он передает моральную оценку действий своих персонажей. В некоторых логосах, как правило политических, Геродот использует широкие и описательные выражения, относящиеся к измене. В тексте может быть прямое указание на то, что определенное действие — предательство. Например, фокейцам предложили перейти на сторону персов, они отказали, ответив, что не станут добровольно предателями Эллады (*οὐκ ἔσεσθαι ἑκόντες εἶναι προδόται τῆς Ἑλλάδος* [Hdt. VIII, 30]). Однако в истории про Кандавла, который показал свою жену обнаженной слуге Гигесу, Геродот не использует лексику, указывающую на предательство, хотя жена Кандавла замышляет отомстить ему (*ἐν νόῳ ἔχουσα τείσεσθαι τὸν Κανδαύλην* [Hdt. I, 10]) за предательство, из-за которого она потеряла честь, потому что ее увидели обнаженной. И. Е. Суриков также замечает, что в переводах текста Геродота добавляют слово «предательство» там, где его нет [Суриков, 2022: 18]. В пример исследователь приводит историю с Эпиальтом — хрестоматийный случай предательства времен греко-персидских войн, так что это имя устойчиво ассоциируется с актом измены. Геродот не называет Эпиальта словом «предатель», хотя и говорит о его вине (*τοῦτον αἴτιον γράφω* [Hdt. VII, 214]). Суриков считает, что предъявлять обвинения Эпиальту можно было бы с моральной точки зрения, но не с юридической [Суриков, 2022: 19].

В повествовании Геродота лексика предательства чаще используется в логосах, связанных с государственной изменой, но это не означает, что историк не рассматривает предательство и как нарушение личных устоев. Иногда для Геродота предательство очевидно, и он говорит о нем прямо, но в некоторых случаях сознательно избегает осуждения.

Таким образом, работа предлагает с помощью филологического анализа, систематизации лексико-семантического поля понятия «предательство», понять мировоззрение Геродота и его отношение к измене, которое рассматривается не только в политическом аспекте, но и в религиозном, личном, греческом и варварском контекстах. Такое многообразие примеров, где человек проявляет себя в разных ситуациях, взаимодействует с другими людьми, нарушая обязательства, в свою очередь указывает на двойственность человеческой природы, подрывающую через гибрис прочные связи человека на личном, религиозном и государственном уровнях.

Литература

Суриков И. Е. Политические деятели Древней Греции. Т. 1: Эпоха формирования и расцвета полиса. М., 2022.

Hérodote Histoires Livre I / étab. et trad. par Ph.-E. Legrand. P., 1946.

Hérodote Histoires Livre VII / étab. et trad. par Ph.-E. Legrand. P., 1963.

Hérodote Histoires Livre VIII / étab. et trad. par Ph.-E. Legrand. P., 1964.

Трошичев Максим Викторович
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

О ПАРОДЕ В «КИКЛОПЕ» ЕВРИПИДА (стт. 41–81)

Данный доклад посвящен анализу парода (стт. 41–81) в сатировой драме Еврипида «Киклоп». Парод состоит из двух частей, однако логику, связывающую эти части, понять сложно. Об этом вопросе и пойдет речь в докладе. В первой части парода (стт. 41–62) сатиры, оказавшиеся в плену у Полифема и ставшие пастухами его стада, обращаются к заблудившемуся животному и просят его вернуться домой. Примечательно то, что, согласно Р. Сифорду, Р. Хантеру и Б. Зайденштикеру, эта часть является самой ранней — из дошедших до нас — античной пасторальной песней, а мотив «отбившегося от стада животного» можно встретить у Феокрита (Theocr. 4, 5). Во второй же части рассматриваемого парода (стт. 63–81) хор сетует на судьбу и предается унынию из-за того, что его разлучили с Дионисом.Ποῖ οἰοπολεῖς <…>; («Где ты одиноко бродишь <…>?») — горестно спрашивают сатиры бога. Эту часть исследователи уже не относят к жанру пасторали. В докладе мы выдвигаем гипотезу относительно возможной связи между упомянутыми частями парода: если в первой части описан поиск отбившегося от стада животного (вероятно, барана) пастухом (т. е. хором сатиров), то во второй части — пропадает сам пастух (т. е. Дионис, господин сатиров), а ищет и зазывает его стадо (т. е. хор сатиров, свита Диониса. В 76-м стихе сатиры называют себя πρόπολοι ‘слугами’ Вакха). О том, что Дионис мог восприниматься сатирами как пастух, может свидетельствовать глагол οἰοπολέω, который применяется по отношению к Вакху в стихе 74. Это слово — в зависимости от этимологии — допускает два варианта перевода. Так, если принимать во внимание этимологию οἶος ‘одинокий’ и πέλομαι ‘быть, становиться’, οἰοπολέω следует переводить как ‘бродить, существовать в одиночестве’. Иное значение глаголу дает этимология ὄις ‘овца’ и πολέω (от πέλομαι) ‘ходить, преследовать, вращаться’. В таком случае οἰοπολέω — это ‘пасти овец’ (ср. напр., αἰπόλος ‘козопас’, ἱπποπόλος ‘ухаживающий за лошадьми’, θαλαμηπόλος ‘служанка’). Важно, что обе этимологии были известны уже в античности и встречаются, напр., в схолиях к Гомеру (Il.13.473) и Аполлонию Родосскому (4.1322), а омонимы οἰοπόλος ‘пастух овец’ и οἰοπόλος ‘одинокий скиталец’ применяются по отношению к богам (напр., к Гермесу и Артемиде). Наконец, важное место в данной работе отведено вопросу, что известно о «пастушьей» ипостаси Диониса, и была ли она у него вообще. В докладе приводятся литературные и материальные свидетельства.

Смагина Валерия Владиславовна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИНЦИПЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЛАТИНСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ

Проблема порядка слов в латинском языке классического периода остается актуальной, поскольку исследователи подходят к ней с большой осторожностью. Х. Пинкстер [Pinkster, 1990], посвятивший этой теме несколько монографий и статей, считает, что исследованию функций порядка слов в связном тексте, а также непосредственным факторам, определяющим его, уделено недостаточно внимания. В докладе мы рассмотрим лишь один из аспектов этого вопроса, а именно позицию прилагательных по отношению к существительным.

Латинисты обращались к проблеме структуры предложения еще до известной монографии Ж. Марузо [Marouzeau, 1922], распределившего прилагательные на качественные и относительные. Значительную популярность к началу 1900-х гг. приобрела теория, согласно которой главная мысль в предложении всегда выносится в его начало или конец, т. е. в эмфатическую позицию. В 1918 г. А. Т. Уолкером и его студенткой М. Мэрримен была предпринята попытка классифицировать прилагательные, способные выступать в качестве модификаторов в именной конструкции, на примере выборки из текстов Цезаря и Цицерона [Walker, 1918]. Исследователи пришли к выводу о существовании связи между позицией прилагательных и эмфатическим ударением. В настоящее время ученые постепенно уходят от идеи о подчиненном эмфатическому ударению порядке слов в предложении и более склонны придерживаться прагматического подхода, предложенного О. Спевак в ее монографии «Constituent Order in Classical Latin Prose» [Spevak, 2010], одна из глав которой посвящена анализу именных конструкций на примере нескольких латинских прозаических текстов с целью установить, по какому принципу прилагательные в латинском языке занимают преноминальную и постноминальную позиции.

В данном докладе мы вновь поднимаем вопрос о принципах расположения прилагательных, однако рассмотрим его на примере эпистолярной прозы как повседневной и более естественной формы изложения мысли, обратившись к выборке из I–IV книг писем Плиния Младшего и писем 45–95 «Epistulae Morales ad Lucilium» Сенеки Младшего, и приведем аргументы в пользу зависимости положения прилагательных от эмфатического ударения.

Литература

Marouzeau J. L'Ordre des Mots dans la Phrase Latine. Paris, 1922.
Pinkster H. Latin Syntax and Semantics. London, 1990.
Spevak O. Constituent Order in Classical Latin Prose. Amsterdam, 2010.
Walker A. T. Some Facts of Latin Word-Order // The Classical Journal. 1918. Vol. 13, no. 9. P. 644–657.

Саадани Джулия Махмудовна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

τί τὸ σοφόν; МУДРОСТЬ ХОРА В «ВАКХАНКАХ» ЕВРИПИДА

Доклад посвящен значению лексемы *τὸ σοφόν* и семантике словоформ с корнем *σοφ-* в трагедии Еврипида «Вакханки». Слово *τὸ σοφόν* встречается в драме пять раз (стт. 203, 395, 877, 897, 1005), четыре из которых — в партиях Хора (стт. 395, 877, 897, 1005). Во всех местах, кроме 877-го и 897-го стихов, оно имеет отрицательную коннотацию, в третьем же стасиме значение *τὸ σοφόν* вызывает споры. Хоровой партии (стт. 877–881) предшествует сцена, в которой Дионис насылает на Пенфея безумие, убеждая его одеться вакханкой и отправиться на Киферон; с нее начинается осуществление его божественной мести. После этого вакханки поют: ***τί τὸ σοφόν****, ἢ τί τὸ κάλλιον / παρὰ θεῶν γέρας ἐν βροτοῖς / ἢ χεῖρ᾽ ὑπὲρ κορυφᾶς / τῶν ἐχθρῶν κρείσσω κατέχειν; / ὅ τι καλὸν φίλον αεί.* (‘Что такое *τὸ σοφόν*? Или какой / Дар от богов среди смертных прекраснее, / Чем держать крепкую / Руку над головой врагов? / То, что прекрасно — всегда любо’). Эти же слова появляются рефреном в стихах 897–901.

Основная полемика среди исследователей связана с пониманием первого предложения: является ли *τί τὸ σοφόν* искренним вопросом (как считают Э. Р. Доддс [Dodds, 1960], Р. П. Виннингтон-Ингрэм [Winnington-Ingram, 1948], У. Аллан и Л. Свифт [Allan, Swift, 2024]) или ироническим (как полагает А. Рейксбарон [Rijksbaron, 1991]).

Автор доклада придерживается последней точки зрения и приводит аргументы в ее пользу. Во-первых, для субстантивированных форм *σοφός* в среднем роде часто характерны отрицательные коннотации и ирония (e. g. S. Antig. 365, Pl. Euth. 293d, Gorg. 483a). Во-вторых, вопрос-насмешка в устах Хора вакханок в стт. 877 и 897 точнее соответствует его характеру. На протяжении всей пьесы вакханки, движимые чувством мести, требуют наказания для Пенфея. В таких обстоятельствах саркастичный вопрос, провозглашающий триумф Диониса над царем Фив, выглядит более уместным и выразительным, чем рассуждение о сущности мудрости или апология божественной мести. В этом нас убеждает и использование в стасиме стиха *ὅ τι καλὸν φίλον αεί*. Он является аллюзией на песню, которую Музы исполняли на брачном пиру Кадма, и заключает в себе злую иронию из-за нового применения — ко внуку Кадма, Пенфею. В-третьих, в ст. 395 понятие *τὸ σοφόν* четко определяется как *οὐ σοφία,* что закрепляет за ним отрицательное значение.

В результате исследования был сделан вывод, что лексема *τὸ σοφόν* в стт. 877 и 897 имеет негативную коннотацию.

Литература

Allan W., Swift L. Euripides: Bacchae. Cambridge, 2024.
Dodds E. R. Euripides, Bacchae. Oxford, 1960.
Rijksbaron A. Grammatical observations on Euripides’ Bacchae. Amsterdam, 1991.
Winnington-Ingram R. P. Euripides and Dionysus: An Interpretation of the Bacchae. Cambridge, 1948.

Головатский Анатолий Константинович

аспирант

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

БИБЛЕЙСКИЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИИ И. В. ГЁТЕ

Педагогическая провинция в романе И. В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся» — важнейший материал для понимания того, как Гёте конструирует истинную в его понимании религию. Так, он разделяет христианский взгляд на мир и место человека в нем, однако утверждает, что некоторые христианские добродетели, такие как совершенная любовь, самопожертвование и «благоговение к тем, кто ниже нас», не могут быть достигнуты без должной подготовки. Разделяя истинную религию на три ступени, Гёте утверждает, что к третьей ступени, христианской, человека обязательно должны вести две другие: этническая и философическая. По мнению Гёте, человек в полной мере способен почувствовать подлинную жертвенность и любовь лишь тогда, когда он уже научился благоговению к тому, что выше него (этническая религия) и тогда, когда он низводит все высшее и возводит все низшее и ставит их наравне с собой, тем самым научаясь мудрости (философическая религия). На этих двух уровнях библейские смыслы и образы Гёте дополняет идеями философии просветителей. Автору романа важно аргументировать, что данное понимание религии вполне традиционно, и для этого он приводит Никео-Цареградский символ веры, разделяя его на три части. Среди библейских образов особенно интересен приведенный образ Главного либо Троих, который является аллюзией на явление Аврааму трех странников в Мамврийской дубраве. Параллель с данным фрагментом из книги Бытия создается с целью конструирования богодухновенности новой религии, которая подробно описана в главах, описывающих дни странников в Педагогической провинции. Темы странствия как важнейшего элемента воспитательного процесса и нахождения внутренней гармонии через созерцание природы формируется у Гёте под влиянием произведений Ж. Ж. Руссо. Отдельно отметим, что подлинная христианская любовь и самопожертвование недостижимы без серьезной подготовки, без воспитания чувств и мыслей.

Головатская Софья Витальевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА АРИСТОТЕЛЯ В СОЧИНЕНИИ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО PRAEPARATIO EVANGELICA

Среди греческих философов, используемых христианскими апологетами, первое место безраздельно принадлежит Платону: именно его, вслед за Нумением, называют «Моисеем, говорящим по-аттически» и обильно цитируют для подтверждения истин о Едином Боге среди язычников. Традиция отношения к Аристотелю сложилась иначе: начиная со II в. н. э. среди христианских авторов встречается частая критика его положений о цели счастливой жизни, бессмертии души, Провидении, космогенезе. Несмотря на то что тексты апологетов II–IV вв. изобилуют аристотелизмами, их знакомство с философом нередко сводится к косвенной или общефилософской традиции об Аристотеле [Carriker, 2003: 77]. Критическое отношение к Аристотелю обнаруживается и в «самой обширной по объему и замыслу двухчастной апологии ранней Церкви» [Lightfoot, 1885: 28], — Praeparatio и Demonstratio Evangelica Евсевия Кесарийского. Особый интерес для изучения отношений христианских апологетов к греческим философам представляет первая часть, служащая введением — «Приготовление к Евангелию».

Цель данного исследования — выявить образ Аристотеля, создаваемый Евсевием Кесарийским при помощи лексических средств и цитат платоника 2 в. н. э. Аттика, а также проанализировать материал, на основе которого конструируется образ философа. Основным материалом исследования является заключительная 15 книга «Приготовления».

Лексическая характеристика Аристотеля сводится к четырем кратким высказываниям Евсевия, три из которых — комментарии на цитаты Аттика, «противника компромисса между Платоном и Аристотелем» [Eusèbe de Césarée, 1974: 18]. В первом высказывании Евсевий называет положения Аристотеля лексемой *τῦφος* ‘спесь’ и предлагает посмотреть на них «сверху вниз, как будто с театрального помоста» (*ἄνωθεν ὡς ἀπὸ σκηνῆς κατοπτεῦσαι*; PE 15,1). Во втором фрагменте Аристотель называется «идущим путем, противоположным» истинному (PE 15, 2–6). В отличие от Платона, который, согласно Евсевию, говорит *τὰ συνῳδὰ,* ‘согласное’ Моисею и пророкам, Аристотель движется по иному пути в отношении к истинному счастью, космогонии, Провидению и бессмертии души (15, 3–9). В третьем фрагменте (15, 5) Аристотель вновь противопоставляется «согласному» с пророческой традицией Платону в вопросе о Божественном провидении: согласно Евсевию, Аристотель ограничивает Божественное действие луной. Далее, в 6 главе, Евсевий вновь указывает, что Аристотель пошел в направлении, противоположном Моисею и Платону, используя то же выражение *τὴν ἐναντίαν ὁδεύσας.*

Мы полагаем, что отсутствие прямых цитат Аристотеля в корпусе Евсевия, а также использование односторонних источников — авторов-платоников антиаристотелевской тенденции — может говорить о том, что Евсевий не знаком с Аристотелем напрямую. Так как Евсевий полагается всецело на платоническую традицию, образ философа, который создается им в «Приготовлении», имеет односторонний характер: лишенный, в отличие от других философов, нейтральных и положительных эпитетов, Аристотель представлен в противопоставлении, с одной стороны, пророку Моисею, с другой стороны — Платону, который высказывается «согласно» с пророческой традицией.

Литература

Carriker A. J. The Library of Eusebius of Caesarea. Leiden and Boston: Brill, 2003.

Eusèbe de Césarée. La Préparation Évangélique. Livres XIV–XV. Paris, 1987.

Lightfoot J. B. Eusebius of Caesarea // Dictionary of Christian Biography: Literature, Sects and Doctrines. London, 1885.

Киреева Маргарита Владимировна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСЕМА KÄLÄB ‘СОБАКА’ В ТЕКСТАХ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Контексты употребления древнееврейской лексемы *käläb* ‘собака’ в текстах Ветхого Завета позволяют выделить особенности семантики наименования, его символического употребления и восприятия обозначаемого животного. Обозначение *käläb* используется при описании поведения животного (его питание, характерные звуки, роль в быту) и в сравнениях и метафорах. Собаки описываются как животные, питающихся падалью, в книге Исход 22:30: אַנְשֵׁי־ קֹדֶשׁ תִּהְיֻון לִי וּבָשָׂר בַּשָּׂדֶה טְרֵפָה לֹא תֹאכֵלוּ לַכֶּלֶב תַּשְׁלִכוּן אֹתוֹ׃ «И святыми людьми вы будете для меня, и плоть, растерзанную зверем в поле, не ешьте, собакам выбрасывайте ее» (здесь и далее цит. по [BHS]). В этих контекстах собака выступает как часть повседневной жизни, подчеркивается их связь с нечистотой, в связи с чем ее образ остается маргинальным. В своем символическом употреблении наименование *käläb* отсылает к образам врага и нечестивого и используется в уничижительных сравнениях. В Псалме 22:21 собаки выступают как метафора врагов, которые окружают человека и угрожают его жизни: הַצִּילָה מֵחֶרֶב נַפְשִׁי מִיַּד־כֶּלֶב יְחִידָתִי׃ (*Спаси мою жизнь от меча, от руки собаки мою единственную*). В 2 Самуил 9:8 внук Саула Мефибошет называет себя *hakkäläb hammet* ‘мертвая собака’, принижая себя в своем обращении к царю:וַיִּשְׁתַּחוּ וַיֹּאמֶר מֶה עַבְדֶּךָ כִּי פָנִיתָ אֶל־הַכֶּלֶב הַמֵּת אֲשֶׁר כָּמֹונִי׃ (*Поклонился и сказал: кто твой раб, что ты обратился к мертвому псу, такому как я*). Однако есть несколько случаев упоминания собак в положительном ключе [Miller, 2008]. Лексема *käläb* могла употребляться при описании собак как полезных и ценных животных, выполняющих важные задачи. Так, в книге Иова 30:1 говорится о собаках, которые охраняют стадо: כַּלְבֵי צֹאנִי (‘собака моего стада’). Таким образом, употребление древнееврейской лексемы *käläb* в различных контекстах позволяет увидеть, как образ собаки, с одной стороны, использовался для передачи идей нечистоты, унижения и угрозы, но, с другой стороны, связывался с представлениями о пользе животного в быту.

Источник

BHS — *Elliger K., Rudolph W.* (eds). Biblia Hebraica Stuttgartensia. 5. Auflage. Stuttgart, 1997.

Литература

Miller G. D. Attitudes towards dogs in Ancient Israel: A Reassessment // Journal for the Study of the Old Testament. 2008. Vol. 32. P. 487–500.

Ахманова Влада Юрьевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ТЕТРАГРАММАТОН В ГРЕЧЕСКИХ МАГИЧЕСКИХ ПАПИРУСАХ

Исследование посвящено изучению контекстов появления тетраграмматона (четырехбуквенного имени Бога YHWH) в греческих магических папирусах. Несмотря на значительное количество работ, посвященных древним магическим практикам, использование еврейского имени Бога в этих источниках остается недостаточно изученным аспектом. Целью данного исследования является анализ способов и форм применения тетраграмматона в магических ритуалах, а также выявление причин его интеграции в религиозно-магическую практику древних греков.

В качестве основного материала исследования используются тексты греческих магических папирусов, датируемых II–V вв. н. э., содержащие заклинания, молитвы и ритуальные формулы, включающие тетраграмматон. Источниками служат оригинальные рукописи, переводы и комментарии известных исследователей, таких как К. Прайзенданц [Preisendanz et al., 1928–1931] и Х. Д. Бетц. При описании материала используются историко-филологический анализ текстов, сравнительный метод для выявления параллелей между памятниками, принадлежащими различным культурам, а также герменевтика для интерпретации смысла и функции тетраграмматона в данных контекстах.

Тетраграмматон активно использовался в греческих магических папирусах как могущественное варварское имя, обладающее значительной силой воздействия. Он применялся в разнообразных ритуальных целях, включая защиту от злых духов [Betz, 1986: 301], привлечение любви [Betz, 1986: 120] и исполнение других желаний [Betz, 1986: 77]. Анализ текстов магических папирусов показал, что тетраграмматон часто сочетался с другими божественными именами и формулами, что свидетельствует о синкретическом характере магической практики того времени. Исследование позволило сделать вывод о том, что усвоение магами еврейского имени Бога было вызвано желанием создать эффект более мощных магических действий за счет привлечения сакральной силы чуждой для античного мира религиозной традиции и продемонстрировать перед заказчиком превосходство над другими колдунами.

Таким образом, исследование подтверждает значимость тетраграмматона в античных магических практиках и открывает новые перспективы для изучения межкультурных взаимодействий в сфере религии и магии.

Литература

Betz H. D. The Greek Magical Papyri in Translation. Including the Demotic Texts. Chicago; London, 1986.

Preisendanz K., Abt A., Eitrem S., Fahz L., Jacoby A., Möller G., Wünsch R. Papyri Graecae Magicae. Die Griechischen Zauberpapyri. Leipzig; Berlin, 1928–1931.

Соколова Александра Федоровна

студент 3-го курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

КОНСТРУКЦИИ ВВОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ В КНИГЕ БЫТИЯ

Работа посвящена анализу синтаксических конструкций (далее СК) с глаголом אמר *'mr* ‘говорить’, вводящих прямую речь в древнееврейском тексте Ветхого Завета. Цель исследования — рассмотреть разновидности СК с *'mr*, вводящих прямую речь, и выяснить, есть ли закономерности в выборе той или иной СК. Новизна предлагаемой работы состоит в систематическом описании СК для ввода прямой речи в древнееврейском тексте. Материал — текст книги Бытия по Ленинградскому кодексу.

Мы группировали СК в зависимости от их структуры и для каждой из них отмечали, чем является вводимая реплика в сюжете текста: реакцией на действие или реплику другого субъекта, продолжением сюжета, не вызванным другим событием, или продолжением реплики того же субъекта. Было выявлено три типа СК.

Тип I — *'mr* — самостоятельное сказуемое. Этот тип самый частотный. Среди прочих к нему относится СК и **V** (встречается 101 раз). Основная функция — вводить реакцию на реплику, указывая на смену говорящего во время диалога: **וַיֹּאמֶר** מִי הִגִּיד לְךָ כִּי עֵירֹם **/ *И сказал**: кто сказал тебе, что ты наг?* (3:11) [Бог отвечает на реплику Адама. Субъект речи не назван, так как он ясен из контекста].

Тип II — *'mr* стоит в ряду однородных сказуемых. Такие СК более редки и разнообразны. Мы классифицировали их на основе того, каким глаголом (речи, движения и т. д.) выражены сказуемые (помимо *'mr*), и какие актанты есть при них. Приведем пример двух наиболее частотных СК этого типа. Первая: и **V S (A) и V A (**встречается 11 раз), вводит начало диалога или единичные реплики, являющиеся реакцией на действие, и включает глаголы речи и движения: **וַיִּקְרָא יְהוָה אֱלֹהִים אֶל־הָאָדָם וַיֹּאמֶר לוֹ / *И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему*** (3:9). Вторая: и **V S и V**, встречается 16 раз, регулярно включает глаголы эмоционального состояния, и вводит ответ на реплику или реакцию на действие: **וַיִּחַר־אַף יַעֲקֹב בְּרָחֵל וַיֹּאמֶר / *Иаков разгневался на Рахиль и сказал (***30:2) [Иаков реагирует на требование Рахили дать ей детей].

Тип III — *'mr* стоит в форме сопряженного инфинитива *le'mor*, зависящей от другого глагола (чаще всего речи), которым может выступать тот же *'mr* в личной форме, его синоним דבר *dbr* ‘сказать’ и т. д. Самая частотная СК — и **V S A V (***l'mr*) (встречается 15 раз), у которой нет преобладающей функции, она может вводить разные типы реплик: **וַיְדַבֵּר אֱלֹהִים אֶל־נֹחַ לֵאמֹר: / *И сказал Бог Ною*** (8:15) [С глаголом *dbr*].

Таким образом, в ходе исследования удалось выявить специфику трех типов СК с глаголом *'mr*: тип I преимущественно функционирует внутри диалогов, указывая на смену говорящего или вводя начало диалога или продолжение реплики того же субъекта; тип II вводит реакцию субъекта на действие или продолжение сюжета; для типа III не выявлено корреляции с сюжетными функциями, так что, возможно, он носит стилистический характер.

Тумаева Мария Алексеевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ «МОНОДИИ НА НЕСЧАСТНЫЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬ» АНДРОНИКА КАЛЛИСТА

Жизнь Андроника Каллиста, византийского ученого, писателя и гуманиста, была тесно связана с Константинополем, поэтому взятие города турками-османами произвело на него неизгладимое впечатление. Находясь на Крите, Каллист написал «Монодию на несчастный Константинополь», которая и станет предметом исследования в рамках настоящего доклада. Цель доклада — охарактеризовать особенности композиции «Монодии».

«Монодия на несчастный Константинополь» представляет собой плач по Константинополю, в котором былое величие города противопоставляется настоящему упадку, ставшему следствием османского завоевания. Условно текст «Монодии» можно разделить на несколько тематических блоков. В проэмии обозначается проблема — завоевание Константинополя. При этом автором неоднократно подчеркивается, что новое несчастье превосходит все предыдущие. С помощью ряда риторических вопросов автор приводит слушателей к мысли, что безмолвие должно быть нарушено, а плач должен прозвучать.

Следующим тематическим блоком является противопоставление прошлого и настоящего города. Захватчики уничтожили все то, чем город гордился: крепостные стены разрушены, священный император пал, церкви осквернены. Взывание к тому, что стало свидетельством великого прошлого, однако не спасло город от гибели, можно назвать переходной частью между двумя тематическими блокам: с одной стороны, оно логически завершают идею противопоставления, а с другой стороны, открывает новый блок обращений. Автор сначала взывает к Богу, затем обращается к оставшимся в живых грекам, к Риму и папе, к Пелопоннесу, к Венеции и критским друзьям. Однако кульминация достигается в моменте взывания к смерти, что подкрепляется ритмическим и структурным отличием этой части от ее окружения. Автор подчеркивает: для выживших нет надежды, и им остается лишь молить о смерти.

Вместе с людьми скорбит и целый мир, что сближает, по мнению автора, падение Константинополя с распятием Христа. Таким образом, открывается тематический блок, посвященный месту нового бедствия в истории. Автор ставит скорбь по несчастному Константинополю на второе место после распятия Христа и считает, что новое несчастье превосходит по своей значимости и взятие Трои, и взятие Иерусалима, и взятие Вавилона, и взятие Рима, потому что каждый из городов заслужил свою участь, а царица всех городов не причинила вреда никому.

В заключении автор призывает весь мир объединиться в плаче по великому городу, поскольку несчастья, подобного этому, никогда не было и не будет. Мотив несчастья, превосходящего все другие, встречается и в других речах, посвященных падению Константинополя: напр., в «Монодии на падение великого града» Иоанна Евгеника. Однако для Каллиста этот мотив имеет особое значение: на нем строится кольцевая композиция «Монодии на несчастный Константинополь», им речь открывается, и им же она заканчивается. Таким образом, автор подчеркивает: прежние страдания превзойдены, потому что новое затрагивает не только греков, но и весь мир, а тщательно выстроенная композиция позволяет ему выделить это высказывание.

Мелькаева Полина Александровна

магистрант 1-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

МЕХАНИЗМ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СБОРНИКЕ «ДОМЕННАЯ ПЕЧЬ» А. ЭМБИРИКОСА

Данное исследование ставит перед собой задачу провести литературоведческий анализ ранних работ А. Эмбирикоса с целью выявления художественных характеристик сюрреалистического «автоматического письма» в его греческом варианте.

Сюрреалистическое письмо ввиду намеренного отказа от традиционных представлений об эстетических категориях выстраивает ряд собственных краеугольных понятий. К тому же, сюрреалистическая мысль постулируется как антителеологическая, в связи с чем поднимается вопрос о формах существования сюрреализма в разных национальных традициях, мотиватором зарождения которых был французский вариант.

А. Эмбирикос (1901–1975, Εμπειρίκος) — писатель-психоаналитик, который создал первые «автоматические тексты» на греческом языке. Его сборник «Доменная печь» («Υψικάμινος», 1935) [Εμπειρίκος, 1980] перекликается с творческими принципами французских сюрреалистов. Тексты, представленные в этом сборнике, во многом ориентированы на теорию психоанализа. Превалирующими в них оказываются темы, интересовавшие создателей последней — эротическое, раскрепощающее, онейрическое, ретроспективное. Ретроспективность как переосмысление собственного опыта через метод автоматизма представляет художественное произведение как вариант психоаналитического сеанса с самим собой. Сюрреалистический метод в корне углубляется в эмпирическую рефлексию. Случайные образы подсознания, выводимые сюрреалистами «наружу», неслучайны. Сознание их закольцовывает, объединяет цепочкой неявно выраженных ассоциаций, а художественное мышление преобразует в полотно с новым эстетическим типом. Так, «Колыхания галстука» («Η δονήσεις του λαιμοδέτου») Эмбирикоса начинаются с морской тематики («Ее песок невероятен» («Η άμμος της είναι απίστευτη») [Эмбирикос, 2002: 17]) и завершаются ею же («…забытье что оплакивает гребешки поглощенные морем тянется как ловушка в раковине…» («…η λησμοσύνη που θρηνεί τα χτένια τα φαγωθέντα από τον πόντο διαρκεί σαν μια πλεκτάνη στο κέλυφος…») [Эмбирикос, 2002: 17]). Выстраивается несколько уровней метафорического восприятия: колыхания в названии контекстно окрашиваются; вся образность эротизируется; психическое, абстрактное соединяется с физическим (ни к чему не приводящие события никем не замечены, они, как ракушки, которые смывает с песка в море). Таким образом, мы говорим о сверхметафорическом типе языкового сознания, о котором писал Р. Якобсон [Якобсон, 1996: 48]. Подобный «полюс языка» получает выражение и в антитетических конструкциях речи. К примеру, могут появляться как образы, составленные из лексически противоречащих конструкций: «смутилась безмятежность» («ταράχθηκε η γαλήνη») [Эмбирикос, 2002: 18], так и образы контекстно окрашенные в антитетические тона: «…убить тишину раз и навсегда и воздвигнуть…статую безмятежности тишины…» («…να σκοτώσουν την σιγή μια για πάντα και να στήσουν…το άγαλμα της γαλήνης…») [Эмбирикос, 2002: 18] — здесь в конфликтных отношениях оказываются два разных типа «тишины».

На подобной концентрации непрямых противопоставлений, а также на внезапных сочетаниях лексем разного порядка и дискурса выстраивается сюрреалистический тип мышления, далекий от традиционных представлений об эстетических категориях, реализующийся в конвульсиях и мотивированный случайными смыслами.

Литература

Эмбирикос А. Избранное. Пер. с новогреч. М., 2002.

Якобсон Р. Два вида афатических нарушений и два полюса языка // Язык и бессознательное. М., 1996. С. 27–52.

Εμπειρίκος Α. Υψικάμινος. Αθήνα, 1980.

Пиксендеева Анастасия Геннадьевна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫК И СТИЛЬ ДВУХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОНСТАНТИНА МАНАССИ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СМЕРТИ ФЕОДОРЫ КОНТОСТЕФАНИНЫ

Константин Манасси — византийский писатель и поэт XII в., представитель литературы Комниновского возрождения. Значительную часть сочинений Манасси, которые сохранились до наших дней, составляют его риторические произведения, посвященные самым разным темам и событиям — монодии, экфрасисы, речи. Все они отличаются высокой степенью риторической обработки и образностью, обилием цитат из произведений античной литературы и Библии. В настоящее время не существует научных работ, посвященных языку и стилю риторических произведений Манасси. В связи с этим было бы особенно интересно рассмотреть языковые и стилистические особенности двух произведений разного жанра, которые объединены общей темой и событием, — монодии на смерть Феодоры Контостефанины и утешительного слова к ее мужу, Иоанну Контостефану. Исследование языка и стиля названных произведений и является целью данного доклада. Внимание в докладе концентрируется на синтаксическом, морфологическом и лексическом аспектах языка, а также на тропах, фигурах речи и других средствах выразительности, к использованию которых прибегает автор.

К основным выводам можно отнести следующие наблюдения: лексический состав обоих произведений отличается большим количеством сложных слов, состоящих из двух корней, и большинство этих слов составляют прилагательные, что является общей чертой произведений Манасси (βαρύποτμος ‘имеющий тяжелую судьбу’, γλυκύχυμος ‘содержащий сладкий сок’). Некоторые из таких сложных слов не встречаются в других произведениях античной и византийской литературы и, вероятно, являются неологизмами Манасси. С точки зрения синтаксиса, можно отметить частое использование причастных оборотов, конструкции accusativus cum infinitivo, сложноподчиненных предложений. Стоит отметить также, что среди глагольных форм довольно часто встречаются формы перфекта и формы плюсквамперфекта, причем первые часто имеют синонимичное значение с аористом, а также формы оптатива и конъюнктива. Среди средств выразительности можно назвать сравнение, метафору, использование слова в его переносном значении, лексический повтор, синтаксический параллелизм, использование обращений, ряды однородных членов, инверсию, синонимы, употребление настоящего исторического времени в повествовательных частях. В монодии автор включает в текст большое число междометий, выражающие скорбь и сожаление. Кроме того, монодия отличается и частым использованием риторических вопросов. В обоих произведениях Манасси прибегает к цитированию античных авторов и использует прямые цитаты из Библии.

Лонкин Данил Андреевич

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОНТИЙСКИЙ. НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ, ИЗДАННЫХ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ В 1930-е гг.

Доклад посвящен особенностям понтийского литературного языка 1930-х гг. Материалом для исследования служат книги, изданные в данный промежуток времени в Ростове-на-Дону издательством «Κομυνιστις», хранящиеся сегодня в греческой коллекции РНБ. В 1926 г. в Москве димотика была выбрана языком греков в СССР, введены 20-буквенный алфавит и новая орфография, приближенная к произношению. Однако в 1930 г. команда издательства «Κομυνιστις» начала печатать одноименную газету только на понтийском диалекте (до тех пор печатались статьи и на димотике), вызвав тем самым новые споры о языке и начав процесс создания нового литературного понтийского языка. За период с 1930 по 1938 г. издательство выпустило большое количество книг на понтийском — как художественных, так и специальных.

Особую роль в формировании литературного языка играла оригинальная понтийская литература. В конце XIX — начале XX в. в понтийской греческой культурной среде процветали поэзия и театр. Так, напр., в своей грамматике понтийского языка, вышедшей в 1932 г., К. Топхарас пишет: «Следует в нашей речи, письменной или устной, применять народные слова там, где следует, и такие, которые используют в своей речи большинство греков. <…> Конечно, не легко кому-либо знать какое слово применяется большинством греков. Чтобы это знать и понимать, нужно знать греков, их жизнь, производственные связи, их историю, среду обитания. Это все требует времени, а тот, кто хочет писать, не должен ждать. Поэтому мы здесь даем ему практический временный совет: пусть подражает языку тех, кто написал на нашем языке лучшие произведения — Георгию и Янко Фотиади и Д. Эристеасу» [Τοπχαράς, 1932: 52].

Г. К. Фотиади — понтийский драматург, одним из самых известных его произведений является пьеса «Ο Λαζάραγας» [Μουρατίδης, 1990: 33]. Пьеса посвящена борьбе простого крестьянского населения с деспотизмом привилегированного класса. Считается, что эта пьеса была первым понтийским антикапиталистическим произведением [Αγτζίδης, 1995: 45]. Г. К. Фотиадис был коммунистом, однако до Великой Октябрьской революции он не дожил — умер в 1909 г. в Грузии [Μουρατίδης, 1990: 33].

Д. Эристеас — псевдоним И. Х. Канониди (старший брат К. Топхараса [Μουρατίδης, 1990: 34]). И. Канониди переводил для издательства «Κομυνιστις», в том числе, учебную литературу на димотике, напр., «Учебник по обществоведению», 1932 (совместно с А. Коккиносом (Ерифриади)). Под псевдонимом «Дамон Эристеас» выходили сборники стихов на понтийском И. Канонидиса, напр., «Токсареас» (1931) и «Письма из Греции» (1930). В «Письмах из Греции» от лица тети, живущей в Греции и пишущей письма своему племяннику в СССР, осуждается несправедливость капиталистического строя.

Таким образом, понтийская литература, печатавшаяся в издательстве, способствовала выполнению двух задач: созданию литературного понтийского языка и интеграции понтийского населения в советскую культурно-политическую реальность.

Литература

Αγτζίδης Β. Ποντιακός Ελληνισμός. Από τη γενοκτονία και το σταλινισμό στην περεστρόικα. Θεσσαλονίκη: Κυριακίδη, 1995.

Μουρατίδης Ε. Το ποντιακό θέατρο στην Ε.Σ.Σ.Δ. // Ελλοπία. Περιοδικό για τα εθνικά θέματα, τεύχος 4, Αθήνα, 1990. Σ. 31–35.

Τοπχαράς Κ. Γραμματικι τι ρομεικυ τι ποντεικυ τι γλοςας. Ροστοβ-Ντον: Εκδοτικον «Κομυνιστις», 1932.

Севрюгова Анна Юрьевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕВОДЫ А. С. ПУШКИНА НА ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ А. ХАРАМИСА И Х. ВУЛОДИМОСА В КОНТЕКСТЕ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО ВОПРОСА

Переводы произведений А. С. Пушкина на различные языки имеют долгую и богатую традицию, которая играет важную роль в мировой культуре. Уже с XIX в. этот вопрос привлекает внимание отечественных литературоведов, и в то же время появляются издания и каталоги, в которых можно найти упоминания греческих переводов. Обстоятельное знакомство греческой общественности с Пушкиным началось лишь в 1870-е гг., и важную роль в этом сыграла статья Стефана К. Карафеодориса «Περὶ ῥωσσικής φιλολογίας», опубликованная в 1872 г. Она стала первой попыткой критического обзора русской литературы для греческих читателей, спровоцировав живой интерес к писателям из России. Пушкин заложил основу для творчества И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, и представить появление великих русских романистов без него невозможно. Эта мысль активно транслировалась не только в России, но и за ее пределами, что делало знакомство греческих читателей с его произведениями лишь вопросом времени. Особую роль в этом процессе сыграли юбилейные даты — 1887 г. (50-летие со дня гибели Пушкина) и 1899 г. (100-летие со дня его рождения), которые стали дополнительным стимулом для появления переводов и публикаций о русской литературе в Греции [Васильева, Кисилиер, 2024].

Так, В 1887 г. выходит перевод А. Харамиса. Он, прибыв в Российскую империю в качестве частного учителя, глубоко проникся русской культурой и прекрасно освоил язык, что позволило ему создать один из наиболее ранних переводов. Данный труд примечателен тем, что Харамис первым предпринял попытку создать стихотворное рифмованное переложение пушкинских стихотворений на греческий язык, постаравшись сохранить размер и передать стилистическое богатство оригинала. Это стало, с одной стороны, революцией в переводческом искусстве, а с другой — важным шагом в освоении русской поэзии греческими читателями. Еще через год, в 1888 г., были изданы переводы Х. Вулодимоса, директора Греческого Коммерческого училища в Одессе. Перевод его, однако, исполнен прозой.

В рамках данного доклада подробно рассматриваются переводы Харамиса и Вулодимоса с точки зрения греческого языкового вопроса. Анализируется, какой вариант языка выбирает каждый из переводчиков в контексте данной проблемы и чем различаются их подходы. Это позволяет лучше понять не только структуру переводов, но и особенности языка того времени.

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01055 «Новогреческие переводы А. С. Пушкина и проблема культурной идентичности грекоязычной диаспоры Новороссии на рубеже XIX–XX вв.», https://rscf.ru/project/25-28-01055/, ИЛИ РАН.

Литература

Васильева И. Э., Кисилиер М. Л. «Их-наш Пушкин»: из истории греческой пушкинианы // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XXVIII (1). СПб., 2024. С. 222–273.

Титкова Маргарита Эдуардовна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОКИ ДРАМАТУРГИИ АНГЕЛОСА СИКЕЛИАНОСА: АНТИЧНЫЙ ЖАНР ДИАЛОГА В ТРАГЕДИИ «ДИФИРАМБ РОЗЫ»

Предметом данного исследования является самая ранняя из завершенных трагедий поэта и драматурга А. Сикелианоса (1884–1951, Σικελιανός) «Дифирамб Розы», в которой нашли отражение основные постулаты Дельфийской идеи о формировании мирового сообщества с целью духовного единения народов [Frangou-Kikilia, 2000]. В докладе анализируется функция диалога как жанра, а также авторская интерпретация классического мифа об Орфее, который отождествляется с рядом персонажей древнегреческой мифологии, таких как Дионис, Загрей, Сабазий, что отвечает орфической тематике трагедии [Μαλάμου, 2014]. Особое внимание уделяется методике воссоздания античной драмы, которая выявляется, в первую очередь, в контексте театральных реконструкций Е. Палмер-Сикелианос — сооснователя Дельфийских фестивалей и ближайшего идейного соратника поэта. В трагедии находят отражение такие приемы реконструкции как «мифическое позирование» Ф. Дельсарта [Anton, 2021], античный диалог, и др.

В настоящей работе предлагается новый подход к изучению творчества Сикелианоса — рассмотрение его ранней драматургии как продолжения Дельфийских фестивалей, а также творческого и научного поиска Е. Палмер. Кроме того, мы определяем, каким образом поэт сочетает традиционные формы драмы с новаторскими художественными театральными техниками, с помощью чего создает уникальный стиль, который отражает стремление греческого поэта к синтезу прошлого и настоящего. В заключение подчеркивается значимость изучения методов реконструкции древнегреческой драмы в творчестве Сикелианоса, а также его вклад в возрождение интереса к античному мифу в контексте XX в.

Литература

Anton J. P. Upward Panic: The Autobiography of Eva Palmer-Sikelianos (Choreography and Dance Studies Series). New York, 2021.

Frangou-Kikilia R. Ο Άγγελος Σικελιανός και η προαιώνια ορφική φωνή // Σύγκριση. 2000. Vol. 11. P. 100–107.

Μαλάμου Μ. Τα προσωπεία του Διονύσου. Η «Θυμέλη» του Άγγελου Σικελιανού και το αρχαίο δράμα. Αθήνα, 2014.

Бехарский Илья Сергеевич
студент 3-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

«НЕ СМЕШИ МЕНЯ»: КАТЕГОРИЯ СМЕШНОГО В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «ШУТКА» Я. ПАЛАВОСА

Настоящий доклад посвящен изучению творчества современного греческого писателя Я. Палавоса (р. 1980, Παλαβός). Объектом исследования является творчество Палавоса, а материалом — сборник рассказов «Шутка» («Αστείο», 2012). Цель исследования — дать критическую оценку литературного творчества данного автора, выявить присущие его текстам художественные и смысловые особенности, в частности категории смешного. Основной метод работы — классический литературоведческий анализ с элементами сравнительно-сопоставительного и лексико-семантического анализа.

Сборник «Шутка» состоит из 17 рассказов. Одна из характерных особенностей сборника — чрезвычайная плотность, «густота» событий в отдельно взятом рассказе. Каждые несколько абзацев представляют собой изменение сцены, автор фокусируется на новой ситуации, существе, месте и т. д. Особенно ярко это проявляется в рассказе «О переменах» («Για αλλαγή»), где главный герой, превратившись в степлер, общается с другими канцелярскими принадлежностями и в это же время пытается разрешить для себя насущные экзистенциальные вопросы. Палавос наследует жанру магического реализма, но, как утверждает сам автор, жанровая структура сборника неоднородна: так, первые рассказы («Γέροι άνθρωποι», «Για αλλαγή» и др.) имеют черты магического реализма, другие же рассказы («Αστείο», «Νίκος Τσούμπας», «Αυτοκόλλητο» и др.) выглядят более реалистичными; один рассказ («Τιμής ένεκεν») представляет собой запись потока сознания героя, в то время как другой («Από την αρχή») — «историческую реконструкцию» жизни французского поэта Ф. Вийона. На наш взгляд, двойная реальность, характерная для магического реализма, прослеживается в рассказе «Старые люди» («Γέροι άνθρωποι»): повествование строится на переплетении реальности (будни молодого человека) и истории жизни загадочной девушки, которую он встречает. До последних строк читателю не раскрывается, кем на самом деле является героиня, которая в итоге оказывается бабушкой главного героя. Автор напрямую не пишет об этом, а оставляет намеки, предоставляя читателю возможность догадаться самостоятельно:

> *«Ογδόντα ένα χρόνια προσπαθούσα να καταλάβω τι κάνει όλος ο κόσμος».*
> *«Κατάλαβες;»*
> *«Ούτε γι'αστείο».* [Παλαβός, 2012: 18]

Одним из ключевых элементов анализа рассказов является понятие о парадоксальной природе смеха. Смеху сопутствует амбивалентность и бинарная оппозиция. Как отмечает М. М. Бахтин, два «аспекта мира — серьезный и смеховой — сосуществуют и взаимно отражают друг друга» [Бахтин, 1990: 136]. Смех достраивает цельность бытия, очищает текст от однопланово-сти повествования. В изучаемых рассказах выявить очевидный смех представляется трудной задачей: открытый, явный, понятный смех в сборнике не встречается, а отдельные рассказы поражают трагичностью и жестокостью сюжета, содержат сцены насилия. Чтобы разобраться в природе «смеха», необходимо разграничить объекты высмеивания в рассказах: смех относится ко всем рассказам, целостной системе, которую они составляют, или к определенным событиям, психологическим типам и внутреннему миру героев.

Литература

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
Παλαβός Γ. Αστείο. Αθήνα, 2012.

Унагаев Роман Олегович

магистрант 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ТРАКТАТ МАРКА ЭФЕССКОГО «ΤΩ ΚΥΡ ΔΙΟΝΥΣΙΩ ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΔΕΣΠΟΤΙΚΟΥ ΚΑΙ ΘΕΙΟΥ ΑΙΜΑΤΟΣ»: СТРУКТУРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ ИДЕЙ

Марк Евгеник, митрополит Эфесский (1392–1444) — византийский богослов, представитель греческой делегации на Ферраро-Флорентийском Соборе, а также лидер настроенной против унии партии Константинополя.

Многочисленные слова, автобиографические произведения, послания и доклады Марка Евгеника, посвященные антилатинской полемике, активно применяются специалистами, изучающими поздневизантийский период истории. Однако часть наследия митрополита Эфесского остается неизученной, как, в частности, небольшой трактат «Τῶ κῦρ Διονυσίω περὶ τοῦ δεσποτικοῦ καὶ θείου αἵματος» («К киру Дионисию о Господней и божественной крови»), в котором Марк Евгеник объясняет иеромонаху Дионисию фрагмент из «Слова на Пасху» Григория Богослова.

На данный момент не существует критического издания данного текста, и потому в ходе доклада мы будем ссылаться на воссозданный нами с учетом всех известных рукописей текст источника и наш собственный его перевод. В ходе доклада мы рассмотрим структуру трактата, а также проследим источники богословских концепций, лежащих в основе этого произведения.

Марк Евгеник повторяет структуру разбираемого им отрывка «Слова на Пасху», поочередно отвечая на каждый вопрос, поставленный Григорием Назианзином. Более того, Марк Евгеник заимствует метафоры из данного отрывка, превращая их в развернутые примеры-объяснения. Так, уподобление дьявола разбойнику в «Слове на Пасху» преобразуется в тексте в обширный пример, в котором дьявол также уподобляется разбойнику, Рай — городу, Адам — плененному жителю города, человеческий род — семье жителя, а Иисус Христос одновременно и родственнику жителя, и царю города, в чем проявляется две природы воплощенного Слова.

Безусловно, как и в любом произведении православного богословия, в данном трактате присутствуют ссылки на Священное писание, и, в частности, на Новый завет (Ин. 6:29, Ин. 17:3, Рим. 1:28, Рим. 5:14). Однако Марк Эфесский упоминает трактовки Писания, свидетельствующие о его приверженности концепциям определенных богословов. Он пишет о том, что дьявол был обманут и попал в силки, расставленные Иисусом Христом, упоминает надземных (οἱ περιγείοι) и подземных (οἱ ὑπογείοι) духов, а также делит человеческую душу на две части — разумную (τὸ λογιζόμενον) и страстную (τὸ παθητικὸν).

Мы приходим к выводу, что Марк Евгеник, составляя послание к иеромонаху, опирался на обширную традицию: Григория Назианзина, Григория Нисского, Кирилла Иерусалимского, Григория Двоеслова, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста и Никиты Стифата.

Соловьева Вероника Андреевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В «ОДИССЕЕ» Н. КАЗАНДЗАКИСА

Основная задача доклада — выявление, анализ связи и отклонения от привычного мифа в контексте исторических реалий и философских убеждений Н. Казандзакиса (1833–1957, Καζαντζάκης) в женских образах поэмы «Одиссея».

Отличительная черта поэтики Казандзакиса заключается в попытке синтеза и гармонизации противоположных элементов. Так, писатель старался найти компромисс между античностью и современностью, культурой Европы и Азии, эмоциональностью и рационализмом, индивидуализмом и коллективностью. Текст поэмы идейно является непосредственным продолжением гомеровской «Одиссеи», союз «и», с которого начинается основная часть поэмы, словно связывает текст Казандзакиса с поэмой Гомера. Его герой, Одиссей, воплощает в себе попытку создания нового человека, стремящегося прийти к высшей степени развития своей жизни и способом преодоления разобщенности культур восточной и европейской. Фигура Одиссея соотносится с образом современного человека, который отправляется в путешествие сквозь время, покидая Итаку ради обретения культурного мирового опыта. Тогда Итака, Гомер, текст которого Казандзакис продолжает, и Античность берут на себя роль начала пути, точки отбытия. Греческая культура пленяет саму себя, ведь Античность в общем понимании и является идеалом, источником развития, который побуждает к движению на пути к обогащению культурной системы. Восприятие и функции Античности в греческой культуре разительно отличаются. Так, она не становится поводом к развитию, а наоборот, стимулирует процесс постоянного самовоспроизведения при невозможности преодоления существующего культурного опыта. Одиссей оставляет Итаку, отказывается от прошлого и, таким образом, самого себя. Отмечается, что посредством этого «нового рождения», которое являет собой акт воссоздания культуры, и показывается отказ от компромисса, приобщения или объединения с другой культурой. Казандзакис через путь своего Одиссея конструирует новый миф для греческого народа.

Целью работы является выявление особенностей переосмысления Казандзакисом ключевых античных персонажей, таких как Пенелопа, Елена, Калипсо и Кирка, образы которых представлены в гомеровском эпосе и трагедиях Еврипида. В ходе работы выявляется литературный континуум, который автор стремится переосмыслить.

Пахачев Глеб Владимирович

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «НАДГРОБНОЙ РЕЧИ СЕСТРЕ ГОРГОНИИ» ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА

Целью данного исследования является выявление особенностей композиции «Надгробной речи сестре Горгонии» Григория Назианзина. Объект исследования выбран неслучайно: этот текст обычно не относят к числу шедевров творчества Григория, однако он может сообщить о процессах, происходивших с жанром надгробной речи в IV в., не меньше, чем другие, более знаменитые речи того же автора. Предмет исследования — композиция речи, поскольку именно на композиционном уровне наиболее очевидны инновации, внесенные Григорием в жанр ἐπιτάφιος λόγος. Основными методами исследования являются дескрипция и анализ. Источник исследования — сам текст «Надгробной речи сестре Горгонии».

Жанровый канон надгробной речи подразумевал наличие следующих структурных частей: вступление; похвала происхождению усопшего, его рождению, природным качествам, воспитанию, обучению, образу жизни, деяниям; утешение родственников с рассуждением о скоротечности жизни; заключение. К любому из этих компонентов мог присоединяться плач — ряд эмоциональных риторических восклицаний.

Григорий в общем следует этой структуре, но обращается с ней творчески, сокращая одни части и расширяя другие. Во вступлении, вместо традиционных заявлений о недостойности оратора, он помещает краткую апологию своего права говорить надгробное слово сестре. Похвала предкам усопшей у него сводится к похвале родителям, о ее рождении и воспитании не говорится вовсе. Наиболее подробно Григорий описывает добродетели Горгонии, ее качества как жены и матери. Здесь же он обращается к характеристике ее внешности, рисуя портрет скромной и целомудренной женщины. Вслед за этим идет рассказ о двух чудесных случаях исцеления Горгонии от болезни, а затем о ее смерти. Слова утешения и плач в речи отсутствуют. Заключение построено в форме молитвенного обращения Григория к сестре.

Из приведенного обзора видно, что Григорий, выстраивая композицию своей речи, на первый план выводит описание морального облика сестры, редуцируя прочие элементы похвалы. Это вполне объяснимо с социально-исторической точки зрения: ни образование, ни какие-либо общественные деяния, служившие традиционным предметом похвалы, Горгонии как женщине доступны не были. Но Григорий ставит себе цель нарисовать идеальный портрет сестры, женщины-христианки, и делает это, отступив от канона.

Отсутствие других важных элементов композиции надгробной речи — плача и утешения — объяснить сложнее. Существует предположение, что «Надгробная речь Горгонии» была составлена Григорием несколько позже похорон сестры. В этом случае излишняя патетичность воспрещалась самими законами жанра, а в утешении не было смысла. Их отсутствие также может компенсировать описание смерти Горгонии. Такие описания нехарактерны для надгробной речи, зато встречаются в родственном ей жанре — монодии. Включив в надгробную речь яркое и назидательное описание похорон, Григорий отдал дань трагизму ситуации и утешил слушателей.

Таким образом, композиционное своеобразие «Надгробной речи сестре Горгонии» заключается в том, что Григорий как в целях христианского назидания адресатов речи, так и по иным причинам сокращает одни части ее структуры, расширяя другие. Отсутствие некоторых частей композиции компенсируется включением элементов других жанровых форм, свидетельствующим о частичном взаимопроникновении жанров в ту эпоху.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Хлыстов Иван Игоревич
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОНЯТИЕ «СЕМЕЙНОГО СХОДСТВА» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И ЕГО СВЯЗЬ С «ТЕОРИЕЙ ПРОТОТИПОВ» Э. РОШ

Доклад посвящен влиянию философа Л. Витгенштейна на развитие лингвистической теории прототипов Э. Рош [Rosch, 1978], с целью выявления и анализа сходств и различий между идеями в творчестве Витгенштейна и теорией прототипов. Витгенштейн внес важный вклад в становление аналитической философии как одной из ключевых дисциплин в истории мысли, его творчество активно изучается в гуманитарных науках, однако значимость его идей для развития лингвистических исследований изучена недостаточно, что определяет новизну настоящей работы. В своих работах Витгенштейн сконцентрировался на анализе конкретных моделей речевых актов, на их примере демонстрируя прагматические аспекты языка и знака в их «естественности». «Философские исследования» [Витгенштейн, 2019] стали трудом, подытожившим работу последних десятилетий его жизни. К идеям Витгенштейна стали обращаться ученые в области семиотики, семантики, прагматики языка и стереотипов, вследствие чего появились теории и подходы, нашедшие в его наследии вдохновение. Одной из таких теорий стала теория прототипов Рош. Стремясь переосмыслить классическую теорию категоризации Аристотеля, согласно которой все понятия внутри одной категории представляются равноправными, если обладают необходимыми и достаточными условиями, Рош создала теорию, где предложен новый принцип категоризации, который состоит в том, что члены категории не равны между собой, есть ядро категории — прототип — и периферия. Предвестником теории прототипов Рош можно считать введенное Витгенштейном понятие «семейного сходства» [Карпов, 2018]. Витгенштейн не указывал прямо на выделение категорий посредством связи различных понятий «семейным сходством», однако в его подходе явно прослеживаются попытки категоризации. То, что не имеет общего признака, т. н. «ядра», по которому можно было бы отнести понятия в одну категорию, согласно Витгенштейну, напр., «игры» как таковые, все же связано между собой «сложной сетью подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [Витгенштейн, 2019]. Позже Рош подробнее концентрируется на критике аристотелевской модели, и, опираясь на результаты проводимых экспериментов, приходит к выводу, что участники выделяют из всех объектов более «правильные», обладающие «прототипическими» признаками, наиболее хорошо репрезентирующими данные объекты в рамках данной категории. Таким образом, обращаясь к сходствам идей Витгенштейна и Рош, следует отметить отказ от классической аристотелевской модели необходимых и достаточных условий, основным различием в их подходах оказывается наличие эквивалентности между понятиями, относящихся к одной «семье», в первом случае, и ее отсутствии во втором, когда вводится градуальность репрезентативности понятий в рамках одной категории, от прототипических до периферийных примеров.

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2019.

Карпов С. Е. Сущность, семейное сходство, прототип: на пути к адекватному классифицированию философских концепций // Философская мысль. 2018. № 12. С. 103–116.

Rosch E. Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978.

Анохина Александра Андреевна

студент 4-го курса
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВАРЬИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ-НЕОЛОГИЗМОВ (на материале терминологии живописи персидского языка)

В различных терминополях персидского языка сосуществует несколько вариантов одного и того же термина — заимствованные и исконные, что связано с заимствованием и переводом новых понятий [Пейсиков, 1975: 150]. Это проявляется в терминосфере изобразительного искусства *ekspresyonism* (от англ. *expressionism* ‘экспрессионизм’) / *hayjānnamāyi* (от персидского *hayjān* ‘волнение’) ‘экспрессионизм’.

Языковая политика Исламской республики Иран по отношению к заимствованиям-неологизмам и деятельность Академии персидского языка и литературы были описаны в [Akbari, 2020], но влияние экстралингвистических факторов на функционирование эквивалентов разного происхождения ранее не изучалось. Таким образом, цель данного исследования — описать их влияние на языковые предпочтения и долю заимствований в устной речи студентов и профессиональных художников, выяснить, в чью речь исконные неологизмы интегрированы сильнее. Объектом исследования стали исконные и заимствованные эквиваленты терминов живописи, предметом — влияние экстралингвистических факторов на выбор эквивалентов в спонтанной речи студентов художественных вузов и профессиональных художников. Персидские термины живописи были взяты из словаря «Тысяча терминов по искусству» и иранских учебников «История мирового искусства», «Культура и искусство».

Чтобы выявить экстралингвистические факторы, была составлена анкета, где требовалось указать пол, возраст, образование, уровень знания языков-доноров терминосферы искусства (английского, французского, итальянского), наличие в учебной программе дисциплин «История искусства Европы» и «Язык специальности». Чтобы точнее интерпретировать результаты, спрашивалось о месте обучения и специализации. Второй раздел состоит из предложений, в которые нужно вставить один из эквивалентов термина. Таким образом мы смогли выяснить языковые предпочтения говорящих. При составлении анкеты был использован метод forced-choice test. Ответам на вопросы об информантах придавались числовые значения, подсчитывалась доля заимствований, что заносилось в таблицу в Excel.

Далее информантам предлагалось устно описать произведения европейской и современной иранской живописи. Испытуемые должны были ответить на вопросы о стиле, художественном течении и техниках картины, тем самым применяя соответствующую терминологию. Подсчитывалась доля заимствований в речи каждого информанта, что заносилось во вторую таблицу. Влияние уровня подготовки, знания иностранных языков, состава учебной программы студентов и выпускников, пола и возраста на долю выбранных заимствований, а также всех этих факторов на долю заимствований в спонтанной речи были подтверждены однофакторным дисперсионным анализом: были получены высокозначимые результаты ($p \leq 0{,}000002$).

Выяснилось, что чем выше уровень образования, тем чаще говорящий выбирает заимствования (*mānerism* ‘маньеризм’). Однако в речи художников-выпускников доля заимствований ниже из-за их дублирования исконными терминами. Студенты выбирают эквиваленты в зависимости от семантического поля: для названий стилей и культурно-исторических эпох — заимствования *kelāsisism* ‘классицизм’, для названий техник живописи — исконные *xerāšrang* ‘сграффито’.

Литература

Пейсиков Л. С. Лексикология персидского языка. М., 1975.

Akbari F. Iran’s Language Planning Confronting English Abbreviations Persian Terminology Planning. Cham, 2020.

Петровская Мария Александровна

студент 3-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ВЛИЯНИЕ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ В РЕЧИ ГОВОРЯЩИХ (на материале интервью, подкастов, видеоуроков)

Невербальные средства коммуникации играют важную роль в речевом поведении человека и существенно меняются в зависимости от сферы профессиональной деятельности. В настоящем исследовании анализируется влияние социокультурных факторов на использование жестов, а также классифицируются жесты, сопровождающие устную речь в различных профессиональных группах.

Материал исследования включает видеозаписи интервью, подкастов, лекций и уроков представителей шести профессиональных областей: медицины, образования, науки, юриспруденции, бизнеса и искусства (три материала из каждой области; профессионалы разных возрастных групп и разного опыта публичных выступлений). Продолжительность записей составляет от 15 минут до часа.

Для разметки жестов применялась автоматизированная система, распознающая определенные виды жестов. Алгоритмы автоматической обработки анализировали данные, после чего проводилась ручная проверка и разметка по активному органу (рука, голова, плечи и др.), типу жеста (иллюстративные, риторические), а также определялись их значение, время использования в контексте речи и социальные характеристики говорящего (возраст, пол, профессиональный статус). Данные систематизировались в таблицах, где фиксировалась информация о профессии и возрасте говорящего, форме коммуникации (интервью, подкаст, лекция, открытый урок, новостное интервью), источнике и авторе материала.

В результате исследования выявлены все функционирующие в диалоге жесты, определена их частотность и установлена связь между жестовой коммуникацией и профессиональной сферой говорящего. На начальном этапе проводился отбор материалов и пилотное исследование, в ходе которого были получены первые результаты. В подкасте-интервью с врачом, опытным коммуникатором, жесты используются для объяснения физиологических процессов в организме. Он активно задействует руки, применяя изобразительные и регулирующие жесты, имитирует действия и подчеркивает ключевые моменты объяснений. Например, описывая работу желудка, врач демонстрирует изобразительные жесты: движение кистей рук на себя обозначает ‘принимать’, сжатие кулака — ‘крепко’ и т. д. Молодая учительница, впервые дающая интервью, преимущественно использует голову как активный орган. Ее жестикуляция — более сдержанная по сравнению с врачом, а основные выразительные средства — мимика и кивки. В отличие от врача, ее жесты не столько отражают профессиональную деятельность, сколько помогают презентовать себя. Это проявляется в частом использовании жестов «самоидентификация» (указание на себя), а также риторических жестов «материализация чужой речи» и «перечисление».

Романова Нина Гунтеровна

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

О ПРИЧИНАХ НЕСОВПАДЕНИЙ В КОДИРОВАНИИ АКТАНТОВ КОГНАТНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Существует ряд исследований, посвященных вопросу о связи диахронического изменения выбора средств кодирования актантов с изменением выбора лексем для выражения предикатных значений. В случае славянских [Орестова, 2018] и романских [Романова, 2024] языков удалось продемонстрировать, что в парах близкородственных языков доля предикатов с несовпадающим кодированием актантов среди этимологически неродственных переводных эквивалентов в среднем несколько выше, чем среди родственных, и эта разница значима, хотя не очень велика. В конкретных парах связь чаще всего оказывалась незначимой (см.: [Романова, 2024], а также балтийские языки в [Alfimova, 2024]).

Доклад обращается к данным славянских и романских языков, представленным в типологической базе данных BivalTyp [BivalTyp] и служившим материалом для упомянутых выше исследований. База содержит переводы на более 100 языков 130 предложений, включающих двухвалентные предикаты, и сведения о кодировании их актантов. В докладе предлагается выделить среди случаев несовпадения кодирования у когнатных предикатов такие, которые можно объяснить синтаксическими трансформациями и перифразами, а не формированием в родственных языках разных норм сочетаемости средств кодирования с конкретными лексемами (под влиянием аналогии, языковых контактов и т. д.) — напр.:

(1) серб. *срести* + *ACC* и мак. *се сретне* + *со* — букв. ‘встретить кого-то’ и ‘встретиться с кем-то’;

(2) бел. *здзівіцца* + *DAT* и укр. *здивований* с копулой + *INSTR* — букв. ‘удивиться чему-то’ и ‘быть удивленным чем-то’;

(3) укр. *насолоджуватися* + *INSTR* и бел. *атрымліваць асалоду* + *ад GEN* — букв. ‘наслаждаться чем-то’ и ‘получать удовольствие от чего-то’.

Проверяется возможность учесть такие случаи в разметке этимологического родства предикатов, приравнивая к некогнатным пары из возвратного и невозвратного глагола, как в примере (1), из аналитического предикатного выражения и глагольной лексемы, как в (2–3), и из аналитических выражений с разной структурой. Связь совпадения средств кодирования с такой соотносимостью предикатов обнаруживается в большем числе пар языков, чем связь с когнатностью, и разница между средними долями несовпадений среди когнатов и некогнатов увеличивается. Это показывает, что одним из факторов, понижающих выраженность связи изменения лексики и кодирования актантов в проведенных исследованиях, является возможность образования на основе когнатных лексем различных предикатных выражений с отличающимися средствами кодирования и предпочтения в родственных языках разных вариантов.

Источник

BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames. URL: https://bivaltyp.info/ (дата обращения: 12.02.2025).

Литература

Орестова М. П. Соответствия лексических и грамматических средств кодирования двухместных ситуаций внутри славянской группы языков. Курсовая работа. СПб., 2018.

Романова Н. Г. Связь маркирования актантов и этимологического родства двухвалентных предикатов в романских языков // Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 г.) / под ред. В. С. Олишевской, О. В. Кузнецовой. СПб., 2024.

Alfimova D. Each Baltic valency is Baltic in its own way? Evidence from parallel subtitles. Talk at the workshop «Valency and valency alternations within and across language boundaries». ALT 15, December 5, 2024.

Хмелинина Иоланта Сергеевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОСТИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ЛЕГКИМ ГЛАГОЛОМ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель исследования — изучение выражения предельности в глагольно-именных конструкциях с легким глаголом в итальянском языке. Такие конструкции мы определяем как составные предикаты, состоящие из десемантизированного глагола с широкой сочетаемостью и его именной части, занимающей позицию прямого дополнения.

Анализ проводится в рамках двухкомпонентной теории вида, согласно которой мы различаем собственно аспект и акциональность [Bertinetto, Delfitto, 2000].

В романских языках, включая итальянский, предикаты вне контекста рассматриваются как «немаркированные» с аспектуальной точки зрения. Тем не менее составные предикаты позволяют нам выделить формальные факторы, которые могут влиять на акциональную интерпретацию словосочетания [Radimský, 2009].

Известно, что набор семантических характеристик, присваиваемый событию или ситуации, зависит не столько от лексического значения глагола, сколько от взаимодействия глагола и его аргументов, складывающегося по определенным принципам. Наблюдения, проведенные нами, дают основания полагать, что именная часть в конструкциях с легким глаголом в итальянском языке задает семантические характеристики предиката и в значительной мере определяет его акциональные свойства. В частности, за предельную или непредельную интерпретацию глагольно-именных конструкций отвечают такие свойства именной группы, как ее отнесенность к категории детерминации и исчисляемость.

Так, именная группа способна варьироваться по нескольким параметрам: как по наличию/отсутствия (не)определенного артикля (*prendere la*/*una*/*Ø velocità* ‘ускориться’), так и по числу (*fare esempio*/*esempi* ‘приводить пример/примеры’). В случаях, когда такое варьирование запрещено, это связано с семантическими ограничениями (*prendere peso* ‘набрать вес, потолстеть’ (конструкция с легким глаголом); но: *prendere il*/*un peso*, *prendere* (*i*) *pesi* ‘нести/поднимать вес/тяжести’ (буквальное значение; предикат со смысловым глаголом); *fare schifo* ‘вызывать отвращение’, но: *fare *schifi*).

В зависимости от таких свойств именной группы предложение приобретает различную интерпретацию: ср., напр., *Francesca ha fatto un salto* / *tre salti in dieci secondi* ‘Франческа сделала прыжок / три прыжка за десять секунд’ (предельная интерпретация; исчисляемый объект) и *Francesca ha fatto salti per dieci secondi* ‘Франческа прыгала десять секунд’ (непредельная; неисчисляемый объект).

Это явление мы рассматриваем в соответствии с теорией акциональной композиции [Verkuyl, 1993], согласно которой аспектуальные характеристики присваиваются не отдельному глаголу, а всей глагольной синтагме. Ключевую роль в этом процессе играют свойства аргументов: квантованные объекты способствуют предельной интерпретации, тогда как кумулятивные — непредельной. Таким образом, в работе выделяются и описываются принципы, определяющие предельную интерпретацию в рассматриваемых конструкциях.

Литература

Bertinetto P. M., Delfitto D. Aspect vs. Actionality: Why they should be kept apart // Tense and Aspect in the Languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin; Boston, 2000. P. 189–226.

Radimský J. Tempo, aspetto e diatesi nel predicato nominale // Études romanes de Brno. 2009. Vol. 30, no. 1. P. 15–26.

Verkuyl H. J. A Theory of Aspectuality: The Interaction between Temporal and Atemporal Structure (Cambridge Studies in Linguistics; vol. 64). Cambridge, 1993.

Карабутова Анастасия Николаевна

студент 3-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ВАШ ТОВАР — НАШ КУПЕЦ: КОНЦЕПТ «ЯРМАРКА НЕВЕСТ» ИЗ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Брачные рынки Китая являются социальным механизмом, отражающим национальные концепции брака и языковые средства выражения связанных с ним ценностей. В отличие от западных моделей, китайский брачный рынок акцентирует внимание на материальном статусе и семейных ожиданиях, что находит отражение в языке и дискурсе. Новизна исследования заключается в анализе языкового выражения концепта «рынок невест» в китайской лингвокультуре. Цель — выявить основные языковые механизмы, посредством которых передаются культурные и социальные ценности брачного института.

Материалом исследования послужили тексты брачных объявлений, интервью со свахами, статьи из китайских СМИ, художественная и научная литература. Методологическая база включает лингвокультурологический анализ, сопоставительный анализ лексики и фразеологии, а также дискурсивный анализ рекламных текстов.

В китайском языке брак передается понятиями 婚姻 ‘брак, супружество’ и 结婚 ‘заключение брака’. В брачном дискурсе важны термины 房车 ‘квартира и машина’ и 经济适用男 ‘экономически выгодный мужчина’. Использование числового обозначения, напр., 80后 ‘рожденные в 1980-е’, подчеркивает значимость возрастных категорий. Рынок невест рассматривается через прагматический аспект, что проявляется в формулировках анкет: 身高要求 ‘требования к росту’, 学历要求 ‘требования к образованию’, 家庭背景 ‘семейное положение’. Политика «одна семья — один ребенок» (一胎政策) привела к гендерному дисбалансу и появлению терминов 剩女 ‘женщины-остатки’ и 凤凰男 ‘мужчина-феникс’.

Художественная литература также фиксирует влияние брачного рынка. В романе «Соотношение цены и качества» («性价比») Люй Цзывэй исследуется давление семьи на женщин при выборе супруга. В «Осаде» («围城») Цянь Чжуншу сравнивает брак с крепостью. В «Записках с брачного рынка» («上海人民公园相亲角出摊纪实») Мин Уян анализирует современные реалии брачных ярмарок.

Результаты исследования показывают, что китайский брачный рынок выполняет функцию языкового кодификатора социальных норм. Брачные объявления и устные переговоры представляют систему языковых маркеров, регулирующих процесс заключения успешного брака. Более того, подобные практики популярны и сегодня — как в Китае, так и за рубежом. Западная же концепция брака, напротив, чаще апеллирует к эмоциональному и личностному аспекту, в отличие от китайской прагматической модели.

Таким образом, китайский брачный рынок не только отражает традиционные социальные ценности, но и закрепляет их через язык, формируя специфический лингвокультурный код, в котором материальные и статусные характеристики партнера играют ключевую роль.

Коляда Дарья Станиславовна
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ МАРКИРОВАНИЯ СОГЛАСОВАНИЯ В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

Цель работы — описание и сравнение мануальных и немануальных способов маркирования согласования в русском (РЖЯ) и американском (ASL, амслен) жестовых языках.

Актуальность работы заключается в появлении жестовых языков в выборках; их канал передачи не имеет аналогов в звучащих языках, поэтому их исследование имеет большую ценность. Говорящие используют отличные от звучащих языков артикуляторы, отражающие главную особенность жестовых языков — визуально-жестовую модальность.

Развитие исследований вызвано лишь недавним интересом к жестовым языкам, и многие их области остаются неизученными. Согласование как явление описано достаточно, в том числе в жестовых языках, но эти языки редко сопоставляются. Однако проводились сравнительные исследования нидерландского и русского жестовых языков [Kimmelman, 2009; Kimmelman, 2019]. Примечательно, что амслен чаще других жестовых языков включается в выборки, но сравнений РЖЯ и ASL еще не проводилось.

Гипотеза исследования заключалась в сходном маркировании согласования, поскольку оба языка относятся к французской языковой семье. В результате гипотеза подтвердилась: большинство изученных параметров оказались схожими.

Согласование по выбранным параметрам в обоих языках маркируется на глаголе и происходит между двумя одушевленными объектами. Были рассмотрены грамматические категории: напр., показателей рода и падежа в обоих языках нет, поэтому невозможно говорить о выражении согласования. По лицу и в РЖЯ, и в ASL может происходить согласование; часть исследователей [Lillo-Martin, Klima, 1990; McBurney, 2002] считают этот показатель бинарным, выделяя только первое и не-первое лицо. Что касается времени, в обоих языках есть его маркеры, напр., жесты временного отношения (вчера, год назад, завтра). Также в РЖЯ и ASL используются жесты, указывающие только на время действия: напр., *will* в амслене или *быть:FUT* в РЖЯ. Говоря о показателе числа, можно утверждать, что в обоих языках используются двойственное, тройственное и паукальное числа, их наличие в совокупности является редкостью для звучащих языков; маркирование чисел также уникально: паукалис, напр., выражается жестом несколько (РЖЯ) или редупликацией.

Поскольку жестовые языки отличаются каналом передачи информации, в них используется и немануальный показатель: наклон головы или направление взгляда может быть упоминанием референта вне жестового пространства. В обоих языках нет аналитических показателей — специальных жестов, выражающих только грамматическое согласование.

В перспективе РЖЯ и ASL можно включить в типологическую выборку и добавить языки британской семьи: исследование неродственных языков может дать более полную картину жестовых языков мира.

Литература

Kimmelman V. Information Structure in Sign Languages: Evidence from Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Berlin; Boston, 2019.

Kimmelman V. Reflexive pronouns in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Amsterdam, 2009.

Lillo-Martin D., Klima E. Pointing out differences: Asl pronouns in syntactic theory // Theoretical issues in sign language research. Chicago, 1990. P. 191–210.

McBurney S. L. Pronominal reference in signed and spoken language: Are grammatical categories modality-dependent? // Modality and structure in signed and spoken languages. Cambridge, 2002. P. 329–369.

Филюрина Ксения Антоновна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ XVI–XVII вв. В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ. НА МАТЕРИАЛЕ «НАБЛЮДЕНИЙ ПО ГРАММАТИКЕ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА» Й. ГУЦЛАФФА

Эстонский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорских языков уральской языковой семьи. Особенностью данного языка является богатая история развития и взаимодействия с другими культурами, оказавшими значительное влияние на язык, в частности на его лексический строй. Однако изменения затронули не только лексический, но и грамматический и фонетический уровни. Как утверждает Е. Ю. Протасова, «по сравнению с финским, многие эстонские слова короче грамматически и проще по фонетической структуре, что происходит в случае интенсивных языковых контактов» [Протасова, 2007: 150].

В исследовании рассматриваются лексические заимствования из нижненемецкого языка и предлагается их классификация по принципу сохранности фонетической структуры языка-донора. Целью исследования является описание заимствований и группирование их по типам, результатом — классификация. Данная тема мало описана в отечественном финно-угроведении, в чем и заключается новизна исследования. Более подробное изучение заимствований и их классификация по фонетическому признаку внесет ясность в понимание подобных слов эстонского языка в его современном состоянии, а также позволит сделать вывод о фонетическом строе эстонского языка в рассматриваемый период. Методами исследования являются структурный и сопоставительный методы, используемые для описания и сравнения лексических и фонетических структур эстонского и немецкого языков.

Исследование проводится на материале грамматики эстонского языка Й. Гуцлаффа «Наблюдения по грамматике эстонского языка» («Observationes grammaticae circa linguam Esthonicam», 1648) [Viikberg, 2013]. В структуру этого учебника входит словарь, куда Гуцлафф включил также заимствованную лексику из нижненемецкого языка XVI–XVII вв. Структура словаря содержит два раздела, первый из которых — нижненемецкие заимствования с сохранением значения и морфологических показателей, но фонологически подстроенные под структуру языка-реципиента. В докладе внимание уделяется только этому разделу.

Рассматриваются заимствования из первого раздела, предлагается их разделение на три группы (по принципу сохранности фонетической структуры): 1) слова, практически полностью сохранившие фонетическую структуру заимствованных слов; 2) слова, фонетические изменения в которых являются «закономерными звуковыми соответствиями»; 3) слова, достаточно сильно изменившие фонетическую структуру. Предлагается также распределение слова внутри групп на подгруппы.

В докладе приведены примеры заимствований из словаря Гуцлаффа, которые распределены по вышеупомянутым группам с подробным комментарием.

Литература

Протасова Е. Ю. Эстония между соседями: наблюдения об общении // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. С. 150–157.

Viikberg J. Alamsaksa laensõnadest Johannes Gutslaffi Grammatika taustal // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. 2013. P. 205–231.

Вакулина Полина Евгеньевна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ФИНСКО-АНГЛИЙСКОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В ФИНСКОМ ВИДЕОБЛОГЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ТЕМАТИКИ

В мультилингвальной среде современного финского общества наблюдается повсеместное финско-английское переключение кодов, возникающее в повседневном речевом взаимодействии. Это явление широко исследуется финскими и зарубежными лингвистами. Например, в работе С. Бакман освещается лингвистический аспект употребления англицизмов в блогах [Backman, 2022: 36], а в работе К. Юнелл большее внимания уделяется анализу коммуникативных стратегий блогеров [Junell, 2020: 22].

Переключение кодов представляет «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации» [Беликов, Крысин, 2001: 16]. Данное явление может быть реализовано в виде однословных включений или целых фраз на английском языке в финскую спонтанную речь. Переключение кодов может происходить в зависимости от темы или ситуации.

Целью нашего исследования является изучение финско-английского переключения кодов с лингвистической и социолингвистической точек зрения. В данном исследовании переключение кодов рассматривается на материале финского видеоблога социально-бытовой тематики. Такие видеоблоги являются популярным способом самовыражения и отражают разные языковые явления в естественной речи блогеров. Теоретическую базу исследования составляют работы П. Мэйскена, К. Майерс-Скоттон и Ш. Поплак. Эмпирическая база представляет собой видеоконтент нескольких финских блогеров, который анализируется с точки зрения случаев переключения кодов, принадлежащих к различным структурным типам.

В настоящем докладе мы проанализируем случаи переключения кодов, встреченные нами в видеоблоге одного финского блогера, молодой девушки Х. Кантолы, проживающей в Тампере. Кантола занимается блоггингом с 2015 г. и на данный момент ее YouTube канал преодолел отметку в 80000 подписчиков. Девушка снимает видео на разные темы: шопинг, путешествия, красота, компьютерные игры и др. В ходе исследования были выявлены основные формы переключения кодов (напр., однословные включения и целые фразы), определены самые распространенные включения и описаны способы их интеграции в финскую речь. Например, одними из самых частых включений были *alright* ‘ладно’, *fine* ‘отлично’, *nice* ‘здорово’, *oh my God* ‘Боже мой’. Было отмечено, что английские включения, за редким исключением, характеризуются фонетической и грамматической адаптацией (по мнению К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 2006], такие включения все же могут считаться случаями переключения кодов, а не лексического заимствования). В то же время были выявлены некоторые фонетически адаптированные слова, напр., *just* ‘только’, *unlocked* ‘незакрытый’. Кроме того, были выявлены английские существительные, грамматически адаптированные к языковой системе финского языка, которые, на наш взгляд, можно интерпретировать как относительно устоявшиеся заимствования, напр., *setti* (от англ. *set*) ‘набор’, *vippi* (от англ. *VIP*) ‘важная персона’, *steppi* (от англ. *step*) ‘шаг’.

Литература

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.

Backman S. Hei tää legit vaa seisoo ja oottaa tääl, I got him hooked — Finnish-English code-switching in Finnish vlogs: Master’s Thesis. Joensuu, 2022. URL: https://clck.ru/3GQV8M (дата обращения: 02.02.2025).

Junell K. English code-switches in Finnish Youtube vlogs. Playful attitudes and casual evaluation: Master’s Thesis. Tampere, 2020. URL: https://clck.ru/3GQV98 (дата обращения: 16.01.2025).

Myers-Scotton C. Multiple voices. An Introduction to Bilingualism. Malden, 2006.

Андреева Алена Дмитриевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СООТНОШЕНИЕ СТАНДАРТНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБУЧЕНИИ

Цель данного исследования — рассмотреть значимость изучения как стандартного английского, так и региональных вариантов английского языка в процессе обучения. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к вопросам стандартизации и дифференциации английского языка, а также значением региональных вариантов в языковой практике разных стран.

Проблема роли стандартного английского языка и региональных вариантов ярко отражена в различии взглядов Р. Квирка и Б. Качру. Квирк поддерживает строгую позицию относительно стандарта английского языка и утверждает, что в образовательной среде необходимо фокусироваться на институционализированных вариантах, таких как британский и американский английский. Он считает, что использование других вариантов ослабляет языковые стандарты, что негативно сказывается на качестве обучения [Quirk, 1990]. Однако Качру подчеркивает важность признания и изучения региональных вариантов, которые лучше отражают локальные культурные и социолингвистические реалии, и критикует подход Квирка как устаревший. В частности, Качру утверждает, что отказ от региональных вариантов приводит к ограничению языкового опыта обучающихся, что может затруднить их способность эффективно использовать английский в различных культурных контекстах [Kachru, 1991].

Подход Кристала предлагает более сбалансированную точку зрения, где внимание уделяется адаптации языка в зависимости от контекста общения. Кристал акцентирует внимание на важности «переключения кодов» (code-switching), что помогает пользователям английского выбирать подходящий языковой вариант в зависимости от собеседников и ситуации. Его подход подчеркивает не превосходство одного варианта английского над другим, а необходимость учитывать контекст для эффективной коммуникации [Crystal, 2003].

Результаты исследования, представленного в рамках настоящего доклада, подтверждают, что в процессе преподавания английского языка важно учитывать как стандартные формы языка, так и региональные вариации, поскольку это способствует лучшему пониманию языка в контексте разнообразных культурных и социолингвистических реалий [Baratta, 2019]. Региональные варианты языка несут в себе важные элементы, такие как локальные идиоматические выражения, произношение и грамматические особенности, которые необходимы для глубокого понимания языка и эффективной коммуникации в разных странах. Важно не только обучать стандартному английскому, но и знакомить студентов с региональными вариантами, чтобы они могли адаптироваться к реальной языковой практике и чувствовать себя уверенно в международной и межкультурной среде.

Литература

Baratta A. World Englishes in English Language Teaching. Cham, 2019.
Crystal D. English as a Global Language. 2nd ed. Cambridge, 2003.
Kachru B. B. Liberation Linguistics and the Quirk Concern // English Today. 1991. Vol. 7, iss. 1. P. 3–13.
Quirk R. Language Varieties and Standard Language // English Today. 1990. Vol. 6, iss. 1. P. 3–10.

Базаржапова Алтана Доржиевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СОВМЕСТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ УТВЕРДИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ «ХА», «ЮМ», «ДАА» В БУРЯТСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Частицы как особые классы лексем стали вызывать интерес у лингвистов с середины XX в., однако многие аспекты функционирования частиц остаются неизученными. Так, в бурятском языке насчитывается свыше 40 частиц, которые модифицируют высказывание в логико-смысловом, коммуникативно-модальном и/или эмоционально-экспрессивном плане. Бурятские частицы способны входить в комплексные сочетания друг с другом (известно более ста цепочек частиц [Будаева, 1999: 108–114]), однако эти сочетания описаны фрагментарно.

Доклад посвящен совместному употреблению частотных бурятских частиц *ха* (выражает эпистемическую оценку, эвиденциальные значения), *юм (*подчеркивает констатацию факта, усиливает иллокутивную силу высказывания) и *даа* (многозначная единица, маркер разного рода экспрессии). Эти частицы образуют цепочки, использующиеся в конце высказывания после сказуемого: 1) *ха юм*, 2) *ха юм даа*, 3) *юм даа*, 4) *юм ха*, 5) *ха даа*, 6) *юм ха юм*, 7) *юм ха юм даа*, 8) *юм ха даа*. Цель исследования — описать семантические, грамматические, дискурсивные свойства указанных цепочек частиц. Материалом работы стал массив письменной бурятской речи, представленной в Корпусе бурятского языка, который состоит в основном из оригинальных художественных текстов с начала XX в. по настоящее время [Корпус бурятского языка]. Объем пользовательского подкорпуса — 6880 употреблений. Материал был проанализирован на предмет того, в высказываниях какого типа используются исследуемые единицы (утверждение / вопрос / побуждение) и в каком лексико-грамматическом контексте (каковы типичные «соседи слева»). Для семантического и дискурсивного анализа объем материала был ограничен 187 контекстами.

В докладе представлены основные результаты исследования, касающиеся значений исследуемых цепочек частиц, типовых ситуаций и коммуникативных целей их использования, корреляций между значениями цепочек и определенными типами высказывания, а также уделено внимание принципам следования частиц друг за другом и влиянию их порядка на значение всей цепочки.

Например, финальное *ха юм* в утвердительных высказываниях указывает на то, что говорящий апеллирует к общеизвестному факту или факту, которым должен также располагать адресат: *Мээл яажа тэсэхэбиб даа.* ***Битнай баһа хүн ха юмбиб***… ‘Как я смогу это перенести? **Я ведь тоже человек**’. В других случаях *ха юм* маркирует умозаключение, к которому говорящий приходит на основании наблюдаемых свидетельств: *—* ***Барилга гээшэ эхилбэ ХА ЮМ ДАА…*** *— гээд, Цэрэн унагааһан модонуудые хараашална* **‘Стройка (выходит / должно быть) началась…** — сказал Цэрэн, рассматривая поваленные деревья’. Изменение порядка частиц в цепочке модифицирует смысл высказывания. Финальное *юм ха* в утверждениях маркирует неэкспериенциальную инферентивность и репортативность: *Кяхтада Мария гэжэ нэрэтэй ехэ бэрхэ ород аргашан бии* ***гэжэ дуулааб***. ***Лекарь хүнэй һамган юм ха*** ‘**Я слышала**, что в Кяхте есть очень умелая русская знахарка Мария. **Кажется, жена лекаря**’ (говорящий только слышал о такой знахарке и не знает, точно ли она жена лекаря).

Источник

Корпус бурятского языка. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 01.11.2024).

Литература

Будаева Г.Д. Частицы в бурятском языке: дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999.

Petrova Varvara Dmitrievna
Student
Lomonosov Moscow State University

SPECTRAL PROPERTIES OF VOICELESS AFFRICATES IN HUNZA BURUSHASKI

Burushaski is a language isolate spoken by approx. 96800 people in Northern Pakistan [Hussain, 2021]. Its three main dialects include Yasin, Nagar, and Hunza Burushaski, the latter of which is the focus of the present research. With the exception of several studies of stop consonant features [Hussain, 2021: 1], Burushaski is severely underresearched. This work is the first attempt of investigating properties of fricative noise in affricates of Hunza Burushaski using instrumental methods.

The most well-known cues for place of articulation are the first four spectral moments of fricative phase: center of gravity (CoG), standard deviation, skewness, and kurtosis. Studies that involve an analysis of changes in spectral properties throughout the frication are very few. Key differences in dynamics of fricative spectra of intervocalic fricatives and affricates (where the noise is preceded by a coronal hold phase) seem to be mean CoG values going either down or up respectively from the onset to the midpoint of the noise phase [Adell, 2016].

Burushaski possesses a rich sibilant inventory with voiceless affricates of dental, alveolopalatal, and retroflex place of articulation, either plain or aspirated, resulting in six affricate phonemes. As has been shown with the studies of Mandarin and Kalasha affricates [Mays, 2008; Kochetov, Arsenault, 2019: 12–14], in systems with tripartite affricate place opposition, some spectral features might distinguish one phoneme from two other rather than serve as a cue for place in all three possible pairs. Moreover, spectral moments appear to produce cross-linguistically multidirectional statistically significant contrasts. For instance, anterior affricate in Mandarin appears to have lower skewness than its posterior counterparts, whereas for Polish skewness is reported to decrease with posteriority.

Glossed and transcribed audio recordings of four speakers of Hunza Burushaski from Burushaski Language Resource were analyzed using Praat. Preliminary results demonstrate Burushaski affricates to follow the aforementioned dynamic pattern of CoG decreasing from the onset toward the offset of the frication. Connection between spectral moments, place of articulation, and aspiration will be discussed in detail in the talk.

References

Adell E. Dynamic properties of noise: Acoustics of fricative, affricate, and ejective sibilants of Chajul Ixil. Manuscript, 2016.

Hussain Q. Phonetic correlates of laryngeal and place contrasts of Burushaski // Speech Communication. 2021. Vol. 126. P. 71–89.

Kochetov A., Arsenault P. Kalasha affricates: An acoustic analysis of place contrasts // Journal of South Asian Languages and Linguistics. 2019. Vol. 6, no. 2. P. 245–280.

Mays C. An acoustic study of affricates in the Songyuan dialect of Mandarin Chinese. Manuscript, 2008.

Николаева Елена Вячеславовна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ДИАГНОСТИКИ АФАЗИИ ПРИ БОЛЕЗНИ АЛЬЦГЕЙМЕРА В США, ГЕРМАНИИ И РОССИИ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ МАТЕРИАЛА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целью исследования является анализ современных методов диагностики афазий при болезни Альцгеймера (БА) с использованием автоматических систем на основе технологий искусственного интеллекта (AI) и обработки естественного языка (NLP), а также разработка предложений по созданию первой российской системы диагностики БА по речи.

Исследование основано на анализе современных систем диагностики афазий при БА в странах-лидерах данной сферы — США и Германии. Рассмотрены речевые корпусы, диагностические тесты и автоматические системы, использующие AI и NLP. Особое внимание уделено акустическим и семантическим критериям диагностики. Для разработки предложений по созданию российской системы использованы данные о доступных ресурсах, научном потенциале и традициях диагностики БА в России.

Выявлено, что США и Германия являются лидерами в области диагностики афазий при БА. США выделяются большим количеством тестов и речевых корпусов, однако, немецкие корпусы отличаются лучшей стандартизацией, а тесты — доступностью. Современные автоматические системы, такие как Winterlight Labs, демонстрируют высокую точность диагностики (до 81 %) на основе анализа коротких фрагментов речи (1–2 минуты). Американские системы чаще используют семантические критерии, тогда как немецкие — акустические, что может быть связано с особенностями синтетических языков.

Для России ключевыми проблемами развития систем диагностики БА по речи являются недостаточная заинтересованность государственного и частного секторов, малое научное сообщество в области клинической лингвистики, опора на устаревшие советские методы диагностики, не учитывающие речевые нарушения. В качестве оптимального подхода для первой российской системы предложено использование акустических критериев диагностики. Это обусловлено их высокой эффективностью (до 95 % в немецких исследованиях), ограниченностью ресурсов в России и наличием опыта в области акустического анализа (напр., кафедра фонетики СПбГУ).

Для разработки первой диагностической системы, работающей на материале на русском языке, создан дизайн эксперимента, включающий в себя запись спонтанной речи, чтение стиха и анекдота. Развитие автоматических систем диагностики БА по речи в России требует создания открытого речевого корпуса и использования акустических критериев. Предложенный дизайн эксперимента может стать основой для дальнейших исследований в данной области.

Радионова Евгения Алексеевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: ПРОСОДИЯ И ЖЕСТЫ

Данное исследование направлено на анализ прагматических маркеров (ПМ) русской устной речи, а именно на описание аудиовизуальных особенностей группы из шести единиц: *в общем*, *вообще*, *в принципе, в смысле*, *короче* и *значит*. В настоящее время языкознание все больше сосредотачивается на изучении устной речи. Прагматические маркеры также привлекают внимание исследователей: проводится их сопоставление с полнозначными словами, анализируется их просодическое оформление. Однако аспекты, связанные с аудиовизуальными характеристиками прагматических маркеров, до сих пор остаются малоизученными. Материалом для исследования являются 189 контекстов, содержащих прагматические маркеры (ПМ), взятых из мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Кроме того, стоит отметить, что в процессе анализа был произведен семантический анализ, в результате которого все примеры употреблений разделены на семантизированные и десематизированные (хезитативы).

Перейдем к детальному рассмотрению результатов анализа для каждого из прагматических маркеров.

В группе употреблений ПМ *в общем* получены следующие данные.

Единица реализуется в трех интонационных конструкциях: ИК-6 (49 %), ИК-3 (43 %) и ИК-2 (8 %).

В 24 случаях из 35 при произнесении *в общем* говорящие совершают движение вверх каким-либо жестикулятором (поднимают голову, плечи, глаза, брови), дублируя тем самым движение тона на ударном слоге. В остальных случаях говорящие либо опускают голову (5 примеров), либо сначала опускают, а затем поднимают голову (5 случаев), что, вероятно, связано с тем, что они маркируют переход к новой синтагме, выделяя исследуемый ПМ как с помощью интонации, так и благодаря жестам.

В функции хезитатива у единицы *в общем* наблюдается большая длительность (до 0,65 секунды), а также для этого типа характерна интонационная конструкция ИК-6, которая типична для незавершенности высказывания.

Рассмотрим примеры употребления ПМ *в принципе.*

Единица реализуется в трех интонационных конструкциях: ИК-2 (17 из 37), ИК-3 (16) и ИК-1 (4).

В 20 из 38 употреблений направление движения тона совпадает с направлением жеста, который выполняет говорящий во время произнесения ПМ.

В функции хезитатива у единицы *в принципе* также наблюдается увеличение длительности, характерная интонационная конструкция — ИК-6.

Перейдем к прагматическому маркеру *короче*.

Маркер *короче* преимущественно реализуется с интонационной конструкцией ИК-3 (в 9 случаях из 12), что характерно для смыслового выделения с постепенным понижением тона. В остальных случаях он реализуется с ИК-1 (по классификации Н. Б. Вольской модель 09).

При десемантизированной употреблении в контексте найдены заполненные паузы хезитации, а также абсолютные паузы.

В отличие от других прагматических маркеров, удлинение произнесения не является типичным для функции хезитатива. Однако возможна недостаточность примеров для окончательного вывода (на данный момент найдено 12 примеров).

Совпадение интонационного контура и невербального сопровождения отмечено в 6 из 12 примеров, что на данный момент не может свидетельствовать об абсолютном соответствии между просодией и жестами.

В дальнейшем планируется проведение анализа оставшихся групп прагматических маркеров с целью выявления их интонационно-жестовых корреляций. Кроме того, предполагается расширение материала, что позволит обеспечить более равномерное распределение данных и повысить достоверность полученных результатов.

Ананьева Анастасия Денисовна

магистрант 1-го курса
Национальный исследовательский университет ИТМО

ВЕКТОРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ HUBERT

В настоящем докладе рассматривается подход к выделению единиц из потока речи с помощью применения нейросетевых методов на основе архитектуры HuBERT. Процесс обучения таких моделей похож на обучение моделей для текстовой модальности по типу BERT, но в качестве единиц используются т. н. «hidden units».

Исследование проводилось на данных корпуса CORPES (обозначения звуков взяты из него же) [Skrelin et al., 2010], а в качестве архитектуры был использован HubertSoft [Van Niekerk et al., 2022]. Из входного сигнала извлекаются эмбеддинги для каждых 20 мс, а затем усредняются внутри границ одного звука. Для четырех дикторов было выбрано по 200 реализаций одного и того же звука, после чего для каждого из них эмбеддинг усреднялся. Сравнение полученных векторных представлений производилось путем вычисления косинусного расстояния. Таким образом удалось установить, что модель способна выделять группы согласных по способу образования — звонкие смычные (b, d, g) и глухие смычные (p, t, k) имеют наибольшее косинусное сходство. Заднеязычный щелевой h оказывается близок к смычным k и g, того же места образования. Сонант j ближе всего к гласным i0 (0,89) и e0 (0,67), а l к гласной o0 (0,65). Носовые m и n также находятся близко друг к другу в векторном пространстве (0,85). Ближайшим звуком к твердому r оказывается l, но косинусная метрика между ними составляет лишь 0,35, в то время как их мягкие пары r’ и l’ оказываются близки на 0,48. Такая разница обусловлена особенностями произнесения мягкого r’. Глухие щелевые звуки близки к своим звонким парам (s и z на 0,53, а sh и zh на 0,88). Аффриката c находится рядом с щелевым s того же места образования (0,68), и с мягким смычным t’ (0,56). Губные щелевые v и v’ близки к парным по глухости f (0,47) и f’ (0,5), интересно, что твердый губной v оказывается близок к гласной u на 0,45, что отражает особенности реализации — в русском языке он приобретает черты полугласной, что нельзя сказать о мягкой паре (v’ близок к u на 0,22). Одной из проблем векторного представления системы русского языка является наличие палатализации. Языком обучения для изначальной архитектуры был английский, в котором подобное противопоставление отсутствует, что отражается в неумении модели разделять твердые и мягкие согласные, их схожесть достигает 0,97 у p и p’, и столько же у z и z’. Наименее похожей парой мягкий-твердый являются l и l’ (0,65), что может быть обусловлено наличием в английском языке светлого и темного варианта. Таким образом, можно говорить о том, что модель позволяет описать звуковую систему русского языка, отражая зависимости между звуками одного места и способа образования. Более того, она улавливает неочевидные особенности реализации согласных, таких как t’, v и r’. Тем не менее модель не чувствительна к палатализации.

Литература

Skrelin P., Volskaya N., Kocharov D., Evgrafova K., Glotova O., Evdokimova V. CORPRES: corpus of Russian professionally read speech // Proceedings of the 13th International Conference on Text, Speech and Dialogue (TSD 2010). Brno, Czech Republic, September 6–10, 2010. Brno, 2010. P. 392–399.

Van Niekerk B., Carbonneau M.-A., Zaïdi J., Baas M., Seuté H., Kamper H. A comparison of discrete and soft speech units for improved voice conversion // Proceedings of the 2022 IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP). New York, 2022. P. 6562–6566.

Титова Рената Руслановна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

Целью исследования является определение значимости просодических средств в разных структурных элементах лекций высших учебных заведений. Лекция — один из видов академического дискурса, который, в свою очередь, характеризуется интеграцией элементов научного стиля и разговорной речи [Фрейдина и др., 2013]. Изучая академический дискурс, современные ученые часто говорят о влиянии на аудиторию таких особенностей, как диалогизированность речи и индивидуальный стиль оратора. Это влияние осуществляется в том числе за счет выбора просодических стратегий говорящего. Выявление влияния интонационных характеристик на их восприятие обучающимися может помочь при составлении методических рекомендаций для преподавателей, голосовых помощников, при использовании системы искусственного интеллекта в образовательных целях.

В рамках методологии исследования предусмотрено: разделение лекционного материала на структурные компоненты, просодический анализ вступительной части лекции и ее середины с использованием программного обеспечения WaveAssistant (оценка темпа речи, частоты и диапазона основного тона, интонационных конструкций, характеристик пауз). Анализ показал использование лекторами значительного количества смысловых пауз (пауз молчания) и заполненных пауз хезитации. В большинстве случаев в начале лекции преобладали неконечные синтагмы, разделенные данными видами пауз, лекторы использовали интонационную конструкцию — ИК-3 — по Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1981] как во вступительной части, так и в середине лекции.

Проведение перцептивных экспериментов для вступительного элемента лекций — для двух и для шести лекторов (оценка приятности голоса, эмоциональности речи, темпа, распознавание эмоций) — показало, что более высокие оценки получили лекторы с бóльшим диапазоном основного тона (от 123 Гц), бóльшим темпом речи (от 4,8 слог/сек) и меньшей долей пауз (13–19 %). Корреляции между средней ЧОТ лектора и высокими оценками по параметру «приятный» не выявилось. Присутствовала слабая отрицательная корреляция между разнообразием ИК и высокими оценками. Восприятие темпа речи соответствовало реальному темпу речи лекторов.

Кроме того, был проведен корреляционный анализ между двумя частями лекций (длительность синтагм, частоты и диапазона основного тона, флуктуации темпа речи, видов интонационных конструкций).

Особый интерес представляет изучение корреляции между оценками, полученными в ходе перцептивных экспериментов, и данными, полученными при корреляционном анализе. Планируется также проверить гипотезу о влиянии разнообразности интонационных конструкций на оценки слушателей.

Литература

Брызгунова Е. А. Звуки и интонации русской речи. М., 1981.

Фрейдина Е. Л., Ковпак Н. А., Королева Ю. П., Пчелина Т. М., Сейранян М. Ю., Смирнова О. Н. Просодия публичной речи. М., 2013.

Гусев Иван Владимирович
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ШУТОК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование основано на четырех видеозаписях стендап-концертов общей длительностью 250 минут: Аранова Елизавета Варвара («Взлеты и Падения»), Вика Складчикова («Сольный концерт 2024»), Ваня Усович («40 лет максимум») и Гарик Оганисян («Жизнь — худший драматург»). Записи имели частоту дискретизации 44 100 Гц. Разметка сигналов выполнена в Praat, где были созданы отдельные слои для аннотации нейтральных и шуточных высказываний (в частности, панчлайнов), межсинтагменных пауз, внутрисинтагменных пауз и пауз между сетапом и панчлайном. Аннотация на разных слоях облегчила дальнейший автоматический анализ.

В ходе акустического анализа были рассмотрены следующие просодические параметры в нейтральных и шуточных высказываниях: 1) средняя интенсивность; 2) артикуляторный темп (количество слогов в секунду); 3) средняя длительность различных видов пауз: внутри синтагм, на границе синтагм, а также отдельно рассматривались паузы между сетапом и панчлайном; 4) мелодический диапазон; 5) частота реализации различных интонационных моделей по системе Н. Б. Вольской.

Затем был проведен перцептивный эксперимент:

1. С помощью программы Praat из нейтральных высказываний, а также из панчлайнов шуточных высказываний были вырезаны слова, содержащие интонационный центр высказывания.
2. На сайте SoSci Survey был создан опрос, где респонденты относили слова к разным контекстам.
3. Результаты были проанализированы в программе Excel. Финальным шагом стал сравнительный анализ акустических характеристик верно и неверно определенных панчлайнов.

Слушатели в 88 % случаев правильно соотнесли фрагменты шуточных панчлайнов с контекстами, из которых они были вырезаны. Данные акустического анализа не выявили закономерностей изменения интенсивности. Шуточные панчлайны оказались медленнее нейтральных высказываний на 11 %. Паузы в шуточных и нейтральных высказываниях различались: внутрисинтагменные паузы в нейтральных фразах оказались короче на 34 %, чем внутрисинтагменные паузы в шуточных фразах. Паузы между сетапом и панчлайном (в шуточных контекстах) были значительно длиннее всех остальных рассмотренных типов пауз как в шуточных, так и в нейтральных высказываниях. Мелодический диапазон в шутках был увеличен в среднем на четыре полутона по сравнению с нейтральными высказываниями.

Исследование показало различия в паузации, темпе и мелодике шуточных и нейтральных высказываний, что позволяет предположить наличие просодических маркеров шуточной речи. Перцептивный эксперимент подтвердил релевантность мелодических и темпоральных характеристик для восприятия шутки носителями языка без опоры на контекст. В будущем планируется увеличить объем материала и модифицировать звуковой сигнал для изучения влияния отдельных просодических параметров на восприятие шуток.

Киселева Ксения Олеговна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТОНАЦИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Интонация является важной составляющей языка, обеспечивающей организацию потока речи и передачу смысла высказываний. Вопросительные и утвердительные интонационные конструкции имеют свои особенности в каждом языке. В карельском языке интонация этих конструкций до сих пор не была детально изучена, что вызывает необходимость более глубокого анализа. Целью исследования является анализ интонации в вопросительных и утвердительных фразах карельского языка, а также их сопоставление с интонационными конструкциями в русском языке.

Материалом для исследования послужили 10 аудиозаписей (длительностью от 30 до 90 секунд) из речевого корпуса «Речевая база данных с переключением кодов карельский-русский», сформированного СПб ФИЦ РАН. Корпус включает спонтанную монологическую речь носителей ливвиковского наречия карельского языка.

Все аудиозаписи были разделены на синтагмы для удобства дальнейшей сегментации и анализа. Для обработки материала использовались следующие методы: акустический анализ речевого сигнала и слуховой анализ. Акустический анализ проводился с помощью программы WaveAssistant, при этом изучалось движение основного тона. В рамках настоящего исследования были рассмотрены только повествовательные высказывания, которые характеризуются завершенностью, а также вопросительные высказывания с вопросительным словом и без (вопросы со значением противопоставления не включались в выборку).

В результате было выявлено, что интонационные модели как для утвердительных, так и для вопросительных высказываний в карельском языке схожи. Для оформления завершенных синтагм используется конструкция, схожая с ИК-1 в русском языке: понижение тона на гласном центра, а на постцентровой части наблюдается нисходящее движение тона, которое завершается падением на последнем слоге. Интонационный центр конструкции всегда находится в начале фразы, что отличает модель карельского языка от русского.

Подобным образом в карельском языке оформляются и общие, и специальные вопросы. Однако для вопросительных высказываний, по сравнению с утвердительными, более характерен ровный тон, т. е. отсутствие нисходящей интонации на последнем слоге. Смещения интонационного центра, акцентные выделения, восходящая интонация в рассматриваемых высказываниях (как повествовательных, так и вопросительных) не встречаются.

Анализ показал, что интонация в карельском языке выражена менее ярко, чем в русском, что особенно заметно при анализе вопросительных высказываний. Эти выводы являются первыми опорными точками для будущего более масштабного исследования супрасегментных средств в карельском языке, включая исследование других интонационных конструкций, паузации, длительности.

Пахомова Марина Алексеевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСОНАНТНЫХ СИСТЕМ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (на примере корейско-русской интерференции)

Исследование, представленное в рамках настоящего доклада, посвящено взаимодействию консонантных систем русского и корейского языков. Основная цель работы заключается в том, чтобы выявить согласные русского языка, при реализации которых наиболее ярко проявляется фонетическая интерференция — как на уровне артикуляции, так и на уровне перцепции. В связи с этим в ходе исследования было проведено два эксперимента: анализ артикуляторной интерференции и анализ перцептивной интерференции.

Материалом для анализа артикуляторной интерференции послужили записи речи пяти дикторов-корейцев на русском языке. Полученные аудиозаписи были рассегментированы, а затем подвергнуты слуховому и акустическому анализу в программе по обработке звукового сигнала Praat. Статистические подсчеты неверных реализаций русских согласных были проведены в программе Excel.

Для того, чтобы изучить особенности восприятия корейцами согласных русского языка, был проведен перцептивный эксперимент в виде опроса, созданного на платформе SoSci Survey. В каждом вопросе была аудиозапись со словом, содержащим интересующий нас согласный звук; респондентам предлагалось прослушать аудиозапись и выбрать среди нескольких вариантов ответа правильное написание услышанного ими слова. Так предполагалось определить, какие звуки воспринимаются носителями корейского языка лучше, а какие хуже, а также выявить взаимосвязь между проявлением фонетической интерференции на уровне артикуляции и на уровне перцепции. Опрос прошли 12 человек, каждый из которых являлся носителем языка и изучал русский язык в качестве иностранного.

Согласно полученным результатам, чаще всего неправильное восприятие русского звука коррелирует с его неправильным произнесением. В частности, оппозиции по мягкости-твердости и глухости-звонкости представляют сложность для носителей корейского языка не только в речи, но и в восприятии. Тем не менее было отмечено, что оппозиция по глухости-звонкости воспринимается корейцами гораздо лучше, чем оппозиция по мягкости-твердости.

При анализе речи корейцев на русском было обнаружено, что корейцы могут переносить некоторые особенности корейской фонотактики на русский язык: ассимиляцию по назализации и реализацию стечений согласных с гласными вставками. Подобные ошибки возникали и в восприятии: носовой согласный в интервокальной позиции мог восприниматься как сочетание ротового и носового (*оно* воспринималось как *одно*); щелевой в позиции на конце слова мог быть распознан как сочетание щелевого и гласного (*мышь* как *мыши*) и наоборот.

Некоторые артикуляторные ошибки, однако, не отражались на уровне перцепции: мягкий /d’/, который в речи корейцев мог терять смычку и реализовываться как /z, z’/, перцептивно как /z’/ не воспринимался; заднеязычный /x/, который часто выпадал или заменялся на гортанный [h] в речи, слышался корейцами очень хорошо.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки курса русской фонетики для носителей корейского языка.

Грибанова Елизавета Александровна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЧТЕНИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Поведение человека в условиях когнитивной нагрузки непредсказуемо. Исследования в этой области предполагают возможность выражения внутренних процессов, связанных с обработкой информации, в мимике, жестикуляции, экстралингвистических и фонетических характеристиках. Речевая деятельность и невербальное поведение человека, оказавшегося в подобной ситуации, могут рассматриваться как сопутствующие усвоению информации процессы, как процессы, в каком-то смысле отражающие ход решения некоторой когнитивной задачи.

Цель работы — определить, каким образом когнитивная нагрузка влияет на речь человека, его мимику, жесты, характерный для него способ коммуникации.

Когнитивная задача для говорящего была сформирована в рамках эксперимента, основанного на прочтении заведомо ложной информации. Испытуемым предлагалось читать сначала вопросы, а затем правильные или неправильные ответы на них. База вопросов и ответов формировалась так, чтобы испытуемому не составило большого труда обнаружить заведомо ложную информацию во время прочтения. Таким образом, эксперимент создавал условия, при которых у дикторов возникало ощущение несоответствия предлагаемого ответа с внутренним представлением о нем. Вербальные и невербальные реакции, отражающие это несоответствие, фиксировались в форме аудио- и видеозаписи.

В эксперименте участвовали 33 диктора разного пола (17 мужчин и 16 женщин), возраста от 17 до 45 лет. В программе Elan была осуществлена разметка и аннотация экстралингвистических, мимических и жестовых особенностей. Наиболее часто обработка ложной информации сопровождалась улыбкой, смехом, движением бровей и губ, покачиванием головой и отводом глаз, а также наличием заполненных и незаполненных пауз перед прочтением ответа. При этом телодвижения в области рук и плеч при чтении просто отсутствовали, что говорит о необязательности использования жестов в указанных обстоятельствах.

С помощью программы Praat в неправильных и правильных ответах измерялись средняя частота основного тона во фразе, частота первой форманты на ударных гласных (в интонационном центре), встречающихся в обоих видах ответа (*/e/, /o/, /a/*), а также значения интенсивности, jitter и shimmer во фразе. Результаты показали, что для прочтения заведомо ложной информации характерно повышение частоты первой форманты (F1), значения shimmer. Обозначенные тенденции не могут служить абсолютными индикаторами когнитивной нагрузки, во многом потому что реакции на ложную информацию крайне индивидуальны. Однако в дальнейшем материал данного исследования может стать фундаментом для масштабного исследования когнитивной нагрузки или источником для гипотез о вербальных и невербальных особенностях эмоционального напряжения, в частности, удивления, также наблюдаемого в ранее обозначенных условиях несоответствия.

Бондарчук Виталий Сергеевич
магистрант 1-го курса
Минский государственный лингвистический университет

ПЕРЦЕПТИВНО-АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ (на материале английского и русского языков)

В рамках антропоцентрического подхода в лингвистике модальность определяется как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности,… <…> …выражаемая различными языковыми средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. п.» [Ахманова, 2004: 237].

В работе исследуется эмотивно-оценочная модальность, поскольку эмотивная и оценочная модальность тесно взаимосвязаны и находят отражение как на лексическом и грамматическом, так и на фонетическом уровне языка.

Цель исследования — выявить сходства и различия перцептивно-акустических характеристик высказываний, используемых носителями языка для передачи положительной и отрицательной эмотивно-оценочной модальности.

Для достижения поставленной цели был проведен фонетический эксперимент. На первом этапе отобран экспериментальный материал на русском и английском языках с использованием корпусов текстов. Он включал 20 высказываний, содержащих маркеры положительной, и 20 высказываний с маркерами отрицательной эмотивно-оценочной модальности на каждом из языков.

Критерии отбора материала: наличие явных лексических маркеров оценки, схожая длина и синтаксическая структура высказываний.

На втором этапе проведена аудиозапись с участием носителей английского и русского языков, осуществлен удостоверительный анализ. Носителям языков предлагалось определить, естественно ли звучат высказывания, после чего другим носителям в произвольном порядке предъявлялись аудиозаписи для определения их оценочной окраски. Далее проведен акустический анализ в программе Praat и дистрибутивно-частотный анализ.

По результатам проведенного эксперимента зафиксированы следующие тенденции:

1. В обоих языках наблюдается понижение диапазона в отрицательных высказываниях. В полученном нами материале в русском языке этот эффект выражен сильнее, так как нижняя граница диапазона снизилась на 33 % против 13 % в английском языке. Это может быть связано с тем, что в русской коммуникации негативные эмоции сопровождаются более интенсивным понижением тона, что усиливает экспрессивность.
2. Сужение интервала. Уменьшение разницы между максимальной и минимальной частотой основного тона в терминальной части в отрицательных высказываниях указывает на более монотонную интонацию.
3. Различная форма мелодического завершения при передаче положительно эмотивно-оценочной модальности в русском языке. Наличие восходяще-нисходящего движения тона может служить маркером усиленной эмоциональности, что характерно для передачи восхищения, удивления или радости.
4. Замедление темпа в отрицательных высказываниях. Такой эффект может быть связан с увеличением когнитивной нагрузки. Негативная оценка также требует большей артикуляционной точности.

Выявленные универсально-типологические тенденции подтверждают системное влияние эмотивно-оценочной модальности на акустические параметры речи. Межъязыковые различия (напр., большая вариативность тона в русском языке) подчеркивают роль культурно-обуслов-

ленных интонационных паттернов. В дальнейшем планируется расширение экспериментального материала и увеличение количества испытуемых для разграничения случаев, отражающих языковые тенденции и индивидуальное варьирование.

Источник

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.

Голованов Егор Олегович

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА

Фоносемантика, по мнению С. В. Воронина, это «дисциплина, имеющая своим предметом звукоизобразительную систему языка, изучаемую с позиций пространственных и временных» [Воронин, 2006: 4]. Под звуковой изобразительностью же исследователь понимает «устойчивую непроизвольную связь между фонемами слова и признаком объекта-денотата» [Воронин, 2006: 39]. Принято выделять два основных вида звуковой изобразительности: звуковое подражание и звуковой символизм. М. А. Флаксман подчеркивает, что звукоподражания или ономатопы характеризуются акустической имитацией звучания денотата, а звукосимволизмы — артикуляторной имитацией [Флаксман, 2022: 18].

Звукоподражания и звукосимволизмы имеют еще более глубокую классификацию. Звукоподражания подразделяются на инстанты, континуанты, фреквентативы и их смешения, а звукосимволизмы — на интракинесемизмы и экстракинесемизмы. Подробный анализ данных категорий помог установить более надежный способ трансфера фоносемантического значения при переводе с английского языка на русский.

Целью настоящего исследования является разработка автоматического инструмента, осуществляющего поиск и выбор наиболее фоносемантически валентного варианта из ряда потенциально семантически подходящих переводческих эквивалентов для того или иного английского глагола движения.

Данная цель достигается благодаря использованию универсальных шаблонов, описывающих каждый подтип звукового подражания и звукового символизма как набор определенных фонотипов, т. е. групп фонем, в основе которых лежит некий признак, и обширного списка строго классифицированных английских глаголов движения.

Успешно разработанный инструмент использует компьютерное представление шаблонов, которые являются уникальными как для английского, так и для русского языка. Данный подход гарантирует, что фоносемантическая оболочка окажется не плоской копией оригинала, но будет корректно воспроизведена средствами, которыми располагает именно язык перевода. Кроме того, выбор переводческих эквивалентов производится с учетом не только их соответствия вышеупомянутым шаблонам, но и по смысловой близости к оригиналам.

Новизна настоящего исследования заключается в разработке первого автоматического инструмента для нужд художественного перевода, который учитывает фоносемантический компонент слова.

Материалом исследования были выбраны именно глаголы движения, так как они являются наиболее частотной и фоносемантически валентной группой слов, обладающей при этом критически важной ролью в рамках любого художественного текста. В основу работы легли научные взгляды С. В. Воронина, М. А. Флаксман и С. С. Шляховой по фоносемантике, В. Н. Комиссарова по теории перевода.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006.

Флаксман М. А. Фоносемантика: опыт междисциплинарного исследования. М., 2022.

Максимова Мария Романовна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ В РЕЧИ И МИМИКЕ

Когнитивная нагрузка — это нагрузка на рабочую память человека. Рабочая память обеспечивает временное хранение и обработку информации. Так как объем рабочей памяти ограничен, для эффективной умственной работы нужно контролировать когнитивную нагрузку [Sweller, 1988]. Распознавание когнитивной нагрузки по речи применяется во многих сферах, в том числе в образовании и в информационных технологиях. Показателями когнитивной нагрузки в речи могут быть повышение частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности голоса, изменение темпа речи и скорости артикуляции [Yap, 2012]. Для распознавания когнитивной нагрузки по видеоизображению важны направление взгляда, положение головы и выражение лица [Шишов, 2018].

Целью данной работы является изучение фонетических и визуальных характеристик когнитивной нагрузки. Материалом для исследования послужили аудио- и видеозаписи речи 15 информантов при прохождении симулятора вождения. Одновременно с игрой испытуемые отвечали на вопросы, направленные на проверку уровня общих знаний (кругозор). Полученные видеозаписи были обработаны с помощью инструментария OpenFace. Из видеозаписей были извлечены визуальные признаки: направление взгляда, положение головы, двигательные единицы (Action Units [Ekman, Friesen, 1978]). Кроме того, была проведена ручная разметка видеозаписей в программе ELAN, так как область лица не во всех случаях была обнаружена с помощью OpenFace.

Результаты показали, что маркерами когнитивной нагрузки в речи являются увеличение длительности отдельных звуков, восходящие интонационные контуры, увеличение диапазона ЧОТ. Наиболее частотным визуальным показателем когнитивной нагрузки является изменение направление взгляда. Чаще всего информанты отводили взгляд вправо вверх.

Были получены данные о синхронизации речевых и визуальных характеристик. Одновременное выражение когнитивной нагрузки в речи и мимике наблюдалось у всех информантов (с разной частотностью). Заполненные паузы хезитации часто возникали вместе со сменой направления взгляда. Повышение ЧОТ совпадало по времени с направлением взгляда вверх у большинства испытуемых. В этом случае можно сделать вывод об одинаковом направлении изменения речевых и визуальных характеристик.

В речи 11 из 15 информантов визуальные и речевые маркеры когнитивной нагрузки совпадали по времени начала. Количество случаев одновременного проявления этих показателей у данных дикторов составляло от 33 % до 50 % от общего числа сегментов, где наблюдалась когнитивная нагрузка. Вторым по частотности временным соотношением был случай, когда мимические характеристики наблюдались в конце речевых проявлений когнитивной нагрузки или после них.

Литература

Шишов Б. А. Оценка когнитивной загруженности оператора на основе видеоинформации с помощью рекуррентных нейронных сетей // Проблемы управления. 2018. № 2. С. 58–65.

Ekman P., Friesen W. V. Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement. Palo Alto, 1978.

Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Sciences. 1988. Vol. 12. P. 257–285.

Yap T. F. Speech Production Under Cognitive Load: Effects and Classification: PhD thesis. Sydney, 2012.

Володина Елизавета Алексеевна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ИНТОНАЦИОННОГО АКЦЕНТА (на материале английской речи носителей русского языка)

Интерференция — это случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя или более языками, когда один язык способствует возникновению ошибок в другом языке [Вайнрайх, 1979].

Интерференция на уровне интонации с большой долей вероятности затрудняет понимание речи, а интонационный акцент, как правило, сохраняется даже при достаточно высоком уровне владения языком. Работ, посвященных интонационной интерференции, довольно много. В приведенном исследовании была предпринята попытка выяснить, как особенности реализации английского интонационного контура общего вопроса в речи носителей русского языка будут восприниматься носителями английского языка.

Цель исследования заключается в описании особенностей реализации английского интонационного контура общего вопроса в речи носителей русского языка, изучающих английский язык, а также в проверке гипотезы о том, что реализация ИК-3 вместо английского интонационного контура общего вопроса будет восприниматься носителями как другой коммуникативный тип, либо будет иметь дополнительную эмоциональную окраску.

Практическая часть исследования проводилась на материале записей речи 12 дикторов — учеников общеобразовательной школы. Выбор был обусловлен отсутствием у учеников представления об интонационной системе английского языка, поскольку школьная программа не предусматривает обсуждения фонетики английского языка, а также желанием проверить гипотезу о том, что в английских общих вопросах, произнесенных носителями русского языка, будут наблюдаться проявления интерференции. Были составлены высказывания разных коммуникативных типов на английском языке. Затем с помощью слухового и акустического анализа были выявлены акустические характеристики реализации высказываний русскими носителями общих вопросов в английском языке, и, исходя из данных, полученных при акустическом анализе, были отобраны высказывания, реализованные русскоговорящими с ИК-3. Акустический анализ проводился и использованием программы обработки звукового сигнала Praat. Затем был проведен аудиторский эксперимент на платформе SoSci Survey.

По предварительным результатам, действительно наблюдались явления интерференции в общих вопросах, реализованных русскоязычными носителями. Благодаря перцептивному эксперименту, стало возможным оценить последствия интонационной интерференции — более половины опрошенных носителей английского языка (61 %) распознавали общие вопросы, реализованные русскоязычными носителями, как утверждения. Кроме того, носители отметили, что высказывания, реализованные с приведенным контуром, не звучат для них естественно, при этом эмфатический окрас, по мнению носителей, ИК-3 не добавлял.

Литература

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.

Ранцан Анастасия Юрьевна
магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИРОДА И ФУНКЦИИ ВНУТРИСИНТАГМЕННЫХ ПРОСОДИЧЕСКИХ ШВОВ

Просодический шов (далее — ПШ) определяется О. Ф. Кривновой как «линейно-временная точка в порождаемом высказывании», которая совпадает с границей просодически единооформленного фрагмента высказывания [Кривнова, 2007: 19]. Кривновой выделяются четыре уровня глубины ПШ: на границах высказывания, на границах многосинтагменных частей высказывания, на границах синтагм и, наконец, на границах ритмически организованных групп фонетических слов в составе синтагмы.

Цель настоящего доклада заключается в определении функций внутрисинтагменных ПШ и описании выделяемых ими единиц членения речевого потока. Исследование проведено на материале чтения вслух печатного текста носителями русского языка. Текстовая основа представляет собой фрагменты художественного текста, стилистически имитирующего устный монолог в разговорном стиле. Такой выбор материала позволяет анализировать функционирование ПШ в условиях, максимально приближенных к спонтанной речи. При анализе аудиоматериала применялись слуховой фонетический анализ экспериментатором, компьютерный акустический анализ.

Результаты исследования демонстрируют, что постановка ПШ внутри синтагмы подчиняется не только ритмическим закономерностям, но и грамматической составляющей. Ритмически в пределах одной синтагмы обычно находится не более двух ПШ, при этом длина речевого отрезка — ритмической группы — между двумя соседними ПШ составляет не более 8 слогов (1–3 фонетических слова). Вероятно, именно такая длина речевого отрезка является наиболее удобопроизносимой. Грамматически в качестве ритмической группы может выступать: сочетание подлежащего и сказуемого (*никто не помнит*); словосочетание (*изворачивался глупо*); предложно-падежная конструкция с неодносложным предлогом (*перед зеркалом*); союз/союзное слово в сочетании с глаголом-связкой (*отчего станет*) или модальным глаголом (*что захочется*); группа служебных слов и/или местоимений (*или как ты*); группа односложных служебных слов и/или местоимений и знаменательное слово (*вот так съежиться*).

ПШ внутри синтагмы появляются в местах изменения темпа речи. Так, синтагма *или как ты* | *изворачивался глупо* состоит из двух ритмических групп. Темп речи первой ритмической группы — 10,3 слога в секунду, второй — 7,4 слога в секунду. Нейтральные двухчастные синтагмы демонстрируют понижение темпа речи и, соответственно, увеличение длительности слога во второй ритмической группе. В нейтральных трехчастных синтагмах движение темпа может быть как нисходящим (*что захочется* | *вот так съежиться* | *скрючиться*: 7,9–5,9–4,8 слога в секунду), так и нисходяще-восходящим (*когда например* | *чистишь зубы* | *перед зеркалом*: 6,4–4,9–7,3 слога в секунду). Если одно из слов синтагмы оформлено логическим или эмфатическим ударением, ПШ появляется перед выделенным словом: *отчего станет* | ***так*** *стыдно; так* | ***ужасно*** *стыдно*.

Полученные результаты позволяют выделить четыре функции внутрисинтагменных просодических швов:

1. Ритмическая организация речевого потока (маркирование временных точек, в которых меняется темп произнесения).
2. Разделение речевого потока на удобные для произнесения единицы ограниченной длины.
3. Выделение грамматически целостных смысловых частей (напр., словосочетаний).
4. Просодическое оформление логического или эмфатического ударения.

Литература

Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2007.

Хайбуллаева Лада Игоревна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОСНОВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на множество исследований, посвященных изучению психолингвистических механизмов, лежащих в основе чтения, вопрос о наиболее эффективном методе обучения чтению на иностранном языке остается нерешенным. Новизна работы состоит в том, чтобы с помощью методов анализа, систематизации и сравнения существующих знаний в этой области определить наиболее благоприятную стратегию обучения чтению на ИЯ. Цель данной работы заключается в выявлении достоинств и недостатков основных методов обучения чтению на неродном языке с учетом особенностей психики человека.

Согласно Л. С. Выготскому, чтение — это «сложный процесс, в котором непосредственное участие принимают высшие психические функции в части мышления, и развитое и недоразвитое чтение имеют ближайшие причины в развитии мышления ребенка…» [Выготский, 1991: 444]. Для овладения чтением на ИЯ человек должен уметь выделять в тексте отдельные его элементы, обобщать, синтезировать отдельные факты, устанавливать их иерархию; соотносить отдельные части текста (смысловые куски) друг с другом; осмыслять содержания текста; выводить суждение, оценивать изложенные факты, интерпретировать подтекст [Пассов, 2002: 31–32]. В связи с этим, целью обучения чтению на ИЯ должно быть формирование данных умений.

Существует два основных метода обучения чтению на ИЯ. Более распространенным из них является фонетический метод, предполагающий изучение звуковой системы языка путем от анализа к синтезу. Он обеспечивает переработку информации на языковом уровне и делает акцент на развитии фонематического восприятия и постановке правильного произношения, но не подходит для обучающихся младшего возраста или с низким уровнем подготовки, так как изучение всего массива фонетических правил сразу приводит к потере интереса и не всегда обеспечивает понимание смысла текста. В противовес данному методу, существует метод «целых слов», согласно которому учащиеся распознают и запоминают слова как целые единицы. Этот метод подходит для обучения маленьких детей, так как подразумевается, что с возрастом их когнитивные способности сформируются в достаточной степени и операции анализа будут осуществляться проще. Очевидными недостатками данного метода являются пренебрежение орфографией и проблемы с распознаванием слов в устной речи, декодированием новых слов, трудности, связанные с омонимией, и т. д.

Учитывая недостатки данных методов, современные ученые стали разрабатывать смешанные методики обучения чтению на неродном языке, самой известной из которых стала «Oxford Phonics World». Согласно ей, обучение делится на четыре этапа: сначала дети знакомятся с основными звуками по-отдельности, затем — учатся различать звуки в словах, читая отдельные слова, далее — читают фразы и предложения, таким образом осваивая навык чтения текстов.

По нашему мнению, такой метод является оптимальным при обучении чтению на ИЯ обучающихся младшего возраста, однако такой подход нужно адаптировать и для взрослых учеников. Использование методов полного погружения, подбор языкового материала, соответствующего целям обучения позволит создать более гибкую и эффективную программу обучения чтению на ИЯ для людей с разными индивидуально-психологическими особенностями.

Литература

Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М., 1991. С. 444–446.
Пассов Е. И. Обучение чтению: учеб. пособие. Воронеж, 2002.

Захарина Елизавета Васильевна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DIGITS AND NUMBERS: ВЫБОР ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ ПРИ СУБВОКАЛИЗАЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Исследование посвящено изучению субвокализации цифр и чисел на английском языке. Субвокализация — процесс проговаривания про себя текста во время чтения [Carver, 1992]. По результатам недавних исследований когнитивных способностей человека было доказано, что язык напрямую влияет на нашу память, внимание и другие мыслительные процессы [Fernyhough, Borghi, 2023]. Чтение текстов, в том числе немое, тоже является когнитивным процессом [Britton, 1982] и создает определенную когнитивную нагрузку в кратковременной памяти человека [Sweller, 1988]. Чтение же на неродном для человека языке интересно тем, что когнитивная нагрузка при этом процессе увеличивается и для обработки информации может использоваться уже не одна, а несколько языковых систем. Кроме того, субвокализацию именно числительных в иностранном языке можно считать особым случаем ее проявления, т. к. числовую информацию принято считать прецизионной, т. е. основной для высказывания, но бесконцептной и трудно переводимой на другой язык.

В данном исследовании применялся метод эксперимента, проводившегося среди людей, изучающих английский (15 участников). Сперва респонденты заполняли анкету, в которой отвечали на вопросы об их уровне владения иностранным языком. В ходе эксперимента на слайде участник видел предложение на английском языке и должен был его запомнить. Через 10 секунд респонденту было показано то же самое предложение с пропущенным в нем словом. Задача участника состояла в том, чтобы прочесть полное предложение вслух, устно подставив вместо пропуска нужное слово. При запоминании слова человек проговаривает его про себя, и речевые паттерны при произношении слова вслух могут помочь понять, какой язык изначально был выбран для субвокализации. Всего для эксперимента было составлено 15 предложений, в 11 из которых были пропущены числительные разных лексико-грамматических разрядов, чтобы учесть специфику произношения каждого класса числительных в английском, напр.: *One year is most often equal to 365 days*, было пропущено *365*. В четырех предложениях-филлерах были пропущены нарицательные существительные, личные местоимения или наречия для отвлечения внимания респондента от целей исследования.

По итогам эксперимента выяснилось, что участники с уровнем A1 проговаривали про себя однозначные числительные (*5*) на английском, а все остальные на русском. Участники с уровнем B2 проговаривали большинство числительных на английском, но годы (*1457*), многозначные порядковые (*125th*) и дробные числительные (*3/5*) на русском. Респонденты с уровнем C2 проговаривали все числительные на английском. Можно сделать вывод, что на выбор языка при субвокализации чисел при чтении на английском влияет как уровень владения иностранным языком, так и лексико-грамматический разряд числительного.

Литература

Britton B., Tesser A. Effects of prior knowledge on use of cognitive capacity in three complex cognitive tasks // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1982. Vol. 74, no. 1. P. 51–61.

Carver R. P. Reading rate: Theory, research, and practical implications // Journal of Reading. 1992. Vol. 36, no. 2. P. 84–95.

Fernyhough C., Borghi A. M. Inner speech as language process and cognitive tool // Trends in Cognitive Sciences. 2023. Vol. 27, no. 12. P. 1180–1193.

Sweller J. Cognitive Load during Problem Solving: Effects on Learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12. P. 257–285.

Еремеева Ксения Алексеевна

студент 4-го курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ФИЛОЛОГОВ И ПОЛИЦЕЙСКИХ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Новизна исследования обусловлена тем, что изучение концепта «искусство» проводится, как правило, с лингвокультурологической точки зрения. Однако остается нерешенным вопрос восприятия искусства с точки зрения социо- и психолингвистики. Репрезентация концепта «искусство» в языковом сознании разных социальных групп является актуальной научной проблемой, поскольку профессия определяет способы мышления. В связи с этим в качестве информантов выступили две социальные группы: филологи — специалисты, изучающие культуру, и полицейские, которые не связаны с искусством напрямую в профессиональной среде.

Цель работы — сравнительный анализ концепта «искусство» в языковом сознании филологов и полицейских. Материалом исследования послужили 1640 реакций 82 опрошенных (41 филолог и 41 полицейский) в возрасте от 17 до 73 лет. Информантам было предложено написать по 20 реакций на стимул «искусство». В ходе работы над исследованием были применены следующие методы: свободный ассоциативный эксперимент; интерпретационный анализ; структурно-семантический анализ; сравнительный анализ.

Рассмотрим полученные результаты. Ядро концепта представляет собой набор общих представлений об искусстве, которые упоминаются информантами чаще всего. В ядро концепта филологов входят следующие тематические группы: виды искусства (музыка — 14,67 %, театр — 10,05 %, живопись — 14 %), обобщенные понятия (творчество — 28,77 %, красота — 26,03 %), субъект искусства (художник — 42,22 %). Тематические группы ядра концепта полицейских: виды искусства (музыка — 15,07 %; живопись — 11,42 %; театр — 10,05 %); результат искусства (картина — 41,89 %); субъект искусства (художник — 28,74 %). Так, при анализе ядерной части концептов мы обнаруживаем, что как для филологов, так и для сотрудников полиции особую значимость имеют определенные виды искусства, а также один и тот же субъект искусства — художник.

Общие тематические группы, входящие в ближнюю периферию концепта обеих социальных групп: иные виды искусства; культурные объекты; то, с помощью чего создается искусство. Однако ближняя периферия концепта сотрудников полиции немного шире и включает в себя еще обобщенные понятия; субъекты искусства; результат искусства. Если обратить внимание на количественное соотношение упоминаемых элементов искусства, то увидим, что полицейские представляют его более конкретно, чаще филологов называя составляющие его элементы: балет — 9(ф):18(п); кино — 8(ф):18(п); танец(-цы) — 8(ф):11(п); опера — 5(ф):10(п); актер(-ы) — 4(ф):11(п). Кроме того, полицейские воспринимают искусство с точки зрения практического его применения в обыденной жизни: умения и технологии, виды спорта, способы досуга понимаются как искусство. Филологи, в свою очередь, воспринимают искусство через обобщенные категории: творчество — 22(ф):15(п); красота — 19(ф):10(п); культура — 15(ф):4(п); вдохновение — 9(ф):4(п); эстетика — 9(ф):2(п).

Дальняя периферия обоих концептов состоит из более редких, индивидуальных реакций информантов, бóльшую часть которых составляют эмоционально-оценочные ассоциации.

Таким образом, при анализе общих реакций на стимул было выяснено, что в языковом сознании филологов и полицейских прослеживаются разные способы представления искусства: первые воспринимают его более обобщенно, вторые — конкретно. Несмотря на это, показатели ядерной части концепта демонстрируют одинаковую значимость живописи, музыки, театра.

Березина Полина Сергеевна

магистрант 2-го курса
Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова

ОБРАЗ ДОКТОРА В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Исследование языкового сознания является действенным способом изучения предметного, деятельностного и ментального аспектов культуры носителя языка, иными словами, языковое сознание обладает этнокультурной спецификой. Анализ сходств и различий в языковом сознании, таким образом, способствует устранению препятствий на пути обеспечения эффективного межкультурного общения в условиях глобализации и развития международного сотрудничества.

Цель работы — сопоставительное этнопсихолингвистическое описание образов *доктор* и *doctor* как фрагментов обыденного языкового сознания носителей русского и английского языков. Новизна исследования обусловлена тем, что работ по изучению этих образов обыденного языкового сознания носителей русского и английского языков в сопоставительном аспекте не проводилось. Материалом исследования послужили данные словарных статей *доктор* и *doctor* в Русском ассоциативном словаре под редакцией Ю. Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь, 1994] и Ассоциативном тезаурусе Дж. Киша [Kiss et al., 1972] соответственно. Основным методом исследования стал метод сопоставительного анализа ассоциативных полей, а также метод построения семантического гештальта, предложенный Ю. Н. Карауловым.

В результате работы было выявлено несовпадение ассоциатов, входящих в ядра ассоциативных полей: для русского языка самыми частотности стали ассоциаты *врач*, *наука* и *Айболит*, когда как для английского — *nurse* ‘медсестра’, *medicine* ‘медицина’ и *ill* ‘больной’. Наблюдается также несовпадение частотности эквивалентных ассоциатов (*больница* и *hospital*, *халат* и *coat* и т. д.). Разница семантического наполнения ассоциативных полей невелика, однако заключает в себе яркую этнокультурную специфику языкового сознания носителей русского и английского языков. Построенные в ходе исследования семантические гештальты имеют значительное число совпадений семантического объема. В воплощении обоих гештальтов были выявлены семантические зоны «профиль доктора», «персонаж», «атрибут», «место», хотя очевидной остается разница их наполнения. Помимо этого, была определена разница в качественном (семантическая зона «персонаж») и количественном наполнении (семантическая зона «место»); в частотности компонентов-эквивалентов одной семантической зоны (*хирург* и *surgeon* ‘хирург’). В гештальтах были выделены и семантические зоны, присущие только русскому или только английскому языковому сознанию. Выделяются зоны «полезный» и «бесполезный» для русского языкового сознания, определяющие значимость личного отношения носителя русской лингвокультуры к докторам. Для английского языкового сознания же выделяется зона «object of activity» (‘объект деятельности’), наполненная частотными реакциями, что свидетельствует о значимости пациента во врачебной деятельности.

Так, образы *доктор* и *doctor* определяются как квазиэквивалентные, заключающие в себе как общие черты, так и различия, наглядно демонстрирующие этнокультурную специфику языкового сознания носителей русского и английского языков.

Источник

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 1994.

Литература

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. Edinburgh, 1972.

Оболашвили Алиса Левановна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КУДА ТЕЧЕТ ВРЕМЯ? ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ МЕТАФОРА В УСЛОВИЯХ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Время является сложной для понимания физической величиной. Именно поэтому его описание в языке нередко метафорично. И, поскольку пространство воспринимается человеком менее абстрактно, мы нередко описываем время с помощью темпоральных маркеров или глаголов движения.

К изучению пространственно-временной метафоры и ее восприятия обращались как зарубежные, так и отечественные авторы. И в первую очередь хочется отметить психологическую реальность метафоры в целом. Многие исследователи указывают на то, что метафора является не только лингвистическим феноменом, а «способом мышления» [Valenzuela, Soriano, 2005: 3]. Именно с этим связана необходимость исследования метафоры, в том числе пространственно-временной, с помощью эмпирических методов. Несмотря на то что они давно используются в психолингвистике, при изучении проблемы когнитивной теории метафоры и метонимии они используются довольно редко [Valenzuela, Soriano, 2005]. Некоторые исследователи также обращают внимание на связь метафорического мышления и жестов. Так, Алан Ченки пишет, что «жест может предвосхищать ту же концептуальную метафору, которая последует в языке» [Cienki, 1998: 203]. Однако несмотря на то, что пространственно-временная метафора проявляется в разных языках, ее форма и частота употребления значительно отличается. В первую очередь это связано с культурным влиянием на ментальное представление времени, которое также играет большую роль при выборе способа описания времени [Athanasopoulos et al., 2017: 35]. На практике с этим связано «расположение» событий прошлого и будущего справа и слева на горизонтальной или снизу и сверху на вертикальной оси в разных языках. Одним из наиболее необычных в этой области можно считать эксперимент отечественных исследователей А. А. Котова, А. А. Зининой, Н. А. Аринкина и Д. И. Беркуты [Котов и др., 2024], в котором рассматривается соотнесение временной и пространственной осей, однако стимульный материал (аудиодорожка с рассказом и темпоральные жесты) предъявлялся испытуемым роботами-компаньонами. Среди эмпирических методов, используемых при рассмотрении метафор, выделяют айтрекинг, fMRI, вызванные потенциалы (ЭЭГ), а также работы на основе поведенческих данных. В докладе будет представлен сопоставительный анализ успешности их применения на примере конкретных исследований на тему пространственно-временной метафоры в условиях вербальной и невербальной коммуникации.

Литература

Котов А. А., Зинина А. А., Аринкин Н. А., Беркута Д. И. Могут ли жесты передавать информацию о времени описываемых событий? Восприятие темпоральных жестов робота-компаньона // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Белгород, 2024. С. 100–116.

Athanasopoulos P., Samuel S., Bylund E. The psychological reality of spatio-temporal metaphors // Studies in Figurative Thought and Language (Human Cognitive Processing series). Amsterdam, 2017. P. 295–321.

Cienki A. Metaphoric gestures and some of their relations to verbal metaphoric counterparts // Jean-Pierre Koenig (ed.). Discourse and Cognition: Bridging the Gap. Stanford, CA, 1998. P. 189–205.

Valenzuela J., Soriano C. Cognitive Metaphor and Empirical Methods // Bells: Barcelona English language and literature studies. Vol. 14. Barcelona, 2005.

Кравцова Дарья Максимовна
студент 3-го курса
Национальный исследовательский Томский государственный университет

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ НАПРАВЛЕНИЯ ОДНОНАПРАВЛЕННЫХ И РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ У НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глаголы движения русского языка — лексико-грамматическая группа, вызывающая интерес у грамматистов в силу особой сложности выделения критериев разграничения «однонаправленности» и «разнонаправленности» движения [Берницкая, 2019].

В данном исследовании впервые был затронут вопрос о когнитивной обработке семантики направления однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения у носителей русского языка на основании экспериментального метода в рамках теории воплощенного познания, согласно которой при восприятии слов, связанных с определенным физическим или пространственным опытом, происходит т. н. «ментальная симуляция». Цель исследования — изучить особенности когнитивной обработки семантики направления однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения у носителей русского языка. Для достижения поставленной цели был проведен пре-тест, который позволил проверить сознательное распознавание респондентами семантики направления глаголов движения и отобрать стимулы для последующих двух психолингвистических экспериментов, проводимых на основе программы JSpsych. В претесте респондентам предлагалось оценить связь семантики бесприставочных глаголов движения с ассоциациями одного/нескольких направлений. В результате пре-теста была выявлена статистически значимая разница в средних оценках для однонаправленных и разнонаправленных глаголов ($t(32) = -6.45$, $p < 0.01^{***}$). В первом психолингвистическом эксперименте на время реакции использовалось задание, не требующее доступа к семантике. На экране монитора предъявлялись глаголы движения или филлерные глаголы и далее показывалось изображение (одной/нескольких стрелок или фигуры). Участникам предлагалось категоризировать изображения путем нажатием клавиш. В случае активации семантики направления предполагался эффект совпадения (compatibility): при обработке однонаправленного глагола участники быстрее будут реагировать на одну стрелку, а при обработке разнонаправленного — на несколько. В первом эксперименте в случае задания гипотеза не подтвердилась, поэтому во втором эксперименте оно было изменено: респондентам предлагалось нажимать нужную клавишу при показе изображения только в том случае, если до этого на экране был представлен глагол движения.

Анализ показал статистически значимый эффект совпадения, но только для однонаправленных глаголов: респонденты реагировали на одну стрелку быстрее, чем на несколько, после прочтения однонаправленных глаголов ($X2(1) = 9.75$, $p = 0.02^{**}$). Таким образом, результаты показали, что носители русского языка сознательно распознают семантику направления, но во время когнитивной обработки семантика направления активируется только у однонаправленных глаголов при необходимости доступа к семантике. Полученные результаты объясняются особенностями семантической структуры глаголов движения [Nesset, 2008]: наличием «целевой» составляющей у однонаправленных, и ее отсутствием у разнонаправленных в случае функционирования без контекста.

Литература

Берницкая Н. В. О грамматической оппозиции глаголов движения типа идти/ходить в русском языке // Вопросы языкознания. 2019. Вып. 1. С. 75–92.

Nesset T. Path and manner: An image-schematic approach to Russian verbs of motion // Scando-Slavica. 2008. Vol. 54, no. 1. P. 135–158.

Павлова Ольга Александровна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЩАС СПОЮ: РЕДУЦИРУЮТ ЛИ ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ?

Речь — основной инструмент педагога. Зачастую она описывается с нормативной точки зрения, авторы работ определяют, какой должна быть речь идеального учителя. В рамках проекта «Роль лингвистических характеристик речи в результативных учительских практиках: корпусные и психолингвистические данные» мы провели опрос среди школьников из разных школ России. Он был направлен на определение параметров, которые могут влиять на результативность учителя. По результатам опроса, второй по количеству упоминаний стала четкость речи, которая, по всей видимости, связана «с оценкой сегментной стороны речи, т. е. качества и количества тех единиц, из которых непосредственно состоит речевой сигнал» [Риехакайнен и др., 2024: 267].

Мы начали описание сегментного состава речи учителей с фонетического анализа слов, которые часто подвергаются редукции в русской спонтанной речи (*будет, говорит, очень, сегодня, сейчас, тебя, тысяча, человек*) [Раева, 2012; Стойка, 2017], а также слов с консонантными кластерами /l'k/ и /gd/, в которых часто выпадает первый согласный (*когда, тогда, всегда, иногда, никогда, только, сколько, столько, несколько, настолько, насколько*) [Риехакайнен, 2020: 674]. Цель доклада — проверить, редуцируются ли реализации перечисленных слов в речи учителей — носителей русского языка. Отсутствие редукции может свидетельствовать о стремлении учителя сделать речь более четкой и, следовательно, о большей подготовленности речи.

Материалом для исследования послужили 10 записей школьных уроков истории, литературы и биологии более результативных и менее результативных учителей. Общая продолжительность аудиозаписей — 329 минут. Всего в этом материале встретилось 492 реализации выбранных для анализа слов. Редуцированной считалась реализация с пропуском (полной количественной редукцией) не менее одного звука. Кроме этого, мы отмечали все случаи замен согласных. Для каждой реализации также отмечалась ее позиция в межпаузальном интервале, часть урока, в которой она встретилась, и тип речи учителя (чтение, диктовка или говорение).

Из встретившихся реализаций редукции подверглись 159 слов. Учителя всегда произносили полностью (без редукции) слова *никогда, столько, несколько, насколько*. Слово *тебя* было редуцировано 2 раза из 3, *будет* — 38 раз из 69. Для остальных слов, которые хоть раз были употреблены учителями, варианты с пропуском звуков встречаются реже, чем полные. В большинстве случаев редукция представляла из себя выпадение одного или двух звуков. Это можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что речь учителей ближе к подготовленной, чем к спонтанной.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта — 103965557.

Литература

Раева О. В. Высокочастотные словоформы в ментальном лексиконе (на материале русской спонтанной речи): выпускная квалификационная работа магистра. СПб., 2012.

Риехакайнен Е. И. Реализации интервокальных консонантных кластеров в частотных словах русского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17, вып. 4. С. 672–690.

Риехакайнен Е. И., Брататш В. С., Зубов В. И., Сергоманов П. А. Методика аннотирования корпуса устной речи учителей // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 251–285.

Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2017.

Шистерова Алина Андреевна

магистрант 2-го курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧЕЛОВЕК» В АКТУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ РУССКО-АНГЛО-КИТАЙСКОГО ТРИЛИНГВА

Межкультурная коммуникация является важным механизмом в функционировании современного общества. Общение носителей разных культур способствует увеличению интереса к усвоению новых языков, что стимулирует распространение массового мультилингвизма.

Настоящее экспериментальное исследование посвящено анализу структуры лексико-семантического поля (далее ЛСП) «человек» в актуальном лексиконе русско-англо-китайского трилингва. Актуальный лексикон представляет собой набор наиболее частотных единиц [Агибалов, 1995: 1–18]. Одним из основополагающих механизмов мультилингвального ментального лексикона является способность индивида к быстрому и свободному переключению между первым, вторым и последующими усвоенными языками. Особое внимание к переключению кодов характерно для процессуального типа моделей ментального лексикона, нацеленного на реконструкцию процессов, существующих и протекающих в языковом сознании естественных и искусственных трилингвов [Лещенко, 2014: 33]. Вполне закономерно, что при усвоении норм и правил каждой новой языковой системы, нейронные сети в мозге значительно усложняются, а их компоненты (узлы) репрезентируются посредством лексических единиц всех усвоенных языков. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на материале данных, полученных от носителей русского языка, изучающих английский и китайский языки, описано наполнение и структура актуального лексикона трилингва, рассмотрены процессы переустройства и межъязыковых взаимодействий в актуальном лексиконе мультилингва.

Цель исследования заключается в экспериментальном моделировании актуального лексикона при учебном трилингвизме (у носителей русского языка, изучающих второй (английский) и третий (китайский) языки на начальном уровне). Для достижения поставленной цели проведено психолингвистическое исследование с применением метода актуального лексикона. Материал исследования — 55 анкет студентов с первого по третий курс направления «Педагогическое образование» ПГНИУ, изучающих английский и китайский языки. В результате экспериментального исследования была получена 5321 ассоциативная реакция (из них 4080 на L1 — русский, 713 на L2 — английский и 528 на L3 — китайский); весь массив материала подвергался последующему количественному и семантическому анализу.

Обобщая результаты проведенного экспериментального психолингвистического исследования, можно сделать следующие выводы. На начальном этапе овладения L3 семантические поля формируются посредством объединения смешанных (с точки зрения языкового кода) лексико-семантических групп, представляющих собой некоторые подсистемы, единицы которых (вербальные репрезентации L1, L2, и L3) объединяют преимущественно семантические связи. Ядром рассматриваемого поля являются лексико-семантические группы «профессиональная деятельность» (87), «родственные отношения» (99), «местоимения» (130). Процентное соотношение слов трех языков в ядре свидетельствует о динамическом потенциале структуры поля.

Литература

Агибалов А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1995.

Лещенко Ю. Е. Двуязычный ментальный лексикон и некоторые методы его моделирования (на материале современных зарубежных публикаций) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 32–39.

Урих Алиса Евгеньевна
студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

СОЗДАНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО ДАТАСЕТА РУССКИХ ПРОЗАИКОВ 1930–2000 гг. С ПОМОЩЬЮ CHATGPT

Методы искусственного интеллекта являются перспективными и наиболее быстро развивающимися технологиями нашего времени. К ним относятся, в частности, большие языковые модели, в том числе и ChatGPT. Особое внимание лингвистов привлекает функционал чат-бота, связанный с работой с текстовыми данными, в частности — с генерацией текста по заранее написанному запросу.

Главная задача этого исследования состоит в том, чтобы проверить, как модель справится с созданием биографических описаний русских прозаиков 1930–2000 гг. В начале работы была создана структура, 30 пунктов, которые должны быть описаны чат-ботом в будущей таблице, напр., ФИО писателя, дата рождения, место рождения, псевдоним (если есть) и др. Эти поля были сформированы в результате анализа биографических описаний из «Краткой литературной энциклопедии» и исследования Т. Ю. Шерстиновой [Шерстинова, 2019]. Из 1000 прозаиков были выбраны те, у которых есть проверенная статья в Википедии, для того, чтобы данные получились наиболее репрезентативными. Затем ChatGPT должен был сформировать и заполнить таблицу, используя готовую структуру и информацию из предложенной статьи конкретного автора.

Далее представлен краткий пример работы модели, описание биографии Л. Н. Толстого:

ФИО писателя. Лев Николаевич Толстой
Литературный псевдоним (если есть). Л. Н., Л. Н. Т
Другие имена, под которыми публиковался автор (если есть) —
Дата рождения (по старому календарю). 28 августа 1828 года
Дата рождения (по новому календарю). 9 сентября 1828 года
Место рождения. Ясная Поляна, Крапивенский уезд, Тульская губерния, Российская империя
Семья. Родился в дворянской семье. Отец — Николай Ильич Толстой, мать — Мария Николаевна Волконская. Был четвертым из пяти детей.
Детство и юность. Рано потерял родителей: мать умерла, когда ему было два года, отец — когда ему было девять лет. Воспитывался родственниками. Детство и юность провел в Ясной Поляне и Казани.
Образование. Поступил в Казанский университет на факультет восточных языков, затем перевелся на юридический факультет, но не завершил обучение.
Личная жизнь. В 1862 году женился на Софье Андреевне Берс. Их брак продлился 48 лет.

Этот эксперимент позволил не только протестировать работу модели с биографическими статьями авторов, но и выявить возможности и ограничения, связанные с генерацией текста по запросу пользователя. В результате был собран датасет, содержащий биографические описания более 500 русских прозаиков.

Литература

Шерстинова Т. Ю. Биографическая база данных русских писателей (к созданию корпуса русского рассказа XX века) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019». СПб., 2019. С. 439–447.

Берлин Алена Евгеньевна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ДЕТЕКЦИИ АДЪЕКТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Для юридических текстов существуют нормы, призванные обеспечивать ясность текста и однозначность его интерпретации. Причиной возможного несоответствия этим требованиям является лингвистическая неопределенность (vagueness), которая может пониматься как «неединственность интерпретации» [Блинова, Панкратьева, 2024]. Цель настоящей работы заключается в выявлении основных задач разработки системы детекции неопределенных контекстов в юридических текстах.

Основные понятия. Настоящее исследование посвящено адъективной неопределенности, т. е. случаям, когда локусом неопределенности является качественное прилагательное или наречие.

Систематический обзор. Системы, используемые для детекции неопределенности, можно разделить на две группы: модели на основе трансформеров и традиционные классификаторы.

Основные работы, приближенные к задаче детекции неопределенности в юридических текстах, таковы:

a. [Lebanoff, Liu, 2018] Автоматическая классификация неопределенных слов и предложений в текстах политики обработки персональных данных. Исследователь использовал классификаторы CNN, LSTM и генеративную модель AC-GAN, которая показала наилучший результат: Precision — 52,90 %, Recall — 54,64 %, F1-score — 52,34 %.

b. [Alexopoulos, Pavlopoulos, 2014] Классификация неопределенных дефиниций в конкретной онтологии с помощью наивного байесовского классификатора: Accuracy — 84 %.

c. [Malik et al., 2023] Автоматическая классификация предложений на пять классов по уровню неопределенности. Использовались: CNN, модели группы BERT. DistilRoBERTa-Regression: F1-score — 88,9 %.

Итак, в большинстве случаев исследователи отдают предпочтение различным моделям группы BERT, но в отдельных случаях классические классификаторы показывают более высокий результат. Дальнейшее исследование будет подразумевать серию экспериментов, направленных на сравнение традиционных моделей, моделей на основе трансформеров и гибридных моделей в задаче автоматической детекции неопределенности.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта — 123042000068-8.

Литература

Блинова О. В., Панкратьева А. А. Специальные знания и их применение в эксперименте по выявлению неопределенных контекстов русскоязычными юристами // Десятая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл. Пятигорск, 26–30 июня 2024 г. В двух частях. Часть I / отв. ред. М. В. Киреев. Пятигорск, 2024.

Alexopoulos P., Pavlopoulos J. A Vague Sense Classifier for Detecting Vague Definitions in Ontologies // Proceedings of the 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. Volume 2: Short Papers. Gothenburg, Sweden, 2014. P. 33–37.

Lebanoff L., Liu F. Automatic Detection of Vague Words and Sentences in Privacy Policies // Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Brussels, Belgium, 2018. P. 3508–3517.

Malik G., Yildirim S., Cevik M., Bener A. An Empirical Study on Vagueness Detection in Privacy Policy Texts // Proceedings of the Canadian Conference on Artificial Intelligence, 2023.

Корнилова Александра Андреевна
магистрант 2-го курса
Южный федеральный университет

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ВЕКТОРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Образ Девы Марии занимает одно из центральных мест в христианской традиции, являясь предметом богословского осмысления и религиозного почитания. Комплексное исследование данного образа через призму различных текстовых источников позволяет глубже понять его восприятие и интерпретацию в христианской культуре. Новизна данного исследования заключается в применении методов компьютерной лингвистики для анализа христианских текстов, что позволяет обнаружить скрытые закономерности в семантических связях ключевых понятий. Цель работы — проведение лингвистического анализа образа Девы Марии через векторное моделирование ключевых лексем в различных христианских текстах.

Исследование проводилось на материале английских переводов трех корпусов текстов: христианских апокрифических текстов (I–XIV вв.), православных молитв, святоотеческой литературы (II–XIV вв.). Для анализа были выбраны шесть ключевых лексем: *mary* ‘Мария’, *virgin* ‘Дева’, *mother* ‘Мать’, *lady* ‘Владычица’, *theotokos* ‘Богородица’, *queen* ‘Царица’. Методология основана на применении алгоритма векторного моделирования Word2Vec в двух его разновидностях — CBOW и Skip-gram, что позволило получить комплексную картину семантических связей.

Анализ имени *mary* показал, что в апокрифическом корпусе оно встречается в контексте других библейских персонажей, однако большинство ассоциатов указывают именно на Богородицу, что подтверждается связью с лексемами *lady, mother, virgin*. В святоотеческой литературе имя *mary* тесно связано с христологической догматикой, что отражается в ассоциатах *conceive* ‘зачать’ и *christ* ‘Христос’, тогда как в молитвенном корпусе преобладают ветхозаветные прообразы, такие как *mountain* ‘гора’ и *adorn* ‘украшенная [скиния]’. В обоих корпусах Мария рассматривается как «вместилище Бога» (*dwelling* ‘вместилище’, *dwelt* ‘вместивший’)

Титул *lady* демонстрирует эволюцию от обозначения высокого социального статуса в апокрифах (*mistress* ‘госпожа’) до богословского осмысления в патристике, где Дева Мария представлена как новая Ева (*eve*). В молитвенном корпусе лексема *lady* связана с образом милосердной заступницы, что подтверждается ассоциатами *merciful* ‘милостивый’, *protection* ‘защита’, *intercession* ‘ходатайство’. Примечательно, что самым высоким ассоциатом *lady* в данном корпусе является *sovereign*, образуя *sovereign lady* — часть титула Елизаветы I, что указывает на влияние лингвокультурной среды переводчика на создаваемый текст.

Титул *queen* обнаруживает устойчивую связь с темой Успения во всех трех корпусах, что подтверждается ассоциатами *dormition* ‘успение’, *passing* ‘кончина’, *apostle* ‘апостол’, при этом в молитвенном корпусе он дополняется прообразами *chariot* ‘[огневидная] колесница’, *ladder* ‘лестница [к небесам]’. В апокрифическом и святоотеческом корпусе встречаются ассоциаты, связанные с семантикой счастья (*happiness, happy, fortunate*).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о многогранности образа Девы Марии в христианской традиции. Каждый тип текста акцентирует различные аспекты этого образа: в апокрифах больше лексики, указывающей на человеческую природу, в святоотеческой литературе преобладает лексика, связанная с христологической догматикой, лексика молитв фокусируется на заступничестве и отсылает к ветхозаветным прообразам. Применение методов векторного моделирования семантики позволило выявить эти особенности и открыть новые перспективы для исследования образа Девы Марии в христианских текстах.

Клеванова Алина Олеговна
студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЗДАНИЕ АВТОМАТИЧЕСКОЙ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ДЕГУСТАЦИИ

Рекомендательные системы представляют собой алгоритмы, способные предсказывать интересы пользователей на основе предоставляемой ими информации. В качестве такой информации могут выступать данные о профиле пользователя, его история поиска, сведения о его активности в Интернете или социальных сетях. Другим эффективным способом сбора информации о вкусах и предпочтениях пользователя является прямое взаимодействие с ним через систему поисковых запросов.

В контексте винодельческой отрасли рекомендательные системы на основе запросов приобретают особую актуальность, поскольку выбор вина зачастую определяется рядом субъективных факторов, таких как индивидуальные предпочтения потребителя в отношении сорта винограда, региона происхождения, характеристик терруара, вкусовых качеств самого напитка и сочетающихся с ним блюд. Данное исследование направлено на изучение принципов разработки рекомендательных систем и последующее создание такой системы в области винной дегустации.

На начальном этапе была создана база данных текстов о характеристиках различных вин, представленная т. н. винными описаниями, а также заметками о производителе, регионе, особенностях производства, хранения и подачи вин. Данные собирались с официальных сайтов российских винных магазинов. Полученные тексты были обработаны и структурированы для представления в векторном виде.

Основой для создания рекомендательной системы послужила техника индексирования базы данных, т. е. упорядочивание определенного набора данных таким образом, чтобы облегчить поиск и извлечение необходимой информации. Кроме того, активно применялись принципы дистрибутивной семантики, позволяющие анализировать смысловые связи между запросами пользователя и соответствующими частями текстов. В конечном итоге, благодаря внедрению генеративных языковых моделей (в частности, ChatGPT), появилась возможность составлять связные, грамматически правильные и разнообразные тексты рекомендаций на естественном языке.

Данное исследование вносит вклад в развитие методов обработки естественного языка, а также технологий моделирования диалогов и персонализации общения. Результаты исследования могут получить применение при решении реальных задач маркетинга, определения интересов потребителя и оптимизации процесса принятия решений при покупке винной продукции.

Кадочникова Елизавета Сергеевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

АНАЛИЗ ОШИБОК RAG-СИСТЕМ ПРИ ПОИСКЕ И ИЗВЛЕЧЕНИИ РЕЛЕВАНТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Целью настоящего исследования является изучение слабых сторон RAG-систем в отношении их устойчивости к ошибкам, связанным с похожими, новыми и неизвестными словами при больших языковых моделей. Современные большие языковые модели (LLM) достигли значительных успехов в задачах генерации текста, но все еще сталкиваются с такими проблемами, как низкая точность и неспособность понимать контекст. RAG (Retrieval-Augmented Generation) системы [Wu et al., 2024] предлагают решение этих проблем, сочетая в себе методы извлечения и генерации текста для создания более точных ответов. Алгоритм работы RAG-системы состоит из следующих этапов:

Разделение документов на фрагменты (чанкинг, от англ. chunk — «кусок»), которое происходит за счет деления базы знаний на фрагменты, обеспечивая наиболее эффективную работу векторных поисковых систем.

Эмбеддинг текста чанков — процесс преобразования текста на естественном языке в векторы с помощью специальных программ — эмбеддеров.

Помещение и хранение результатов в специально созданной векторной базе данных.

Реализация поиска с помощью большой языковой модели: поиск в векторной базе наиболее косинусно близких векторов запроса и каждого чанка, которые отправляются вместе с запросом в языковую модель для уточнения контекста и повышения качества ответа.

В нашем эксперименте использовались тексты по нутрициологии. Для векторного представления были рассмотрены несколько векторных баз: FAISS (Facebook* AI Similarity Search), Chroma, Weaviate. Для каждой из них были рассмотрены различные варианты разбиения на чанки: фиксированные по размеру (по 512 или 1024 токена), разбиение по структурным элементам (заголовки, подзаголовки), создание семантических фрагментов. Для каждого варианта проводилось тестирование на искусственно измененных данных. В текст интегрировались в различных сочетаниях следующие элементы: новые для системы слова, похожие друг на друга слова, слова с ошибками разного типа. Интегрированная лексика помещалась в похожий или в различный контекст. Например, термин поджелудочная был заменен на поджелейная, в слове пищевод в некоторых контекстах была допущена ошибка — пещевод, жевание было заменено на желание. Эксперимент показал, что разбиение текста по структурным элементам позволяет находить более релевантные фрагменты, а наименее благоприятным для работы RAG-системы сочетанием является использование похожих слов в одинаковых контекстах.

Актуальность исследования определяется растущей популярностью RAG-систем при создании разговорных голосовых помощников на основе искусственного интеллекта.

Исследование подготовлено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900006-1.

Литература

Wu S., Xiong Y., Cui Y., Wu H., Chen C., Yuan Y., Huang L., Liu X., Kuo T., Guan N., Xue C. J. Retrieval-Augmented Generation for Natural Language Processing: A Survey. URL: https://arxiv.org/abs/2407.13193v3 (дата обращения: 16.03.2025).

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

Мурашкина Анна Владимировна

студент 4-го курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

РАЗРАБОТКА И ОЦЕНКА СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ И ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ТЕКСТОВ НА КЛАССИЧЕСКОМ ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Старопечатные документы на тибетском языке — ценное историко-культурное наследие, веками передаваемое по наследству народами Тибета. Эти рукописи и ксилографы содержат уникальные сведения о философии, религии, медицине, истории и искусстве, играя ключевую роль в изучении культурных традиций региона. Однако со временем, под воздействием природных и антропогенных факторов бумажные носители подвергаются физическому разрушению, что ведет к утрате информации и ограничивает доступ к этим материалам [Lamu, 2012].

Одним из наиболее надежных способов сохранения и систематизации исторических документов является их оцифровка [Ma et al., 2020]. Процесс включает не только создание цифровых изображений, но и разработку методов автоматического распознавания и транслитерации текста, что позволит упростить доступ к данным, повысить эффективность их анализа и интеграции в современные информационные системы.

В Тибетском фонде рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН находится около 70000 единиц хранения, требующих оцифровки. В рамках сотрудничества Института вычислительных технологий СО РАН и ИМБТ СО РАН поставлена цель создания программного комплекса, способного автоматически обрабатывать тексты этих документов.

Работа, представленная в рамках настоящего доклада, посвящена исследованию, разработке и практической реализации программного комплекса по распознаванию и транслитерации текста со старопечатных тибетских документов. Для этого были проанализированы существующие open-source решения, включая методы оптического распознавания символов (OCR), модели на основе глубинного обучения и алгоритмы транслитерации. Для объективной оценки их качества разработан набор размеченных данных, включающий изображения оригинальных текстов и их корректные текстовые представления. Важной частью исследования является разработка системы оценки точности распознавания. Опираясь на прецеденты постановки подобных задач [Beshirov et al., 2024], был предложен набор метрик, адаптированных к специфике работы с языковым материалом.

Литература

Beshirov A., Dobreva M., Dimitrov D., Hardalov M., Koychev I., Nakov P. Post-OCR Text Correction for Bulgarian Historical Documents, 2024. URL: https://arxiv.org/abs/2409.00527 (дата обращения: 16.03.2025).

Lamu Y. Protection status of domestic ancient Tibetan manuscripts and literatures // Journal of Ethnology. 2012. Vol. 3, no. 6. P. 54–58.

Ma L., Long C., Duan L., Zhang X., Li Y., Zhao Q. Segmentation and recognition for historical Tibetan document images // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 52641–52651.

Зоркальцев Антон Валерьевич

магистрант 1-го курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

ТЕОРИЯ РИТОРИЧЕСКИХ СТРУКТУР ДЛЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ

Теория риторических структур (ТРС) [Mann, Thompson, 1988] позволяет представить текст как дерево смысловых отношений между пропозициями в составе текста. Не так давно эту теорию применили для стилеметрического исследования классической поэзии [Тимофеева, 2020]. Эта идея была развита в [Zorkaltsev, 2024]: изучалось применение ТРС к песенной поэзии. Помимо стилеметрических показателей исследовались также предложенные сложностные и эстетические [Бензе, 2007] метрики. Некоторые сложностные метрики оказались достаточно точными, в то время как эстетические не были подтверждены экспериментально (точность метрик проверялась с помощью опроса). Изначальный корпус включал тексты Р. Рождественского, А. Городницкого, Ю. Шевчука и Д. Мозжухина.

Целью данной работы было дополнение корпуса риторическими структурами англоязычных поэтов-музыкантов и сравнение русскоязычных и англоязычных песенных текстов. Поскольку важно было показать разные варианты английского языка, в корпус вошли тексты Н. Кейва (австралийский английский), Л. Коэна (канадский английский), Б. Дилана (американский английский) и П. Маккартни (британский английский). Было взято по 10 песен каждого автора, т. е. вместе с русскоязычными песнями в корпус вошло 80 текстов.

В работе подчеркиваются различия в употреблении риторических отношений русскоязычными и англоязычными авторами, а также сопоставляется англоязычная и русскоязычная поэзия по относительным частотам риторических отношений и другим метрикам. Например, можно выявить следующие закономерности: большее количество рефренов, переформулировок и аргументативных конструкций в англоязычной песенной поэзии. Исследование стилей отдельных авторов показало, что, напр., у Маккартни чаще встречаются коммуникативные структуры (как риторические обращения, так и адресованность к какому-то персонажу внутри песни, напр., к другу или возлюбленной), а, напр., в поэзии Коэна много причинно-следственные зависимостей. Сам по себе корпус тоже является результатом: его можно использовать, напр., в машинном обучении, чтобы обогатить понимание поэзии искусственным интеллектом.

Одной из перспектив исследования остается анкетирование: планируется проверить, различается ли (и как) восприятие англоязычных и русскоязычных песенных текстов. Кроме того, очевидно, что на ограниченном объеме корпуса статистические данные и основанные на них метрики (напр., информационная энтропия) могут отличаться от значений, получаемых при бесконечном расширении корпуса. Важно предложить способы коррекции оценок таких метрик и посчитать с помощью программы, увеличивают ли они точность расчетов.

Литература

Бензе М. Введение в информационную эстетику // Искусствометрия. Методы точных наук и семиотики / под ред. Ю. М. Лотмана, В. М. Петрова. М., 2007. С. 198–215.

Тимофеева М. К. Теория риторической структуры как инструмент анализа стихотворных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 68. С. 109–136.

Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. No. 3. P. 243–281.

Zorkaltsev A. Rhetorical Structure Theory: Analysis of Aesthetics and Complexity of Song Poetry // 2024 IEEE 25th International Conference of Young Professionals in Electron Devices and Materials (EDM), Altai, Russian Federation, 2024. P. 2210–2213.

Закирова Алия Ильгамовна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О СЛОЖНОСТИ: ДАННЫЕ ВЕБ-КОРПУСА

Исследование посвящено метаязыковым суждениям наивных носителей русского языка о сложности разных типов: на уровне синтаксиса, лексики и др. Объектом исследования является лингвистическая, а не энциклопедическая сложность.

В представленной работе особое внимание уделено первому этапу этого исследования — поиску материала. Исследовательские данные собраны в веб-корпусе Araneum Russicum, содержащем более 19 миллиардов токенов [Araneum Russicum III Maximum]. Выбор этого корпуса обусловлен не только обширным объемом материала, что позволяет получить больше данных, но и качеством этого материала. В Araneum Russicum содержатся тексты из интернета, что дает доступ к высказываниям с прямой оценкой, данной наивными носителями. Благодаря этому удается достичь основной цели исследования — проанализировать, какие языковые явления наивные носители считают сложными (или трудными для понимания).

Для поиска материала использовался CQL (Corpus Query Language) — специальный язык, позволяющий составлять сложные запросы с учетом грамматических и лексических характеристик слов. В частности, были составлены запросы с использованием джокера типа *слов.* сложн.*, говорить неясн.*, непонятн.* текст* и т. д. Была также использована возможность задавать расстояние между леммами; расстояние от –1 до 1 оказалось наиболее оптимальным. Большинство поисковых запросов имеет вид *word (meet [lemma =»слов.*»] [lemma =»заковырист.*»] –1 1)*. Среди выполненных запросов есть большое число непродуктивных, т. е. не давших результатов или давших нерелевантные для исследования результаты.

Продуктивные запросы можно разделить на несколько групп, которые позволяют проследить логику поиска материала. Так, были обработаны запросы вида *лемма + модификатор, синонимичный прилагательному «сложный» или наречию «сложно»* (далее — модификатор). Например, *слов.* непрост.*, непонятн.* назван.*, сложн.* текст*. Продуктивной оказалась модель типа *глагол + модификатор*, напр., *.*звучать сложн.*, выразиться проще, .*сказать заумн.**. Глаголы также есть в составе запросов *затруднять понимание, нахвататься слов.*, объяснить .*проще*. Для поиска материала были также использованы существительные, содержащие семантику «непонятного», напр., *тарабарщина*, и сочетания слов, являющиеся показателями перефразирования, напр., *другими словами, то бишь, то есть*.

Таким образом, из 232 запросов продуктивных оказалось 94, в результате получена выборка суждений, содержащая 148 961 предложение. Подходы к классификации полученных контекстов подразумевают анализ высказываний на всех уровнях языка и выявление тех параметров, которые затрудняют их понимание наивными носителями.

Источник

Araneum Russicum III Maximum. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea/run.cgi/first_form?corpname=AranRusi_a;align=# (дата обращения: 08.02.2025).

Молчанова Софья Андреевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКА ДЕТСКОГО ОБИХОДА В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

С развитием технологий в сфере ухода за ребенком появляется много предметов, для номинации которых создаются новые слова. Способы образования слов детского обихода в венгерском языке существенно отличаются от моделей, распространенных в русском языке. На данный момент в словарях остается незафиксированным значительное число неологизмов, относящихся к теме родительства. Новизна и актуальность работы объясняется отсутствием исследований, содержащих анализ способов образования неологизмов этой тематической группы.

Цель работы — предложить анализ путей пополнения лексики венгерского языка в сфере ухода за ребенком. Наибольшее внимание уделяется тематическим группам, касающимся жизни ребенка и предметов «детского быта» (в том числе «мебель», «продукты питания», «одежда», «номинации ребенка» и т. д.). Материалом для исследования послужила лексика из текстов венгерских веб-сайтов gyerekszoba.hu и brendon.hu. Работа включала в себя четыре основных этапа: сбор материала из интернет-ресурсов, опрос носителей языка с целью изучить способы номинации предметов детского обихода, оценка включенности единиц в двуязычный словарь, подбор русских эквивалентов. Самой многочисленной в отношении частеречной принадлежности оказалась группа имен существительных.

Наиболее продуктивным способом словообразования имен данной тематической группы является словосложение. В качестве первого компонента сложного слова чаще всего выступает элемент «baba» (15 лексем): *babaülés* ‘автолюлька’, реже словообразующим элементом служили компоненты «bébi» (4 лексемы): *bébiőr* ‘радионяня’ и «kis» (3 лексемы): *kiságy* ‘кроватка’. Регулярными являются суффиксальные образования от глаголов, напр.: *rugdalózó* ‘ползунки’. Имеются заимствования не только из английского языка, но и из славянских языков: *pelenka* ‘пеленка/подгузник’. Диминутивные формы встречаются редко, их использование можно заметить прежде всего в наименованиях частей тела: *baba fejecskéje* ‘головка малыша’. Написание сложных слов является неустойчивым: встречается как слитное, так и раздельное написание. Хотя сохраняется тенденция, отмеченная К. Е. Майтинской, — принцип идиоматичности и цельнооформленности, играющий ключевую роль в разграничении слова и словосочетания.

Анализ словосочетаний показал частотность употребления существительного в паре с определением, содержащим указание на возраст (*kisgyermekkori viselkedés* ‘поведение детей раннего возраста’), на особенности здоровья (*kólikás gyermek* ‘ребенок, страдающий коликами’) и питания ребенка (*tápszeres csecsemő* ‘ребенок, находящийся на искусственном вскармливании’). В словосочетаниях, содержащих переходный глагол, отмечено частое использование каузативного суффикса, что можно объяснить спецификой родительского поведения по отношению к детям младенческого возраста.

Ильиных Елена Васильевна

студент 4-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФИННОЯЗЫЧНОГО ЮМОРА

Юмор — явление национальной культуры. Лингвистические приемы юмора имеют много общего в разных языках, однако восприятие юмора варьируется, оно различается как от народа к народу в общем, так и от человека к человеку в частности.

Целью исследования является выявление особенностей создания юмористических текстов в финской литературе на материале повести М. Лассила «За спичками».

Анализ показал, что общие приемы создания комического эффекта в художественном тексте реализуются на четырех языковых уровнях — фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. К фонетическим способам относятся графоны, ономатопея, омофоны, спунеризм. К морфологическим — использование уничижительных суффиксов, сложных слов, языковая игра, использование окказионализмов, нарушение грамматических норм. К лексическим — тропы (метафора, гипербола), синонимы, паронимы, фразеологизмы [Фефелова, 2016], профессиональные или кастовые жаргоны [Пропп, 1976]. К синтаксическим — каламбур, сравнение, синонимические перечисления, параллелизм, нарушение принципа сочетаемости, эллипсис, нетипичное лексическое наполнение известной синтаксической модели [Фефелова, 2016].

Однако восприятие ситуации как смешной зачастую обусловлено принадлежностью автора к какой-либо культуре [Иванова, 2007]. Это во многом может быть объяснено сложившимся у данного народа определенным множеством тем и штампов, воспринимаемых им как смешные.

Так, в финской литературе создание комического эффекта происходит путем переплетения языковых средств с темами повествования. Темами финского юмора в художественном произведении предстают: мужчины, женщины, взаимоотношение мужчин и женщин, женитьба, деловитость. Национально-специфичной темой финского юмора в русской рецепции является тема смерти.

В повести Лассила «За спичками» различия между женскими и мужскими характерами, свойственные только тому или другому полу черты, мысли, действия и взаимодействия персонажей часто предстают в ироничном ключе. Регулярно персонажу принадлежат собственные языковые средства и способы создания комического.

Таким образом, в результате исследования установлено, что юмор чужой культуры воспринимается только в том случае, если он имеет отражение в родной культуре. Отсюда следует, что юмор неразрывно связан с национальными лингвокультурологическими особенностями. В связи с этим при изучении юмора, в частности, финского, необходимо рассматривать всю совокупность образующих его приемов. Это позволит выявлять используемые механизмы (способы и приемы), некоторые «штампы», которые станут более понятны и представителям других народов, а также конструировать из них новые формы.

Литература

Иванова Л. П. Лингвокультурологические аспекты комического (к постановке проблемы) // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2007. С. 560–591.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Фефелова Г. Г. Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9. Ч. 2. С. 170–173. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/48.html (дата обращения: 23.05.2025).

Мельников Федор Дмитриевич

студент 4-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ФИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ — БЫТОВОЙ РЕАЛИЕЙ

Настоящее исследование посвящено определению особенностей отражения исторических событий в финских фразеологизмах с компонентом — бытовой реалией. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием работ, посвященных этой теме. Предложенная в исследовании классификация финских фразеологизмов может быть использована для дальнейших научных работ. Выводы, сделанные в рамках доклада, могут быть использованы для дальнейших разысканий в области лингвокультурологии.

Материалом исследования послужили фразеологические словари финского языка «Suurella sydämellä ihan sikana» [Jantunen et al., 2008] и «Naulan kantaan» [Kari, 1993]. В исследовании проводится анализ теоретических аспектов фразеологии, определяется понятие «фразеологическая единица» на основании научных трудов Н. М. Шанского [Шанский, 1996: 22], рассматривается междисциплинарный подход к исследованию фразеологии, предлагается классификация финских фразеологизмов, основанная на исторической периодизации, отбираются финские фразеологизмы с компонентом — бытовой реалией, фразеологизмы классифицируются, их частотность определяется с помощью электронных корпусов текстов финского языка, доступных на онлайн-ресурсе «Korp», на основании полученных результатов выявляются особенности отражения исторических событий в финских фразеологизмах с компонентом — бытовой реалией.

Результаты исследования показывают, что количественное преобладание финских фразеологизмов, содержащих компонент — бытовую реалию, возникшую в XX в., сопровождается относительно равномерной частотностью употребления фразеологических единиц, включающих бытовые реалии, восходящие к прочим историческим периодам. Результаты свидетельствуют о сопоставимой степени использования выделенных языковых единиц в письменной практике, независимо от времени возникновения бытовой реалии.

Литература

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Jantunen J. H., Muikku-Werner P., Kokko O. Suurella sydämellä ihan sikana. Helsinki, 2008.

Kari E. Naulan kantaan. Helsinki, 1993.

Брингуль Софья
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ЗНАЧЕНИЯ И ОЦЕНОЧНОСТЬ ЛЕКСЕМЫ РÄÄ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ФИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В данном исследовании рассматриваются оттенки значения соматизма в ценностно-ориентированной системе. Целью исследования является анализ семантики и аксиологического аспекта значений лексемы *pää* (‘голова’), которые актуализируются в сознании носителя языка [Ковшова, 2019: 197]. Новизна исследования заключается в сопоставлении выявленных значений лексемы с аксиологическими доминантами, это становится возможным благодаря систематизации паремиологических сборников [Ломакина, 2021]. Материалом исследования были выбраны паремии из сборника В. И. Даля [Даль, 1989] и корпус паремий, составленный М. Кууси. В работе были использованы сравнительно-сопоставительный метод и метод аксиологического анализа.

В ходе исследования была выведена комбинированная система ценностных доминант, а также выявлены закономерности при сопоставлении значений лексемы голова/pää с аксиологическими константами русской и финской культур. В паремиях были выделены следующие значения лексемы *pää*: ‘человек — личность’, ‘жизненно необходимая часть’, ‘ценность’, ‘разум’, ‘нечто первостепенное’, ‘окончание’ или ‘конечность’, ‘высшая или передняя точка’, ‘вместилище’, ‘руководство’ и др. При применении одной и той же классификации к паремиям обоих языков прослеживаются различия, указывающие на значимость культурной референции. В то же время указанные выводы подтверждают наличие глубинного смысла, являющегося проявлением этнической ментальности.

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. М., 1989.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М., 2019.

Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2021. Т. 7 (73), № 1. С. 97–107.

Звездина Нина Константиновна

студент 4-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ШВЕЦИИ В ФИНСКИХ ИНТЕРНЕТ-ТРАВЕЛОГАХ

Объектом нашего исследования являются интернет-травелоги о Швеции на финском языке. На основании одиннадцати интернет-травелогов на финском языке, написанных в период с 2015 по 2024 г. авторами Hanneli Makinen и Alex.

Цель работы, представленной в рамках настоящего доклада, состоит в выявлении и анализе основных лингвистических средств языковой репрезентации образа Швеции в текстах финских интернет-травелогов.

Для выполнения задач исследования были выбраны следующие методы: метод сплошной выборки, метод контент-анализа, лингвостилистический и лингвокультурологический методы.

Научная новизна исследования заключается в обращении к интернет-травелогам на финском языке с целью нахождения примеров языковой репрезентации образа Швеции в выбранных текстах.

Интернет-травелог представляет собой видоизмененный давний жанр путевых заметок, получивший широкое распространение с XIX в. [Ефимовский, 2021: 83]. Современному типу травелога как форме интернет-коммуникации свойственна диалогичность, интерактивность, мультимедийность, а также гипертекстуальность. В ходе анализа на основании лингвокультурологического подхода, разработанного, в частности, В. А. Масловой [Маслова, 2001], нам удалось выявить и систематизировать языковые элементы репрезентации образа Швеции в описаниях путешествий современных финнов в Швецию. В результате нашего исследования были обнаружены следующие средства репрезентации образа Швеции в финской лингвокультуре, представленные в отобранных образцах текстов: топонимы, антропонимы, реалии, стереотипы, устойчивые выражения, ирония, средства языковой выразительности.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 61-ВГ).

Литература

Ефимовский Е. Жанровая специфика травелога // Art Logos. 2021. № 1 (14). С. 79–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-traveloga/viewer (дата обращения: 30.01.2025).

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.

Бакина Кира Александровна

студент 4-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

TALO И KOTI У ФИННОВ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ И ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ КОНЦЕПТ?

В исследовании, представленном в рамках настоящего доклада, рассматриваются фразеологизмы финского языка, относящиеся к концепту «дом». Новизна исследования определена тем, что хотя концепты и являются темой многочисленных научных работ, но исследования, посвященного именно концепту «дом» в финской фразеологии, ранее не проводилось.

Цель работы состоит в определении и реконструкции концепта «дом» в финской языковой картине мира. В исследовании используется определение концепта, данное В. З. Демьянковым [Демьянков, 2007]. Кроме того, концепт был проанализирован через призму лингвокогнитивистики [Залевская, 2001], также были рассмотрены другие подходы к изучению концептов. Методами исследования послужили: описательный, сопоставительный и интерпретативный методы.

Материалом исследования являются данные, полученные путем сплошной выборки из лексикографических источников: толкового финско-финского электронного словаря Suomisanakirja.fi, словаря финских идиом [Kari, 1993], электронного словаря финских поговорок Suomen kansan sananlaskuja, а также сборника О. А. Храмцовой [Храмцова, 2016]. Было проанализировано и описано 20 фразеологических единиц.

Результаты проведенных исследований показали, что понимание финнами концепта «дом» нашло отображение во фразеологизмах, пословицах и поговорках. На основе полученных данных был выявлен состав концепта «дом», а также его специфика, заключающаяся в упоминании древних финских традиций, языческих обрядов, особенностей реалий страны на протяжении всей истории.

Было описано происхождение фразеологизмов: помимо собственно финских, выделены восходящие к исконному прибалтийскому фонду, библеизмы и заимствования из латыни. Но вне зависимости от источника, каждое из них прижилось в финском языке, поскольку концепт «дом» может находить отображение в разных культурах, будет меняться лишь его состав и специфика.

Литература

Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. ст. в честь акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007. С. 606–622.

Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36–44.

Храмцова О. А. Финские пословицы и их русские аналоги. Петрозаводск, 2016.

Kari E. Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja. Helsinki, 1993.

Нельга Анна Александровна

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИНСКОГО РОМАНА

Актуальность исследования обусловлена тем, что роман С. Оксанен «Очищение» относится к новому, недостаточно изученному направлению финской литературы — «литература травмы», цель которого заключается в анализе травматичных исторических событий [Агапонько, 2021: 108].

Объектом исследования является роман Оксанен «Очищение». В качестве предмета исследования выступают художественные особенности произведения: композиционная структура, психологическая глубина персонажей, образная система произведения.

В ходе работы были использованы такие методы исследования, как композиционный, проблемно-тематический и пообразный анализ; герменевтический метод; культурно-исторический метод.

Роман «Очищение» является одним из наиболее ярких и значительных произведений современной финской литературы. В произведении переплетаются сложные темы, такие как историческое наследие народа, насилие, предательство, поиски личной и национальной свободы. Оксанен обращается к историческим событиям XX в.: оккупация Эстонии Советским Союзом и нацистской Германией.

В центре повествования — история трех поколений эстонской семьи. Одной из главных особенностей романа является его нелинейная композиция. События происходят в разные временные отрезки: основные действия разворачиваются в Эстонии 1992 г., однако через многочисленные воспоминания главной героини читатель погружается в прошлое, начиная с 1930-х гг. Такое построение произведения позволяет автору создать многослойное повествование, которое отражает сложность исторической судьбы народа и судеб героев [Агапонько, 2021: 110].

Еще одной композиционной особенностью произведения является автобиографический метод повествования, позволяющий автору передать события максимально ярко и развернуто.

Одно из главных художественных достоинств романа — глубокая психологическая проработка персонажей. В произведении переплетаются трагические судьбы главных героинь — пожилой крестьянки Алиде и молодой девушки Зары [Сойни, 2021: 460]. Героини представлены как сложные, противоречивые личности, чьи образы не поддаются однозначной оценке.

Оксанен использует образный язык как способ передачи чувств героев. Внутренние монологи и лаконичные фразы усиливают драматизм происходящего и создают ощущение глубины внутреннего мира персонажей. Автор использует в своем произведении черты натурализма: максимально достоверно описывает насилие и репрессии, реалистично изображая пороки общества 1930-х гг. и мрачную атмосферу жизни героев. Повествование ведется беспристрастно: автор не выражает личного отношения к происходящему, а лишь протоколирует пережитые героями события.

Роман «Очищение» является многогранным произведением, в котором переплетаются жанры исторической драмы и психологического триллера. Художественное своеобразие романа проявляется в нелинейной структуре повествования, глубокой психологической проработке персонажей, а также образном и насыщенном метафорами языке. В романе поднимаются актуальные вопросы об историческом прошлом, свободе, насилии и репрессиях.

Литература

Агапонько В. В. Роман Софи Оксанен «Очищение» как произведение литературы травмы // StudArctic Forum. 2021. № 2 (22). С. 108–110.

Сойни Е. Г. Эпоха СССР глазами современных финских писателей // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 3. С. 457–466.

Коваль Игорь Андреевич

магистрант 1-го курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФИНСКОМ ВИДЕОДИСКУРСЕ

Настоящая работа направлена на изучение потенциала применения корпусных технологий для аннотирования средств невербальной коммуникации в рамках финского мультимодального видеодискурса и прогнозирование последующего применения данного инструмента в исследованиях в русле лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и т. д. В настоящее время изучение мультимодального дискурса и видеодискурса в целом является актуальным направлением в лингвистических и окололингвистических исследованиях, в том числе на материале финского языка. Привлечение корпусных технологий для этих исследований является одним из способов автоматизировать процесс анализа и привнести в него больше объективных, в частности — количественных данных. Новизна работы обусловлена отсутствием доступных на данный момент мультимодальных корпусов в рамках финноязычного видеодискурса. Единственным описанным мультимодальным корпусом в финской научной литературе является корпус туристических брошюр Хельсинки на английском языке [Hiippala, 2016]. Изучение мультимодального дискурса на финском языке в настоящее время производится без привлечения корпусных технологий.

Материал исследования представляет собой фрагмент сериала «Luottomies». Выбор материала обусловлен, в первую очередь, жанровой принадлежностью сериала — бытовая комедия. Данный жанр позволяет исследовать широкий спектр бытовых ситуаций и поведенческих реакций, в которых проявляются средства невербальной коммуникации. Помимо этого, выбор художественного произведения позволяет говорить о предсказуемости и ожидаемости, т. е. о типичности представленных средств невербальной коммуникации для финской коммуникативной культуры.

Для обработки данных использовалась программа ELAN, позволяющая работать с видеодискурсом и обеспечивающая инструментарий для аннотирования невербальных средств коммуникации и соотнесения их с текстовым компонентом. С помощью корпусного инструментария в видеоряде были выделены средства невербальной коммуникации и им были присвоены метки, по которым, в дальнейшем, возможно осуществление поиска.

Прогнозирование применения полученного корпусного инструмента позволяет говорить о возможности его применения в русле лингвокультурологического анализа, соотнесенности вербального и невербального компонентов, культурных и коммуникативных значений средств невербальной коммуникации.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 75-ВГ).

Литература

Hiippala T. Helsingin kaupungin matkailuesitteiden multimodaalinen korpus // Terra. 2016. Vol. 128, no. 2. S. 75–85.

Карпова Евгения Михайловна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЦИЗМОВ ЯЗЫКА FINGLISH ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ МИГРАНТОВ И ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ МИГРАНТОВ

Finglish возник на стыке финского и английского языков в результате массовой эмиграции финнов в Северную Америку в конце XIX и начале XX в. [Virtaranta, 1992: 10]. Будущее контактного языка Finglish и влияние английского языка на его формирование представляют интерес для современных лингвистов [Kosunen et al., 2022]. Цель нашего исследования — выявить лексические особенности языка современных финских мигрантов, а также провести сравнительный анализ с особенностями и сферами употребления языка Finglish первого поколения финских мигрантов.

В 1965 г. П. Виртаранта совершил поездку по регионам проживания финнов в Соединенных Штатах Америки и Канаде. На основании собранного материала Виртаранта выделил следующие сферы употребления заимствований: работа (*miner* ‘шахтер’), техника (*kieri* ‘шестерня’), флора и фауна (*vutsokki* ‘сурок’), продукты питания (*pänkeeki* ‘блинчик’) [Virtaranta, 1992: 38].

Для получения материала исследования нами были проанализированы 58 комментариев на ветке форума vauva.fi под названием «Ulkosuomalaiset! Voisitteko muuttaa takaisin Suomeen? Miksi muutitte pois?» («Мигранты! Могли бы вы переехать обратно в Финляндию? Почему вы переехали?»), написанных в 2012–2022 гг. на литературном варианте финского языка. Нами было выявлено 12 англицизмов, которые мы классифицировали по принципу их зафиксированности в толковом словаре финского языка и по степени их адаптации:

1) зафиксированные в финском словаре английские заимствования (*Jenkit* ‘США’);
2) незафиксированные адаптированные английские заимствования (*metaversumi* ‘метавселенная’);
3) незафиксированные неадаптированные английские заимствования (*network* ‘сеть’).

Было установлено, что современные мигранты используют англицизмы в областях бизнеса, финансов, медиа, моды.

Исследование показало, что носители языка чаще отдают предпочтение использованию английских заимствований, а не соответствующим терминам из финского языка (напр., *firma* вместо *yritys*, *design* вместо *muotoilu*). При этом английские заимствования изменяются в соответствии с правилами финского языка. В ходе сравнительного анализа нами было установлено, что изменились сферы употребления английских заимствований. Finglish показал высокую степень адаптации заимствований к финскому языковому строю. В языке современных мигрантов английские слова часто сохраняют оригинальную форму или минимально адаптируются, что свидетельствует об упрощении процесса заимствования.

Литература

Kosunen R., Frick M., Kolu J. Language Mixing in the Contact of Finnish with Swedish, Estonian, and English: The Case of Mixed Compound Nouns // Language Contacts and Discourses in the Far North Arctic Encounters. 2022. P. 1–28.

Virtaranta P. Amerikansuomen sanakirja. Vammala, 1992.

КИНО | ТЕАТР | ТЕКСТ

Кузьмина Александра Сергеевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«СТИЛЯГИ» VS «БРИОЛИН»: «ПОГРАНИЧНЫЕ» ГЕРОИ В ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МЮЗИКЛА

Основой мюзикла, как правило, является конфликт двух миров, противопоставленных друг другу. Поэтому героям, главной паре мюзикла, обычно принадлежащим к разным сторонам конфликта, предстоит добиться слияния контрастных стилей и понять, что их восприятие мира не так различно.

Однако в американском мюзикле «Бриолин» (1978) Дж. Джейкобса и У. Кейси есть персонаж — главарь женской банды Риццо, — которая не принимает позицию ни одной из сторон конфликта: с Дэнни, главным мужским персонажем, она открыто конкурирует, желая доказать собственную независимость, в то время как мечтательность и «правильность» Сэнди, главной героини, отталкивает ее. Помимо этого, она нарушает и собственноручно установленные правила. Отличительной чертой банды «Розовые леди» являются куртки соответствующего цвета, однако Риццо и к этому элементу периодически проявляет неуважение, то нося ее на плечах, то не надевая вовсе.

В «Стилягах» В. Тодоровского стиляга Фред, принадлежащий к той же стороне, что и главная пара героев Мэлс и Польза, не вовлечен в тот же конфликт, так как не страдает от общественного порицания. Будучи сыном влиятельного человека, Фред не терпит лишений, как, к примеру, Мэлс, которому приходится покинуть университет.

На фоне главных героев, каждый из которых придерживается конкретной стороны, Фред и Риццо вбирают в себя оба мира и находятся будто на их границе. Вследствие этого т. н. «пограничные герои» ощущают себя более независимыми и свободными. В то же время значимость этих героев для восприятия кинокартины подчеркивается наличием сольных музыкальных номеров и собственной сюжетной линии.

Целью доклада — провести сопоставительный анализ качеств «пограничных» героев Фреда и Риццо, выявить, в чем заключается их «третья позиция» и определить, в чем ее функция. Кроме того, сопоставительный анализ дает возможность рассмотреть специфику «пограничного» героя как в американском мюзикле, так и в российском.

Поскольку «пограничные» герои не принимают участие в конфликте «противоположностей», они будто бы находятся на границе противопоставленных друг другу сторон и остаются «одиночками» в дуалистической системе. Это и способствует появлению третьей, «пограничной», точки зрения, которая дает возможность зрителю взглянуть с иной стороны на отношения между противоположными мирами. Кроме того, разрешением их внутреннего конфликта не является слияние с противоположным, как это происходит у главных героев: сначала входящий в ряды комсомольских активистов Мэлс в «Стилягах» приобщается к миру Полины, в то время как «правильная» Сэнди в «Бриолине» поддается свободным веяниям мира Денни. Риццо и Фреду это и не требуется, так как они уже вбирают в себя два начала. Поэтому перед «пограничными» героями стоит задача вернуться к началу и принять его: Фред продолжает дело своего отца, превращаясь в советского гражданина, хотя и отправляется в желанную Америку, в то время как Риццо принимает свое женское начало, ослабляет броню и получает рыцаря. Выходом для них становится выход из бунта, который им и не нужен из-за первоначальной целостности.

Федоренко Иванна Андреевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ГОГОЛЬ В XXI в.: ПОСТМОДЕРНИЗМ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ КЛАССИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТРИЛОГИИ Е. БАРАНОВА «ГОГОЛЬ» И ОДНОИМЕННОГО СЕРИАЛА)

Доклад посвящен анализу экранизаций произведений Н. В. Гоголя в кинотрилогии Е. Баранова «Гоголь» и одноименном сериале в контексте коммерциализации классики. В работе рассматривается, как режиссерская интерпретация произведений писателя сочетает жанровые клише, визуальные и нарративные приемы, ориентированные на массового зрителя, с литературным наследием Гоголя. Основными методами работы являются компаративный анализ, историко-культурный метод и семиотический анализ. В качестве источников помимо произведений Гоголя, используемых в экранизациях («Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»), и самих экранизаций («Гоголь. Начало» (2017), «Гоголь. Вий» (2017), «Гоголь. Страшная месть» (2018), сериал «Гоголь» (2019)) используются также статьи российских и зарубежных кинокритиков об экранизации (рецензии в изданиях «КиноПоиск», «Искусство кино») и интервью с режиссером Барановым, сценаристами и продюсерами фильмов и сериала.

Целью исследования является анализ экранизаций произведений Гоголя в кинотрилогии Баранова и одноименном сериале с точки зрения постмодернистского подхода и коммерциализации классики, а также оценка того, как режиссерские решения и жанровые элементы ориентируются на массового зрителя и соответствуют современным кинематографическим трендам.

В контексте постмодернистского подхода внимание уделяется размытию границ между реальностью и вымыслом, а также между автором и персонажем, когда сам Гоголь становится не только писателем, но и центральным героем сюжета. В докладе будет также затронута тема классики как прибыльного материала для кинопроизводства: фильмы адаптируют и переосмысляют классическое произведение с целью достижения кассового успеха среди массового зрителя, несмотря на критику со стороны общественности и киноведов.

В ходе работы был сделан вывод, что экранизации произведений Гоголя в интерпретации Баранова становятся примером постмодернистского подхода и коммерциализации классической литературы. Режиссерская свобода в адаптации, ориентация на массового зрителя, использование жанровых клише и популярных кинематографических приемов не только создают успешные кассовые картины, но и влияют на восприятие классики в XXI в. Важно отметить, что такой подход привлекает внимание зрителей, но не всегда соответствует высоким художественным стандартам, что вызывает смешанную реакцию как у зрителей, так и у критиков.

Земляная Полина Антоновна

студент 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

ВЫЗОВ ДРАМАТУРГИИ МАССОВОГО КИНЕМАТОГРАФА: ПОЭТИЗАЦИЯ ОБЫДЕННОСТИ В ФИЛЬМОГРАФИИ ДЖ. ДЖАРМУША

В современности многие режиссеры отказываются от оригинальных идей ради коммерческой выгоды. Массовый зритель привык к драматургии, проверенной временем: из года в год создаются фильмы, основанные на классическом сюжете трех актов (введение в повествование, конфликт и его разрешение как ясная формула нарратива с последовательным изложением), яркой эмоциональной арке героев (обращение к архетипам личности для наиболее глубокой погруженности зрителя в сопереживание), работе в строгой тематико-жанровой структуре и т. п. Дж. Джармуш, в отличие от большинства, по праву считается режиссером независимого кино, ведь он идет своим путем, принципиально игнорируя привычные способы повествования и отстаивая индивидуальный взгляд. В одном из интервью Джармуш поясняет: «Еще будучи студентом, я понял, что нет твердых правил: их столько же, сколько режиссеров» [Брагинский, 2019]. Сдержанно противостоя типичной голливудской кинотрадиции, мастер кадра погружается в размышления над философией обыденности. Эстетизация повседневности — основная тема рассматриваемых в работе фильмов. Так, материалами для изучения авторского взгляда являются три кинокартины Джармуша: «Ночь на Земле» («Night on Earth», 1991), «Кофе и сигареты» («Coffee and Cigarettes», 2003), «Патерсон» («Paterson», 2016). Текстуальный анализ сценариев и диалогов позволяет выявить те переосмысления жанровых канонов, что были сделаны Джармушем. Феноменологический подход открывает возможность изучения кино не только с точки зрения текстовой составляющей, но и через получение уникального и осмысленного зрительского опыта: открытое и неторопливое повествование, в котором акцент смещен на детали обыденной жизни, позволяет аудитории по-новому взглянуть на привычные вещи. Применение Джармушем лаконичного диалога и глубокой символики погружает каждого в рефлексию о жизни не только во время просмотра фильма, но и вне экранного времени — фильмы Джармуша меняют взгляд на жизнь. В этой бытовой приземленности и заключена магия картин Джармуша, непременно притягивающих к себе взгляды. Иногда самые безупречные законы перестают работать, когда гении решаются изменить их, а Джармуш, безусловно, именно таков.

Источник

Брагинский А. Джим Джармуш: «Смотреть фильм, закрыв глаза» // Искусство кино 22.01.2019. URL: https://kinoart.ru/texts/jarmusch-rules (дата обращения: 15.02.2025).

Снятков Дмитрий Валерьевич
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

НОСТАЛЬГИЗМ И ФУТУРИЗМ МЕТАМОДЕРНИЗМА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО КИНО НА ПРИМЕРЕ РАБОТ У. АНДЕРСОНА И Д. ВИЛЬНЕВА

Современные авторы искусства осмысляют глобальные общественные кризисы — экономические, экологические, гуманитарные и политические, что свидетельствует о динамике исторического процесса. Постмодернистская концепция «вечного настоящего» подвергается критике, поскольку художники стремятся выявить связь между прошлым, настоящим и возможным будущим. В условиях системных кризисов авторы обращаются к прошлому не как к объекту пассивной ностальгии, а как к источнику идей, актуализируя забытые концепции в новом контексте. Это не простое воспроизведение формы, а осмысленный диалог, направленный на выявление устойчивых смыслов и их трансформацию в современных условиях. В творчестве У. Андерсона проявляется палимпсестность: он интегрирует элементы кинематографа различных эпох, формируя цельную эстетическую систему. Его симметричная композиция, продуманная цветовая гамма и стилистическая выразительность отсылают к эстетике немого кино. Искренность диалогов, внимательное отношение к деталям создают пространство доверительного общения автора со зрителем, что формирует особый художественный контекст, основанный на эмоциональной вовлеченности. Однако обращение к прошлому не исключает ориентации на будущее. Размышляя о способах преодоления кризисов, художник неизбежно конструирует образ будущего, в котором реализуются последствия современных решений. Важным элементом футуризма является сочетание утопического и дистопического прогнозов, что позволяет обозначить границы возможных сценариев. Д. Вильнев в своих фантастических фильмах («Бегущий по лезвию 2049», «Дюна») анализирует состояние отчуждения в современном обществе. Пространства его фильмов не столько пугают визуально, сколько отражают потерю субъектности человеком, его неспособность управлять даже собственной памятью. Так, главный герой «Бегущего по лезвию 2049» воплощает этот кризис идентичности, что делает фильм актуальным для зрителя, испытывающего схожие экзистенциальные тревоги. Таким образом, в условиях современных кризисов режиссеры ищут вдохновение в прошлом, чтобы осмыслить настоящее и предупредить о возможных угрозах будущего. Ностальгия становится механизмом переосмысления культурного наследия, а футуризм — инструментом моделирования альтернативных сценариев развития общества.

Трофимова Анастасия Константиновна
студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

СЕМИОТИКА ЧЕРНОГО ЦВЕТА В КИНЕМАТОГРАФЕ И. БЕРГМАНА: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ КИНОЯЗЫКА

Доклад посвящен исследованию роли и значения черного цвета в визуальной и смысловой стилистике фильмов И. Бергмана. Черный цвет, доминирующий в монохромной палитре кинокартин режиссера, является не просто элементом оформления, но и инструментом для выражения дополнительных смыслов, раскрытия характеров персонажей и трансляции авторского замысла. Черный, взаимодействуя с другими цветами, превращается в символ, а его оттенки становятся разными гранями этого символа.

Цвет в кинематографе Бергмана является универсальным средством для выражения мысли, колористика тщательно продумывается, потому использование черного никогда не случайно — он не только лежит в основе цветового решения кадра, но и является частью авторского метода: за счет черно-белой гаммы достигается особая выразительность художественного образа, которую полихромностью достичь невозможно.

Цветовое решение направлено на работу с бессознательным зрителя, с его интуитивными ощущениями, ведь кинематограф — искусство чувств, которое «проникает глубоко в тайники души, скользя мимо нашего повседневного сознания» [Бергман, 2023: 90]. Поэтому работа в черно-белой гамме, а также со светом и тенями в фильмах Бергмана, зачастую является попыткой построить диалог с «бессознательным» [Юнг, 2024] зрителя.

В докладе проанализировано использование черного цвета в костюмах, декорациях и интерьерах, его символические коннотации: смерть, религиозность, зависть, подсознание. Особое внимание уделяется роли черного цвета в создании психологических портретов персонажей. От традиционной символики смерти и траура значение цвета переходит к более тонким значениям, связанным с внутренним миром персонажей, их моральными дилеммами и подсознательными страхами.

На примере фильмов «Трилогии веры» («Сквозь темное стекло» (1961), «Молчание» (1963) и «Причастие» (1962)) и кинокартин «Седьмая печать» (1957), «Персона» (1966), «Шепоты и крики» (1972) продемонстрировано, как контраст черного с другими цветами усиливает драматический эффект и образует сложную визуальную палитру.

Черного нет на цветовом круге [Иттен, 2024], и он скорее либо вмещает в себя все оттенки одновременно, либо означает полное их отсутствие. Как отмечает В. Н. Железняков в своей книге о проблеме цветоведения: «Сам феномен цвета непрост: в нем содержится объективное начало (свет) и субъективное (зрение). В природе цвета не существует, он возникает только в момент нашего восприятия как наше ощущение» [Железняков, 2021]. В связи с этим в работе также использованы биографические данные Бергмана, поскольку субъективное восприятие режиссером черного цвета исходит из его детских и юношеских впечатлений. И именно они становятся основой для конструирования образов.

Литература

Бергман И. Laterna Magica. М., 2023.
Железняков В. Н. Цвет и контраст. Технология и творческий выбор. М., 2021.
Иттен И. Искусство цвета. М., 2024.
Юнг. К. О психологии бессознательного. М., 2024.

Авдошина Елизавета Сергеевна

студент 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ В ФИЛЬМЕ А. РОРВАХЕР «ХИМЕРА» (2023) ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИФА О БЕЛЛЕРОФОНТЕ

Итальянскому кинематографу присуще ощущение течения времени, образованное фигурой зияния: долгие безрезультатные поиски в «Приключении» (1960, реж. М. Антониони), отчуждение героев, замедляющее достижение цели визита в «Путешествии в Италию» (1954, реж. Р. Росселлини). В фильме А. Рорвахер «Химера» (2023) пустота от утраты «заполняется» украденными из гробниц предметами жизни этрусков. Главный герой (Артур) зарабатывает продажей имущества покойных. Для его друзей это способ получения прибыли, для Артура — потребность: к хранящимся под землей предметам его ведет дар.

У этрусков гробница являлась пространством, характеризующим быт человека, своеобразным домом, где он пребывает после смерти [Немировский, 2007]. В исследовании фильм рассматривается с новой точки зрения — через отражение мифологии, посредством культуры этрусков. Артур жаждет не богатства: в украденных атрибутах быта он ищет жизнь. Предметы — слепок ушедшего бытия. Цель исследования — выяснить, как присвоение чужого в фильме связано с потерей идентичности, и проанализировать способы выражения этого с опорой на миф о Беллерофонте [Кун, 2022: 121–125].

Распоряжаясь вещами умерших, Артур, подобно Беллерофонту, который решил стать равным богам [Кун, 2022: 125], стремится к миру, не предназначенному для него. В попытке забрать предмет, характеризующий его хозяина, герой похищает чужую идентичность. «Заполняя» пустоту фрагментами загробного мира, Артур утрачивает жизнь — дар истощает его.

Трофей невозможно вытащить целым, образуется слом. Голова Кибелы связана с деятельностью героя: расхищение гробниц является Химерой для него — тем, что может погубить. Выбрасывая голову Кибелы, Артур прерывает череду набегов: подобно Беллерофонту, побеждает чудовище [Кун, 2022: 124]. Утопив часть статуи, погружает божественное в стихию — неподвластное человеку.

Природа проявляет свою силу и в мифологии: Зевс вынуждает Беллерофонта скитаться. Мучения прерывает Танат [Кун, 2022: 125]. Возвращаясь к своему дару, Артур оказывается в западне, под землей. Похищая предметы, олицетворяющие умерших, обрекает себя на страдания — смерть является выходом. Следуя за чужими богатствами, заимствует жизнь не в реальном мире: существование в загробном.

В соотношении с мифом о Беллерофонте [Кун, 2022: 121–125] и работой Немировского [Немировский, 2007] утрата идентичности героя зависит от похищения им предметов мира, который не подчиняется человеку: забирая вещи покойников, Артур привносит в свое существование безжизненное — становится мертвым. Перемещение вещи из другого мира в собственный невозможно без слома, герой оказывается поврежден сам.

Литература

Кун Н. Легенды и мифы древней Греции. М., 2022.

Немировский А. И. Нить Ариадны. В лабиринтах археологии. М., 2007.

Никитина Полина Сергеевна
магистрант 1-го курса
Российский государственный институт сценических искусств

ТЕАТР В СИСТЕМЕ ГУЛАГ КАК ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО: РАЗНООБРАЗИЕ НА СЦЕНЕ

В докладе будет представлена картина театральной жизни в ГУЛАГе в 30–40-е гг., т. е. в то время, когда были сформированы основные принципы и устои его существования и работы — будет дан обзор постановок, осуществленных разными режиссерами в профессиональных и полупрофессиональных театрах и передвижных театральных коллективов при лагерях ГУЛАГа. В театральной практике в ГУЛАГе можно встретить и постановки театра кукол (к примеру, опыты Т. Цулукидзе в Севжелдорлаге; постановки в магаданских театрах), оперы («Травиата» Верди в театре Магадана); оперетты («Сильва» в воркутинском театре); многочисленные драматические спектакли, показы отдельных балетных номеров, постановки концертов, опыты театра эстрадных миниатюр. Через обзор будет сделана попытка представить театральную жизнь ГУЛАГа не как не взаимосвязанные между собой опыты в отдельный лагерях, а как общий процесс (единые вопросы выбора репертуара, проблемы «двойной роли» у актеров и зрителей (театральная роль и роль свободного человека); мир лагеря как пространство для «запрещенной» драматургии, литературы, режиссуры. Также будет сделана попытка представить театр в ГУЛАГе не как экзотическое отдельное явление, а как часть истории советского театра.

Как можно было поставить в лагере оперу, оперетту, драматический спектакль? Кто был зрителем этих постановок? Какие жанры больше всего любили в лагерях? Кого из отечественных и зарубежных драматургов ставили на лагерных сценах? Как темы и жанры постановок в театрах ГУЛАГа соотносились с тем, что происходило в советском театре «на воле»? Обращаясь к описанию сценического разнообразия лагерных театров в этом докладе, мы еще раз обращаемся к перспективе именно художественной, театральной истории театров в системе ГУЛАГ.

Во второй части доклада мы обратимся непосредственно к практике написания истории театра в системе ГУЛАГ. Через историю постановки оперы Верди «Травиата» Л. Варпаховским и ее взаимосвязи с спектаклем Вс. Мейерхольда «Дама с камелиями» будет представлена практика постановки спектаклей «больших форм» в лагере, продолжение принципов уже «запрещенной режиссуры» уже опального Мейерхольда в пространстве тотальной несвободы, выбор темы и реакция на него своеобразного зрителя в ГУЛАГе, а также представим этот спектакль как один из примеров «именно художественного» в театре ГУЛАГа.

Липилина Светлана Алексеевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

МЮЗИКЛ «РАСТРАТЧИКИ» (2012): ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ В. КАТАЕВА

Творчество В. Катаева занимает важное место в истории русской литературы. Писатель проявил себя не только как прозаик, но и как драматург, чьи произведения неоднократно ставились в разные десятилетия на сценах столичных и провинциальных театров. Как показывает исследование, к наследию автора обращаются режиссеры и в нынешнем веке.

Спектакль «Растратчики», поставленный в Московском театре мюзикла в 2012 г. (музыка М. Леонидова, либретто и слова А. Шаврина), представляет собой интерпретацию одноименной повести советского писателя в новом театрально-музыкальном жанре.

Цель данной работы — определить интерпретационные границы и выявить наиболее удачные механизмы постановки в мюзикле А. Шаврина.

В рамках исследования рассматриваются первоисточник Катаева [Катаев, 1983] и история создания повести. Несмотря на многочисленные споры вокруг «Растратчиков» [Скорино, 1965], литературная известность приходит к автору после публикации произведения. Таким образом, будет проведен анализ прозаического текста, на основе которого А. Шаврин представит современную адаптацию музыкального спектакля. Особое внимание уделяется взглядам современных театральных критиков на спектакль [Морозов, 2013].

Итак, основной сюжетный каркас повести остается неизменным, однако финал мюзикла и прозаического текста Катаева различаются. Перед зрителями предстает современная история двух героев-растратчиков, а вопросы морали и ценностей разрешаются в новом ключе. Классическое советское произведение обретает новую жизнь в нынешних реалиях, что свидетельствует об удачном диалоге между прошлым и настоящим. Несмотря на смелые режиссерские искания, мюзикл сохраняет связь с оригинальной повестью, переосмысляя ее темы и образы в современном контексте.

Литература

Катаев В. П. Сочинения в 10 т. Т. 2. М., 1983.

Морозов Д. Между искусством и шоу-бизнесом // Музыкальная жизнь. 2013. № 2. С. 8–9.

Скорино Л. И. Писатель и его время. М., 1965.

Уланова Александра Вячеславовна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПЬЕСЕ И. Г. ГРЕГОРИ «ИУДИФЬ» XVII в.

Первые пьесы придворного театра царя Алексея Михайловича были написаны лютеранским пастором из немецкой слободы И. Г. Грегори. «Артаксерксово действо», «Иудифь», «Прохладная комедия об Адаме и Еве» вызывают интерес у исследователей, поскольку они стоят у истока формирования поэтики русской драматургии.

Рассмотрение анималистических образов в пьесе «Иудифь» является одним из аспектов для характеристики поэтики первых пьес русского придворного театра XVII в. Д. С. Лихачев указывает на то, что в литературе Средних веков природа не только «выступает как фон для сцен из человеческой жизни, портретов, изображений», но и имеет символическое значение [Лихачев, 1998: 45]. Это применимо и к пьесам Грегори. Помимо прямого значения описания животных, в тексте пьесы анималистические образы могут приобретать символическое значение и служить характеристикой героев. Изображения животных встречаются во многих аналогиях, в которых требуется соотнести какие-либо человеческие качества с символической характеристикой того или иного животного [Белова, 2001: 41]. Они могут использоваться либо для уничижительных сравнений, либо в качестве аллегорического описания ситуации: *О, дабы львы и иные лютые ко мне надбежали звери, яже бы ми скору преподали кончину! Страшуся бо человек, занеже лютейший суть, нежели львы и бабры* [Ранняя русская драматургия, 1972: 393]. В пьесе также встречается описание реального животного: образ умирающей от жажды овцы усиливает изображение страданий народа в осажденном городе.

Дальнейшее исследование этих образов позволит расширить представления о поэтике ранней русской драматургии и влиянии на нее представлений о животных в средневековой литературе.

Литература

Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.

Лихачев Д. С. Поэзия садов. М., 1998.

Ранняя русская драматургия (XVII — первой половины XVIII в.). Т. 1: Первые пьесы русского театра. М., 1972.

Хорькова Анна Анатольевна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ВИЗУАЛЬНОСТИ В ПЬЕСЕ Л. А. ФИЛАТОВА «ПРО ФЕДОТА-СТРЕЛЬЦА, УДАЛОГО МОЛОДЦА»

Визуальная составляющая мира существует столько, сколько существует способный видеть человеческий глаз. В художественном тексте визуальное подразумевает не наглядность, а зримость, т. е. не графические приемы в организации текста, а свойства его поэтики. В. Я. Малкина, С. П. Лавлинский понимают под визуальным в литературе одно из свойств художественной образности, определяемое авторской установкой и на отдельные зрительные ассоциации читателя, и на конкретизацию «предметно-видовых» уровней «внутреннего мира» произведения [Визуальное во всем, 2024: 7]. Характерные черты визуального в литературе, отличающие его от этого феномена в прочих видах искусства, заключаются в словесном обозначении визуального образа, который осуществляется в рецептивном акте читательского воображения [Аксенова, 2020: 78].

Пьеса Л. А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (1987) представляет интерес с точки зрения анализа использованных в ней визуальных приемов. Организующим началом в произведении является рассказчик — Скоморох-Потешник, его комментарии предваряют каждый новый эпизод пьесы. Визуальное в рассматриваемом художественном тексте дается читателю опосредованно, глазами рассказчика. Сниженный характер персонажа (скоморох, шут) обуславливает использование соответствующей лексики, в том числе и при создании визуальных образов других героев.

В докладе мы рассмотрим приемы создания визуальности в тексте пьесы, среди которых: словесные описания, в том числе задействующие сенсорное восприятие (слух, зрение, обоняние, осязание, вкус), использование тропов, использование цвета и света, смена точек зрения и субъектов рассказывания, детализация, динамика описания и «смены кадров», изображение объекта или действующего лица разными планами и пр. К примеру, в начале пьесы образ Федота как среднего, типичного героя, который «так, вообче» похож на любого читателя или слушателя своей заурядностью, описывается сочетанием с отрицательной частицей *ни* антонимических пар *ни красавец, ни урод*, *ни румян, ни бледен*, *ни богат, ни беден*, *ни в парше, ни в парче*. Подобная характеристика не дает конкретного образа героя, и читатель не представляет себе, как Федот на самом деле выглядит. Прием детализации используется при создании образа генерала, который «с начала сказки ходит в повязке» и имеет «прыщик на губе». Фольклорные фигуры речи применяются для описания внешности Маруси: здесь мы видим постоянный эпитет *красна девица* и сравнение *стройная, как деревце*.

Литература

Аксенова А. А. Рецептивные аспекты визуального в литературе // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 76–86.

Визуальное во всем / сост. и ред. В. Я. Малкина, С. П. Лавлинский. Вып. 5. М., 2024.

Лень Софья Сергеевна
студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ПЕСНЯ О ЛЮБВИ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО»: МУЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЕВ В САУНДРАМЕ «ЧАЙКА» Е. ПАВЛОВОЙ ПО МОТИВАМ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА

Саундрама — относительно новый жанр, введенный в театральный дискурс В. Панковым в 2003 г.: «Есть драма, есть звук, звуковая драма, саунд — саундрама <…> Тут соединяются все жанры, которые до этого были придуманы» [Современный театр, 2003]. Возникает ряд вопросов относительно новизны и специфики этого жанра, а также его особенностей и отличительных черт. Однако неизменным остается одно: в последнее время в этом жанре появляется парадоксально большое число театральных постановок.

Саундрама — это связь музыки и драмы, а значит усложняется взаимовлияние музыки и главной составляющей любой постановки — действующих лиц. В «Чайке» звучат 23 песни, каждая из которых исполняется одним персонажем (иногда несколькими). Интересно, что Е. Павлова выбирает крайне разнообразный звукоряд: в постановке звучит, напр., ария Каварадосси «E lucevan le stelle» из оперы «Тоска» Дж. Пуччини конца XIX в., а наряду с ней современная песня «Люби меня, люби» исполнительницы Гречки. Бесспорно, музыка подбирается в соответствии с характерами и внутренним миром персонажей. Герои идентифицирует себя через песни, которые в сознании массового зрителя уже являются частью культурного кода и отсылают мелодией и текстом к каким-либо жизненным событиям. Именно этого эффекта и пытается достичь режиссер.

Настоящий доклад посвящен музыке, которая является отражением внутреннего мира героев саундрамы «Чайка» (2023) Павловой. Цель исследования:

1. Проанализировать тексты песен, которые исполняют герои «Чайки».
2. Проанализировать музыкальную составляющую песен, которая так же, как и текст, влияет на раскрытие особенностей персонажей.
3. Выявить, насколько подобранная музыка соответствует внутреннему миру и характерам персонажей пьесы; проследить нововведения по сравнению с чеховским текстом.

В качестве теоретической базы для проведения исследования использовались такие работы, как [Сонди, 2020; Таршис, 2010; Whyman, 2011].

Источник

Современный театр // ВКонтакте. 12 августа, 2024. URL: https://vk.com/wall-50334704_410938 (дата обращения: 10.02.2025).

Литература

Сонди П. Теория современной драмы. М., 2020.

Таршис Н. А. Музыка драматического спектакля. СПб., 2010.

Whyman R. Routledge modern and contemporary dramatists. Anton Chekhov. London, 2011.

БУДЕТЛЯНЕ

Фильцова Надежда Романовна

студент 2-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ОТРАЖЕНИЕ ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ РОК-ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦ

Доклад посвящен проблеме отражения поэтики М. И. Цветаевой в творчестве певицы Земфиры*. Сообразно цветаевскому замечанию о том, что для поэтессы «нет места звуку вне слова, слову вне смысла», отголоски ее творческого метода возможно обнаружить в текстах исполнительницы. Первичное основание для построения гипотезы о связи творчества Земфиры* с поэзией Цветаевой возникает благодаря песне «Я полюбила вас». Текст этой песни не только заканчивается обращением к Цветаевой, но и является некоторым подражанием цветаевскому стихотворению «Анне Ахматовой». Развивая идею этого творческого влияния, мы обнаруживаем схожие мотивы в поэтике авторов (любовь и разлука, смерть и жизнь, поэт и поэзия, город, чувственность, феминность), близость их биографий (отчужденность, инаковость) и позиционирования. Наконец, более лингвистический и фонологически ориентированный анализ текстов и песен Земфиры* показывает, что с большим успехом к ним можно применить терминологию, традиционно использующуюся в разговоре о поэзии Цветаевой («фонологическая каменоломня», по Ф. Степуну, «поэтика слова», «поэтика быта» и «сближение по звуку», по М. Гаспарову). В докладе особенное внимание уделено формальному устройству анализируемых текстов. Рассматриваются такие категории, как «лоскутность», рефренность, обсуждаются понятия изобразительной паузы и нанизывания метафор и возможность их применения как к поэзии Цветаевой, так и творчеству Земфиры*. Затронут и вопрос интертекста: так, важный цветаевский образ горы («Поэма горы») оказывается центральным в песне Земфиры* «Гора». Наблюдения, предложенные в рамках доклада, опираются поэтологическую концепцию, предложенную Л. В. Зубовой в монографии «Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология)». Кроме стихотворных текстов, в качестве материалов для исследования были привлечены также дневниковые записи Цветаевой и интервью Земфиры*.

* З. Т. Рамазанова внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

Верстуков Константин Викторович

магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

УНИВЕРСАЛИИ В СОЗДАНИИ ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Содержанием доклада является поиск решения проблемы языкознания, которая заключается в нехватке теоретических материалов в области искусственных языков. Целью исследования является выявление, систематизация и нахождение универсальных способов создания вымышленных языков, далее — артлангов [Шувалова, 2013]. Новизна работы заключается в разработке систем универсалией вымышленных языков и их последующей конкретизации в зависимости от применения артланга. Автор в работе ссылается на словари, глоссарии и заметки писателей, сумевших изобрести собственные языки, включая одного из популяризаторов артлангов — Дж. Р. Р. Толкина [Tolkien, 1981: 229]. Гипотеза заключается в том, что существуют универсальные методы, с помощью которых можно создать вымышленный язык. Исследование базируется на материале глоссариев, текстов литературных произведений и скриптов к художественным фильмам на английском языке, в которых присутствовали артланги. Работа проведена с использованием таких методов как контекстный анализ, дистрибутивный анализ, синтез, сравнение, метод аналогии. В результате исследования удалось выделить общие элементы вымышленных языков и систематизировать их. Созданы два основных блока языковых универсалий, применение которых определяется жанровой принадлежностью произведения, для которого создается артланг. Было выявлено, что для произведений утопических и антиутопических применяются более простые способы изобретения языков, чем для работ в жанре «фэнтези» и «фантастика», где необходима более детальная проработка языка. Для проверки эффективности выбранных методов создан функционирующий на всех уровнях языка артланг — съемарциан.

Источник

Шувалова О. Н. Вымышленные языки как предмет «наивной» и научной лингвистики // Образовательный портал «Слово». 2013. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/47340.php (дата обращения: 10.09.2024).

Литература

Tolkien Ch. The Letters of J. R. R. Tolkien / ed. by H. Carpenter. London, 1981.

Кулешова Полина Сергеевна
студент 1-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Маркин Кирилл Станиславович
студент 1-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Зверева Анна Вячеславовна
студент 1-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ФЕНОМЕН ТРУ-КРАЙМА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА О «НАСТОЯЩЕМ ПРЕСТУПЛЕНИИ»

Феномен жанра «true crime» (далее — тру-крайм) представляет уникальное культурное и медийное явление, которое в последние годы приобрело огромную популярность во всем мире. Этот жанр, основанный на рассказах о реальных преступлениях, биографиях преступников и жертв, пользуется интересом среди широкой аудитории. Тру-крайм существует в различных форматах: документальные фильмы, подкасты, книги, телешоу, видеоролики. Подобный контент привлекает публику своей «атмосферностью», а не функциональностью. В стремлении к большей художественности повествования возрастает риск романтизации образа маньяка и повышения толерантности общества к насилию. В этой связи видеоблогерам важно осознавать социальное значение такого жанра. Целью исследования является рассмотрение лексических особенностей повествования в видеоконтенте, выполненном в рамках жанра тру-крайм, с опорой на корпусный анализ. Такой анализ позволит определить, какую лексику используют ведущие YouTube-каналов, какую окраску они придают событиям и как формируют отношение потребителя к преступнику. Материалом исследования стали расшифровки сценариев к видео двух популярных блогеров жанра тру-крайм — Саши Сулим (А. А. Сулим) и Faust21century (В. А. Бейнарович). Суммарный объем корпуса составил 7151 словоупотребление. Данные были получены с помощью программы Superwhisper с последующей редактурой и тематической сегментацией. Для пилотного эксперимента были выбраны видео блогеров об Александре Пичушкине и Андрее Чикатило.

Проведенный анализ позволил выделить следующие лексико-тематические группы частотных слов, обнаруженных в повествованиях обоих видеоблогеров: 1) нейтральные для описания преступлений: время и место (*парк*, *год*), действия маньяка (*убивать*, *совершать*, *становиться*); 2) описание личности преступника (*преступник*, *убийца*, *маньяк*); 3) описание жертв (*человек*, *жертва*), нанесенный вред (*тело*, *травма*). В большинстве случаев у блогеров встречаются слова из нейтральных групп, это говорит о том, что авторам важнее рассказать о преступлении в общем, а потом делиться деталями дела. Мы также видим, что блогеры рассказывают не только о маньяках и их жизни, но и о жертвах. Сулим и Бейнарович не стремятся вызвать симпатию или жалость к преступникам, описывают биографии маньяков с помощью нейтральной лексики и концентрируют внимание зрителя на самих преступлениях и их последствиях.

Малышева Дарья Максимовна

студент 4-го курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ДЕТСКИЕ ТАЙНЫЕ ЯЗЫКИ: АКТУАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИЗАЙН СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА

Детский тайный язык — это «одна из важнейших черт детской субкультуры» [Абраменкова, 2017: 115]. Согласно исследованиям российских лингвистов, подобные искусственно созданные языки выполняют в первую очередь функцию обособления, т. е. отделяют группу детей или подростков от взрослых, младших детей или не принадлежащих к закрытому сообществу сверстников. В русскоязычном исследовательском поле наиболее подробной является работа, опубликованная Г. С. Виноградовым в 1926 г. [Виноградов, 1998: 105–130]. В ней была впервые представлена подробная классификация русских детских тайных языков, основанная на способе их образования. В своем исследовании он отмечает, что наиболее продуктивным возрастом для создания тайных языков является т. н. «второй период» (7–12 лет), который характеризуется «настойчивым обособлением от жизни и быта взрослых» [Виноградов, 1998: 105].

Цель настоящей работы — сформировать представления об образовании и функционировании детских тайных языков в современном русскоязычном сообществе. В качестве материала исследования будут использованы открытые источники сети Интернет (социальные сети, форумы, блоги и т. д.) и данные, полученные в ходе оффлайн лингвистического опроса носителей русского языка.

В рамках доклада будут представлены результаты двух этапов исследования:

1. Классификация современных детских тайных языков, основанная на классификации Виноградова и дополненная с использованием материала интернет-форумов и блогов.
2. Дизайн опроса носителей русского языка, данные которого будут использованы для анализа функционирования детских тайных языков в диахронии.

Персональная классификация включает в себя 45 языков, разделенных на следующие типы по способу образования:

1. Языки из основы и утка: языки с односложным утком, языки с двусложным утком, языки с многосложным утком.
2. Языки с приставными слогами.
3. Языки с меной окончания.
4. Языки с добавлением утка к слову.
5. Языки с перестановкой звуков из основы в уток.
6. Обратные языки.
7. Шифровые языки.
8. Жестовые/немые языки.

В ходе работы был разработан дизайн опроса, проводимого при помощи инструмента Google Forms. Информантам-носителям русского языка было предложено указать количество тайных языков, которые они использовали в детстве и их названия, перевести предложения на эти языки или описать их структуру и выбрать знакомые языки из списка уже известных нам языков. Собранный материал будет использован для того, чтобы выявить современные тенденции использования тайных языков детьми, а также для актуализации и дополнения сформированной предварительно классификации русских детских тайных языков.

Литература

Абраменкова В. В. Социальная психология детства. М., 2017.

Виноградов Г. С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1998.

Khasyanova Liliya Alievna
Student
Moscow Pedagogical State University

Klimova Anna Olegovna
Student
Moscow Pedagogical State University

RECONSIDERATION OF G. CHAUCER'S "THE MANCIPLE'S TALE" THROUGH THE PSYCHOANALYTIC APPROACH

The novelty of the article is grounded on the basis of psychiatry's rapid spread nowadays and its impact on society. The aim of the work is to get a detailed picture of Phoebus's mental state and, essentially, the raven's that serves as a key to a psychoanalytic reading of "The Manciple's Tale".

The main aspects of Freudian research such as symbolism, id, ego, super-ego and projection are used as materials to deepen into the object of analysis. Being applied on the crow, symbolism creates juxtaposition: its potential for enlightenment to meaningless application of its abilities, making the crow a complex character symbolising the uselessness of cleverness without the ability to analyse one's actions and their influence on the future. The next concept taken by the authors is id, ego, super-ego. The most primitive one of the tripartite structures of the mind is id which is driven by biological origin that is connected with instincts [Rennison, 2015]. The crow is considered to be the representation of the emotional centre of Phoebus' mind due to several reasons: the crow embodies impulsiveness, it does not anticipate the matter of consequences and responsibility, and reveals shameful circumstances for the owner; the bird lacks moral principles since the desire to speak truthfully has its roots in flaunting its abilities that reminds childish behaviour; the pleasure principle can be seen in the crow, after being in a stressful situation, witnessing wife's betrayal, aspires to escape an unpleasant sensation by telling Phoebus about them. In charge of the mind's rationality is ego that brings the lens of reality and helps to adapt to the world around. The personification of the ego in the tale is Phoebus. The character shows the ability to deal with the id — crow — caging it, and super-ego in the way he fully corresponds to established norms. Another extreme in human's psyche is the super-ego that represents moral principles and ideal inner-self. The Manciple's tale contains an abstract representation of super-ego which is expressed in social norms of that time, including the chivalry reflected in Phoebus, who possesses nobility, strength, and courage. Projection often emerges when people unconsciously transfer their own inner paranoia and jealousy to a certain object [Ornston, 1978: 124]. Phoebus himself is prone to cheat, revealing his emotional volatility after the truth became known. This concept is shown through the relationship between the main hero and the crow. Phoebus taught the bird to speak, or to reveal the truth. The crow can be called a symbol of mirror, reflecting the heroes' identities. Instead of realising his own destructive behaviour, Phoebus projects his guilt complex onto the bird. Although projection is one of the defence mechanisms, it still turns from a source of protection to one of collapse. Phoebus individually created a trap and a vicious circle, suppressing his genuine personality.

As a result, psychoanalytic literary criticism unfolds Chaucer's "The Manciple's Tale" from a different angle and accurately portrays the crow's crucial position in the story.

References

Ornston D. On projection: a study of Freud's usage // The Psychoanalytic study of the child. 1978. Vol. 33, no. 1. P. 117–166.

Rennison N. Freud and Psychoanalysis: Everything You Need to Know about Id, Ego, Super-ego and More. Oldcastle, 2015.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТ В БЛОКАДНОЙ ПОЭЗИИ»

Федюкина Алена Евгеньевна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«ПОРТРЕТ БЛОКАДЫ»: ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ ЕЛЕНЫ ШВАРЦ

Материал доклада — «Портрет блокады через жанр, натюрморт и пейзаж» (1999): три поздних стихотворения о блокаде Елены Шварц, объединенные одним заголовком. В этих стихах Шварц в первый и единственный раз обращается к теме блокады (не считая единичных упоминаний слова в других текстах). В рамках поэтического целого трех текстов выстраивается свой замкнутый герметичный художественный мир, описать который возможно через обращение к образно-предметному ряду.

«Рассказ очевидца (жанр)», «Натюрморт» и «Смещенный пейзаж…» (название составляющих текстов) уже при обращении к заголовкам провоцируют на прочтение этих стихотворений с точки зрения изобразительности, что для литературного произведения скорее может быть названо визуальностью [Малкина, 2020]. В докладе будет предпринята попытка увидеть образно-предметный ряд этих визуальных (и не только) образов, участвующий в создании «портрета» блокады у Елены Шварц: от предметов утвари до образов, составляющих сложные метафоры, описывающие переживания человека во время блокады (например, метафора человеческого страдания — «волчьи лапы из глаз»). Представление блокадных текстов Шварц через описание встречающегося в них предметного ряда кажется продуктивной стратегией: это «портрет», подобно мозаике, составленный из многих поэтических образов-кусочков одной картины.

Через рефлексию над человеком и его телесностью и представление блокадной пищи (посредством предметно-образного ряда) Шварц в блокадном триптихе осмысляет трагедию блокады. От жанра, то есть условно изображения бытовой ситуации из жизни человека, мысль поэта движется к собственно предмету («натюрморту») и далее — «пейзажу», большому открытому пространству блокады. Изобразительный компонент шварцевского текста задает дополнительное смысловое измерение, отсылки к живописи так или иначе служат средством дополнительной эстетизации, которая помогает не прямо говорить о сложном жизненном опыте. Однако осмыслением жанров живописи Шварц не ограничивается — стихотворение представляет собой сложное поэтическое целое, где важнее не изобразить предмет, а показать его динамику: как он меняется в пространстве, в какие смысловые отношения вступает. Так, блокада оказывается многомерно и специфически изображена в поэтическом триптихе Шварц: смысловое переплетение блокадных образов, их повторяемость порождают единое высказывание о человеческом опыте.

Важно отметить, что в тексте Шварц предмет все время не равен сам себе, вписывается в ряд метаморфоз, ассоциативных параллелей; любая прямая, линейная логика здесь нарушена, как это свойственно поэтике барокко, на модель которого Шварц во многом ориентировалась. Таким образом, перед нами блокадный текст, в котором за счет диалога изобразительного и выразительного начал рождается сложное поэтическое высказывание об опыте блокады.

Литература

Малкина В.Я. Визуальные аспекты лирического стихотворения // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2020. № 13. С. 119–129.

Шашкова Полина Максимовна
магистрант 1-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

КРИЧУ «ЖИВОЙ!», НО МНЕ НЕ ВЕРЯТ: О (НЕ)РЕАЛЬНОМ В ПОЭЗИИ Г. ГОРА

Сборник блокадных стихотворений Геннадия Гора, состоящий из 95 художественных текстов, появился в публикации лишь в 2012 году. Филологи, обращавшиеся к анализу произведений, отмечали любопытные сходства с поэтикой ОБЭРИУ: нестабильные образы, алогизмы, гротескность и др. Стилистическое родство стихотворений Гора с текстами, например, Д. Хармса или А. Введенского объяснимо не только личными предпочтениями писателя, но и важным свойством поэтики обэриутов — стремлением в нереальный мир.

Обэриуты намеренно разрушали обыденность и уходили в созданную ими гротескную реальность. Гору же этого делать не пришлось — сама блокада породила ужасный мир вокруг. В этом и скрывается его несходство с обэриутами: как пишет О. Юрьев, «принципиальным отличием стихов Гора является всепронизывающее "личное присутствие", человеческий образ, единый для всего корпуса "Блокады"» [Юрьев, 2013].

Исследователь подчеркивает, что, чем ближе стихотворения Гора к быту блокады, тем более они продиктованы логикой сновидения. Как нам кажется, именно «личное присутствие» героя в блокадном Ленинграде позволяет усмотреть в этих текстах не столько построение оппозиции «реальность — ирреальность», сколько выстраивание своеобразного триплета «жизнь — сон — смерть». Чтобы раскрыть предложенный тезис, мы обратились к стихотворению «Лежу с женой вдвоем в квартире».

Здесь возникает три пространства: блокадная реальность (жизнь), «лживое живое» (сон) и небытие (смерть). Мир физический подвержен распаду и разложению: бытовые предметы — стол, стул, лампа, книги, которые связывают лирического героя с реальностью — становятся все более незаметными; тело жены, рядом с которым он лежит, также разлагается. Герой видит лишь разрозненные детали: «Лицо жены. Открытый рот. <…> Рука, нога, да рот» [Гор, 2012]. Действительность тлеет, вытесняя героя в другое пространство, однако возникает вопрос — в какое?

Невозможность перехода в пространство смерти подчеркивается в тексте несколько раз, в том числе благодаря мотиву крика: «Я кричу во сне и так. Но нет жены» [Гор, 2012]. Герой Гора не может найти свою жену ни во сне, ни наяву, поскольку она уже не принадлежит ни одному из этих пространств. Ускользающая реальность заменяется сном, затмевающим блокадный ужас. Пространство, куда вытеснен герой, обретает все более «живой» облик — это мир, который приходит на смену невозможной ни в физическом, ни в духовном смысле действительности: «И я вдвоем, втроем течем, несемся. И нет квартиры» [Гор, 2012].

Однако стихотворение не заканчивается забвением героя. Над ним, как цербер, стоит дворник — властитель смерти и времени. Он возвращает нас к осознанию того, что сон, в котором герою оказывается доступно хрупкое ощущение спокойствия, — лишь его беспамятство и жестокая действительность блокады не исчезнет.

Литература

Гор Г. С. Капля крови в снегу. Стихотворения 1942–1944. М., 2012.
Юрьев О. А. Заполненные зияния: Книга о русской поэзии. М., 2013.

Катович Аглая Артемовна

магистрант 2-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Катович Михаил Сергеевич

преподаватель,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
академический директор частной школы «Пролицей»

СТРАТЕГИИ РАЗГОВОРА О БЛОКАДЕ СО СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ

В 2024/2025 учебном году в частной общеобразовательной школе «Пролицей» в Санкт-Петербурге преподаватели литературы и истории А. А. Катович и И. В. Сямтомов провели комбинированные уроки, посвященные Дню снятия блокады Ленинграда. Помимо актуальных просветительских задач, эти занятия выполняют и другие, более понятные в общем контексте программы школы. Образовательная программа предусматривает метапредметный подход в обучении, внедрение «мягких» навыков в академические дисциплины, интерактивное знакомство с культурой Петербурга и т. д. В докладе мы делимся опытом составления программы комбинированных занятий о блокаде и их проведения, рассказываем о сложностях, с которыми пришлось столкнуться, а также о педагогических и человеческих открытиях, сделанных до и после этих уроков.

Перед нами стояла задача, с одной стороны, напомнить обучающимся 8–11 классов основные исторические факты о блокаде Ленинграда, обсудить ключевые этапы этого события — т. е. актуализировать базовые школьные знания. При этом, с другой стороны, мы стремились показать учащимся блокаду глазами переживших ее людей. Для этой цели были выбраны разные стратегии: просмотр документальных фотографий, чтение блокадных дневников, опубликованных центром «Прожито» ЕУСПб (что позволило параллельно познакомить школьников с интерфейсом сайта и с возможностями, которые он предлагает исследователю блокадных эго-документов), а также знакомство с блокадной поэзией.

Одной из методологических проблем, с которыми столкнулись преподаватели, был отбор материала для «литературной» части уроков: следовало познакомить учащихся с «каноническими» стихотворениями о блокаде (О. Берггольц), показать малоизвестные, интимные стороны переживаний «блокадного человека» (Н. Крандиевская), приблизить читателей к пониманию культуры и мировоззрения жителей блокадного Ленинграда (Г. Гор, С. Рудаков); при этом было необходимо подобрать материал с учетом возраста и опыта учеников.